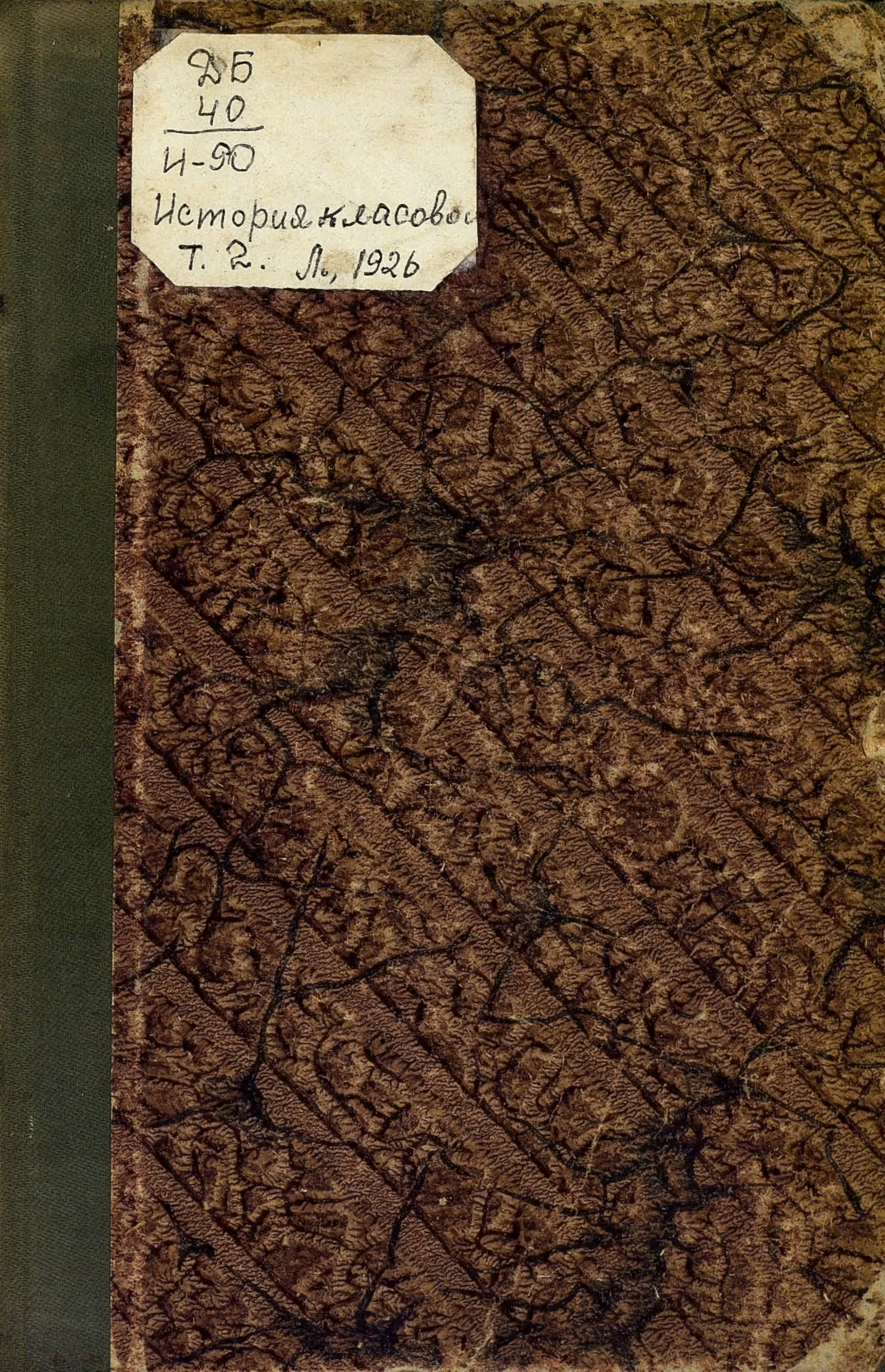

ДБ
40
И-90
История класовой
Т. 2. Л., 1926

БИБЛИОТЕКА ОБЩЕСТВОВЕДЕНИЯ

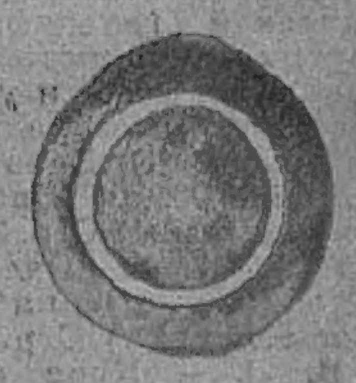
ИСТОРИЯ КЛАССОВОЙ БОРЬБЫ В РОССИИ

В МАТЕРИАЛАХ И ДОКУМЕНТАХ

ПОД РЕДАКЦИЕЙ

Н. КАРПОВА и М. МАРТЫНОВА

ТОМ II

ГОСУДАРСТВЕННОЕ ИЗДАТЕЛЬСТВО
ЛЕНИНГРАД — 1926

БИБЛИОТЕКА ОБЩЕСТВОВЕДЕНИЯ

ИСТОРИЯ КЛАССОВОЙ БОРЬБЫ В РОССИИ

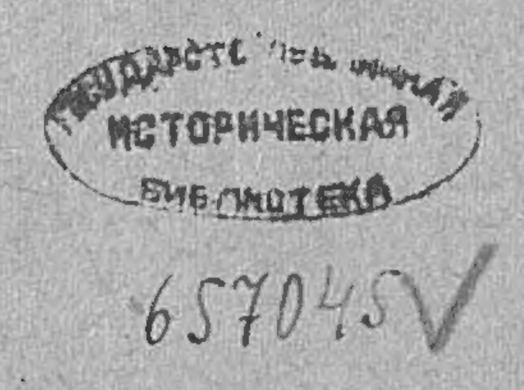
В МАТЕРИАЛАХ И ДОКУМЕНТАХ

ПОД РЕДАКЦИЕЙ
Н. КАРПОВА и М. МАРТЫНОВА

ТОМ II

ГОСУДАРСТВЕННОЕ ИЗДАТЕЛЬСТВО
ЛЕНИНГРАД
1926

Гиз. № 10888.
Ленинградский Гублит № 5521.
20.000 экз.

ОТ РЕДАКЦИИ.

Во второй том «Истории классовой борьбы в России» вошли материалы по следующим частям:

1) Крепостное хозяйство накануне реформы 1861 года.

2) «Крестьянская» реформа 1861 года.

3) Пореформенное хозяйство.

4) Народничество.

5) Марксизм в борьбе с народничеством.

В составлении настоящего пособия принимали участие:
по первой части Н. Ф. Лавров,
по второй части Ф. В. Рождественский,
по третьей части С. В. Вознесенский и Н. И. Карпов,
по четвертой части — старое народничество — Н. И. Сидоров, народничество 90-х годов — Н. И. Карпов,
по пятой части — Н. И. Карпов.

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ

КРЕПОСТНОЕ ХОЗЯЙСТВО НАКАНУНЕ РЕФОРМЫ

ГЛАВА I.

ВОТЧИННАЯ И ПОССЕССИОННАЯ ФАБРИКА В ПЕРВОЙ ПОЛОВИНЕ XIX ВЕКА.

1. Крепостной труд на вотчинной фабрике.

(А. П. Заблоцкий-Десятовский, «Граф П. Д. Киселев и его время», т. IV. Спб., 1882, стр. 294—295.)

Многие помещики, живущие у себя в деревнях, имеют разные домашние заведения, преимущественно ткацкие, для приготовления изделий на домашний обиход. Так как здесь чаще всего работают дворовые без всякого учета, то и невозможно вывести никакого заключения об экономическом положении работников.

На некоторых помещичьих фабриках работают месячники, без всякой заработной платы, сверх того, им задаются уроки, за неисполнение коих следует взыскание. Таким образом в Нижегородской губернии помещик П—н завел недавно суконную фабрику и уничтожил большую часть крестьянских запашек. Мужики переведены частью на месячину, частью на запашку и работают каждый день. Они не привыкли к работе, дело отправляют худо, их наказывают. Невыполнившего урока секут и сажают в воскресенье за работу. По отзывам соседей, все эти люди, точно вышедшие из тюрьмы. Многие находятся в бегах. Нынешним летом в тот день, как помещик приехал в деревню, бежало 4 человека.

Поучительнее в этом отношении большие заведения, где работают уже для внешнего отпуска. Из таких нам удалось собрать сведения только о двух: о суконной фабрике г. П—го в Тамбовской губернии и о железном заводе г. М—ва в Калужской.

На фабрике г. П—го работают крестьяне обоего пола и различного возраста, начиная даже с 8-летнего, за заработную плату. Дворовые люди обращаются на работы на том же основании. Хороший работник получает за каждую половинку сукна от 4 до 5 р. и вырабатывает в год от 120 до 150 р. ассигнациями; женщина—до 75 р., мальчики и девочки, смотря по возрасту, от 20 до 50 р. Следовательно, приравнивая одно семейство с земледельческим тяглом, оказывается, что выручка его про-

стирается в год от 215 до 275 рублей. Эта выручка может считаться достаточною в сравнении с земледельцами; но она во всяком случае меньше, нежели заработная плата на фабриках с вольнонаемными работниками.

Таким образом, на суконной фабрике купца Александрова в той же Калужской губернии взрослый работник выручает в год до 300 р., а мальчик до 150 р.

Но в этом отношении важнее всего взглянуть на такую местность, где заводское дело составляет исключительное занятие крестьянина, например, на Оренбургскую губернию: там при железных заводах считается 20.324 десятины, или 8.128 работников. При медных — 14.837 десятин, или 5.935 работников.

На каждого работника приходится в год: чугуна 144 п. или железа 89 п., меди 13 п.

В Англии, в графстве Стаффордширском, приходится на каждого работника чугуна по 312½ п.

Уже одно это доказывает дурное качество нашего крепостного труда.

Плата за работу средним числом приходится на каждого работника 145 р. 92 к. или на ревизскую душу 58 р. 39 к.

Сравнивая сей доход мастерового с доходом крестьянина-земледельца, оказывается, что в Оренбургской губернии тягло, обязанное обрабатывать 2 десятины в поле на помещика, и только 1½ десятины на себя, получит, за исключением семян, продовольствия и податей, чистого барыша до 131 р. 87 к., или на душу 65 р. 94 к.

Из этого открывается, что доход мастерового на лучших заводах уступит доходу посредственного помещичьего крестьянина.

Вся выручка мастерового расходуется на удовлетворение нужнейших и самых грубых потребностей, потому-то она и не может доставить заводским работникам и того благосостояния, каким пользуются крестьяне-земледельцы, следовательно, недостаточна и неспособна побуждать к усиленной деятельности. С справедливостью этого заключения не согласится только тот, кто, объехав заводы на-скоро, останавливался в домах конторских служителей и не заглядывал в бедные жилища простых крестьян.

Несоразмерность платы рабочим проистекает: а) от монополии владельцев, которые руководствуются одним произволом, а не основаниями свободных условий; б) от излишества рабочих, так что владельцы при настоящих их способах и размерах производства не в состоянии, без уменьшения собственных доходов, увеличить заработную плату.

Этим же самым объясняется и сравнительная дороговизна нашего железа в сравнении, например, с английским.

При излишестве рабочих, владельцу завода нет возможности увеличить заработную плату, а вместе с тем при крепостном труде он не может заставить производить столько, сколько может производить вольнонаемный рабочий.

2. Число фабрик и заводов в России в первой половине XIX века.

(Семенов, «Изучение исторических сведений о Российской торговле и промышленности», т. III.)

Годы.	Суконных.		Бумаготкацких.		Полотняных.	
	Число.		Число.		Число.	
	Фабрик.	Рабочих.	Фабрик.	Рабочих.	Фабрик.	Рабочих.
1814	235	49.364	423	39.210	215	28.936
1825	324	63.603	484	47.021	196	26.832
1850	492	81.359	480	79.038	122	14.440
			56	30.841	—	—

Годы.	Шелковых.		Сахарных.		Железных и чугунных.	
	Число.		Число.		Число.	
	Фабрик.	Рабочих.	Фабрик.	Рабочих.	Фабрик.	Рабочих.
1814	158	9.300	51	252	75	12.143
1825	184	10.204	43	1.374	170	22.440
1850	395	17.880	354	37.383	416	72.534

3. Распределение вотчинных и поссессионных рабочих по отдельным производствам в 1825 г.

(Туган-Барановский, «Русская фабрика». М. 1922, стр. 85; Анисимов, В. П., «Капитализм в России». Издательство «Пролетарий», 1924 г., стр. 86.)

Главнейшие производства.	Всего рабочих.	В том числе.	
		Помещичьих (крепостных).	Поссессионных.
Суконное	63.603	35.583	13.315
Стальное, игольное и чугунное	22.440	14.820	2.650
Полотняное	26.832	1.483	6.629
Писчей бумаги	8 272	3.350	2.903
Бумажных материй	47.021	247	2.239
Шелковое	10.204	658	1.065
Кожевенное	8.001	539	2
Канатное	2.503	107	33
На всех фабриках	210.568	66.725	29.328
В %%	100%	32%	14%
		46%	

4. Вывоз шерстяных изделий.

Вывоз шерстяных изделий и сукон по всем границам с 1815—1860 гг.

(В. П. Покровский, «Сборник сведений по истории и статистике внешней торговли России». Спб., 1902, стр. 116.)

Годы.	Тысячи рублей ассигнациями.	Годы.	Тыс. руб. кред. бил.
1815	1.199	1840	1.235
1820	467	1845	3.091
1825	1.232	1850	2.987
1830	1.511	1855	1.876
1835	2.588	1860	3.424

5. Крепостные рабочие на поссессионной фабрике.

(Из дела Департ. Полиции Исполнительной. М. 1815 г. № 88. «О крестьянах надворного Советника Яковлева, оказавших непослушание в переселении их на заводы».)

По высочайшему его императорского величества повелению, записанному в журнале Комитета Министров 15 мая сего года, поручено было флигель-адъютанту его величества полковнику Панкратьеву отправиться на состоящие в Вятской губернии Холуницкие заводы надворного советника Яковлева, и по приезде на оные узнать истинное состояние переселенных на те заводы крестьян, купленных Яковлевым у помещиц Рехенберговой и Свешниковой, с дозволения горного начальства, по крайнему на сих заводах недостатку работников...

Г. Панкратьев, исполнив сделанное ему поручение и возвратясь сюда, подал мне [1] 20 минувшего июля рапорт, в котором пишет.

1. Переселенные Яковлевым крестьяне на Холуницком и Черно-холуницком заводах размещены по сих пор довольно тесно, так, что в одной избе живут по два и по три семейства; и хотя строения для них уже и готовы, но контора боится разместить их вдали от старожилов, опасаясь побегов.

2. Они находятся на таком же точно положении, как и прочие Яковлева крестьяне.

3. Плату за работу получают такую же, как и вольные работники.

4. Довольствуются из экономии провиантом и одеждою...

Входя в истинное положение переселенцев сих, а не в одни формальные наружности, он нашел, что они находятся в самом бедственном состоянии. Привыкши с давних лет обрабатывать поля свои и жить в счастливом избытке, они внезапно лишены всякой собственности и погнаны, как стада скотов, из мирных

[1] Министру Полиции Вязмитинову.

жилищ своих в каторжную работу, ибо работа на Холуницких заводах столько же трудна, как и на Нерчинских. Ужасный переход от сельской жизни к заводской столь труден, что из бедных переселенцев сих 77 душ обоего пола умерли в течение одного прошлого года, что составляет шестую часть целого. Работают они ежедневно по 10 и 12 часов в сутки, имея в виду всегда единообразную тяжелую работу; и хотя плата, им производимая, кажется довольно велика, но контора, снабжая их провиантом и одеждою и имея совершенную монополию сих предметов, вычитает за оные деньги из следующих за работу, так что выработка остается весьма малая. Рассматривая счетные листы переселенцев, в коих пишется то, что они зарабатывают, и то, что должны экономии, г. Панкратьев нашел, что по сих пор почти никто из них еще ничего не заработал, а, напротив, многие должны экономии. Сие тем менее удивительно, что контора даже и на вольных работниках считает большие недоимки. Отпускаемый же конторою провиант состоит в одной муке и соли и иногда в солоде; от чего и происходит, что переселенцы, не имеющие еще у себя огородов, питаются весьма скудно: сие должно быть для них тем ощутительнее, что они в прежней жизни своей имели привычку к избытку. Хотя контора и старается о заведении им огородов, но они имеют столь сильное отвращение от заводской жизни, что не хотят за оные приняться. Сверх того должно заметить, что хотя плата мастерам и изрядная, но может ли иметь каждый дарования отличиться в мастерствах? Во время переселения их отняты у них конторою все лошади и деньги, из опасения побегов; и хотя контора и ведет счет следующим за сие деньгам, так, как и за проданный хлеб в деревне Аристовой, но деньги по сих пор переселенцам не возвращаются, и они не имеют теперь никакой собственности, а в виду одна только тяжелая работа. В похвалу конторе надобно сказать, что она дает теперь некоторым семействам по корове.

По всем сим обстоятельствам г. Панкратьев заключает, что хотя и нельзя особенно ничего опорочить в действиих Яковлева, но нельзя не согласиться, что состояние несчастных переселенцев весьма бедственно, и что участь их весьма похожа на участь негров, кои томятся в американских плантациях. Переселенцы сии объявили ему, что они лучше желают быть взяты все в солдаты, или пойти на поселение в Сибирь, чем оставаться на заводах Яковлева. Будучи очевидным свидетелем несчастного положения сих крестьян, он осмеливается возбудить внимание Правительства вообще на систему насильственного правления на заводах...

Переселенные крестьяне содержатся и заводскими работами занимаются, смотря по способности и свойству каждого, на том же положении, как и все прежние крепостные, мастеровые и рабочие люди; а равно, по недостатку своих, и государственные крестьяне, коих число не менее первых, и кои находятся в жительстве домами и в работах заводских по мастерствам из собственной своей воли. Хлебный провиант, как-то: муку, солод, крупу, толокно и соль,

а также вещи для одежды: сукно, коты, лапти, рукавицы, вареги, вачеги, а в зимнее время тулупы, полушубки и армяки получают из заводских магазинов, по числу имеющихся у них семейств под заработку, по тем самым ценам, по каким было покупаемо на счет конторы. За работы же плату вообще получают полную как крепостные, так и государственные, равную и несравненно превосходнее той, какая определена законом для мастеровых и непременных работников при казенных заводах. А именно:

По кричному действию при выделке полосного железа:

Мастеру	по 9 к.	с пуда	зарабатывают в месяц	от 40	до 50 р
Подмастерью	„ 7 „			„ 30	„ 35 „
Работнику	по $4\frac{1}{2}$ „			„ 20	„ 25 „

По плющельному.

При плющении под черными машинами полосного железа на болванку:

Мастеру с десятка болванок	по $1\frac{1}{4}$ к.	зарабатывают в месяц	от 30	до 40 р
Подмастерью	„ 1 „		„ 22	„ 25 „
Работнику	„ $\frac{3}{4}$ „		„ 18	„ 20 „

За прокатку под катальными станами аршинной болванки:

Мастеру с десятка болванок	по $3\frac{1}{4}$ к.	зарабатывают в месяц	от 30	до 40 р
Подмастерью	„ $2\frac{1}{4}$ „		„ 20	„ 30 „
Работнику	„ $1\frac{3}{4}$ „		„ 18	„ 25 „

За битье под дощатыми молотами аршинного железа:

Мастеру с листа	по 1 к.	зарабатывают в месяц	от 50	до 65 р
Подмастерью	„ $\frac{3}{4}$ „		„ 40	„ 50 „
Работнику	„ $\frac{1}{2}$ „		„ 25	„ 30 „

При доменных работах, так как оные легче вышеозначенных, полагаются платы:

Мастеру	по 200 р.	в год
Подмастерью	по 45 к.	в день
Работнику	„ 35 „	
Засыпкам	„ 35 „	
Соковозам из малолетков	„ 25 „	

За битье руды и известки женскому полу по 25 к. в день.

За поленные разные лашманские легкие работы производится плата от 12 до 15 р. в месяц.

За рубку 9-четвертовых в 3-аршинную меру дров по 1 р. 50 к с сажени.

За кладку 40-саженной кучи по 20 р.

За осыпку оной землею по 8 р.

За сжение в уголь по 22 к. с короба.

Малолетним детям, считая от 10 до 15 лет, занимающимся перевозкою к фабрикам дров, чисткою на площадях сору и прочими, свойственными их летам работами, платы полагаются: первым по 15 к., а последним — по 25 к. в день.

За все означенные работы, по прошествии каждого месяца, мастеровые и рабочие люди безупустительно с конторою в заработке их делают расчеты и причитающиеся за вычетом забору, т.-е. за взятый провиант и за вещи для одежды, получают наличными деньгами.

В выдачу производится мастеровым и рабочим людям муки ржаной:

От 1 до 4 лет по 20 ф.	на человека в месяц
„ 4 „ 8 „ „ 1 п.	
„ 8 „ 15 „ „ 1 п. 20 ф.	
„ 15 „ старости по 2 п.	

Мелких припасов, как-то: солоду, толокна, крупы и соли выдается по числу имеющихся у них семейств по 5 ф. на каждый пуд муки...

6. Волнение на вотчинной фабрике в Ярославской губернии перед реформой.

(Из бумаг гр. П. Д. Киселева.)

В Ярославской губернии, в имении князя Гагарина крестьяне почти все употреблялись на бумажной фабрике. Когда, в начале царствования нынешнего государя, прошел слух о свободе, крестьяне решились не ходить на барщину работать. Священник отслужил молебен и взял с крестьян клятву не выдавать друг друга.

Крестьян усмирили, попа расстригли, но у первых и доселе сохраняется скрытый дух неповиновения.

7. Закон о поссессионных рабочих 1840 г.

(Туган-Барановский, М., «Русская фабрика в прошлом и настоящем», стр. 103.)

«Государственный совет, в высочайше утвержденном 18 июня 1840 г. мнении, постановил:

1) Относительно поссессионных фабрик, оставляемых в действии:

Если фабрикант, имеющий при заведении своем поссессионных людей, приписанных к оному от казны, либо добровольно в прежнее время приписавшихся, или купленных им на поссессионном

праве, пожелает по собственным видам или расчетам удалить таковых людей с фабрики, частью ли только именно ему ненужных или излишних, либо всех вообще, с заменой оных вольнонаемными или купленными на крепостном помещичьем праве, когда фабрикант по состоянию своему имеет оное, то сие ему дозволяется с тем: а) чтобы увольняемые были обращены в свободное сословие, с предоставлением им самим по воле вступать в городское звание или в государственные крестьяне, независимо от того, состоит ли фабрика в городе или находится в селении; б) чтобы при увольнении по частям не были раздробляемы семейства и в числе сих последних не находилось таких, в которых или вовсе нет работников, или, хотя и есть, но не могущие по продолжительной болезни, телесным недостаткам или преклонности лет доставить семействам пропитание. Изъятие из сего правила может быть допускаемо только в случае собственного согласия увольняемых; в) чтобы до новой ревизии казенные подати и повинности за увольняемых были вносимы самими же фабрикантами, а остающееся на прежнем месте водворения их недвижимое имущество и дома, если оные построены собственными их средствами, предоставляемы были в их пользу; г) чтобы за увольняемых поссессионных людей, от казны приписанных к фабрикам с платежом, а равно за купленных фабрикантом на поссессионном праве, производимо было из казны, в вознаграждение фабриканта, по 36 р. серебром за ревизскую мужского пола душу, если только сами увольняемые не заплатили ему за себя известной суммы вследствие обоюдного согласия; д) чтобы о таковом увольнении фабрикант каждый раз доводил предварительно до сведения начальника губернии для надлежащего с его стороны наблюдения и уведомления министерства финансов, внутренних дел и государственных имуществ, по принадлежности, от которых зависеть будет распорядиться как по предмету исключения увольняемых из поссессий и приписки их к городам или причисления в сословие государственных крестьян, так и насчет самого переселения в казенные имения.

2) Относительно фабрик, прекращающих свои действия и уничтожаемых:

Если фабрикант, к какому бы он званию ни принадлежал, по обстоятельствам придет в невозможность или не пожелает далее продолжать фабричное производство, то в сем случае поступать на следующем основании: а) фабричные строения, земли, леса, мельницы и другие угодия, данные фабриканту от казны, отбираются от него безвозмездно; но те из сих поссессий, равно машины, инструменты и прочие, кои приобретены собственным иждивением фабриканта, оставляются в свободном его распоряжении, с правом казны все те собственные земли, на которых водворены поссессионные люди, приобресть покупкой по добровольной цене, а в случае несоразмерного требования владельца — по узаконенной оценке. Но когда и сия последняя признается для казны невыгодной, в таком случае люди переселяются на казенные земли, или дается желающим дозволение записаться в мещане, и затем земля и заведения предо-

ставляются фабриканту, который и располагает ими на праве полной собственности; б) поссессионные люди все без изъятия, водворены ли они при самой фабрике, или отдельно от оной на особых землях, если они только к ней причислены, обращаются в свободные сословия на тех же основаниях, как выше постановлено о фабриках, остающихся в действии; в) как в числе поссессионных людей находятся и такие, кои вовсе не занимаются фабричными работами, а упражняются в хлебопашестве и других промыслах, то с таковыми людьми, равно как и с теми, у владельцев коих фабрики более не существуют, ныне же поступать на основании предыдущего пункта».

8. Сокращение числа поссессионных работников.

(Анисимов, В. П., «Капитализм в России». Издательство «Пролетарий» 1924, стр. 95.)

Годы	Всего рабочих.	Из них поссессионн. работников.	% % к общему числу рабочих.
1807	—	34.066[1]	—
1825	210.568	29.328	14%
1861	522.500	27.353	5,25%

9. Беспорядки на горных заводах Урала в 1837 году.

(«Красный Архив» М., 1922 г., т. II, стр. 178. Из всеподданнейшего отчета.)

На горных заводах Лазаревых в Пермской губернии некоторые мастеровые заводские... составили тайное общество, имевшее целью уничтожение помещичьей власти и водворение вольности между крепостными крестьянами. Пермский гражданский губернатор, получив о том донесение от управляющего заводами, принял безотлагательные меры к открытию всех участников в сем деле, отобрал у злоумышленников некоторые бумаги, обнаруживающие их преступные намерения, о чем всеподданнейше донес вашему величеству и представил копию с акта, подписанного 6 заводскими служителями, заключающего в себе правила для предпринимаемого заговора. Злонамеренное предприятие приведено в ясность, и 8 человек преступников привезены Певцовым в С.-Петербург. Все они по высочайшей воле вашего величества поступили на службу рядовыми; менее же виновные (отправлены) в войска кавказского корпуса.

---

[1] Фактически больше.

10. Волнения на фабрике Осокина в Казани.

(Туган-Барановский, «Русская фабрика в прошлом и настоящем». М. 1922, стр. 117.)

На крупной поссессионной фабрике — Осокина в г. Казани — столкновения рабочих с хозяином были хроническим явлением еще в прошлом веке. При этой фабрике по 5-й ревизии значилось 1.414 д. м. п., из которых работало на фабрике 984 (женщины не работали).

В 1796 г. рабочие подавали ревизовавшему Казанскую губернию сенатору Маврину жалобу на низкую заработную плату, и Маврин признал справедливость заявлений рабочих, вследствие чего плата была увеличена. В 1798 г. рабочие подавали жалобу императору Павлу на жестокости владельца и малую плату. Жалоба была признана неосновательной. В 1800 г. рабочие подали жалобу о том же министру юстиции. Жалоба поступила на рассмотрение мануфактур-коллегии, которая предписала сообщить мастеровым, что за дальнейшие столь же неосновательные жалобы с ними будет поступлено по всей строгости законов и виновные будут сосланы в Сибирь на работы. Вместе с тем, от рабочих была потребована подписка в том, что они будут повиноваться хозяину. Почти все рабочие отказались дать такую подписку.

Столкновения рабочих с фабричной администрацией не прекращались. В 1806 г., по просьбе владельца, его власть над рабочими была значительно расширена — указом сената разрешено как владельцу фабрики, так и управляющему, назначенному владельцем, наказывать фабричных за уклонение от работы и другие вины. Осокин старался заставить работать на фабрике и женщин, но рабочие упорно противились этому, и с полным успехом — женщины не принимали никакого участия в фабричной работе.

В 1817 г. рабочие подали просьбу великому князю Михаилу Павловичу. Повторяя свои прежние жалобы на владельца, они в то же время просили даровать им свободу, ссылаясь на то, что они происходят от свободных людей и не были куплены содержателем фабрики. Просьба была признана неосновательной, наряжено следствие, и от рабочих вновь потребовали подписку в повиновении фабриканту. Но рабочие подписки не дали и тайно отправили поверенных, Соколова и Ефремова, в Петербург для подачи жалобы самому государю. Оба поверенные были арестованы и отправлены обратно в Казань в кандалах. По дороге Ефремов, „претерпевши в пути неограниченное мучение, не могши снести сего, умер“, а Соколов был заключен в тюремный замок.

Министр внутренних дел командировал в Казань для расследования дела Бурнашева, который составил Положение для фабрики Яковлева. Бурнашев донес, что нельзя рассчитывать на успокоение рабочих, «доколе фабричные не будут обращены к повиновению своему владельцу, доколе они не оставят ложного мнения, в уме их поселившегося, о свободе и доколе не истреблен будет в них дух своевольства».

Вместе с тем Бурнашев составил Положение и для фабрики Осокина. Этим Положением заработная плата была повышена, но были повышены и уроки. Рабочий день был уменьшен с 14 до 12 час. Рабочие остались, однако, недовольны и в 1818 г. вновь подали жалобу министру внутренних дел на «бесчеловечное над нами Осокина обращение, употребление нас в другую работу, малое за работу довольствие». Приведем несколько мест этой красноречивой жалобы: «Осокин усугубил над нами свои жестокости и через побойства многим причинил насильственную смерть... Горестные восклицания о бесчеловечном мучении все отринуты от разных лиц под разными видами — то неужели после сего никто не хочет обратить внимание на неистовства и жестокости и неужели никого нет, кто бы в точности исполнить мог права, законом установленные... Мы терпим неограниченную во всем нужду и жестокое обращение слишком 23 года, с коего времени жалобы наши простираются в разные места, и в столь долгое время по установленным правилам не можем получить той цели, каковая предположена в указах 1801 г. августа 18, а за оным 1803 г. июня 30 и 1817 г. апреля 4... В зимнее время мы производим работу в промерзших местах, и в жестокие морозы, по неимению у многих теплого одеяния, не только нельзя производить работу, но и рук обогреть негде». Положение, составленное Бурнашевым, рабочие называли «бессмысленным, превратным и ни с чем не сообразным», так как, «при самом бдительном прилежании... нет способностей и средств урок выполнить». «Прибытие Бурнашева, — заканчивают рабочие, — состояло в том единственно, чтобы нас обессилить, а Осокину дать способ к произведению над нами бесчеловечного мучения».

В виду всего этого, рабочие просили министра даровать им свободу, а до освобождения учредить над фабрикой Осокина опеку.

В 1819 г. Казанскую губернию ревизовали сенаторы Кушников и гр. Санти. Сенаторы пытались уверить рабочих в неосновательности их мнения, что они люди свободные, но рабочие говорили, что «государь людей не продает». Когда же сенаторы начали доказывать, «что воля государя была отдать предков их даром или за деньги... то рабочие отзывались тем, что уже с того времени деньги, заплаченные за них, давно заработаны» [1]).

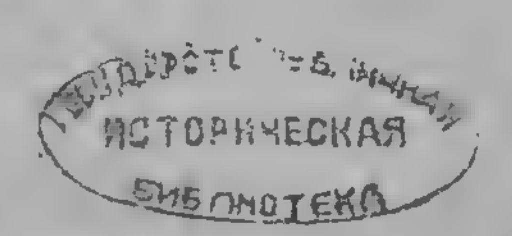
Более 100 фабричных с женами и детьми явились в дом, где остановились сенаторы, с жалобами на Осокина.

Вместе с тем рабочие отказывались работать на фабрике, и значительная часть их (около 200) совсем не являлись на фабрику.

В 1820 г. рабочие явились большой толпой к губернатору с жалобами на Осокина. Подписку, требуемую губернатором в том, что они будут повиноваться содержателю фабрики, рабочие наот-

---

[1]) По словам сенаторов, главное домогательство рабочих заключалось в том, чтобы их плата была сравнена с платой вольнонаемных, и притом плата производилась бы не с изделья, а поденная.

рез отказались дать, «ибо они Осокину никогда не принадлежали и не принадлежат».

Все это побудило начальство прибегнуть к «мерам строгости». На фабрику была поставлена воинская команда. 4 октября 1820 г. сенат утвердил Положение, составленное Бурнашевым, и предписал губернатору немедленно обнаружить возмутителей рабочих, внушающих им «ложные мечтания о свободе», и отправить их навсегда в Иркутскую суконную фабрику. Губернатор лично прибыл на фабрику и прочел им сенатский указ, но рабочие «с грубостью объявили, что хотя они все то, о чем им было внушаемо, а равно и относящиеся к сему документы и поняли совершенно, но все оное почитают за обман, повторяя прежние свои отзывы о непринадлежности Осокину, и добавляя, что одному только именному указу, самим государем императором подписанному, могут они дать вероятие».

Губернатор приказал 10 человек фабричных взять под стражу и 8 из них немедленно отправил на Иркутскую фабрику. Вслед затем сосланы еще 3 фабричных, а прочие подвергнуты «полицейским наказаниям».

Несмотря на это, рабочие не только отказались дать подписку в повиновении, но даже заключили между собой тайным образом письменное соглашение, которым обязывались ни в каком случае не уступать требованиям начальства. Это вызвало особое судебное расследование, и 14 декабря 1823 г. 10 рабочих были приговорены казанской палатой уголовного суда к наказанию плетьми, а 11-го рабочего, некоего Михайлу Мясникова, суд приговорил к двухнедельному аресту, в виду того, что означенный рабочий не принимал участия в соглашении, а только передал своему отцу бумагу, на которой было написано это соглашение. Приговор казанского суда поступил на рассмотрение сената, а затем комитета министров, которому было сообщено высочайшее повеление от 25 ноября 1824 г., изменившее приговор в следующем смысле: приговор относительно 10 первых рабочих был утвержден, но что касается Михайлы Мясникова, то он должен был присутствовать при наказании плетьми его товарищей, при чем ему должно быть объявлено, что если он выдаст лицо, составившее соглашение, то будет избавлен от наказания, если же нет, то будет наказан тяжелее других. Приговор был приведен в исполнение; Михайло Мясников присутствовал при наказании плетьми его товарищей, при чем его отец был засечен до смерти, но товарищей своих он не выдал.

18 июля 1829 г. поверенный рабочих Бабин подал императору Николаю I жалобу на Осокина. В феврале 1832 г. трое поверенных рабочих: Попов, Чудин и Сметанов от имени всех остальных прислали новую жалобу государю на угнетение и жестокости Осокина, а также и на неудовлетворение их просьб казанским губернатором. В Казань был командирован чиновник министерства финансов Афросимов, который нашел, что жалобы фабричных, «имеющие главным основанием мнимую свою вольность, суть без всякого

основания и происходят ни отчего иного, как от буйной их нравственности».

В 1834 г. рядовой из фабричных Осокина, Сапожников, во время высочайшего смотра войскам в Нижнем-Новгороде, лично подал жалобу императору Николаю на притеснение мастеровых Осокиным и неправильную отдачу его самого в рекруты. Для расследования дела была назначена особая комиссия из представителей министерства финансов, внутренних дел и корпуса жандармов. Комиссия прежде всего постаралась убедить рабочих, что они по закону прикреплены к фабрике Осокина. «Но таковое истолкование и вразумление фабричных мастеровых не только не имело желаемого успеха... но по укоренившемуся в них духу своевольства они решительно объявили членам комиссии, что не перестанут отыскивать избавления от рабства г-на Осокина до тех пор, пока не получат удовлетворения». Подписку в повиновении владельцу дали 32 фабричных, а прочие отказались.

Рабочие показывали комиссии, что Осокин засек до смерти 3 фабричных, одного в 1814 г., двух в 1826 г.; 55 рабочих, со времени 7-й ревизии, было сослано в Сибирь на поселение, 14—на Иркутскую суконную фабрику и 76—отдано в рекруты.

Наконец, в 1836 г., во время пребывания императора Николая I в Казани, рабочие всей толпой отправились к месту, где проезжал государь, и подали ему новую просьбу, повторявшую прежние жалобы на Осокина. Для усмирения рабочих были приняты крайне строгие меры—большинство из них было жестоко наказаны розгами, а 51 человек удалены с фабрики, из числа которых годные были отданы на военную службу, а прочие сосланы в Сибирь.

Вместе с тем министр финансов разрешил Осокину употреблять на фабричные работы женщин и детей мастеровых.

Но, несмотря на строгость наказания, несмотря на то, что значительная часть рабочих была удалена с фабрики, прочие отказались дать подписку в повиновении фабриканту. Когда полицеймейстер прибыл на фабрику для объявления приказа министра финансов—обязать работать на фабрике женщин и детей, то, «при объявлении сего мастеровым, только 64 человека дали подписку, а прочие, при всех его убеждениях, отказались». Губернатор лично явился убеждать мастеровых, «но люди сии, закосневшие в упорстве...» оказали себя и против его убеждений непреклонными, не оказывая, впрочем, сопротивления, в исполнении изъясненных распоряжений.

В конце концов непоколебимое «упорство» казанских суконщиков не осталось без результата: в 1849 г. они получили свободу, за которую так отчаянно боролись.

ГЛАВА II.

ФАБРИКИ НА НАЕМНОМ ТРУДЕ.

1. Привоз машин и аппаратов в Россию с 1802 по 1851 гг.

(В. П. Покровский, «Сборн. сведений по истории и статистике внешней торговли», стр. 132—133.)

Годы.	Маш. и аппар. Тыс. руб. ассигн.	Годы.	Маш. и аппар. Тыс. руб. кред.
1816	35	1839	1.599
1817	26	1840	441
1818	—	1841	244
1819	209	1842	217
1820	30	1843	665
1821	23	1844	975
1822	157	1845	1.241
1823	64	1846	1.377
1824	219	1847	1.445
1825	156	1848	1.380
1826	171	1849	1.982
1827	85	1850	2.221
1828	187	1851	2 887
1829	93	1852	1.879
1830	153	1853	4.796
1831	400	1854	435
1832	267	1855	460
1833	545	1856	2.393
1834	815	1857	7.622
1835	1.065	1858	7.611
1836	1.217	1859	11.337
1837	1.821	1860	8.600
1838	2.579		

2. Привоз хлопчатобумажных изделий и сырья в Россию с 1820 по 1860 гг.

(В. И. Покровский, «Сборник сведений по ист. и стат. внешн. торг.», стр. 134 — 136.)

Годы.	Хлопок сырец.		Хлопок пряден.		Хлопч.-бумажн. изделия.
	Тысячи пудов.	Тысячи рублей. ассигн.	Тысячи пудов.	Тысячи рублей. ассигн.	Тысячи рублей.
1820	37	1.715	250	27.016	22.931
1821	59	1.791	178	19.849	19.000
1822	99	2.351	158	17.018	9.640
1823	77	2.045	223	24.194	10.528
1824	55	1.419	336	37.223	10.410
1825	62	2.158	286	33.277	11.176
1826	105	2.325	390	39.825	12.638
1827	68	1.765	377	33.205	15.144
1828	92	2.254	420	31.861	12.590
1829	134	2.895	525	39.474	10.462
1830	116	2.402	450	33.004	11.284
1831	105	2.180	607	34.905	10.035
1832	127	2.670	544	30.853	10.388
1833	139	3.502	538	29.577	10.589
1834	152	4.791	543	33.255	8.790
1835	222	7.291	568	37.658	11.147
1836	259	7.346	606	42.156	13.292
1837	263	6.696	662	41.758	12.849
1838	327	8.253	612	35.100	14.041
1839	355	8.624	540	31.032	13.882
		тыс. руб кред		тыс. руб. кред.	тыс. руб. кред.
1840	398	2.555	523	8.574	4.538
1841	314	1.947	563	8.743	4.416
1842	513	2.941	607	9.164	4.212
1843	472	2.405	569	9.624	3.792
1844	588	2.929	601	8.270	3.592
1845	750	3.702	609	8.268	3.819
1846	728	3.714	493	6.671	3.782
1847	862	5.799	415	5.522	3.537
1848	1.231	8.383	391	5.140	3.947
1849	1.555	8.807	284	3.586	4.648
1850	1.201	8.667	173	2.258	3.494
1851	1.391	9.898	158	2.058	4.183
1852	1.835	9.938	121	2.093	3.909
1853	1.934	12.450	115	1.341	4.047
1854	1.636	8.213	114	1.358	2.971
1855	1.548	5.226	81	902	3.126
1856	2.221	16.319	128	2.642	4.595
1857	2.439	17.223	346	6.331	7.256
1858	2.677	18.768	298	5.524	7.459
1859	2 932	22.547	167	3 067	8.891
1860	2.840	19.995	145	2.941	7.647

3. Вывоз бумажных изделий по всем границам с 1815 по 1860 гг.

(В. П. Покровский, «Сборник сведений по истории и статистике внешней торговли России». Спб., 1902, стр. 116.)

Годы.	Тысячи рублей ассигнациями.	Годы.	Тысячи руб. кред. бил.
1815 . . .	719	1840 . . .	1.450
1820 . . .	1.235	1845 . . .	1.998
1825 . . .	3.623	1850 . . .	2.851
1830 . . .	7.778	1855 . . .	2.533
1835 . . .	5.136	1860 . . .	4.008

4. Купеческая фабрика в первой половине XIX века.

(Е. Дюбюк, «Из истории крепостной фабрики». — «Труды Ростовского Музея», т. I.)

Бумаго-прядильня Алексея Алексеевича Горяинова находилась в аренде у Клинского купца Блохина, при чем работали на фабрике этой дворовые люди Горяинова. Дела самого Горяинова в это время были плохи: в Ярославском губернском правлении производилось дело об его долгах, на доходы с имения был наложен арест, и деньги с имения поступали в Ростовский земский суд на уплату долга купцам Меняевым. Само имение — в с. Троицком с деревнями — были запродано Горяиновым полковнику Петру Адреевичу Цеге-фон-Мантейфель.

Возникло дело по жалобе фабричных, жаловавшихся приставу 2-го стана Карпову, что «они с семействами своими по ветхости и неудобству помещения во флигелях претерпевают крайний холод, несмотря на то, что у них вычитается из заработной платы таковая же за квартиру и дрова и что за вычетом оной в пользу г. Горяинова не только не остается им на одежду, но даже едва достает на пропитание». Жалоба эта, по свидетельству пристава, оказалась справедливою, и хотя пристав приказал управляющему имением Горяинова крестьянину Салову поправить флигеля, в которых жили фабричные, но «оные остались без исправления». Ростовский земский суд с рапортом пристава Карпова от 27 января 1849 г. донес Ярославскому губернскому правлению о приведенной жалобе фабричных рабочих. Положение последних было действительно тяжелое, как это видно также из письма начальника Ярославской губ. ген.-майора Бутурлина к Ростовскому предводителю дворянства от 5 марта. Сообщая ему о жалобе рабочих Горяиновской фабрики, Бутурлин

писал далее следующее: «Из производящегося в губернском правлении дела о долгах статск. сов. Горяинова видно, что Ростовский земский суд с донесения станового пристава Карпова, с которого предписанием сего правления велено взыскать и послать в уездный суд неправильно выданные им вотчинному правителю деньги из арестованных доходов с имения, рапортом от 20 января сего года объяснил, что он, пристав, без разрешения начальства выдал доверенному Горяинова крестьянину его Салову собранные с имения его арестованные деньги 476 р. 50 к. серебром вследствие убедительнейшей просьбы Салова и по уважению к тому, что ни для фабричных, ни для прочих дворовых людей г. Горяинова ни денег, ни хлеба нисколько в то время не было, в предупреждение тем не менее и того, что они, лишаясь всех способов к содержанию себя, должны были в то же время, оставя работы на фабрике, ходатайствовать пред высшим начальством об учинении распоряжения к доставлению средств, потребных для поддержания их жизни, а между тем этою остановкою работ могли бы неминуемо вовлечь и г. Горяинова, и арендатора его фабрики поч. гр. Блохина в большие и невозвратные убытки, о которых между ими могло возникнуть судопроизводство. Что ж касается до собирания доходов, кроме арендных денег с Блохина за фабрику и прочих статей имения г. Горяинова, то при нахождении крестьян г. Горяинова на изделии, от работы их и избытков усадебных, как Салов донес правлению, нет никакой возможности содержать дворовых людей, кроме фабричных, которые теперь по расчету г. Горяинова и по своей заработке получают уже жалованье». Извещая об этом, губернатор просил предводителя распорядиться «к обеспечению и улучшению помещения и вообще быта проживающих на фабрике г. Горяинова людей».

По получении этой бумаги предводитель дворянства 13 марта лично отправился на фабрику. «По дознанию и осмотру моему — доносил он губернатору 17 марта — оказалось, что жалобы работающих на бумаго-прядильной фабрике людей действительно справедливы; они все находятся в самом жалком и бедственном состоянии; с них берут по учрежденной табели г. Горяинова за все: за квартиру, за дрова, за харчи, банные, подушные; не исключены женщины и маленькие девчонки от этого платежа, а между тем они обитают в самых ветхих и угрожающих большою опасностью флигелях, держащихся на множестве подпорок внутри и снаружи, в неимоверной тесноте, нечистоте и холоде; бани не существует вовсе, и таким образом за таким беззаконным и ужасным вычетом по учрежденной табели им точно едва что-либо остаться может для поддержания их существования и чтоб иметь кой-какое рубище; к этому болезнь венерическая развита в сильной степени; медицинского пособия нет, словом, эта несчастная и жалкая толпа фабричных людей обоего пола оставлена без всякого внимания и попечения, как со стороны владельцев, так и вотчинного начальства. Станового пристава 2-го стана Карпова, обвиненного за неправильно

якобы выданные им вотчинному правителю деньги из арестованных доходов в имении г. Горяинова, не обвинять бы следовало, но, вникнувши в сущность и обстоятельства дела, потом в положение фабрики и фабричных людей, его должно благодарить, ибо известно мне, что если бы не постоянное деятельное внимание г. Карпова за фабричными людьми, то, конечно, давно бы уже возникли весьма неприятные последствия, как для владельца, так и для местного начальства. Что ж касается до прочих статей доходов с имения г. Горяинова, то доверенный его Салов донес правлению несправедливо, что нет никакой возможности содержать дворовых людей, ибо, хотя крестьяне и состоят, как объяснил он, на издельи, но известно мне, что при усадьбе г. Горяинова довольно значительная запашка, есть скотный двор, существуют огороды для овощей и производится ежегодно значительный посев картофеля в полях, а вероятно то, что выручаемые от этой отрасли хозяйства доходы были употребляемы по воле владельца на другие предметы, следственно потому и не обращалось и не обращается должного внимания и на содержание дворовых людей».

5. Число фабрик, заводов и рабочих на них в первой половине XIX века.

(М. Туган-Барановский, «Русская фабрика в прошлом и настоящем». М. 1922, стр. 55 и 64.)

Годы.	Число фабрик.	Число рабочих.	На 1 фаб. рабоч.	Годы.	Число фабрик.	Число рабочих.	На 1 фаб. рабоч.
1825	5.261	210.568	40	1843	6.813	466.579	68
1826	5.128	206.480	40	1844	7.399	469.211	63
1827	5.122	209.547	41	1845	8.302	507.577	61
1828	5.244	225.414	43	1846	8.333	508.607	61
1829	5.260	231.624	44	1847	9.029	532.056	59
1830	5.450	253.893	47	1848	8.928	483.542	54
1831	5.599	264.358	47	1849	9.172	495.364	54
1832	5.636	272.490	48	1850	9.848	501.639	51
1833	5.664	273.969	48	1851	10.126	465.016	46
1836	6.332	324.203	51	1852	10.388	470.914	45
1837	6.450	376.838	58	1853	10.087	481.018	47
1838	6.855	412.931	60	1854	9.944	459.637	46
1839	6.894	454.980	66	1856	11.556	518.661	45
1840	6.863	435.788	63	1857	10.856	513.324	47
1841	6.831	429.638	63	1858	12.259	548.921	45
1842	6.939	455.827	66	1861	14.148	522.500	37

6. Село Иваново

(«Журнал М-ва Внутренних Дел» 1844 г. Июль. Отдел «Смесь», стр. 132-136.)

Село Иваново, отстоящее от города Шуи на 30 верст, с слободами, примыкающими к нему, представляет вид большого мануфактурного города, после недавнего пожара обстроенного весьма правильно, с широкими и чистыми улицами, на коих возвышаются красные каменные дома и многоэтажные фабричные здания. Село это есть собственность графа Шереметева, Д. Н. Церквей здесь 7, из коих одна деревянная и 6 каменных (в том числе одна, вновь выстроенная, единоверческая). Домов фабричных, светелок и кладовых-палаток каменных более трехсот, а всего каменных и деревянных домов до 1.600. Жителей обоего пола около 6.000: в том числе полагается более 60 человек купцов, из коих 4 объявили капитал по первой, 4 — по второй и 35 — по третьей гильдии; немцев, англичан и французов, занимающихся мастерствами, считается здесь 25 человек.

Промышленная известность села Иванова начинается с XVIII столетия.

В первой половине минувшего века крестьяне села Иванова занимались преимущественно кузнечеством, шерстобитием и хлебопашеством и очень немногие печатали набойку по холсту масляными красками. С 1751 года начали заводить ткацкие полотняные фабрики, и первые подали в том пример крестьяне Грачев и Гарелин. Эти фабрики, по прошествии двацати-пяти лет, послужили в 1776 году основанием ситцевой фабрикации. Некоторые из Ивановских крестьян, бывшие в Шлиссельбурге на фабрике, принадлежавшей иностранцам, умели узнать секрет составления красок и обработку ситца, и, возвратясь на родину, начали работать ситцы сперва по холсту, потом по миткалям, выработанным в самом селе Иванове из Бухарской бумажной пряжи, и, наконец, по Английским миткалям. С 1803 года начали работать миткаль из тонкой Английской бумажной пряжи и по нём работать ситцы. Разорение Москвы французами в 1812 году и подение там ситцевых фабрик дали новую жизнь Иванову. С этой великой эпохи начинается быстрое его возрождение. В течение последних тридцати лет село Иваново достигло нынешнего цветущего состояния, которое ручается за бóльшее еще преуспеяние его в будущем.

Ныне в селе Иванове находится фабрик ситцевых: больших — 20, средних — 40, меньших до 70; всего до 130. На них вырабатывается в год ситца и платков до миллиона штук. В общем числе хлопчатобумажных фабрик 63 принадлежат крестьянам. Лучшие же фабрики составляют собственность купцов, прежде бывших крестьян Шереметева.

Важнейшими фабрикантами почитаются: Бабурины, выделывающие от 50 до 60.000, Полушин и Зубков, более 70.000, и братья Гарелины, до 130.000 штук ситца. Фабрика младшего Гарелина, недавно устроенная, есть здесь первое заведение в этом роде: она действует посредством превосходной паровой машины, выписанной из Англии.

Кроме ситцевых фабрик, находятся здесь и другие различные заведения: химический завод, на коем вырабатывается купоросное масло, квасцы и разные соли и кислоты; чугуно- и меднолитейные заводы, на которых отливаются разные вещи, нужные для фабрик; заведение для гравирования медных цилиндров, делания машин и проч.

Некоторые фабрики находятся в самом селе Иванове или в окрестностях, на землях владельческих, другие же в прилежащих слободах, на землях, купленных купцами в вечную собственность. Эти слободы составляют как бы предместье Иванова, и, отстоя от него на полверсты и на версту, не более, образуют беспрерывный ряд фабричных учреждений, в которых с утра до вечера не перестает движение и деятельность. Не без основания Ивановцы величают село свое Русским Манчестером. Здесь приготовляется ежегодно изделий фабричных, по скромному признанию самих фабрикантов, на сумму до 8.000.000 р. сер.

Первоначальным процессом фабрикации хлопчато-бумажной, т.-е. тканьем миткаля, в самом селе Иванове занимаются ныне весьма мало. Бумажная основа раздается по деревням крестьянам в уездах Шуйском, Вязниковском, Ковровском, Суздальском и Юрьевском, и в Костромской губ. по уездам Нерехотскому, Кинешемскому и Юрьевецкому. Жители этих уездов, получая за работы задельную плату, содержат тем преимущественно свои семейства, и благоденствуют. Можно сказать утвердительно, что одно село Иваново питает более 50.000 человек окрестного народа; даже малолетние обоего пола, от 8 до 12 лет, получают значительные заработки от фабрик.

Изделия Ивановских фабрик развозятся и распродаются на всех больших ярмарках, особенно же на Нижегородской и Ирбитской, также в Москве. Сбыт производится и в самом селе Иванове. Здесь 14 сентября бывает ярмарка и продолжается неделю; впрочем она незначительна. Гораздо важнее для жителей еженедельные базары, по понедельникам и четвергам производящиеся. С октября по апрель бывают сильные базары: такие, что на некоторых продается бумаги и миткалей на сумму до 90.000 р. серебром.

Фабриканты Ивановские получают хлопчатую бумагу и все вообще как русские, так и иностранные материалы, служащие к обработке ситцев, из Москвы или из Петербурга. Все доставляемое для Иванова из Петербурга, равно как лес, строительные припасы, отправляются водою, выгружаются при селе Сидоровском на Волге, и оттуда уже сухопутно перевозятся в село Иваново. Этот переволок простирается на 45 верст, и в торговом отношении почти столько же важен, как переволок с Волги на Дон, от Дубовки до Кагалинской - Пристани. В летнее время привоз товаров в село Иваново от Сидоровского и отпуск изделий в село Сидоровское и оттуда в разные пункты почти каждодневный и весьма сильный. Сверх того, фабриканты и купцы Ивановские, пуская в оборот огромные капиталы, ведут большую переписку со всеми торговыми и промышленными городами Империи.

ГЛАВА III.

ОБРОЧНОЕ ХОЗЯЙСТВО НАКАНУНЕ РЕФОРМЫ.

1. Распределение оброчных и барщинных крестьян по районам России в середине XIX века.

(И. И. Игнатович, «Помещичьи крестьяне накануне освобождения». 1910, стр. 289.)

РАЙОНЫ.	% оброчных.	% издельных.
I. Великороссия:		
а) Нечерноземный	58,9	41,1
б) Черноземный	28,8	71,2
в) Поволожский	26,7	73,3
г) Приуральский север	9,8	90,2
д) Астраханской губ.	87,0	13,0
е) Восточные степные	17,0	83,0
II. Новороссийские степн.	0,1	99,9
III. Малороссия:		
а) Левобережная	0,7	99,3
б) Правобережная	2,6	97,4
IV. Сев.-Зап. край	7,6	92,4
V. Земля Войска Донского	2,8	97,2
Во всех районах	28,1	71,9

2. Общая ведомость по 43 губерниям и Земле Войска Донского о числе издельных и оброчных крестьян и о повинностях их [1]).

Название губерний.	Число крепостных крестьян.			Всего.	Обыкновенный размер повинностей.	
	Дворовых.	Издельных.	Оброчных.		При барщинной работе летом и зимой, для мужчин и женщин, для пеших и конных работ.	При оброчном положении, размер оброка с тягла деньгами и добавочных повинностей.
Астраханская	209	343	2.296	2.848	Каждый день, кроме праздников.	От 10 до 30 р., и 18 дней барщины.
Виленская	7.140	118.451	10.207	135.798	По инвентарн. положению, т.-е. в неделю с двора от 1 до 5 упряжных и от 1 до 5 дней пеших; в год с двора от 2 до 48 сгонных дней и от 2 до 36 строительных.	От 50 до 70 р. с 20-тидесятинного участка.
Витебская	5.955	207.885	—	213.840	2 дня в неделю.	—
Владимирская . . .	16.687	94.871	220.094	331.652	3 дня в неделю.	От 17 р. 85 к. до 28 р. 74 к.
Вологодская	3.672	15.847	83.425	102.944	3 дня в неделю.	От 11 до 40 р.
Волынская	6.898	410.997	—	417.895	По инв. положению: целогрунтовое семейство по 3 дня мужских сгонных и 1 женск. в неделю. Кроме того, по 12 сгонных дней в год с каждого работника за особую плату по установл. таксе.	Целогрунтовый от 12 до 60 р. 15 к. Полугрунтовый от 6 до 24 р. Огородники от 15 к. до 10 р. Бобыли от 1 р. до 3 р.

Воронежская	32.034	123.124	100.314	255.872	По 3 дня в неделю.	От 25 до 36 р.
Вятская	725	5.993	10.858	17.576	3 дня в нед. и мелк. поборы от 1 до 3 р. с тягла.	От 15 до 23 р.
Гродненская	6.846	159.560	3.290	169.696	По инвент. положению, в неделю с двора от 1 до 4 дней упряжных и от 1 до 3 пеших.	
Екатеринославская	28.380	132.146	255	160.781	3 дня в неделю.	От 21 р. 66 к. до 34 р. 30 к.
Казанская	7.464	81.722	13.142	102.329	3 дня в неделю.	От 15 до 35 р.
Калужская	14.921	128 642	159.368	302.931	3 дня в неделю.	От 24 до 30 р.
Киевская	3.215	535.912	8.478	547.605	По инвент. положению 3 мужск. конных дня и 1 женск. в неделю с тягла и 2 мужск. и 1 женск. в нед. с пешего хозяйства.	На оброке только крестьяне графов Потоцких, платящие по контракту; с дес. пахотной земли: лучшей—2 р. 92 к. средней—2 р. 17 к. с десятины сенокоса: лучшего—1 р. 33⅓ к. среднего— — 66⅔ к.
Ковенская	7.500	115.978	48.087	171.565	По инвент. положению, в неделю с двора от 1 до 6 упряжных дней и от 2 до 6 пеших; в год с двора от 12 до 50 сгонных и от 8 до 24 строительных дней. Кроме того, некоторые другие добавочные повинности.	От 3 до 160 р. с 12-тидесятинного участка.

[1]) Подробные поуездные ведомости и общая ведомость напечатаны в «Материалах Редакционных Комиссий для составления положений о крестьянах, выходящих из крепостной зависимости», т. III, кн. 2, и т. VI; также у А. Скребицкого, «Крестьянское дело в царствование импер. Александра II», т. III, приложения. Обработка подробных ведомостей у И. И. Игнатовича, «Помещичьи крестьяне накануне освобождения», 2-е изд. М. 1910, гл. II — IV.

Название губерний.	Число крепостных крестьян.			Всего.	Обыкновенный размер повинностей.	
	Дворовых.	Издельных	Оброчных.		При барщинной работе летом и зимой, для мужчин и женщин, для пеших и конных работ.	При оброчном положении размер оброка с тягла деньгами и добавочных повинностей.
Костромская	10.072	29.134	205.810	245.016	3 дня в неделю.	От 19 р. 50 к. до 30 р.
Курская	60.077	211.648	68.810	340.535	3 дня в неделю и сбор натурою до 3 р. с тягла.	От 10 до 60 р.
Минская	7.447	275.635	7.436	290.518	С участка земли в год: а) пригона дней—упряжных 52—156 и столько же пеших, б) сгона с рабочей души, упряжных 2—12 и столько же пеших, в) строительных с двора 2—20, г) для извоза до 10 дней. Кроме того, ночной караул и мелкие сборы от 25 к. до 8 р. 45 к. с двора.	С участка земли от 10 до 60 р. 50 к. Кроме того, сгонные дни и другие повинности наравне с пригонными домохозяевами по соразмерности участков.
Могилевская	7.442	262.782	8.314	278.538	2 дня в неделю.	От 15 до 22 р. 50 к. и сгонные дни до 12.
Московская	10.716	75.470	159.536	245.722	3 дня в неделю и сбор холстом, курами и прочий.	От 19 р. 67 к. до 35 р и добавочные повинности.
Нижегородская . . .	997	109.347	236.394	355.038	3 дня в неделю.	От 17 до 23 р.
Новгородская	10.278	79.632	66.939	156.849	3 дня в неделю.	От 15 до 30 р.
Олонецкая	390	1.387	3.630	5.407	От 2 до 3 дней в неделю.	От 15 до 20 р.

Оренбургская	4.681	49.977	5.147	59.805	3 дня в неделю.	От 17 р. 80 к. до 35 р. 72 к.
Орловская	42.815	260.602	47.773	351.190	3 дня в неделю и разные сборы натурой от 1 р. 50 к. до 2 р. 50 к. с тягла.	От 15 р. 30 к. до 28 р. 75 к.
Пензенская	16.320	173.087	56.940	246.347	3 дня в неделю.	От 17 р. 50 к. до 31 р.
Пермская	3.100	120.736	3.029	126.865	3 дня в неделю.	От 6 р. 34 к. до 21 р. 25 к.
Подольская	3.263	489.081	18.809	511.153	По инвент. положению, с тягла в неделю по 3 дня мужск. и по 2 женских., кроме того, 12 сгонных дней и 8 строительных с работника в год за особую плату по таксе. Пешее хозяйство по 2 дня мужск. и 1 женск. в неделю и добавочные повинности в том же размере.	Оброк с десятины пахатной 1 р. 20 к. и сенокосной 80 к. Сверх того ночной караул, люди для экономич. прислуги, починка дорог, мостов, гатей и другие работы за плату по инвентарн. правилам.
Полтавская	40.787	283.878	1.739	326.404	3 дня в неделю.	От 5 до 75 р.
Псковская	10.015	133.357	40.416	183.788	3 дня в неделю.	От 15 р. 50 к. до 30 р. 75 к.
Рязанская	13.601	106.779	65.793	186.173	3 дня в неделю и сбор натурою от 2 до 10 р. с тягла.	От 15 до 42 р.

Название губерний.	Число крепостных крестьян.			Всего.	Обыкновенный размер повинностей.	
	Дворовых.	Издельных.	Оброчных.		При барщинной работе летом и зимой, для мужчин и женщин, для пеших и конных работ.	При оброчном положении размер оброка с тягла деньгами и добавочных повинностей.
Самарская	8.425	78.508	21.193	108.126	3 дня в неделю и сбор натурою.	От 17 р. 14 к. до 30 р.
С.-Петербургск. (только по уездам Лужск., Новоладожск., Спб. и Ямбургск.).	3.888	20.237	45.623	69.748	3 дня в неделю.	От 17 до 50 р.
Саратовская	18.540	169.590	83.863	271 993	3 дня в неделю.	От 14 до 25 р. 53 к.
Симбирская	12.890	151.367	49.996	214.253	3 дня в неделю.	От 15 до 70 р.
Смоленская	23.623	245.908	91.619	361.150	3 дня в неделю и кроме того сгонные дни для возки удобрения, снопов, дров, хлеба и уборки сена.	От 18 до 30 р. и добавочные повинности.
Таврическая	2.414	18.121	—	20.565	3 дня в неделю.	—
Тамбовская	34.240	221.169	63.655	391.064	3 дня в неделю.	От 17 до 30 р. 50 к.
Тверская	17.896	156.200	109.035	283.131	3 дня в неделю.	От 7 р. 15 к. до 49 р. 91 к.
Тульская	32.531	271.531	92.387	396.449	3 дня в неделю и зимою подводная повинность.	От 16 р. до 35 р. 80 к.
Харьковская	41.321	186.718	2.777	230.816	3 дня в неделю.	23 р. 25 к.
Херсонская	27.938	123.547	48	151.533	3 дня в неделю.	30 р.

Черниговская	24.461	243.182	450	268.093	3 дня в неделю и добавочные повинности.	—
Ярославская	11.940	28.800	200.579	241.319	3 дня в неделю.	От 24 до 26 р. 79 к.
Итого . .	652.084	6.709.281	2.417.555	9.778.920		
Земля Войска Донского	13.538	85.993	2.555	102.086	3 дня в неделю . . .	От 10 до 50 р.
Всего .	665.622	6.795.274	2.420.110	9.881.006		

Примечание. Распределение крестьян на издельных и оброчных произошло в результате образования хлебного рынка и развития промышленности и торговли. Барщинное хозяйство через купеческий капитал связывается с хлебным рынком, а оброчное хозяйство находится в тесной зависимости от развития промыслов и отхожих заработков. Размер повинностей барщинных крестьян определялся помещиками с таким расчетом, чтобы крестьянин прежде всего обработал барскую запашку. Барщина колебалась от 2 до 6 дней в неделю, но обыкновенно она сводилась к трем дням. Что же касается величины оброка, то он определялся исключительно величиной заработка крестьянина. Поэтому размеры оброка были выше в промышленных районах, чем в черноземной полосе. Точных правил для исчисления оброка и барщины в России, за исключением западных губерний, не было.

Об инвентарях см. В. И. Семевского, «Крестьянский вопрос в России в XVIII—XIX в.», т. II, гл. XVI, и у Игнатовича, — «Помещичьи крестьяне накануне освобождения». Изд. 2, гл. V.

3. Хозяйственное положение оброчных крестьян.

(А. П. Заблоцкий-Десятовский, «Граф П. Д. Киселев и его время», т. IV. СПБ., 1882, стр. 285 — 287.)

Оброчные крестьяне находятся преимущественно в губерниях северо-восточных, в Московской и окружающих ее. В имениях малоземельных крестьяне сии получают по большей части в свое пользование все земли без изъятия, принадлежащие помещику, особенно если их мало. Но иногда количество угодий ограничивается определенным пространством.

Количество угодий, получаемых крестьянами, и приносимый ими оброк. Количество оброка не всегда соразмеряется с пространством и качеством угодий, оно основано только на возможности взять с крестьян ту или другую сумму. Так, например, в Костромской губернии есть имения, где крестьяне пользуются всею помещичьею землею и даже всем лесом, истребляя его без всякого отчета, и платят оброк от 50 до 70 р. с тягла, или от 20 до 30 р. с души.

В Тамбовской губернии крестьяне, получая в надел от 1½ до 2-х десятин на каждом поле пахотной земли и до 1½ десятины сенокоса, платят оброка до 30 р. с тягла.

В Нижегородской губернии крестьяне, наделенные до 8 десятин на тягло, платят от 75 до 100 р. Но там же, в имении графа Шереметева, в Ворсме и Павлове, крестьяне (9 тыс. душ) не имеют вовсе хлебопашества, и между тем обложены оброком по 20 р. с души, или около 50 р. с тягла.

В Ярославской губернии, также малоземельной, оброки простираются до 120 р., иногда, хотя и редко, даже выше. Оброки особенно высоки в имениях, хотя и малоземельных, но промысловых.

В большей части имений крестьяне, кроме денежного оброка, обложены таким же сбором натурою, как и издельные крестьяне, и, сверх того, если в имении есть барская запашка, дают от 4 до 16 рабочих дней в год.

Начало возвышения оброков. Возвышение оброков началось с 1810 года, с изменением денежного курса. Помещики старались не потерять при сем и рассчитывали рубли ассигнационные по серебряному курсу. После 1815 года, с изменением тарифа, открывшего более свободы нашей торговле, а, следовательно, отозвавшегося благодетельно на земледельце и работнике, помещики увидели возможность в 1816, 1817 и 1818 годах возвысить оброки. Но потом все пришло в равновесие: если, с одной стороны, увеличилась возможность дешевого удовлетворения нужд, то с другой — промыслы не представляли уже высокой заработной платы. Оброк увеличенный остался, однако же, неизменным и сделался уже в некоторых случаях тяжким.

Разность положения оброчных крестьян и издельных. Вникая в положение крестьян издельных и оброчных, нельзя не заметить, что последние живут изобильнее, крепче здоровьем, веселее, живее и умнее, разумеется, ежели те и другие были десять или более лет в одинаковом положении. Крестьяне, ежели только чувствуют какую-либо возможность платить оброк, всегда желают избавиться от барщины.

По дороге из Саратова в Тамбов мы останавливались в селе Катериновке, принадлежащем гр. Воронцову. Крестьяне все на оброке, и тем весьма довольны. «Сравнить нельзя, — говорили нам крестьяне, — оброчного с барщинским. Ежели хлеб уродился, то заплати оброк, да и живи себе барином, никого не знай; а барщина беднит мужика, особливо как крепко прижмут; вот вокруг много барщинских, ходят да побираются у нас же».

Мужик скорее желает нести даже довольно тяжкий оброк, нежели легкую барщину. Желание независимости всегда понятно. Сами помещики сознаются, что оброчные крестьяне, при благоразумном управлении, после каких-либо несчастий, поправляются,— а издельные редко, и то разве с пожертвованием от помещика.

Оброчный крестьянин имеет гораздо более возможности развить свои способности, ибо он улучшает свое состояние на том пути, куда влечет его склонность.

Предаваясь какому-нибудь ремеслу или промыслу по собственному выбору, а не по произволу другого, он более пользуется опытом, более старается исправлять собственные свои ошибки. Между тем, издельный крестьянин все делает механически, по наряду другого и не имеет ни времени, ни возможности испытать какое-либо другое занятие, кроме сохи и косы, и даже не имеет ни малейшего капитала, дабы на вечном своем поприще попытаться на какие-либо улучшения.

Оброчные крестьяне всегда почти соединяют земледелие с промыслами; многие даже совершенно оставляют первое. В таком случае свою часть земли отдают другим крестьянам, а сами занимаются исключительно торговлею или промыслами. Здесь, следовательно, занятия распределяются довольно естественным образом: каждый следует своей склонности.

Многие из помещиков ищут причины распространившейся склонности крестьян к промыслам или к городской жизни — в лености, в наклонности к разврату. Они восстают против оброка, сажают крестьян на пашню и, кроме понудительных мер, не знают другого средства привязать крестьян к земле. Печальное средство заставлять делать грозою и насилием то, что должно делаться само собою [1]).

---

[1]) В имениях, где земли довольно, запашка всегда выгоднее для помещика, крестьянин никогда не заплатит того оброком, что помещик получит от запашки своей; это весьма понятно: помещик действует один всею рабочею силою крестьян. Крестьяне, предоставленные сами себе, действуют разъединенно.

4. Средний оброк с тягла в половине XIX века.

(И. И. Игнатович, «Помещичьи крестьяне накануне освобождения» М. 1910 г., стр. 289. Гос. Изд.)

ГУБЕРНИИ.	Средний оброк с тягла.		ГУБЕРНИИ.	Средний оброк с тягла.	
	Р. б.	Коп.		Руб.	Коп.
Самарская	27	56	Рязанская	19	35
С.-Петербургская .	27	26	Симбирская . . .	18	93
Саратовская . . .	26	11	Нижегородская . .	18	76
Тульская	23	38	Воронежская . . .	18	46
Орловская	22	14	Вологодская . . .	17	83
Пензенская . . .	20	3	Московская . . .	17	67
Ярославская . . .	20	2	Тверская	17	53
Калужская . . .	19	77	Владимирская . .	17	27
Тамбовская . . .	19	75	Харьковская . . .	17	2
Новгородская . .	19	55	Смоленская . . .	16	82
Псковская	19	55	Курская	15	60
Костромская . . .	19	40	Олонецкая	12	51

5. Рост оброка с тягла в половине XIX в.

(Анисимов, В. П., «Капитализм в России», из-во «Пролетарий» 1924 г. стр. 139)

В начале XVIII в. оброк от 40 до 1 р. с рев. души.
В средине XVIII в. „ „ „ „ 2 „ „ „
В конце XVIII в. „ „ „ „ 5 „ „ „
В половине XIX в. „ „ „ „ 20 и 24 „ „

6. Крестьяне - капиталисты.

(Туган-Барановский, «Русская фабрика в прошлом и настоящим», стр. 80.)

Около этого времени (20—30-х годов XIX в.) положено основание огромному состоянию Морозовых. Основатель этой фирмы, Савва Морозов, был простым ткачом и крепостным крестьянином помещика Рюмина. В 1797 г. он устроил небольшую фабрику шелковых лент, затем более крупную — нанки и шелковых материй — в местечке Зуево. В 1820 г. он выкупился на волю со всей своей семьей (за 17.000 р.), записался в купечество и стал одним из крупнейших фабрикантов России.

Все Ивановские фабриканты (многие из которых были миллионерами) вышли из крестьян. Большинство их, как и шуйских фабрикантов, первоначально были мелкими самостоятельными производителями - кустарями или фабричными рабочими. Село Иваново представляло собою в начале этого века оригинальную картину. Самые богатые фабриканты, имевшие более 1 000 человек рабочих, юридически были такими же бесправными людьми, как и последние голыши из их рабочих. Все они были крепостными Шереметева. Но фактически крупные фабриканты не только свободно владели движимым и недвижимым имуществом (хотя последнее и записывалось на имя помещика), но даже имели своих собственных крепостных. Так, например, Ивану Гарелину, как видно из его духовного завещания, принадлежало сельцо Спасское со всеми жившими на нем крестьянами. Точно также имел крепостных крестьян и другой ивановский капиталист — Грачев.

У многих фабрикантов были крепостные дворовые люди. Само собой разумеется, что юридически все эти крепостные принадлежали единственному владельцу — Шереметеву [1], но так как вотчинная контора Шереметева признавала имущественные сделки подведомственных крепостных, при чем в пользу графа поступал известный % стоимости приобретенного или проданного имущества, то крепостные капиталисты могли свободно приобретать земли и даже крестьян в свое полное пользование и владение.

Нечего говорить, что такие капиталисты — крепостные помещики — стремились выкупиться на волю. Но владелец села Иванова соглашался на это крайне неохотно; до реформы 19 февраля выкупились на волю всего около 50-ти крестьянских семейств, при чем средняя выкупная плата за семейство достигла 20.000 р. Выкупившиеся крестьяне, — как видно из высокой стоимости выкупа, крупные капиталисты, — записывались в купечество.

7. Ростовщический капитал в деревне в первой половине XIX в.

(Афросимов, «Опыты оценки работ по уездам». — «Земледельческий Журнал», 1834 г. № 6. — Цитировано в книге Огановского, «Очерки по истории земельных отношений в России», часть II, стр. 319.)

«В деревнях богатые, хитрые крестьяне стараются довести порочных нерадивых собратьев до нищеты; под видом, будто помогают его нуждам, дают ему деньги на взнос казенных податей, отправляют за него подводы, снабжают семенами, и за все эти благодеяния пользуются участком принадлежащей ему земли, которую его же заставляют обрабатывать. Начальник, проезжая крестьянским полем, найдет, что всякий на своей земле убирает хлеб, но когда придет время возки, то увидит, что на гумнах бедняков нет ни

---

[1] Гр. Шереметевы — были в XVIII и XIX в. в. одними из самых крупных помещиков-оброчников нечерноземной полосы. (*Прим. ред.*)

снопа, и они еще с осени просят у богатых хлеба, закладывают им свои тягловые участки земли, всю зиму на них работают, или ходят за них на барщину. Богачи сии, как пиявки, сосут кровь из бедных, а приказчиков спаивают и научают всем злоупотреблениям».

8. Указ о предоставлении крестьянам покупать и приобретать в собственность земли, дома, лавки и недвижимые имущества. Марта 3—1848.

(П. С. З. (2), XXIII, № 22042.)

«Желая дать явное поощрение земледелию и промышленности народной, признали Мы за благо право приобретения земель и другой недвижимой собственности, ныне крестьянам разных наименований предоставленное, распространить и на крепостных людей, с оставлением во всей силе и неприкосновенности всех существующих ныне между сими людьми и владельцами их соотношений.

Вследствие сего Повелеваем:

1. Крестьянам помещичьим и вообще крепостным людям предоставить покупать и другими в законах дозволенными способами приобретать в собственность земли, дома, лавки и всякого рода недвижимые имущества, кроме лишь имений населенных, соблюдая относительно владения домами и лавками в городах общие по сему предмету правила. Само собою разумеется, что приобретать такую собственность, а равно и отчуждать оную крепостные люди могут не иначе, как с согласия своих помещиков, надлежащим образом удостоверенного и, до совершения акта приобретения или отчуждения, в присутственном месте предъявленного.

2. Если бы некоторыми крепостными людьми были, в прежнее время, куплены земли, дома или лавки на имя их помещиков, то никаких о том от крепостных людей споров не допускать и никаких по оным разысканий не делать, дозволив, впрочем, помещикам, по собственному каждого усмотрению, выдавать владеющим такими имуществами, если только они не находятся в залоге или в составе заложенных имений, надлежащие на оные купчие крепости на гербовой низшего достоинства бумаге, без взимания пошлин. Выдача таких купчих, беспошлинно на гербовой низшего достоинства бумаге, дозволяется в течение десяти лет со дня издания настоящего указа».

ГЛАВА IV.

КРИЗИС БАРЩИННОГО ХОЗЯЙСТВА.

1. Сопоставление хлебных цен на русских рынках с ценами на иностранных рынках за 1851 — 1860 гг.

(В. И. Покровский, «Сборник сведений по истории и статистике внешней торговли России», т. I, стр. 35.)

Годы.	Цена пшеницы.		Цена ржи.	
	В Одессе.	В Лондоне.	В С.-Петербурге.	В Гамбурге.
1851	46,5	87,6	—	70
1852	51,4	93,1	—	73
1853	57,7	120,9	58,7	84
1854	69,7	164,8	51,8	108
1855	—	169,7	40,0	118
1856	102,3	157,0	69,9	109
1857	85,7	127,9	64,5	78
1858	72,8	100,3	59,6	69
1859	62,6	99,3	52,6	71
1860	85,0	120,9	63,2	80

2. Хлебные цены в 1846 — 1848 гг.

(М. Н. Покровский, «Русская история с древнейших времен». М. 1920, т. IV, стр. 50—51.)

I. Цены на хлеб в Петербурге в 1846 и 1847 гг.

	Пшеница.	Рожь.
	За четверть.	
Сентябрь 1846 г.	8 р. до 9 р. 15 к.	5 р. 25 к. до 5 р. 75 к.
Май 1847 г.	13 р. « 14 р. 30 к.	8 р. 90 к. « 9 р. 15 к.

II. Цены на хлеб в некоторых губерниях в 1846 и 1847 гг.

Губернии.	Рожь.		Пшеница.	
	1846 г.	1848 г.	1846 г.	1848 г.
	За четверть.			
Саратовская	1 р. 28 к.	3 р. 56 к.	2 р. 87 к.	5 р. 9 к.
Казанская	2 р. 5 к.	3 р. 86 к.	3 р. 10 к.	5 р. 20 к.
Симбирская	2 р. —	4 р. —	3 р. —	5 р. —
Пензенская	1 р. 80 к.	4 р. 30 к.	—	—

III. Прогрессивное повышение на Берлинской бирже цен на хлеб по десятилетиям, считая цены 20-х гг. за 100.

Десятилетия.	Пшеница.	Рожь.
1831—40	113,84	115,70
1841—50	138,06	141,26
1851—60	174,14	190,13

3. Хлебные цены накануне реформы 1861 г.

(П. Струве, «Крепостное хозяйство». П. 1913, стр. 112—113, 114—115.)

В последнюю треть XVIII века раздавались жалобы на дороговизну хлеба (Щербатов), и цены действительно шли вверх: это повышательное движение продолжалось в первые три года XIX века.

С 1803 года дороговизна в Москве стала спадать. Впрочем, в первое и второе десятилетие, цена одного куля ржаной муки в Москве колебалась меж 3 и 5 рублями серебром, не опускаясь сколько-нибудь значительно ниже 3 рублей и не подымаясь выше 5 рублей. Дойдя в 1821 году до максимума, достигнутого за все предшествующее 20-тилетие лишь в 1803 году, цена стала падать и, в общем, до 1832 года стояла ниже, чем в предшествующее десятилетие. Затем в неурожайные 1833 и 1834 годы она страшно поднялась для того, чтобы в 1836 г. опуститься ниже 3 рублей. В 1839 году она стала подниматься и в голодный 1840 г. почти дошла до 9 рублей. После этого энергичного подъема началось весьма стремительное падение цены, приведшее ее в 1844 г. на уровень ниже 3 рублей. Затем в пятилетие 1845—1850 годы цена 1 куля ржаной муки только в 1848 году и первую половину 1849 г., т.-е. в эпоху, непосредственно последовавшую за западно-европейским и русским неурожаями, стояла выше 4 рублей, в остальное же время колебалась между 3 и 4 рублями

4. Средние цены на хлеб в портах вывоза.

(П. Струве, «Крепостное хозяйство». П. 1913 г., стр. 116.)

	Годы.														
	1824—1833	1825—1834	1826—1835	1827—1836	1828—1837	1829—1838	1830—1839	1831—1840	1832—1841	1833—1842	1834—1843	1835—1844	1836—1845	1837—1846	1838—1847
Цена 1 четв. пшеницы, в копейках серебром . .	431	460	460	480	494	501	521	529	523	531	529	510	514	526	549
Цена 1 четв. ржи, в копейках серебром. . .	303	317	327	318	312	321	331	341	373	373	371	337	332	358	394

5. Вывоз хлебов и технических растений из России с 1820 по 1860 гг.

(В. И. Покровский, «Сборник сведений по истории и статистике внешней торговли в России», т. I, стр. 104—105.)

Годы.	Всего хлебов.		В том числе.				Кроме того, технических растений.			
			Пшеницы.		Ржи.		Лен.		Пенька.	
	Тысячи четвертей.	Тысячи рублей ассигн	Тысячи четвертей.	Тысячи рублей ассигн.	Тысячи четвертей.	Тысячи рублей ассигн.	Тысячи пудов.	Тысячи рублей ассигн.	Тысячи пудов.	Тысячи рублей ассигн.
1820	—	38.163	1.387	24.848	436	6.131	1.440	23.198	2.429	22.650
1821	—	21.823	865	17.399	164	1.992	1.813	29.447	2.288	20.791
1822	—	14.692	683	12.778	30	377	1.133	24.694	2.929	26.357
1823	—	20.065	962	15.307	90	1.335	1.042	18.624	2.929	26.443
1824	—	12.591	726	9.849	27	277	1.863	32.446	2.800	24.805
1825	—	18.130	973	14.919	94	1.025	2.454	36.332	2.817	26.451
1826	—	18.919	1.054	11.870	173	2.292	2.177	25.540	2.591	25.100
1827	—	38.925	1.680	18.634	745	8.615	2.579	25.749	2.754	26.349
1828	—	16.746	310	4.109	867	8.619	2.413	21.478	2.642	23.626
1829	—	35.699	1.186	20.410	819	8.305	2.405	21.716	1.806	16.007
1830	—	67.881	2.549	50.858	963	9.822	2.317	26.740	2.223	17.647
1831	—	65.203	1.799	40.804	1.155	14.560	1.850	23.120	2.321	17.726
1832	—	59.161	1.965	34.942	1.255	16.094	2.196	24.104	2.818	19.653
1833	—	21.018	710	12.828	362	4.760	2.519	27.643	2.835	19.806
1834	—	8.306	177	3.987	123	1.727	1.559	21.518	2.847	18.748
1835	—	17.003	713	12.057	119	1.652	1.479	18.888	3.072	19.015
1836	—	27.755	1.487	22.405	147	1.465	3.010	35.594	2.900	20.312
1837	—	44.074	1.946	30.545	509	5.399	2.318	23.146	2.863	24.553
1838	—	57.900	2.305	39.889	824	10.412	3.416	34.430	3.243	29.038
1839	—	90.455	2.920	63.612	1.084	14.505	2.244	23.784	3.599	32.823

Годы.	Всего хлебов.		В том числе				Кроме того технических растен.			
			Пшеницы.		Ржи.		Лен.		Пенька.	
	Тысячи четвертей.	Тысячи кредит. рублей.	Тысячи четвертей.	Тысячи кредит рублей.	Тысячи четвертей.	Тысячи кредит. рублей	Тысячи пудов.	Тысячи кредит. рублей.	Тысячи пудов.	Тысячи кредит. рублей.
1840	—	14.586	1.809	11.074	156	622	2.712	8.264	3.083	8.350
1841	—	11.276	1.551	8.725	111	657	3.010	8.878	2.555	7.477
1842	—	12.756	1.853	10.296	209	767	3.040	8.682	2.434	6.439
1843	—	13.586	2.061	9.827	553	1.934	3.636	9.709	2.348	5.595
1844	—	17.236	2.516	11.456	744	2.353	3.732	9.548	2.996	6.786
1845	—	17.697	2.797	13.963	291	999	2.691	8.504	2.864	6.383
1846	—	30.308	3.209	17.592	1.756	8.680	2.505	8.149	2.721	6.893
1847	—	72.630	5.987	40.384	2.734	16.656	2.351	7.799	2.754	7.450
1848	—	23.229	3.307	18.722	307	1.235	3.734	8.498	2.435	6.338
1849	—	19.551	2 413	13.800	486	1.547	4.682	10.884	3.006	7.528
1850	—	20.608	2.617	14.310	622	2.387	4.308	11.169	2.744	6.612
1851	5.137	22.509	2.496	12.495	922	3.945	3.029	9.050	3.052	7.352
1852	7.955	35.786	4.542	22.320	1.685	7.134	3.892	10.132	2.737	6.727
1853	10 919	56.611	7.226	41.902	1.462	6.467	4.304	12.421	3.580	9.429
1854	3.337	17.335	1.295	9.082	718	3.254	1.480	2.964	1.256	2.686
1855	1.130	5.943	346	2.823	178	789	1.344	1.638	1.118	1.624
1856	7.879	58.210	4.187	39.081	1.322	7.909	4.460	11.581	3.346	7.968
1857	8.553	54.724	3.112	27.776	1.621	8.813	4.610	15.135	2.939	7.893
1858	9.349	51.733	3.346	26.370	1.317	6.489	3.881	13.651	2.872	7.710
1859	10.006	61.286	4.229	35.950	1·676	8.234	3.323	13.209	3.502	8.998
1860	9.682	64.572	4.191	37.508	2.250	12.117	3.973	15.612	3.147	8.085

6. Сопоставление ценности отпущенных за границу хлебов с ценностью всего вывоза за 1825—1860 гг.

(«Сборник сведений по истории и стастистике внешней торг. России», под ред. В. И. Покровского, т. I, стр. 3.)

Годы.	Ценность всего вывоза.	Ценность хлебного отпуска.	Отношение ценности хлебного отпуска к ценности всего вывоза
	Миллионы руб. ассигн.		
(1821—1825)/5	207,2	17,5	8,4%
(1826—1830)/5	226,8	35,6	15,7%
(1831—1835)/5	222,0	34,1	15,4%
(1836—1840)/5	308,3	55,7	14,8%
	Миллионы руб. кредитн.		
(1841—1845)/5	88,4	14,5	16,4%
(1846—1850)/5	106,5	33,3	31,3[illegible]%
(1851—1851)/5	92,9	27,6	29,7%
(1856—1860)/5	165,6	58,1	35,1%

7. Движение отпуска четырех главных хлебов по пятилетиям с 1825 по 1845 гг.

(«Сборник сведений по истории и статистике торг. России», под ред. В. И. Покровского, т. I, стр. 4.)

Пятилетия.	Тысячи пудов.	Процентные отношения к среднему отпуску за 1801—180 гг.
(1821—1825)/5	10.071	50,7
(1826—1830)/5	23.950	120,5
(1831—1835)/5	18.469	92,9
(1836—1840)/5	28.831	145,1
(1841—1845)/5	27.205	136,9

8. Хозяйственное положение барщинных крестьян накануне реформы 1861 г.

(А. П. Заблоцкий-Десятовский, «Граф П. Д. Киселев и его время», т. IV. Спб., 1882, стр. 276 — 284.)

Издельный крестьянин обязан обрабатывать землю на помещика, который, взамен того, дает ему землю для собственного его хозяйства.

Обыкновенно принято обычаем все расчеты основывать на крестьянском тягле, т.-е. на полном работнике с работницею, получающими землю. Впрочем, часто взрослый работник и неимеющий семейства принимается за тяглового работника, наделяясь при сем обыкновенно и землею, но в меньшей против семейного пропорции. В большей части помещичьих имений число тягол составляет несколько менее половины ревизского числа душ. Разность сия простирается средним числом от 10% до 20%, иногда и более.

Количество земли, получаемой крестьянами в надел. Количество земли, получаемой крестьянами на каждое тягло, зависит: во-1-х, от пространства владений помещика; во-2-х, от произвола владельца, всего более или менее основанного на местном обыкновении.

В северных губерниях помещики считают, что каждому тяглу достаточно в поле 1-й десятины; хотя впрочем в некоторых имениях крестьяне имеют гораздо более. В средних губерниях, например, Тульской, Рязанской и Тамбовской, каждому тяглу дают помещики от $1^1/_2$ до 2 десятин в поле. Сенокоса дают везде мало, и очень редко более 1 десятины на тягло. В имениях многоземельных обыкновенно есть запасные земли, для прибылых тягл при увеличении народонаселения. Но в имениях, где земли, как говорится, в обрез, при увеличивающемся числе тягол обыкновенно переделяют крестьянские земли, не трогая помещичьих.

В первом случае владелец может прибавить и у себя запашку; в имениях же малоземельных помещик, не прибавляя ничего на новые тягла, не увеличивает и своей запашки, следовательно, труд и вознаграждение вообще остаются те же; но как первый, так и второе приходится в меньшей на каждое тягло мере.

Не должно также упускать из вида того обстоятельства, что земля, предоставляемая крестьянину, всегда почти хуже качеством обрабатываемой на помещика, и положение ее всегда отдаленнее, а потому менее выгодно для обработки.

С самого начала учреждения в имении барщин, — начала которого и определить нельзя, — земли, вероятно, были одинаковые, но поля барщинские улучшились от лучшей обработки и лучшего удобрения, и теперь они в каждом почти имении лучше крестьянских. Покосы, правда, выбираются помещиком лучшие, например, заливные и т. п.

Количество земли, обрабатываемой на помещика. Впрочем, одним количеством земли, данной в надел крестьянину, не определяются еще выгоды или невыгоды его положения. Это зависит от отношения количества данных ему угодий к обязанностям, на него налагаемым. Еслибы помещики ограничивались трехдневною работою, тогда очевидно, что крестьянин мог бы обработывать на помещика земли более того, сколько дано для его собственного хозяйства, работая, разумеется, при сем столько, более чего работать нельзя. Крестьяне часто обрабатывают на помещика более земли, нежели сколько получают сами. Это особенно относится к имениям, находящимся в черноземных губерниях [1]).

В имении Пр—ой, Нижегородской губернии, на границе Пензенской, всех тягл 140; каждое тягло получает по $1^1/_2$ десятины в поле и до одной десятины сенокоса. На помещика обработывают в каждом поле по 205 дес., сверх того, заготовляют для овец до 30 т. пуд сена, следовательно, скашивают и убирают более 300 десятин лугов. Таким образом, крестьяне, обработывая на помещика более 900 дес., получают от него только 740. Нетягловые старики, находящиеся при семействах и могущие работать, получают по $^1/_2$ десятины земли, и за то обязаны ходить на барщину без очереди, когда потребуется. Эта неуравнительность еще более существует в имениях, изобильных землею и принадлежащих более богатым владельцам. Таким образом, в Саратовской губернии, имение князей К. состоит из 81.780 десятин и 5.433 душ мужского пола крестьян. Всех тягол считается 1.953.

Каждое тягло получает в трех полях . . . . . $4^1/_2$ дес.
Сенокосу . . . . $^1/_2$ „
Под усадьбы, огороды, гуменники и выгоны . 2 „

Лес отпускается по усмотрению управляющего.

За этот надел каждое тягло должно:

Обработать на помещика в трех полях . . . . 9 „
Скосить и убрать 300 п. сена, т.-е. . . . . . 5 „

Обработать небольшие господские огороды.

Обработать $^1/_{10}$ часть десятины, для составления общественного капитала.

Из сего открывается, что каждое тягло должно обработать более 21 десятины, в том числе на себя только 7 десятин, следовательно вдвое менее, нежели на помещика. Но это еще не все. Крестьяне обязаны приготовить и свезти дрова; иметь весь уход за 30 т. овец, возить на мельницы и оттуда в Саратов на продажу до 200 т. пудов муки, и, наконец, заплатить в подать и общественные повинности до 15 р. асс. с тягла. Один уход за овцами составляет повинность

[1]) Впрочем, надо здесь заметить, что такие неравенства не всегда должно почитать правилом. В большей части имений, хорошо управляемых, равенство сие соблюдается. *(Примечание автора.)*

весьма обременительную. Для них нужно приготовить и перевезти до 400 т. пуд. сена и до 135 т. п. соломы. Кошары, коих считается до 20, на 12.000 квадр. саженей, устилаются ежедневно зимою свежею соломою. Она образует слой навоза в аршин толщиною; весною весь этот навоз надобно вывезти из кошар. Одно это занимает тысячи рук без всякого урочного положения.

Рассчитывая все эти работы, оказывается, что крестьяне не могут иметь для себя и третьей части времени. Они не знают праздников.

Так как в этом многоземельном имении все зависит от числа рабочих рук, то экономия ведет строгий счет тяглам, поверяя их ежегодно два раза, осенью и весною. Молодые люди до 18 лет тягла не несут, но свыше 18 лет облагаются полутяглом. Достигшие 20 лет облагаются тяглом, хотя бы и не женились. Но вообще строго наблюдается, чтобы не было незамужних девок и неженатых парней. С этою целью взрослые девки облагаются 1/4 тягла или разными сборами, частью натурою, частью деньгами до 20 руб. с каждой. Старики свыше 60 лет, но еще крепкие, хотя и избавляются от тягла, но употребляются в сторожа, в пчельники, смотрители овинов и т. п.

Все эти распоряжения доказывают, до какой степени может быть доведено пользование крестьянскою рабочею силою. Понятно, после сего, что подобные владельцы будут защищать всегда крепостное право, в том виде, как оно существует теперь. Иногда помещики, запахивая на себя более 2 десятин хозяйственных на тягло, как, например, в Тульской губернии, в то же время предоставляют обрабатывать крестьянину на себя столько же, разумеется, при обилии земли. Но дело в том, что нельзя умножить числа часов в день, и потому крестьянин не успевает обрабатывать на себя и половины того, что он обрабатывает на помещика.

Встречается, хотя, впрочем, только в виде исключения, распределение работы следующее: каждое тягло, обрабатывая на помещика одну десятину, имеет ее на полной своей ответственности; оно должно ее вспахать, засеять и убрать [1]). Этот порядок, без сомнения, лучше, нежели сплошная барщина. Обязанность крестьянина обозначается яснее и определеннее.

Наконец, должно упомянуть об особом роде имений, где барщина и господская запашка существуют не с целью прямого получения доходов от земледелия, а в виде исправительной меры или, как обыкновенно говорится, для грозы неисправным плательщикам оброка. Такие запашки встречаются весьма часто в губерниях Ярославской, Костромской и Нижегородской.

Порядок отправления барщины. Порядок отправления барщины бывает различный: большею частью существует обычай работать брат на брата, если семейство состоит из двух тягол и наблюдается трехдневный размер. Но выше замечено, что этот размер

---

[1]) В Нижегородской губернии, в имении Буграх, принадлежащем г-же Д — вой. *(Примечание автора.)*

не может соблюдаться при усиленных запашках, и потому редко обходится без поголовных сгонов, при которых, разумеется, уже невозможно сохранить нормального расчета. Один поголовный день в неделю существует почти во всех и хорошо управляемых имениях[1]). Внезапные требования барщины особенно разорительны для крестьян в чресполосных дачах. Крестьянам обыкновенно предоставляются отдаленнейшие поля. Он туда отправляется чуть свет. Вдруг скачет от барина ездок и требует на барщину. Крестьянин бросает свою работу, едет на барщину, а на его поле хоть трава не расти[2]).

В некоторых местах Тульской губернии, например в Новосильском уезде, существует обычай: крестьянин работает три дня себе, три дня помещику; но в воскресенье после обедни есть бенефис помещика; ему крестьяне работают поголовно. Один из помещиков, вступя во владение своим имением, уничтожил этот обычай. Многие из соседей восстали на него: «вы делаете», говорили они, «вред и себе и нам,— балуете мужиков».

Барщина у мелкопоместных владельцев. У мелкопоместных владельцев еще менее соблюдается порядок в распределении земель и в порядке отправления работ; тут крепостной, находясь в ближайших сношениях с господином, вполне и всегда зависит от его произвола и способов.

Таким образом, в Новгородской губернии крестьяне мелкопоместных дворян работают вместе с владельцами. В Костромской губернии работают почти беспрерывно на барщине.

В этой губернии за Волгою живет много мелкопоместных дворян, из коих большая часть, в полном смысле слова, почитает своих мужиков за животных, которые должны только приносить им, по возможности, больший доход. Мужик их может работать на себя только в воскресенье. Иногда барин отпускает его на субботу. От сего мужики эти едва едва могут существовать, а о разживе и думать невозможно.

Так об них говорят соседние государственные крестьяне, к которым они ходят «побираться милостынею».

Но в некоторых случаях бывает и противное; у мелких владельцев крестьяне имеют менее работы: отработали небольшую барщину и свободны, между тем, как в больших имениях работа не переводится, так, например, молотьба длится всю зиму. В Пензенской губернии подобные крестьяне менее отягчены работами, нежели у большепоместных владельцев.

Рязанская губерния в особенности замечательна множеством мелкопоместных владельцев (дворянков — по местному выражению);

---

[1]) По сведениям, собранным в Пензенской, Саратовской, Тамбовской, Рязанской и Тульской губерниях.

[2]) Иногда все работники работают одну неделю на барщине, другую на себя, как, например, в имении гр. Ш — вых в Пензенской губернии, при чем на барской работе задаются уроки, которых крестьяне не успевают вырабатывать, и потому должны употреблять на это по два и по три дня из своих недель.

у тех, которые обрабатывают землю лично, крестьяне живут почти вместе с помещиками, мало от них отличаясь. Но имеющие несколько десятков душ большею частью обременяют работами крестьян, переводя их часто на месячину.

Месячники. Отсюда родился особый род издельных крестьян, средний между собственно издельными и дворовыми людьми.

Не владея землею, они, однако же, употребляются для обрабатывания земли собственными помещика орудиями, и в замен того получают с их семействами, как жилище, так и полное содержание круглый год, выдаваемое им обыкновенно помесячно, и оттого сей класс людей носит название месячников.

Таким образом, в селе Гребневе, Рязанской губернии, есть 4 двора крестьян, принадлежащих помещику П — ву. Он дает на каждого работника по 2 четверика в месяц ржи; сверх того, назначает по $^1/_3$ десятины земли в поле, с которой они должны иметь платье и телеги [1]).

Примеры перевода издельных крестьян на месячину нередки, впрочем, и в имениях большепоместных. Таким образом, в Тамбовской губернии, близ Козлова, помещица кн. В — ская, принужденная в последние годы кормить всех своих крестьян, неприметно почти всех посадила на месячину. В последний год рожь, которая была у мужиков в поле, велела везти на барский двор. «Я сама буду вас кормить» [2]). В той же губернии есть богатый помещик Ж — в, также значительную часть крестьян переведший на месячину, особенно в последние два года.

Разные другие повинности крестьян. Независимо от обрабатывания земли и уборки произведений крестьяне издельные обыкновенно обязаны отвозить произведения на продажу в города: тягость этой повинности измеряется расстоянием рынка. Впрочем, так как помещик не оценяет работы, то и рассчитывает только на высшую цену за произведения. От этого нередко приходят в Москву помещичьи обозы не только из Тульской, но даже из Тамбовской губернии.

Такие обозы приходят не с одним хлебом. Часто привозятся, например, яблоки и т. п. для продовольствия помещика; особенно из губерний, имеющих большие сады, например Орловской, Владимирской. В сих случаях часто подвода стоит мужику дороже того, что он привез помещику.

Сверх того очень часто крестьяне облагаются в пользу помещика сбором домашних произведений и женских изделий.

Таким образом, в большей части Тамбовской губернии крестьяне облагаются оброком, в тех имениях, где женщины не молотят, с каждого тягла:

---

[1]) Расчет с телегами довольно странный: помещик дает задние колеса а передние должен справить сам крестьянин.

[2]) Говорят, что этот расчет основан ею на том, что у нее осталось много лебеды, которою она и кормит крестьян.

Холста	24	аршина.
Талек	2	„
Ниток	1	моток.
Ветчины	от 1 до $1^1/_2$	пуда.
Коровьего масла	2	фунта.
Баран	1	штука.
Утка	1	„
Гусь	1	„
Курица	1	„ [1]).

Там же, где женщины молотят, берутся все выше сказанные припасы только в половину.

Все выше исчисленное может быть оценено не менее 20 р. ассигн. с тягла.

Обычай брать с крестьян часть барана, птицу, несколько холста или талек, почти повсеместен; сбор этот обыкновенно составляет часть содержания дворни. Есть помещики, которые простирают это до мелочей и велят крестьянам приносить им известное количество орехов, сушеных грибов, лесных ягод и т. п.

На каком основании, кроме трехдневной с крестьян работы, помещики взимают сей оброк? На основании обычая и права, предоставленного помещику, накладывать на крепостных своих людей всякие работы, взимать с них оброк и требовать исправления личных повинностей, с тем только, чтобы они не претерпевали разорения.

Выгодно ли помещику обрабатывать землю барщиною? До какой степени выгодно помещику в экономическом отношении обрабатывать землю барщиною? Вопрос этот нельзя решить общим образом, потому что количество работ и вознаграждение землею крестьянина чрезвычайно различны. Можно, однако же, достигнуть некоторой положительности в выводах, взявши среднее число, т.-е. работу исполу.

Дабы наши исчисления не казались произвольными, возьмем показания самих помещиков.

В Тульской губернии у помещика А—ва дается на каждое тягло по 2 дес. в каждом поле, 1 дес. покосу и 1 дес. под усадьбу; всего 8 дес.

В том же имении свободная земля отдается в наем по 19, 20 и даже 22 руб. за десятину. Положив еще менее, 18 руб. за десятину, каждое тягло стоит помещику 144 руб.

Следовательно, годовой работник с работницею будет стоить 288 руб. [2]).

---

[1]) В некоторых имениях вместо сих съестных припасов берут от 3 до 5 р. асс., называя сии деньги столовыми. *(Примечание автора.)*

[2]) Так как тягло дает три рабочих дня в неделю.

В тех же местах, хорошего работника и работницу можно нанять за	60 руб.
Пища им	40 „
Процент, издержки на лошадь, сбрую, орудия, наконец, на помещение сих людей, могут быть оценены не свыше	70 „
Итого	170 руб.

Следовательно, менее против крестьянского тягла 118 руб.

Допустим, что владелец захотел бы приобрести лучших работников и потому пожертвовал бы еще 28 р., и тогда у него останется в выгоде 90 руб. Но при оценке тягла мы не принимали в расчет ни процентов с капитала стоимости самых крестьян, ни разные другие расходы, как-то лесом, вспоможением при пожарах, во время голода и пр. Все это не может быть оценимо ниже 30 руб.

В Мценском уезде, Орловской губернии, помещик А — в дает каждому тяглу:

Пахатной земли	6 десят.
Луга	1 „
Коноплянника и огорода	$^{1}/_{3}$ „
Подгуменник и двор	$^{1}/_{12}$ „
Всего	$7^{5}/_{12}$ десят.

Взамен того каждое тягло обрабатывает на помещика также $7^{5}/_{12}$ десятин.

Оценяя землю, луг и коноплянник по наемной местной цене, оказывается, что тягло получает ежегодно от помещика 82 р. асс.

С такого же количества земли, обработанной на помещика, сей последний получает дохода 122 р. асс.

Следовательно, повидимому, помещик получил выгоды 40 р. асс.

Но если бы он оба участка, назначенный крестьянину и обработанный собственно для себя, отдал в наем, то получил бы 164 р. асс.

Обработка земли барщиною принесла ему не барыш, а убыток, простирающийся с каждого тягла 42 р. асс.

По показанию г. А — ва, годовой работник с работницею в Мценском уезде стоит 105 руб., не включая сюда, разумеется, пищи и лошади; если все это положить только в 50 р., и тогда годовой работник с работницею стоит 155 р.

Помещик за 82 р. уступленной земли имеет только полугодового работника и работницу, следовательно, годовой работник и работница стоит ему 164 р.

Здесь, повидимому, выгода остается на стороне помещика.

Обратимся к крестьянину; он дает помещику полугодового работника и работницу, следовательно, всего на 77 р. 50 к. асс., а получает от помещика 82 р. асс.

Повидимому, здесь выгода остается на стороне крестьянина. Но этот вопрос должно рассматривать не так. Допустим вольный труд. Тягло, посвящая себя исключительно земледелию, обработывает два участка, платя за них по наемной цене 164 р.

По показанию же г. А—ва, каждое тягло может получить с одного своего участка произведений (за исключением семян) по местным ценам 271 р. 45 к., а с обоих вместе 542 р. 90 коп., следовательно, за исключением наемной платы, ему осталось бы 378 р. 80 к.

Для содержания семейства пищею, для уплаты податей и на разные домашние надобности тяглецу потребно 230 р.

Следовательно, у него должно остаться 148 р.

Между тем, как при работе барщиною у него остается только 41 руб.

Из сих исчислений, основанных на фактах, самим помещиком объявленных, открывается, что работа барщиною невыгодна ни для помещика, ни для крестьянина; что тут терпют обе стороны.

Подобный вывод может показаться парадоксом, но он объясняется принужденным положением вещей.

Это совершенно то же, если Е. и В. сшили себе платье, первому стоит оно 100 р. и другому также 100 р. Но их заставляют насильно меняться этими платьями. Ни тому, ни другому оно не по мерке; каждый должен продать или переделать его, при чем разумеется тот и другой будет в накладе.

Возможна ли обработка земли вольнонаемными работниками? Этот вопрос разбирали некоторые из наших хозяев, например, Н. Н. Муравьев, доказывавший, что это было бы гораздо дороже; что работа вольнонаемными людьми в России будет самым неосновательным и разорительным предприятием, доколе цена хлеба не возвысится, цена наемных работников не уменьшится и число их не увеличится. Мы не станем для опровержения сего заключения (сделанного только для Можайского уезда) разбирать его расчеты, но противопоставим факты.

Г. Якоб пишет, что один благоразумный и проницательный владелец, в Московском уезде, обрабатывал одну часть своей земли крепостными, а другую наемными работниками. По его расчислению, переведенному на рожь, оказалось:

Тягло крепостное стоило помещику . . .	21	четв. ржи
Вольнонаемные мужчина и женщина . . .	$20^1/_2$	„ „

Доходу помещик получил:

От крепостного тягла	$15^1/_2$	„ „
От вольнонаемных работника и работницы	43	„ „

Но вот пример новее: помещик Х — в имеет незаселенную землю в Ефремовском уезде, которую держит у него купец на аренде за 5.000 р. асс. Купец этот возделывает землю наймом и в обыкновенные годы снимает хлеба на сумму до 15.000 руб. Это его валовой доход. Чистый же простирается за уплатою арендной суммы и всех издержек по обработке от 15 до 20%. С какой промышленности можно получить всегда такой доход! Получает ли его помещик с своим крепостным правом? Конечно, надобно заметить, что в соседстве есть весьма бедные однодворцы, которые работают у купца довольно дешево. Но ежели земля, обработываемая наймом, за всеми издержками даст дохода от 8 до 10%, и тогда он будет равняться обыкновенному доходу помещичьих имений.

Не будем приводить в пример колонистов, обрабатывающих землю наемными работниками в Новороссийском крае, где хотя цена заработок очень высока, но тут присоединяются труды самих колонистов. Заметим, что в губерниях Воронежской, Тамбовской, и в особенности в Саратовской за Волгою, есть множество купцов, имеющих по 500, по 1.000 и более десятин земли, обрабатываемой ими вольнонаемными работниками. Один из таких владельцев, волжский купец Рекк, сообщил нам подробные расчеты своего хозяйства.

У него в Новоузенском уезде 2 067 десят. земли. Часть сей земли он отдает в оброк, а сам обрабатывает ежегодно до 480 дес. наемными работниками.

Он держит годовых работников:

Мужчин	27
Женщин	6
Лошадей рабочих	60
Волов	50

Издержки на сих работников, платою и пищею, простирались в год до . . .	5.770	руб. асс.
Сверх того временные работники на 5 552 дня стоят	6.831	„ „
На поправки и хозяйственные заведения издержано	1.225	„ „
Итого . . .	13.876	руб. асс.

С 480 десятин он получил в прошедшем 1840 г.:

Ржи	165	четв.
Пшеницы	1.667	„
Овса	160	„
Ячменя	88	„
Проса	97	„

Все сии произведения, по меньшей мере, должны быть оценены в 22.000 руб.

Следовательно, обработка земли вольнонаемными работниками принесла чистого дохода до 8.000 р. или свыше 57% с оборотного капитала.

Эти примеры достаточно убеждают в возможности обработки земли вольнонаемными работниками. Если расчеты иных владельцев приводят к противному результату, то это потому, что они упускают из вида, что вольнонаемных работников, для одного и того же пространства земли, нужно гораздо менее.

В хозяйстве купца Рекка было постоянных работников годовых	27 чел.
Женщин	6 „
Временных (обратив их в годовые)	20 „
	53 чел.

И при этом числе работников он запахал 480 дес.

Следовательно, более 9 дес. на каждого работника.

Тогда как в имении князей К—в при самой усиленной барщине (на помещика обрабатывается вдвое больше, нежели на крестьян) ежегодная запашка на одного работника простирается не свыше 5 десятин.

9. Распределение удобной земли между помещиками и крестьянами накануне реформы.

Огановский, «Очерки по истории земельных отношений в России», стр. 29.)

Из 100 десятин удобной земли с лесом было в пользовании:

	Крестьян:	Помещиков:
	в процентах:	
Северный район	26,4	73,6
Северо-зап. „	28,6	71,4
Моск. пром. „	48,1	51,9
Центр. земл. „	47,2	52,8
Вост. Малор. „	38,8	61,2
Поволжье	43,7	56,2
Северо-вост. район	15,4	84,6
Новоросс. „	14,3	85,7
Западн.-Малор. „	36,7	63,3
Литва с Белор.	27,8	72,2
Всего в Евр. России	34,0	66,0

10. Соотношение между количеством населения и обеспеченностью его пашней.

(Огановский, «История земельных отношений в России», часть II, стр. 243 и 224—225.)

Распределение населения по областям.

Из 100 душ всего населения находилось:

	В 1678 г.	В 1724 г.	В 1858 г.
Старые области: в Замосковьи, Новгородск. области и на севере . .	73,1	64,9	38,1
Новые области 1 колон. пояса: в Степи, Поволжьи, Прикамьи	26,9	35,1	61,9

Распределение пашни по областям.

Из 100 десятин всей пашни было:

	В конце XVI в.	В конце XVIII в.	В 50-х годах XIX в.
В старых центр. обл.	76,1	32,6	31,1
В районах первого колонизац. пояса .	23,9	67,4	68,9

Соотношение между ростом населения и расширением пахотной площади.

	Из 100 душ насел.	Из 100 дес. пашни.
В старых центральн. областях (северн., московском и сев.-западном)	31,6	24,9
В 1 колонизационном поясе (центр. землед. средн. Поволжье, сев.-вост.)	51,3	54,2

11. Падение крупного и мелкого дворянского землевладения накануне реформы.

(Огановский, «Очерки по истории земельных отношений в России» Саратов, 1911 г., стр. 279.)

Районы.	Год.	Процент владельцев.				Процент крестьян у владельцев.			
		До 21 души.	От 21 до 100 душ.	От 101 до 1000 душ.	Свыше 1000 душ.	До 21 души.	От 21 до 100 душ.	От 101 до 1000 душ.	Свыше 1000 душ.
Северо-восточн.	1835	73,7	16,4	8,4	1,5	2,6	5,9	17,3	74,2
	1858	54,0	26,7	17,5	1,8	1,4	5,7	18,8	74,1
Поволжье	1835	50,0	27,0	21,3	1,7	2,9	10,5	50,6	36,0
	1858	29,4	36,0	31,8	2,8	1,6	11,1	53,3	34,0
Земледел. центр	1835	65,1	21,1	12,9	0,9	5,9	15,1	48,8	30,2
	1858	44,1	33,8	21,0	11,1	3,6	16,9	52,6	26,9
Восточная Малороссия	1835	73,3	18,1	8,0	0,6	8,9	17,0	43,8	30,3
	1858	66,9	22.5	9,9	0,7	7,6	18,6	46.7	27,1
Московско - промышленн.	1835	53,7	28,5	16,8	1,0	5,2	16,8	52,9	25,1
	1858	37,0	39,9	22,1	1,0	3,5	20,3	55,2	21,0
Северо-западный	1835	62,8	24,6	12,2	0,4	7,7	20,9	58,2	13,2
	1858	44,2	37,9	17,4	0,5	5,4	24,6	60,1	9,9
Новороссийский	1835	63,4	25,2	11,1	0,3	10,7	24,6	53,7	11,0
	1858	54,2	32,9	12,5	0,4	7,4	27,7	54,2	10,7
Северный	1835	59,7	27,5	12,6	0,2	10,1	25,0	58,7	6,2
	1858	42,1	39,6	17,9	0,4	5,9	26,0	58,8	9,3
Западн. Малоросс.	1835	45,1	19,2	31,6	4,1	0,9	4,5	43,1	51,5
	1858	22,2	27,8	45,6	4,4	0,6	5,5	50,9	43,0
Литовск. Белоросс.	1835	50,5	29,5	18,5	1,5	2,9	14,3	47,9	34,9
	1858	37,3	36,7	24,3	1,7	2,4	15,3	52,0	30,3
Всего Европ. Росс.	1835	59.9	24,0	15.0	1,1	4,7	13,9	48,4	33,0
	1858	43,0	34,2	21,5	1,3	3,2	15,8	52,0	29,0
% изменения каждого слоя (+ или —).	—	—20,2	+42,5	+43,3	+18,2	—31,9	+13,7	+6,2	—12,1

12. Закон об «обязанных крестьянах» 2 апреля 1842 года.

(П. С. З. (2), т. XVII, № 15462.)

В статьях 440 — 457 Свода Законов о Состоянии (т. 9) установлены правила, на основании коих помещикам дозволено обращать крестьян своих в свободные хлебопашцы, с уступкой им в собственность помещичьих земель за определенное, по взаимному условию,

вознаграждение. Желая, в общих видах государственной пользы чтобы, при заключении таковых условий, принадлежащие помещикам земли, как вотчинная собственность дворянства, охранены были от отчуждения из владения дворянских родов. Мы признали, за благо, в пояснение Свода Законов о Состоянии (т. 9), ст. 442, пункт 3, предоставить тем из помещиков, которые сами сего пожелают, заключать с крестьянами своими, по взаимному соглашению, договоры на таком основании, чтобы, не стесняясь постановлениями о свободных хлебопашцах, помещики сохраняли принадлежащее им полное право вотчинной собственности на землю, со всеми ее угодьями и богатствами, как на поверхности, так и в недрах ее, а крестьяне получали от них участки земли в пользование за условленные повинности. При составлении таковых договоров, помещики могут постановлять с крестьянами дальнейшие условия, по взаимному с ними соглашению, на следующих, рассмотренных в Государственном Совете и Нами утвержденных, главных правилах:

1. Повинности крестьян в пользу помещиков могут быть определены в договорах денежным оброком, произведениями, обрабатыванием помещичьей земли, или другою работою.

2. В случае неисполнения крестьянами приемлемых ими на себя по договору обязанностей, они понуждаются к тому земскою полициею, под руководством Уездных Предводителей Дворянства и под высшим наблюдением Губернского Правления.

3. Крестьяне, по надлежащем утверждении заключенных между ими и помещиками договоров, принимают название обязанных крестьян.

4. Рекрутская повинность в селениях обязанных крестьян отправляется по очередному порядку, в Рекрутском Уставе постановленному.

5. Запасы народного продовольствия и пособия в пожарных случаях учреждаются на счет собственных средств обязанных крестьян, под наблюдением помещиков; если же помещики обязанности сей на себя принять не пожелают, то под наблюдением и при содействии правительства.

6. Помещики учреждают в селениях обязанных крестьян вотчинное управление и имеют высшее наблюдение за сельской в них полициею и за исполнением законов о сельском благоустройстве; им принадлежит также право суда и расправы в проступках и маловажных преступлениях обязанных крестьян и первоначальный разбор взаимных между ими тяжб и споров.

7. На заключение договоров с крестьянами имений, заложенных в кредитных установлениях, помещики, если пожелают оставить те имения в залоге, должны иметь согласие с их установлений. Имения, населенные обязанными крестьянами, могут быть также и вновь закладываемы в кредитных установлениях, по соразмерности с постоянными доходами, определяемыми по пространству и качеству земли и по способам для обработки оной, на основании особых о том правил, которые имеют быть изданы впоследствии.

8. Помещики и обязанные крестьяне сохраняют заключенные ими между собой договоры навсегда ненарушимо, имея, однако, право особыми частными условиями делать изменения в наделе землею и повинностях на определенные сроки, с обоюдного согласия; а если имения состоят в залоге, то и с согласия подлежащих кредитных установлений; во всех же случаях, не иначе, как с предварительного утверждения правительства.

13. Из сообщения предводителя дворянства Савича, Харьковской губернии, губернатору Лужину о необходимости проведения реформы с вознаграждением помещиков за землю.

(„Русский Архив").

Предводитель дворянства Сумского уезда, Савич, от 10 сентября 1859 г., пишет губернатору Лужину: «Так как займы [1]) были сделаны не одним, или несколькими лицами, а целым дворянством Харьковской губернии, то и нельзя их назвать ни злоупотреблением, ни попыткой неправильно воспользоваться благодетельною мерою правительства, а, напротив, общею потребностью всего сословия в кредите, вследствие тяжкого положения от недостатка наличных капиталов, происходящего от разных условий» (от каких именно, об этом ничего не говорится). Далее уездный предводитель дворян распространяется о почве, географическом положении, путях сообщения и производительности земли губернии; по мнению его, «дешевизна хлеба вызвала винокурение, которое процветало в Харьковской губернии, но со введением акцизной системы упало, а с ним вместе упало и хлебопашество, и помещики прибегли к тяжким займам из конторы государственного банка». Он высказывает, далее, мысль, которою старается представить положение дворян опасным для крестьянской реформы, в виду дурных для нее последствий. «Если», пишет он, «имения будут подвергнуты опеке, то, при ослабленной власти помещиков и при раздраженном состоянии крестьян, мера эта неминуемо поведет к беспорядкам, потому что крестьяне не могут понять причины взятия имений в опеку и объяснят это обстоятельство в свою пользу; таким образом, взятие имений в опеку не обеспечит уплаты долгов конторе банка, а только лишит помещиков крестьянского труда и доходов. А так как долги помещиков не суть частное явление, а будущее положение дворянства, то,—дабы дать возможность этому сословию окончить свое прежнее существование, со введением крестьянской реформы, и честным образом развязать свои долговые обязательства перед казною и частными лицами,—необходимо просить высшее правительство, как милости, о разрешении

---

[1]) Дело идет о займах, полученных дворянами и не уплаченных ими во-время. *Сост.*

крестьянского дела путем финансовой операции, на основании правил, изложенных в проекте об улучшении быта крестьян в Харьковской губернии. Без этой меры, переходное состояние, с обязательными повинностями срочно-обязанных крестьян, обратит дворян-помещиков в бессрочно-обязанных нищих, ибо—в чем будет состоять их право на землю?—в праве на бесконечные споры и иски с крестьянами, для разбора которых не видно никаких средств. Где средства помещиков для ведения хозяйства, обработки полей? В обязательном труде; но обязательный труд, уничтожая свободу крестьян и превращая ее в одну мертвую форму, будет существовать не на деле, но только в наивной доверчивости помещиков к возможности его выполнения».

Мрачная картина, рисуемая уездным предводителем дворян, становится, чем далее, тем мрачнее и красноречивее. «Время юношеского доверия пройдет», продолжает он, «настанет холодная действительность, и роковой стук аукционного молотка возвестит, что не стало родового заветного имения у одного, другого, третьего дворянина. Но лишиться состояния еще не так тяжко, а вот в чем беда, и беда горькая: где возьмут помещики средства для воспитания детей? сколько с горя погибнет матерей! и как много вступит в общество молодых людей, рожденных в роскоши, но не получивших воспитания. Что будут это за люди?—нравственные пролетарии, для существования которых нужны — силою взятая чужая собственность и чужое счастье. Вот в какую бездну разорения и горя впадет дворянство, если будет допущено переходное состояние с обязательными повинностями, которых обеспечение едва ли возможно для самого правительства».

ГЛАВА V.

КРЕСТЬЯНСКИЕ ВОЛНЕНИЯ НАКАНУНЕ РЕФОРМЫ.

1. О неповиновении крепостных людей их владельцу. Взыскания.

(Уставы Благочиния. Свод Устава о Предупреждении и Пресечении Преступлений, гл. IV.)

308. Для удержания крепостных людей в повиновении и добром порядке помещик имеет право употреблять домашние средства исправления и наказания по его усмотрению, но без увечья и тем менее еще с опасностью их жизни.

309. Когда владелец не пожелает наказывать крепостных своих сам, или употребленные им способы наказания останутся безуспешными, то он может прибегнуть к правительству и просить законного с его стороны содействия.

311. За вины собственно против владельца или прав его, равно как и за проступки полицейские, крепостные люди по его просьбе подвергаются или полицейскому наказанию, с возвратом в прежнее жилище, или содержанию в смирительных и рабочих домах на срок, самим владельцем определенный.

(Свод Законов, изд. 1836 г., т. 14, ч. IV, стр. 267.)

2. О возмущениях крестьян. Из Уложения о Наказаниях Уголовных и Исправительных. Августа 15 1845 г.

(П. С. З. (2), т. XX, № 19283.)

288. Восстанием против властей, правительством установленных, почитается и всякое возмущение крестьян или дворовых людей против своих помещиков, владельцев или управляющих и против волостных и общественных управлений.

1907. Крепостные люди за возмущение против господ своих, или же лиц, которым их помещики передали на законном основании свою власть вполне или с ограничениями, подвергаются наказаниям, определенным в статьях 283—290 сего Уложения, за восстание против властей, правительством установленных.

1908. За всякое упорное неповиновение, хотя и без явного восстания, господам своим, или лицам, которым от них на законном основании передана их власть вполне или с ограничениями, крепостные люди, в случае, когда владелец, не желая сам употребить предоставленных ему по закону домашних исправительных мер, даст знать о том надлежащему начальству, подвергаются, смотря по обстоятельствам, более или менее увеличивающим, или уменьшающим сию вину наказанию розгами от двадцати до пятидесяти ударов.

Из сего исключаются лишь случаи, когда они не повиновались приказаниям, противным закону, и коих исполнение сделало бы их самих участниками в преступлении.

1909. Крепостные люди за подачу на помещиков своих воспрещенной законом жалобы подвергаются наказанию розгами до пятидесяти ударов.

3. Из истории крестьянских волнений в Саратовской и Тамбовской губерниях.

(Из бумаг гр. П. Д. Киселева.)

В Саратовской губернии был некто Келлер, из нижних придворных служителей дослужившийся до чина статского советника; купил землю в Саратовской губернии, перевел туда крестьян из Московской; обремененные работами они жили в землянках.

В праздник, кажется Успения, он заставил некоторых из крестьян сдирать кожу с падшей лошади и сам приехал смотреть на работу.

Один из мужиков схватил лежавший топор и поверг в яму Келлера, сказавши: «вот тебе, поганый нехристь, место; полно тебе мучить нас, ты и праздника божьего не знаешь!»

В Тамбовской губернии есть имение Жеребцова, состоящее из 2.000 душ. Он человек богатый, но алчный, ужасно угнетает крестьян своих, и поборами и работами. Душ 300 пришли, наконец, в совершенное разорение, он посадил их на месячину, кормит дурно и заставляет работать каждый день. Мужики давно ропщут, и готовы выйти из повиновения; хотели жаловаться губернатору, но их не допустили.

4. Крестьянские волнения в середине XIX века.

(И. И. Игнатович, «Помещичьи крестьяне накануне освобождения». М. 1910 г., изд. 2, стр. 258—260.)

Важное место среди способов противодействия крестьян занимают крестьянские волнения. Крестьяне, ожидая выхода вольной грамоты, волновались в начале каждого нового царствования. Всего

в царствовании Николая I было 556 волнений в 29 лет, т.-е. по 19 волнений ежегодно:

с 1826 — 1829	года	было	41	волнен.
„ 1830 — 1834	„	„	46	„
„ 1835 — 1839	„	„	59	„
„ 1840 — 1844	„	„	101	„
„ 1845 — 1849	„	„	172	„
„ 1850 — 1854	„	„	137	„

Увеличение идет правильно до конца сороковых годов. Уменьшение в последнем пятилетии может быть объяснено тем, что в это время наступила реакция в правительственных сферах, что отразилось и в политике по крестьянскому вопросу, так что слухи в народе об освобождении приутихли; может быть это понижение только кажущееся, так как число волнений в пятилетие 1845—1849 гг. сильно повысилось из-за указа 1847 г., за низведением которого к нулю один повод к волнениям был уничтожен. Волнения достигали больших размеров.

Из 261 волнения — 132 были подавлены с помощью воинских команд, при чем за усмирением следовала обыкновенно экзекуция. В остальных случаях крестьяне усмирялись сечением и преданием суду зачинщиков. В 1840 г. в Витебской губернии в волнении с буйством, грабежом господского имущества, сопротивлением вооруженною рукою участвовало 1.000 человек. В 1845 г. волнения были в 32 имениях по 17 губерниям, при чем в 10 случаях была употреблена военная сила. В 1846 г. было 27 волнений в 18 губерниях. В 1847 г. были волнения в 35 имениях в 22 губерниях. В 1848 г. были волнения в 54 имениях в 27 губерниях. Две трети этих волнений были усмирены при помощи военных отрядов. В 1849 г. были также 24 волнения в 15 губерниях; две трети крестьян были усмирены воинскими чинами. В этом году было волнение в Курской губернии, в котором приняли участие крестьяне нескольких имений, в количестве 10.000 человек; для усмирения их понадобилось четыре эскадрона кавалерии. В 1825 г. в Черниговской и Тамбовской губерниях крестьяне оказали сопротивление губернатору и войску.

Причины волнений были разнообразны. Из 275 волнений (1836—1849; 1851 — 1854) 132 произошли оттого, что крестьяне или считали себя уже вольными, или домогались свободы на каком-либо казавшемся или справедливом основании; в 73 случаях причинами были притеснения, т.-е. обременение барщиною, жестокость помещика или управляющего, и т. п.; в 12 случаях волнения возникли вследствие слухов о возможности освободиться от крепостного права или о предстоящем освобождении; в 11 (1848 г.) — вследствие введения инвентаря; в 10 — вследствие предстоящего или совершившегося переселения; в 10—вследствие «подстрекательств» в 5 по недостатку продовольствия и т. д.

В этих волнениях отразились ожидания народа. В 1826 году между крестьянами стали распространяться слухи (в Вологодской и других губерниях), что они будут взяты в казну; в Киевской губернии распространялись слухи, что нужно будет итти истребить всех панов; в Уманьщине ходили слухи, что панам предложено сыном Гонты отдать всю землю крестьянам. В 1845 г. крестьяне Подольской губернии при волнении заявили свое желание быть казенными. О том же желании крестьян заявляют современники.

Очень сильные волнения были во время Крымской войны вследствие указов о морском ополчении 3 апреля 1854 г. и о народном ополчении 29 января 1855 г. Первые движения произошли в Рязанской, Тамбовской, Владимирской, Нижегородской и Пензенской губерниях. Толпы крестьян шли в Москву, для заявления о желании поступить в ополчение. Были посланы войска для их усмирения и возвращения на место жительства. Министр внутренних дел циркуляром объявил, что крепостные крестьяне не могут поступать в ополчение без согласия помещиков. Но слухи, что поступившие в ополчение крестьяне получат освобождение, сильно распространялись в народе, что особенно сильно проявилось после указа 1855 г. Волнения были в Киевской, Нижегородской, Саратовской, Симбирской и Воронежской губерниях и захватили многие уезды. Волнения эти были настолько сильны, что в одну Киевскую губернию было выслано 16 эскадронов кавалерии, 2 роты сапер, резервный батальон и 1 дивизион. Военные команды потребовались в девяти местах. В Киевской губернии, где неповиновение возникало в многолюдных селениях, толпы крестьян до 5.000 человек собирались разом с требованием освобождения от господских работ; в трех случаях при усмирении бунтовавшейся толпы, по официальным сведениям, убито было до 36 человек и ранено 57. В действительности убитых и раненых было значительно больше, ибо многие крестьяне скрывали свои раны, боясь ответственности за участие в движении, и умирали от них по дороге и дома. В слободе Масловке Бобровского уезда Воронежской губернии толпа крестьян, человек в 300, в присутствии губернатора, увидев, что предводителей их приказано взять для наказания розгами, бросилась на солдат с целью освободить товарищей; в происшедшей при этом схватке девять человек ранено (из них пять тяжело). Крестьяне во всех этих случаях отказывались повиноваться помещикам и желали поступить в ополчение, чтобы освободиться таким образом от крепостного права.

ЧАСТЬ ВТОРАЯ.

КРЕСТЬЯНСКАЯ РЕФОРМА 1861 г.

ГЛАВА I.

ПРОЕКТЫ КРЕСТЬЯНСКОЙ РЕФОРМЫ.

1. Речь Александра II московскому дворянству 30 марта 1856 г. [1]).

(«Материалы для истории упразднения крепостного состояния», т. I., Берлин. 1850 г., стр. 114.)

Я узнал, господа, что между вами разнеслись слухи о намерении моем уничтожить крепостное право. В отвращение разных неосновательных толков по предмету столь важному, я считаю нужным объявить вам, что я не имею намерения сделать это теперь. Но, конечно, и сами вы знаете, что существующий порядок владения душами не может оставаться неизменным. Лучше отменить крепостное право сверху, нежели дожидаться того времени, когда оно само собою начнет отменяться снизу. Прошу вас, господа, думать о том, как бы привести это в исполнение. Передайте слова мои дворянству для соображения.

2. Из «Записки об освобождении крестьян в России» К. Д. Кавелина. 1855 г. [2])

(«Собрание сочинений К. Д. Кавелина», т. II, СПБ. 1898, стр. 98—87.)

Многие убеждены, что Россия по своим естественным условиям — одна из самых богатых стран в мире, а между тем, едва ли можно найти другое государство, где бы благосостояние было на

---

¹) После Крымской неудачной кампании Александр II в манифесте по случаю заключения мира уже дал намек на возможность реформы. Крестьянские волнения указывали на возможность реформ «снизу». Правительство, связанное крепостническими традициями, долго колебалось, и, наконец, устами Александра II заговорило на собрании московских дворян о реформах «сверху». После этого был образован секретный комитет. Об этом периоде см. Покровский, «Крестьянская реформа в истории России XIX в.» изд. бр. Гранат. А. И. Левшин, «Достопамятные минуты в моей жизни» — «Русск. Архив», 1885 г., № 8. О секретном комитете см. статью А. Попельницкого, «Секретный Комитет в деле освобождения крестьян от крепостной зависимости». «Вестн. Европы», 1911 г., № 2—3.

²) К. Д. Кавелин (1818—1885), юрист, профессор сначала Московского, потом Петербургского университета, в своей записке один из первых обосновал мысль об освобождении крестьян с землею и выкупе ими земли. Записка получила широкое распространение в рукописи. Первые две записки

такой низкой ступени, где бы меньше было капиталов в обращении, и бедность была так равномерно распространена между всеми классами народа.

Пока внешнее спокойствие и политическое могущество нас ослепляло, мы мало обращали внимания на это явление, но теперь, когда неудачи войны заставляют нас напрягать все наши силы, недостаток материальных средств невольно бросается в глаза и поставляет в обязанность каждого русского серьезно думать о причинах такого состояния и о средствах изменить его к лучшему.

Причин нашей бедности очень и очень много, как-то: ошибочная система управления; отсутствие строгого правосудия и правильного кредита; целый кодекс стеснительных для промышленности и торговли правил, вследствие которых ни та, ни другая не могут свободно развернуться, как в других странах; гибельное начало хозяйственных заготовлений и хозяйственного управления вообще, имеющее в нашей государственной администрации, к несчастью, такое обширное применение; глубокое невежество всех классов народа, не исключая и высших, из которых большею частью пополняются ряды чиновников и правительственных лиц.

Все эти причины действуют более или менее гибельно. Но ни одна не проникает так глубоко в народную жизнь, ни одна так не поражает промышленной деятельности народа в самом ее зародыше, ни одна так не убивает всякий нравственный и материальный успех в России, как крепостное право, которым опутана целая половина сельского народонаселения империи.

Мирное благодетельное для России разрешение вопроса о крепостном помещичьем праве сделается возможным лишь с той минуты, когда все стороны этого вопроса будут приняты в соображение, все связанные с ним интересы, государственные и частные — взвешены и уважены, и когда, на основании предварительного, зрелого обсуждения, составится подробный, обстоятельный план упразднения крепостного состояния, который правительство примет себе в непременное руководство во всех своих распоряжениях.

Представим здесь опыт такого плана, конечно, в самых лишь общих чертах.

Вопрос об упразднении помещичьего крепостного права заключает в себе два следующие: на каких началах или основаниях

были напечатаны А. И. Герценом в 1856 г. в III кн. «Голосов из России». После напечатания отрывков из «Записки» в «Современнике» (1858 г., апр.), без согласия автора, Кавелин был удален от преподавания наследнику вел. князю Николаю Александровичу. По крестьянскому делу Кавелиным были еще написаны: «Мысли об уничтожении крепостного состояния в России» (в 1857 г.), по предложению вел. князя Константина Николаевича; «Мнение о лучшем способе разработки вопроса об освобождении крестьян» (1857), «Дворянство и освобождение крестьян» (1862). Основная мысль «Записки» Кавелина об освобождении крестьян с землею и о выкупе отражала интересы помещиков промышленных, нечерноземных губерний, получавших главный доход от крестьянских оброков и желавших получить вознаграждение за потерю этого дохода.

должно у нас совершиться освобождение помещичьих крепостных? И какие суть лучшие средства или способы освобождения?

§ 1. Главные начала или основания, на которых надлежало бы совершиться освобождению помещичьих крепостных, могут быть определены лишь по рассмотрении всех интересов, которые сходятся в крепостном праве и в нем связаны как бы в один узел. Эти интересы суть: частные — владельцев и их крепостных, общественные или—правильнее—государственные.

Интерес владельцев в крепостном праве очевиден: они защищают в нем свое имущество, дошедшее к ним законным порядком, и потому, во всяком случае, составляющее их неотъемлемую гражданскую собственность. Этого их права добросовестно отрицать нельзя: все исторические доводы и юридические тонкости, приводимые в опровержение помещичьей власти, как гражданского права, не колебля ее ни мало, только запутывают и затемняют вопрос.

Столько же очевиден и интерес крепостных. Он заключается в полном личном освобождении их от владельцев с удержанием той земли, которою владеют и пользуются для себя, избы, в которой живут, и всего движимого и недвижимого имущества, которое приобрели собственными трудами или наследовали от отцов своих.

Наконец, интересы государства совершенно совпадают с пользами владельцев и крепостных. По изложенным выше причинам, для государства необходимо, чтобы крепостное право прекратилось в России, но так, однако, чтобы при этом права и интересы обеих сторон—помещиков и крепостных—были вполне сохранены и уважены

Необходимость последнего условия очевидна даже при самом поверхностном взгляде.

Государство не может ни желать, ни допустить освобождения крестьян без вознаграждения владельцев, и на это имеет самые основательные причины. Освобождение крестьян без вознаграждения помещиков, во-первых, было бы весьма опасным примером нарушения права собственности, которого никакое правительство нарушить не может, не поколебав гражданского порядка и общежития в самых основаниях; во-вторых, оно внезапно повергло бы в бедность многочисленный класс образованных и зажиточных потребителей в России, что, по крайней мере, сначала, могло бы во многих отношениях иметь неблагоприятные последствия для всего государства; в-третьих, владельцы тех имений, где обработка земли наймом больше будет стоить, чем приносимый ею доход, с освобождением крепостных совсем лишатся дохода от этих имений. Не получив вознаграждения, многие из них на первый раз, а иные может быть и навсегда, были бы осуждены на самое бедственное существование, или даже остались бы на руках у правительства, которое через это было бы вовлечено в чрезвычайно обременительные издержки и пожертвования.

По соображениям столько же важным и настоятельным, правительство вынуждено также обратить все свое внимание и на возможно большее личное и вещественное обеспечение крестьян при

освобождении их от власти помещиков. Так, в видах общественной тишины и порядка, правительство не может допустить сохранения хотя бы тени зависимости бывших крепостных от их бывших помещиков; иначе беспрестанные столкновения между теми и другими, неудовольствия, бесконечные тяжбы и несправедливые взаимные претензии размножались и продолжались бы вечно, а на беспристрастное разбирательство и решение процессов между помещиками и их прежними крепостными долго еще нельзя рассчитывать, потому что много пройдет времени после освобождения, а судебная и полицейская власти все еще будут находиться по преимуществу в руках дворянства и землевладельцев. Равным образом, правительство ни под каким видом не может согласиться на увольнение крепостных без земли, потому что через это сельское население было бы поставлено, если не по праву, то на самом деле, в слишком большую материальную зависимость от владельцев, или даже, наскучив этою зависимостью, потеряло бы мало-по-малу оседлость, для водворения которой в низших сословиях столько принесено жертв, столько сделано усилий, и стало бы, попрежнему, перекочевывать из одного края России в другой, к явной опасности для государства во всех отношениях.

Из всего сказанного следует, что освобождение помещичьих крепостных могло бы совершиться на следующих главных основаниях:

1) крепостных следовало бы освободить вполне, совершенно, из-под зависимости от их господ;

2) их надлежало бы освободить не только со всем принадлежащим им имуществом, но и непременно с землею, и

3) освобождение может совершиться, во всяком случае, не иначе как с вознаграждением владельцев.

Принять эти начала за основание при разрешении вопроса о помещичьем и крепостном праве велит и строгая справедливость, и государственная польза, которая здесь, как всегда и во всем, совпадает в своих требованиях.

Выкупить только ту землю, которая находится в действительном владении и пользовании крепостных — способ бесспорно лучший и удовлетворяет всем требованиям, сохраняя и утверждая, без всяких изменений, поземельное владение, установившееся издавна, и к которому привыкли и помещики, и крепостные; кроме того, такой способ и не потребует никаких особенных издержек, и не может возродить больших недоразумений и неизвестности прав.

Подробное рассмотрение всех способов вознаграждения помещиков приводит к заключению: 1) что выплата им денег за одну землю, не принимая в расчет крепостных людей, была бы весьма несправедлива и неуравнительна. Несправедлива — потому что крепостные составляют такую же собственность владельцев, как и земля; неуравнительна — потому, что только в некоторых губерниях, преимущественно густо населенных и земледельческих, земля имеет

большую ценность, а крепостные почти никакой, или весьма малую; в других же губерниях, преимущественно промышленных, или хотя и земледельческих, но мало населенных, владельцы получают доход не от земли, а от крепостных; 2) что допущение при выкупе крепостных каких бы то ни было особливых расчетов (как, например, оценки теряемой крепостной работы и т. п.), с целью по возможности уменьшить следующее владельцам вознаграждение, подало бы повод к самым несправедливым и произвольным действиям и, не сокращая существенно расходов на выкуп крепостных, только стеснило и раздражило бы владельцев и надолго затянуло бы ход дела; 3) что по тем же самым причинам было бы неудобно назначить владельцам вознаграждение по расчету дохода, которого они, с выкупом крепостных, лишаются, потому что у нас невозможно определить даже приблизительно средний доход от наибольшей части помещичьих имений; 4) что хотя выкупом крепостных, на основании банковых правил, справедливость не была бы нарушена, однако, на развитие промышленности в России такого рода выкуп имел бы, по крайней, мере на первых порах, много лет сряду, неблагоприятное влияние. Освобождение крепостных, как уже выше замечено, потребует немедленного поставления наших помещичьих хозяйств на коммерческую ногу, а это можно сделать не иначе, как с помощью более или менее значительных единовременных чрезвычайных издержек, которые понадобятся почти в ту же самую минуту, когда совершится освобождение. При всеобщей бедности и разорении нашего дворянства, ему неоткуда взять капиталов, необходимых для покрытия таких чрезвычайных издержек. Поэтому, если вся выкупная сумма не будет уплачена владельцам, при самом освобождении их крестьян, сельское хозяйство в России понесет весьма чувствительный вред, от которого не скоро оправится, а это, в свою очередь, будет иметь неблагоприятное влияние на все государство.

Итак, владельцев следует вознаградить за выкупаемых у них крепостных самым простым и самым справедливым образом: оценить крепостных с следующею им землею, по существующим на месте ценам, как можно добросовестнее, как можно ближе к истине, и затем выдавать всю выкупную сумму сполна при самом отчуждении крепостных из частного владения.

Только такой способ выкупа, не внося в важное государственное дело освобождения никаких искусственных и произвольных условий, напротив, принимая за исходную точку существующий ныне порядок дел, в состоянии приготовить преобразование сельскохозяйственного быта в России легко, почти незаметно; ибо только при помощи такого способа, примиряющего пользы всех, новое начнет заступать место старого без перерыва и с необходимою постепенностью.

3. Из записки Ю. Ф. Самарина „О крепостном состоянии и о переходе из него к гражданской свободе“. 1856 г. [1]).

(«Сочинения Ю. Ф. Самарина» т. II.)

Настоящая записка посвящена исключительно переходным мерам от настоящего положения крепостного сословия к гражданской свободе.

Назначение их троякое:

1. Положить предел естественному развитию крепостного права.

2. Открыть исход из него отдельным личностям, поднимающимся выше крепостного сословия.

3. Облегчить и поощрить добровольные сделки.

Предположив, что указанные цели будут достигнуты, мы обязаны в главных чертах показать, каким путем законодательство поведет дальнейшее развитие сословия помещичьих крестьян к окончательному его устройству.

Через несколько лет по издании нового положения о добровольных сделках, когда в удельных имениях ныне существующие принудительные отношения начальства к крестьянам заменятся свободными договорами, когда в разных губерниях просвещеннейшие из помещиков сделают то же в своих имениях, правительство назначит для добровольных сделок последний срок, предупредив, что, по истечении его, оно установит законодательным порядком обязанности и повинности крестьян во всех тех имениях, в которых владельцы сами не договорятся с сельскими обществами.

Составление обязательных положений поручится особым комиссиям, по одной для каждой или для нескольких губерний. Имея уже перед собою несколько добровольных сделок, введенных в действие, комиссии найдут в них самое надежное и ничем незаменимое руководство: во-первых, потому, что в подобных сделках отразится все разнообразие существующих местных условий, которых не было бы никакой возможности привести в известность заранее, во-вторых, потому, что добровольность договоров, заключенных без принуждения, послужит ручательством за практическую применимость и обоюдную безобидность содержащихся в них условий. Приноравливаясь к ним, комиссии в скором времени окончат свое дело, и тогда как выгоды, предоставленные крестьянам, так и их обязанности к помещикам повсеместно определятся.

---

[1]) Ю. Ф. Самарин (1819 — 1876 г.), славянофил, был членом от правительства в Самарском губернском комитете. В его записке отражаются интересы «буржуазного» слоя помещиков, которые применяли барщинную систему хозяйства в черноземном южно-приволжском районе, страдавшем от недостатка населения. Они не прочь были наделить крестьянина землей, но с таким условием, чтобы получить себе постоянного и дешевого батрака. Поэтому он стоял за сохранение вотчинной власти помещика над крестьянином и отстаивал период «временно-обязанных крестьян».

Этим заключится первый и бесспорно самый трудный период в разрешении занимающего нас вопроса.

Затем, когда в сельском сословии несколько укоренится понятие о его обязанностях, когда разовьются применения вольного труда к различным отраслям помещичьего хозяйства и когда, по естественному ходу дел, возвысится ценность земли, правительство приступит к оценке всех предварительно уже определенных повинностей крестьян. Оно оценит не землю, состоящую в их владении, а повинности, исправляемые крестьянами в пользу помещиков, и, приняв выведенную ценность за средний процент между низшим (казенным) и высшим торговым того времени, выведет капитальную стоимость упомянутых повинностей и сумму вознаграждения, следующую помещикам за их управление.

Само собою разумеется, что выкуп крестьянских повинностей и выдача помещикам вознаграждения, с зачетом или без зачета банкового долга, совершится не иначе как посредством займа внутреннего или внешнего, по которому уплата процентов с погашением падет на крестьян. Подобная операция увенчалась полнейшим успехом в Пруссии и сама по себе не представляет ничего невозможного, но входить теперь в подробности ее исполнения, не зная наперед, в каком положении будут находиться в то время, когда она совершится, государственные финансы, было бы не уместно.

С выплатою помещикам полного вознаграждения, упразднится всякое с их стороны право как на землю, состоящую у крестьян во владении, так и на их труд. Крестьяне, вполне отрешенные от помещика в хозяйственном и в юридическом отношении, поступят в прямую зависимость от правительства, как состояние свободное, но отвечающее за казенный долг, лежащий на его земле.

Тогда получат окончательную юридическую организацию сельские общества. Устроится мирское управление с административными разделениями на приходы, округи, волости. Устроятся судебные инстанции, школы. Издадутся особые уставы.

Наконец, после погашения казенного долга, бывшие помещичьи крестьяне станут к правительству в отношение свободного сельского сословия, владеющего своею землею на праве полной собственности.

Останется определить отношение частных лиц, членов сельских обществ, к этим обществам, определить условия свободного перехода с места на место, и этим завершится ряд законодательных мер, направленных к достижению конечной цели, завещанной нам нашим прошедшим. Тогда, и только тогда, упразднится последний след крепостного права, и вместе с тем вполне оправдается его глубокое историческое значение.

4. Из записки М. П. Позена об освобождении крестьян [1].

(«Бумаги по крестьянскому делу» М. П. Позена. Дрезден, 1864.)

1. Устранить от этого вопроса всякую таинственность, возбуждающую недоверчивость, сомнения и колебания, а, напротив, гласно объявить виды правительства по вопросу о крепостном праве и ясно высказать, что оно желает отменить крепостное право; но как оно установлено законом, и крепостные крестьяне составляют законную собственность помещиков, то свобода может быть дана не иначе, как по обоюдному согласию, за условленное вознаграждение, и что правительство во всех подобных случаях готово помогать крестьянам и финансовыми средствами.

2. Постановить, что освобождение крестьян целыми селениями может быть допускаемо только на основании двух существующих уже законов: о свободных хлебопашцах и об обязанных крестьянах.

3. Для сего пересмотреть оба эти закона и согласить их в общих вопросах, касающихся личных прав тех и других, меры наделения землею, прав крестьян на эти земли, нормы денежных ссуд от казны и порядка перехода крестьян в то или другое состояние...

4... Определить, что мера наделения землею зависит от взаимного согласия помещиков и крестьян...

5. Относительно прав крестьян на землю, законом о свободных хлебопашцах земля обращается в отдельную собственность каждого крестьянина; по закону же об обязанных крестьянах земля остается собственностью помещика. Необходимо постановить общим правилом, чтобы в том и другом случае земля делалась собственностью целого общества, которое разделяет ее между крестьянами, по мере повинности на каждого возлагаемой...

6... Оценке должно подлежать только то, что прямо принадлежит помещику — трехдневная барщина, как результат всего крепостного права.

7. Постановить общие правила к обращению в свободные сельские сословия, с соразмерным вознаграждением, безземельных крестьян и дворовых, равно мелкопоместных имений, в которых число душ будет менее предполагаемого размера, а также имений, обремененных податною недоимкою свыше двухгодового оклада.

---

[1]) Записка была лично представлена Александру II 18 декабря 1856 г. и была доложена в первом заседании Секретного Комитета 3 января 1857 г. М. П. Позен (1798 — 1871) — крупный помещик Полтавской губернии, член Полтавского губернского комитета и член-эксперт Редакционных Комиссий, один из самых энергичных защитников помещичьих интересов южных, густо населенных черноземных губерний. О влиянии Позена на Я. И. Ростовцева см. у П. П. Семенова, «Мемуары», III, гл. 3. М. Н. Покровский относит Позена к представителям течения, желавшего найти компромисс между феодальным и буржуазным лагерем дворянства. («Русск. ист. с древн. вр.», т. IV.)

ГЛАВА II.

ПЕРВЫЙ ПЕРИОД РЕФОРМЫ.

(СЕКРЕТНЫЙ КОМИТЕТ, РЕСКРИПТ 1857 г. И ГУБЕРНСКИЕ КОМИТЕТЫ.)

1. Рескрипт Виленскому, Гродненскому и Ковенскому генерал-губернатору В. И. Назимову 20 ноября 1857 года [1]).

(«Сборник постановлений по устройству быта помещичьих крестьян за 1857 г.» СПБ. 1857 г.)

В губерниях Ковенской, Виленской и Гродненской были учреждены особые комитеты из предводителей дворянства и других помещиков для рассмотрения существующих там инвентарных правил.

Ныне министр внутренних дел довел до моего сведения о благих намерениях, изъявленных сими комитетами, относительно помещичьих крестьян означенных 3-х губерний.

Одобряя вполне намерения сих представителей дворянства Ковенской, Виленской и Гродненской губерний, как соответствующие моим видам и желаниям, я разрешаю дворянскому собранию оных приступить теперь же к составлению проектов, на основании коих предположения комитетов могут быть приведены в исполнение, но не иначе, как постепенно, дабы не нарушить существующего ныне хозяйственного устройства помещичьих имений.

Для сего повелеваю:

1. Открыть теперь же в губерниях Ковенской, Виленской и Гродненской по одному в каждой приуготовительному комитету, а потом для всех 3-х губерний вместе одну общую комиссию в г. Вильне.

---

[1]) Рескрипт 1857 г. является первой официальной программой правительства по крестьянскому вопросу. В нем много общего с законом об обязанных крестьянах 1842 г. Этот рескрипт стоит на защите интересов феодальных кругов дворянства. Рескрипт был дан на имя Виленского генерал-губернатора В. И. Назимова, так как дворянство западных губерний, недовольное введенными правительством «инвентарями», стремилось взять на себя инициативу в разрешении крестьянской реформы. Этот рескрипт был впоследствии разослан губернаторам и предводителям дворянства с предложением открыть губернские комитеты по крестьянскому делу.

2. Каждому губернскому комитету состоять под председательством губернского предводителя дворянства из следующих членов: а) по одному от каждого уезда губернии, выбранному из среды себя дворянами, владеющими в том уезде населенными имениями, и б) двух опытных помещиков той же губернии по непосредственному назначению начальника оной, и

3. Общей комиссии состоять из следующих лиц: а) двух членов каждого из 3-х губернских комитетов по их выбору, б) одного опытного помещика из каждой губернии по вашему назначению, и в) одного члена от министерства внутренних дел. Председателем комиссии предоставляется вам назначить одного из ее членов, принадлежащих к местному дворянству.

Губернские комитеты, по открытии их, должны приступить к составлению по каждой губернии, в соответственность собственному вызову представителей дворянства, подробного проекта об устройстве и улучшении быта помещичьих крестьян оной, имея при этом в виду следующие главные основания:

1. Помещикам сохраняется право собственности на всю землю, но крестьянам оставляется их усадебная оседлость, которую они, в течение определенного времени, приобретают в свою собственность посредством выкупа, сверх того, предоставляется в пользование крестьян надлежащее по местным удобствам, для обеспечения их быта и для выполнения их обязанностей перед правительством и помещиком, количество земли, за которое они или платят оброк, или отбывают работу помещику.

2. Крестьяне должны быть распределены на сельские общества, помещикам же предоставляется вотчинная полиция.

3. При устройстве будущих отношений помещиков и крестьян должна быть надлежащим образом обеспечена исправная уплата государственных и земских податей и денежных сборов.

Развитие сих оснований и применение их к местным обстоятельствам каждой из 3-х означенных губерний предоставляется губернским комитетам. Министр внутренних дел сообщит вам свои соображения, могущие служить пособием комитетам при их занятиях.

Комитеты сии, окончив свой труд, должны представить оный в общую комиссию, которая, обсудив и рассмотрев все предположения губернских комитетов, а также сообразив их с изложенными выше основаниями, должна постановить окончательное по сему делу заключение и составить проект общего для всех трех губерний положения с нужными по каждой изъятиями или особыми правилами.

Поручая вам главное наблюдение и направление сего важного дела вообще во вверенных вам Ковенской, Виленской и Гродненской губерниях, я предоставляю вам дать как губернским комитетам сих трех губерний, так и общей комиссии нужные наставления для успешного производства и окончания возлагаемых на них занятий. Начальники губерний должны содействовать вам в исполнении сей обязанности. Составленный общею комиссией проект

вы имеете со своим мнением препроводить к министру внутренних дел для предоставления таким образом дворянскому сословию Ковенской, Виленской и Гродненской губерний средства привести благие его намерения в действие на указанных мною началах. я надеюсь, что дворянство вполне оправдает доверие, мною оказанное сему сословию призванием его к участию в сем важном деле, и что при помощи божией и при просвещенном содействии дворян дело сие будет кончено с надлежащим успехом.

Вы и начальники вверенных вам губерний обязаны строго соблюдать, чтобы крестьяне оставались в полном повиновении помещикам, не внимали никаким злонамеренным внушениям и ложным толкам.

2. Дворянские разногласия в губернских комитетах [1].

(По материалам для истории освобождения крестьян А. Скребицкого: «Крестьянское дело в царствование имп. Александра II. Губернские комитеты, их депутаты и редакционные комиссии в крестьянском деле». 4 тома. Бонн на Рейне, 1861—1868.)

I. Общие формулы освобождения крестьян [2].

Губернские дворянские комитеты в проектах, ими составленных, объявляли, что дворянство отрекается от крепостного права на лич-

[1]) Сначала предполагалось не связывать работы губернских комитетов единообразной программой. Принятая, по предложению Я. И Ростовцева, Главным Комитетом программа 21 апреля 1858 г. выработана М. П. Позеном, сторонником безземельного освобождения крестьян. В программе скрыта мысль, отстаиваемая преимущественно помещиками южных черноземных губерний, что крестьяне наделяются землей лишь на срочно-обязанный период, после чего земля возвращается в собственность помещиков. В общем присутствии редакционных комиссий 12 августа 1859 г., при обсуждении вопроса о бессрочности земельных крестьянских наделов, Позен старался объяснить, что «само правительство, давая программу губернским комитетам, намеревалось обеспечить крестьян землею, за определенные повинности, только на 12-летний период срочно-обязанных отношений крестьян к помещикам, т.-е. на период переходный, что в течение этого периода предоставлено крестьянам право на выкуп только своей усадебной оседлости, что же касается до полевой земли, то, по истечении переходного периода она, как неотъемлемая собственность помещика, должна возвратиться в его свободное распоряжение и может быть им отдаваема и в пользование крестьян и на выкуп, по его усмотрению». (Н. П. Семенов, «Освобождение крестьян», т. I, стр. 541—543. Текст программы в сборн. постан. по крестьянск. делу, т. I, и у Скребицкого, т. I, стр. XXVI — XXXII. Объяснения Позена о происхождении программы губернским комитетам в его «Бумагах», стр. 51 —59). Кроме программы, работа губернских комитетов направлялась отдельными правительственными разъяснениями. Для руководства работами губернск. комитетов и для разрешения возникавших в них вопросов при Мин. вн. дел был образован в начале марта 1858 г. Земский отдел, в котором руководящую роль играли Н. А. Милютин и Я. А. Соловьев. Особенно важное значение имело разъяснение 12 января 1859 г., по поводу решения одного губернского комитета присоединить к выкупу усадебной оседлости выкуп крепостного права, что это решение, как несогласное с предуказанными началами реформы и отвергнутое другими комитетами, не может быть допущено. («Сборн. постан.», III.)

[2]) Т. I, гл. 2.

ность крестьян и затем это право отменяется. Такое желание дворянства изложено в проектах губернских комитетов в следующих выражениях:

Одни (Екатериносл., Новгородск. — блш. [1]), Саратовск., Симбирск. — мнш., Смоленск.) постановляли, что «крепостное право помещиков на крестьян навсегда прекращается», другие (Астраханск., Владимирск.—мнш., Вологодск., Воронежск., Вятск., Казанск., Калужск., Костромск., Курск., Минск., Могилевск., Московск., Нижегородск., Олонецк., Оренбургск., Орловск., Пензенск., Пермск., Псковск., Рязанск., Симбирск., Таврич., Тамбовск., Тверск., Тульск., Херсонск.), что оно прекращается «на деле и во всех актах». В проекте полтавского гб. км. выражено: «по собственному единодушному желанию всего дворянского сословия этой губ. личное крепостное право над крестьянами отныне навсегда прекращается на деле и во всех актах правительственных и гражданских». В проекте петербургского гб. км. «дворянство этой губернии отказывалось на вечные времена от принадлежащего ему крепостного личного права на крестьян, водворенных на помещичьих землях, сохраняя за собою неприкосновенное право собственности на землю и сопряженное с оным вотчинное право». Вологодское блш. черниговский и псковский губ. комитеты оставляли также за помещиками вотчинное право. По определению самарского блш. личное крепостное право есть право лица распоряжаться другим лицом, как движимою собственностью, и потому гб. км. постановлял, что право сие, ныне прекращаемое, впредь ни под каким видом и предлогом восстановлено быть не может.

Установляя отмену личного крепостного права, некоторые гб. км. ввели в проекты свои постановления о проистекающем из этой отмены ограничении помещичьих прав, а другие о сложении с помещиков всех тех обязанностей, которые лежали на них в отношении к их крепостным людям по действующему законодательству.

Во всех проектах положений, за исключением Екатериносл. и Нижегородск., вовсе не упоминавших о правах крестьян по состоянию, заключались или постановления, что срочно-обязанным крестьянам предоставляются права, принадлежащие лицам свободных податных сословий, или подробное исчисление самых этих прав, или же то и другое вместе, но при этом некоторые из гб. км. полагали допустить в этих правах, на все время срочно-обяз. периода, ограничения для обеспечения исправного выполнения крестьянами повинностей помещику.

Равным образом почти все гб. км. предоставляли крестьянам, выходящим из крепостной зависимости, как лицам свободного сословия, право составлять сельские общества и управляться избранными ими должностными лицами.

---

[1]) Блш = большинство; мнш = меньшинство.

II. Вопрос о наделах [1]).

В основание крестьянского надела большинство комитетов полагало расчет по ревизским душам, другие — по тяглам. Из комитетов, отдававших преимущество душевому расчету, новороссийские объясняли, что в их крае великороссийского тягла не существует. Другие объясняли, что хотя тягло доныне и составляет обычную единицу распределения надела и повинностей, но душевой состав тягла, или число тягол в имениях меняется почти каждогодно и назначается помещиком произвольно, больше или меньше, смотря по надобности его в повинностях или в земле. Полтавский км. надел по тяглам в Малороссии находил невозможным потому, что там тягловым называется работник, имеющий пару волов. Число таких работников весьма незначительно и, притом, подвержено в каждом имении частым изменениям.

Преимущество, отданное тягловому расчету, самарское мнш. объясняло след. доводами: а) чем крупнее единица, тем легче исчисление повинностей и вообще все расчеты помещика с крестьянами; б) принятие тягла за единицу надела даст возможность установить во всей губернии, при всем различии наделов, однообразную повинность; в) установивши наперед личный состав тягла, нет повода опасаться, чтобы надел по тяглам мог оказаться недостаточным или излишним. Два члена, симбирское и московское блш., объясняли допущение надела по тяглам издавна принятым обычаем, псковский тем, что тяглами выражается действительная рабочая сила имения, одна способная к производительному пользованию землей.

Относительно размеров надела одни комитеты оставляли существующий надел, другие полагали ему норму. Из комитетов, отстаивавших первое мнение, большинство принадлежало к нечерноземным губерниям. Доводы в пользу существующего надела и против нормы были следующие: а) невозможность определить общую норму надела, которая бы вполне обеспечивала быт и повинности крестьянина, при чем некоторые объясняли, что этот быт нигде не обеспечивается одним земледелием, но и промыслами. Определить, насколько крестьянин обеспечен промыслами и сколько ему нужно земли, по бесконечному разнообразию промыслов и неодинаковой степени их развития в каждой местности, невозможно. Действительную потребность крестьян в земле может показать только настоящее их владение. Но члены владимирского комитета при этом замечали, что за оброчными крестьянами нередко числится вся земля, из которой они пользуются весьма небольшим количеством, а остальную они забрасывают. Потому означенные члены полагали, что в надел крестьянам должно поступить не то количество земли, которое за ними ныне числится, но то, которое они сами действительно обрабатывают; б) невозможность скорого и повсе-

[1]) Т. II, гл. 1.

местного приведения в исполнение нормального надела по отсутствию межевых и кадастровых средств; в) расстройство в хозяйстве как крестьян, так и самих помещиков, вследствие изменения надела. Почти все комитеты, оставлявшие настоящий размер надела, полагали, что помещик во всяком случае может, если пожелает, $^{1}/_{3}$ всего количества земли удержать в своем распоряжении.

Из комитетов, стоявших за определение нормы надела, одни принимали одинаковую норму для всех имений губернии, другие установляли различные нормы, разделяя имения по относительному количеству земли на разряды много - средне - мало - земельных имений. Комитеты, установлявшие общие нормы, уменьшали более или менее настоящий размер крестьянских наделов, при чем уменьшение это менее заметно в нечерноземных губерниях, в местах же хлебородных, например, в губерниях Воронежской, Полтавской, Симбирской, Черниговской и Харьковской, допускались небольшие наделы. Не только в соседних однохарактерных местностях, но для одной и той же губернии большинство и меньшинство одного и того же комитета полагали весьма различные нормы, например, в симбирском км. большинство положило $1^{1}/_{2}$ десятины на душу, 5 членов от 2 до 3 десятин, два члена оставляли существующий надел, около 7 десятин на тягло, нижегородское большинство — в земледельческих имениях 5 десятин на тягло. Комитеты, принимавшие норму, утверждали, что собственная крестьян польза требует возможного уменьшения надела, которое есть шаг к совершенному заменению его впоследствии свободным контрактом и к уничтожению обязательного труда. Пять членов симбирских объясняли, что ныне существующие наделы введены были помещиками по произволу. Сохранение существующего надела они считали несправедливостью к тем помещикам, которые доселе давали крестьянам земли слишком много, и к тем крестьянам, которые получали ее от помещика слишком мало. Некоторые комитеты говорили, что они положили нормы менее существующего надела в видах уменьшения обязательного труда.

По вопросу о сроке, на который предоставлялось крестьянам право пользования наделом, губ. ком-ты выставили три проекта. Одни предоставляли надел в постоянное пользование, при чем некоторые прибавляли, что оно может кончиться только переходом надела в собственность посредством выкупа. Эти комитеты объясняли, что ограничение пользования наделом 12-летним сроком готовит крестьянам участь пролетариев, вполне зависимых от произвола землевладельцев. Самарское мнш. объясняло: если земля нарезывается крестьянам в количестве, соответственном их потребностям, то очевидно, что пока сами крестьяне сознают в ней надобность, она не может быть у них отнята. Другие комитеты, преимущественно южных черноземных губерний, ограничивали право пользования одним срочно-обязанным периодом, после которого оно переходит в свободный контракт. Из комитетов этой группы воронежский находил, что для улучшения быта крестьян, сверх

утверждения между ними правил веры и нравственности, достаточно одной свободы труда. Симбирское блш. утверждало, что обязательность надела земли для крестьян, хотя бы они желали от оного отказаться, бросается в глаза, как явная несправедливость и покушение на свободу крестьян. Конечная цель реформы должна состоять в совершенной замене обязательного надела добровольным соглашением и пока это не совершится — труд не будет свободен и крестьяне останутся под другим именем крепостными. Третья группа комитетов, соглашаясь отчасти с доводами противников постоянного пользования, настаивала на скорейшем выкупе наделов. Особенно энергично это мнение защищалось большинством тверского комитета, объяснявшим, что личная свобода никогда не может осуществиться без свободы имущественной. Если признать крестьянина лично свободным, с правом вольного перехода, оставив всю землю в неограниченном распоряжении помещиков, не значит ли это освободить только помещиков от всех лежавших на них обязанностей в отношении к крестьянам, подчинив последних еще большему их произволу? Такую свободу наш народ называет волчьей волей. Неизбежное при вечном пользовании обязательство общества платить за круговою порукою ренту помещикам было бы вечной крепостью крестьян к земле, несовместной ни с духом времени, ни с понятием о личной свободе, ни с пользою для промышленности и благоденствия страны. Все эти неудобства прекращаются за один раз выкупом надела в собственность, при чем выкуп должен совершиться в самое непродолжительное время.

III. Вопрос о повинностях [1].

По вопросу о повинностях крестьян помещикам за пользование наделами, одни комитеты принимали за общую исходную точку существующий факт, т.-е. повинность, ныне крестьянами отбываемую, несколько облегчая ее, при чем большинство комитетов этой группы принимало за основание существующую норму натуральной повинности, т.-е. число рабочих дней, а семь комитетов, преимущественно промышленных губерний, для оброчных, промысловых и торговых губерний, принимали за норму денежной повинности существующий оброк. Другая группа комитетов приняла за исходный пункт поземельный надел крестьян, стараясь соразмерить ценность земли с ценностью повинностей, или отделить в доходе, получаемом от земли, долю, принадлежащую помещику, как собственнику, от доли, составляющей вознаграждение крестьянина за положенный в землю труд.

Что касается до денежной повинности, то бо̀льшая часть комитетов, определяя ее на основании различных систем, устанавливала новые нормы, определить отношение которых к существующим повинностям можно было бы только по приведении в известность существующих оброков и наделов.

---

[1]) Т. III, гл. 10, 11, 12, 16.

В частных случаях и отдельных имениях комитеты допускали увеличение повинностей против существующих. Только четыре положения поставляли общим правилом, чтобы в отдельных имениях новые повинности были не выше прежних.

Для исчисления повинностей по каждому имению принимались различные единицы: тягло, душа (особенно для торговых и промысловых имений), десятина. Почти во всех положениях раскладка крестьянских повинностей между отдельными домохозяевами предоставлялась самим крестьянским обществам.

Существенное значение имел вопрос: должна ли повинность оставаться неизменной или соразмеряться с повышением и падением ценности земли и добываемых из нее продуктов. Доводы в пользу переоценки повинностей были следующие: 1) Неизменяемость повинности лишила бы навсегда помещика выгод, ожидаемых в будущем от возвышения ценности земли. Будучи поставлен в тесную зависимость от денежного курса, помещик подвергался бы неизбежному понижению при упадке ценности денег относительно других предметов. 2) Рассчитывая на постепенное понижение неизменяемой повинности относительно действительной ценности земель, крестьяне не нашли бы для себя выгоды и никакого побуждения приступить к выкупу своих наделов в собственность.

Комитеты, стремившиеся к поддержанию постоянной соразмерности между повинностью и ценностью земли, предлагали поддерживать эту соразмерность или путем изменения денежной ренты, сообразно с повышением или понижением цен на хлеб, или путем периодической переоценки самой земли.

Значительное большинство комитетов определяло повинности пропорционально наделу и облагало равномерно все десятины, отведенные на душу или тягло. В основе этой системы лежало предположение, что средства крестьян к отбыванию повинностей находятся в прямом отношении к количеству отведенной им земли. Но такое предположение, по явной его односторонности, встречало возражения со стороны интересов промышленных губерний. Средства крестьянина и степень его материального благосостояния зависят не только от количества отведенной ему земли, но еще более от соразмерности надела с оборотным капиталом, временем и рабочими силами, которыми располагает крестьянин. При наделе, несоразмерном с этими условиями, значительная часть земли, отданной ему в пользование, часто ничего не прибавляет к его благосостоянию, или приносит ему ничтожные выгоды, далеко не соответствующие количеству и ценности земли, что весьма нередко встречается в оброчных многоземельных имениях северной полосы. Даже в хлебородных местностях данное количество труда и удобрения, затраченное на 5 десятинах, далеко не принесло бы двойного вознаграждения против того, которое получается теперь крестьянином при сосредоточении тех средств на половинном наделе. Если с точки зрения крестьянских интересов не оправдывается система равномерного обложения повинностью всех десятин, то для

многих владельцев повсеместное ее применение было бы разорительно. Особенно в губерниях промышленных, где денежная повинность преобладает над барщиною, оброки, в общей сложности (по замечанию нижегородского, ярославского, тверского и других комитетов), далеко не пропорциональны крестьянским наделам. Часто встречаются смежные имения, из которых в одном, многоземельном, отведено на душу по 4 и более десятин, а в другом, малоземельном, по три и менее, между тем как в обоих помещики получают одинаковый оброк, а крестьяне находятся на одинаковой степени благосостояния.

Сознание этих неудобств навело некоторые комитеты северных промышленных губерний (Новгородской, Тверской, Ярославской) на мысль обложить повинностью крестьянскую землю подесятинно, но в убывающей прогресии, иными словами: установить градацию между первою, второю, третьею и т. д. десятинами, приходящимися на душу, или между десятинами нормального (коренного) и надбавочного надела. Существенная разница в проектах упомянутых губерний состоит в том, что ярославский распространяет градацию на все десятины среднего душевого надела, до 5-й включительно, тверское блш.—до 4-й десятины нормального надела, новгородское мнш.—до 3-й десятины, а тверское мнш.—не далее одной десятины.

Бо̀льшая часть комитетских проектов допускало три рода повинностей: натуральную, денежную и смешанную. Воронежский км. объяснял, что он принял натуральную повинность, как крайнюю меру, по отсутствию у помещиков капитала. Владимирское блш.—потому, что мало развитое крестьянское население, легко увлекаясь порывами к свободе, оставит на первое время обработку земли как в своем, так и помещичьем хозяйстве, существенно потребном для Владимирской губернии, по недостатку на продовольствие своего хлеба. Новгородское блш., удерживая обязательный труд, по невозможности мгновенно его уничтожить, объясняло, однако же, что уничтожение его было бы самым существенным улучшением крестьянского быта.

Исключение составляли комитеты (Владимирское мнш., Калужское мнш., Нижегородск. блш., Тверской, Ярославский), признававшие только денежную повинность. Калужское мнш., не допуская вовсе натуральной повинности и возражая вообще против самых начал срочно-обязанного состояния, объясняло, что народ наш, при его достоинствах, недостаточно развит, чтобы понять юридическую тонкость — личную свободу при барщине, можно быть уверенным, что он неохотно примет такую свободу. Сохранение барщинного труда, на известное время, есть мера опасная и едва ли сбыточная. Некоторые комитеты, признававшие денежную и натуральную повинность (Пермский, Самарский, Симбирский, Смоленский), не устанавливали смешанной повинности. По объяснению Самарского блш. повинности допускаются только в двояком виде: денежного оброка и натуральной работы; последние, несмотря на неудобства свои, должны удержаться на первое время только потому, что они суще-

ствуют, как факт, в большей части помещичьих имений Самарской губернии и тотчас, со введением в действие настоящего положения, сделать оброк обязательным для всех крестьян невозможно. Повинность смешанная не допущена потому, что натуральная работа слишком в малом количестве вовсе невыгодна для помещика. Сверх того, по недостатку верных данных для оценки труда, невозможно определить: каким количеством денежного оброка может быть заменена часть работы, уплата же повинности сельскими произведениями крайне неудобна, по неопределенности цен за них и по спорам и столкновениям, с которыми необходимо должен быть сопряжен сбор этих произведений.

Большая часть положений установляла для обеспечения исправного отбывания повинностей круговую поруку поземельной общины за каждого из ее членов, не делая различия между натуральными и денежными повинностями и между платою за пользование усадьбами и повинностью за полевой надел. Только шесть положений (Витебск., Воронежск., Курск. мнш., Минск., Симб. мнш., Тульск. блш.) возлагали ответственность перед помещиком за исправность выполнения повинностей исключительно на хозяина отдельного поземельного участка. По заявлению симбирск. членов, опыт показал, что установленное в казенных селениях обязательное круговое ручательство вовсе не предохраняет от недоимок, хотя казенные повинности гораздо ниже помещичьих и недоимки эти всегда слагаются манифестами. Затем пять положений (Витебск., Курск. блш., Пензенск., Петерб. и Псковск.), принимая круговую поруку при общинном владении землей, не допускали ее при отводе земли крестьянам особыми наследственными участками.

IV. Вопрос о выкупе [1]).

Проекты как губернских комитетов в целом, так и образовавшихся в них большинства и меньшинства, по значению, которое они давали выкупу крестьянских наделов, могут быть разделены на четыре разряда.

Одни проекты (Вятск., Таврич., Тульск. блш., Черниг. и Бессар.) или совершенно умалчивали о выкупе, или (Екатерин., Костромск., Рязанск. блш., Херсонск.) только не отрицали возможности приобретения крестьянами земельных наделов в собственность.

Другой разряд комитетов (Витебск., Вологодск., Казанск., Олонецк., Петерб., Полтавск., Псковск., Тамбовск., Ярославск., Виленск. и Донск.) заявлял желание о приобретении крестьянами земель как при содействии правительства, так и путем обыкновенных сделок.

Третий разряд проектов (Астраханск., Курск., Нижег., Новгородск., Орловск., Пермск., Симбирск. мнш., Смоленск., Киевск.) содержал в себе более подробные соображения по этому предмету.

Наконец, четвертый (Владим., Воронежск., Гродненск., Калужск., Минск., Могилевск., Московск. мнш., Пензенск. 25 чл., Рязанск.

---

1) Т. IV, гл. 2.

оба мнш., Самарск., Сарат., Тамбовск. 17-и 10 чл., Тверск. блш., Харьковск.) представил целые планы кредитной выкупной операции. Некоторые из этих последних принимали выкуп наделов за основание при составлении самых положений об улучшении быта крестьян.

Комитеты, принимая или отвергая выкуп, проводили доводы в пользу или против него.

Доводы в пользу выкупа:

1. Неудобства срочно-обязанного положения, если последнее не будет завершено выкупом.

По мнению мнш. Тульск. км. крайняя неопределительность существа срочно-обязанн. положения и излишняя продолжительность его продолжения должны будут удерживать невольно умы крестьян в беспрерывном колебании, порождаемом ожиданием почти обещанных от имени правительства, по истечении срочных лет, перемен, между тем как эти перемены будут зависеть вовсе не от истечения определенного времени, но от выполнения каких-либо других, от этого обстоятельства вовсе не зависящих, экономических условий. По словам Самарск. км., при убеждении крестьян, что земля есть их принадлежность, им трудно будет внушить, почему они, и после освобождения, должны отбывать работы в пользу помещика или платить оброк. При обязательном труде, говорили семь курских членов, во время переходного состояния крепостное право, прекращенное на бумаге, будет существовать на деле, произвол не устранится, а ограничится, злоупотребление права и неотчетливая работа могут усилиться, тем более, что нельзя изобресть меры, обеспечивающей добросовестное применение обязательного труда. Калужский км. вообще весьма мало имел надежды, чтобы оброки за пользование землею уплачивались исправно, а тем менее можно рассчитывать на добросовестное отбывание повинностей натурою. Неминуемым следствием этого будет огромное уменьшение дохода с имений и продажа их с аукциона. При большом же числе разом продающихся имений и притом в переходное время, они пойдут за бесценок, и тысячи дворянских семейств останутся без средств к существованию. По словам Московск. мнш., и правительство едва ли выиграет что-либо чрез искуственное поддержание натянутых, для обеих сторон невыносимых, отношений, все вещественные и духовные основы всякого гражданского быта равно должны будут потерпеть неисцелимый ущерб.

2. Невозможность вполне удовлетворительного разрешения крестьянского вопроса выкупом одних усадеб.

Нижегородское мнш. указывало, что усадьба земледельческого крестьянина имеет смысл и значение в отношении к его полевому участку, усадьба без полей была только приютом, местом для водопоя и для помещения хозяйственных строений. Всем этим земледельческий крестьянин пользовался бесплатно, он нес повинности

работами и деньгами только за полевые угодья, а следовательно приобретение усадьб, при огромных пожертвованиях, не обеспечило бы быта крестьян и не упрочило бы их земледельческой оседлости. Московское мнш. указывало, что выкуп усадеб не всем крестьянам принесет одинаковую выгоду. В промышленных имениях крестьянин, с приобретением усадьбы, получит полное обеспечение своего существования, крестьянин-земледелец, напротив того, с приобретением усадьбы, не приобретет никакого обеспечения в своем быте. Саратовский комитет замечал: если не сделать выкупа обязательным, то выкупят усадьбы только те крестьяне, которые занимаются промыслами, прочие будут рассчитывать на переход в иные местности, где можно найти лучшие условия для земледельческого быта. Обязывая же всех крестьян выкупить только усадьбы, мы свяжем их, отнимем у них возможность располагать своим трудом, они будут арендовать земли, подчиняясь невыгодным условиям, потому что у них не будет своего клочка земли. По мнению Калужск. мнш., выкуп одних усадеб будет разорителен и для помещиков не только оттого, что уступая ту часть, которая составляет основу ценности имения, они не будут обеспечены в доходе с остальной части, но и оттого, что в центре имения водворятся независимые от владельца собственники. Каждый помещик будет испытывать все тягости чересполосицы, для уничтожения которой истрачено столько времени и денег. По замечанию Курск. мнш., чтобы приложить свободный труд к земледелию, необходимы два условия — капитал и рабочие руки. Если при крепостном праве помещики не составили себе капитала, то при обязательном труде тем более. Для устранения столь гибельного положения для помещиков необходим выкуп. Землевладельцы, по словам нижегород. мнш., заменят обеспеченные им повинности за пользование землею капиталом.

Некоторые комитеты и отдельн. члены, отвергая выкуп крестьянами земель, приводили доводы: 1) в пользу вольного найма крестьянами земли; 2) против выкупа в настоящее время, как операции преждевременной; 3) против выкупа вообще.

Пользование землею на праве вольного найма нашло поборников в некоторых из западных губерний, где владение не имело общинного характера. На несвоевременность выкупа указывало 8 членов Могилевск. км.: в здешнем народе понятия о земельной собственности не развиты еще до такой степени, чтобы крестьяне убедились в пользе предлагаемого им способа приобретения такой собственности взносом известных сумм, в продолжение 50 и более лет. Исчисление процентов и постепенное погашение капиталов для них недоступны, они не поймут основания предстоящих им бесконечных уплат и будут считать их несправедливыми. Против выкупа вообще приведено очень мало возражений. Волынский км. замечал, что выкуп расторгает между помещиками и крестьянами связи, которые можно было бы поддержать арендными отношениями, и не обеспечивает мелких собственников, которые не устоят на ряду с большими и обратятся в пролетариев.

По вопросу об обязательности или необязательности выкупа проекты губернских комитетов, за исключением Бессараб. обл., губерний Витебск., Вятск., Екатериносл., Костромск., Таврич., Херсонск., Черниговск., или умалчивавших о выкупе или только допускавших покупку земель крестьянами, могут быть разделены на пять разрядов.

Большинство, 14 комитетов высказывалось положительно в пользу добровольных сделок (Витебск., Вологодск., Воронежск., Казанск., Минск., Олонецк., Орловск., Пермск., Петерб., Псковск., Смоленск., Тамбовск., Виленск. и Киевск.).

5 комитетов находились на стороне выкупа обязательного, (Калужск., Могилевск., Нижегородск., Оренб., Харьковск.).

В 6 комитетах мнения разделились: одна часть членов была за выкуп добровольный, другая за обязательный или против выкупа (Владимирск., Московск., Рязанск., Симбирск., Тверской, Тульск.).

5 комитетов выразились очень неясно, говоря о выкупе, как о мере общей (Астраханск., Курск., Пензенск., Яросл.).

В трех комитетах выкуп, в известных случаях, был допущен обязательный, а в других добровольный (Новгородск., Полтавск., Самарск.).

Доводы против обязательного выкупа подробно были развиты Псковским к-м.: 1) он нарушил бы права собственности помещиков; 2) при повсеместном и единовременном выкупе невозможно определить верно и справедливо стоимость земельных участков; 3) обязательный выкуп не может быть оправдан общественною пользою и подведен под законы об экспроприации; 4) во многих случаях расстроятся большие помещичьи запашки; 5) несправедливо навязывать крестьянам собственность в данном месте; 6) случаи несостоятельности крестьян будут часты и повлекут за собою продажу участков; 7) беспримерный по громадности выпуск бумажных ценностей, хотя бы и гарантированных правительством, будет иметь следствием падение их до размеров, которые и предвидеть невозможно; 8) повсеместный и единовременный выкуп, лишив помещичьи запашки надолго необходимого числа рабочих рук, повлечет за собою упадок земледельческой промышленности и недостаток народного продовольствия до угрожающих размеров.

Огромное большинство комитетов, независимо от средств, указанных ими для обеспечения исправного платежа крестьянами как долговой суммы, так и процентов при выкупе, испрашивали еще: гарантию, содействие, участие или покровительство государства. Все эти выражения имели, если не совершенно тождественный, то довольно сходный смысл.

ГЛАВА III.

ВТОРОЙ ПЕРИОД РЕФОРМЫ.

1. Об учреждении Главного Комитета по крестьянскому делу, 8 января 1858 г. [1]).

(«Сборн. пост.», I, стр. 23.)

Государь император, в 8 день января 1858 г., высочайше повелеть соизволил учредить в непосредственном своем ведении и под своим председательством особый комитет для рассмотрения постановлений и предположений о крепостном состоянии. В состав сего Комитета его имп. вел. изволил назначить: председателя Гос. Совета ген.-ад. князя Орлова, с тем, чтобы он заступал место председателя в Комитете тогда, когда его имп. вел. не изволит председательствовать в оном, и членов Гос. Совета: вел. князя Константина Николаевича, графа Блудова, ген.-ад. графа Адлерберга, князя Гагарина, Ланского, барона Корфа, графа Панина, ген.-ад. князя Долгорукова и Чевкина, ген.-от-инф. Муравьева, Брока и ген.-ад. Ростовцева [2]).

---

[1]) («Журналы Секретн. и Главн. Комитета» т. II.) Главн. Комитет существовал с 10 октября 1860 г. по 14 января 1861 г., под председательством вел. князя Константина Николаевича.

[2]) В этом составе Гл. Комитета группу более или менее решительных сторонников реформы составляли: вел. князь Константин Николаевич, Я. И. Ростовцев, С. С. Ланской, граф Д. Н. Блудов, К. В. Чевкин. О вел. кн. Константине Николаевиче см. в «Мемуарах» П. П. Семенова и статьи М. К. Любавского в сборнике «Освобождение крестьян» и А. Ф. Кони в сборн. «Великая реформа». О Ростовцеве статьи М. М. Богословского в сборн. «Освобождение крестьян» и В. Я. Богучарского в сборн. «Великая реформа». Граф Д. Н. Блудов и К. Н. Чевкин (главноуправляющий путями сообщения) самостоятельной роли не играли.

Из противников реформы самым энергичным был М. Н. Муравьев, министр государственных имуществ. О нем в «Мемуарах» П. П. Семенова, т. III. О В. Н. Панине, назначенном, по смерти Ростовцева, председателем Редакц. Коммиссий, статья Дживелегова в сборн. «Великая реформа», также в «Мемуарах» П. П. Семенова и в «Матер. по ист. упраздн. креп. права», т. II — III. О кн. Орлове, кн. Гагарине, кн. Долгорукове, графе Адлерберге, как представителях крупной землевладельческой аристократии и противников освобождения крестьян с землей, биографиче-

2. Из писем Я. И. Ростовцева Александру II [1]).

(А. Скребицкий, т. I, стр. 908 — 925.)

Главному Комитету подлежат ныне к разработке два коренных вопроса, от которых зависят судьбы России, тут иногда, повидимому неважная ошибка может разростись в громадные последствия.

Два вопроса эти суть: рассмотрение Положений губернских комитетов и их обнародование.

Позвольте начать с обнародования.

Здесь следует соблюсти непременно три условия:

1. Чтобы крестьянин немедленно почувствовал, что быт его улучшился.

2. Чтобы помещик немедленно успокоился, что интересы его ограждены.

3. Чтобы сильная власть ни на минуту на месте не колебалась, отчего, ни на минуту же, и общественный порядок не нарушался.

Для сего необходимо, чтобы патриархальная власть помещика, державшая доселе в спокойствии всю Россию, но при новом порядке вещей уже невозможная, заменилась немедленно другою надежною властию, т.-е. совокупными действиями мира, помещика и правительства, чтобы достоинство помещика было в глазах крестьян уважено и возвышено и чтобы все отношения крестьян и к помещику и к местному начальству и между собою были определены и определены точно.

Для достижения всего этого, кроме Положений губернских, необходимо предварительно составить и еще различные законоположения... Ни один из способов, употребленных в Европе при изменении быта крестьян, не может быть принят за образец в России.

Там заботились не об освобождении крестьян, а о наделении их поземельною собственностью. России же предлежат к разреше-

---

ские сведения и характеристики в «Мемуарах» П. П. Семенова. Министр финансов П. Ф. Брок активности не проявлял и был уволен в 1858 г., его преемник А. М. Княжевич примыкал к Муравьёву. М. Н. Корф в феврале 1858 г. был уволен, по собственному желанию, от участия в Комитете.

[1]) В августе и сентябре 1858 года Я. И. Ростовцев, находясь на излечении за границей, послал Александру II 4 письма с изложением своих взглядов на реформу. По повелению государя Ростовцевым было составлено извлечение из писем, которое и разослано всем членам Главн. Комитета. Извлечение напеч. у Скребицкого, т. I, прилож. Подробное изложение писем в «Материалах для истории упразднения креп. сост.», I, стр. 380 — 407. Взгляды Ростовцева по наиболее острому вопросу всей реформы, о приобретении крестьянами земли за выкуп, окончательно определились в его записках: «Ход и исход крестьянского вопроса» (14 февраля 1859 г.) и «Дополнение» к ней (8 апреля 1859 г.). В первой он писал: «Главная идея выкупа должна, по моему убеждению, состоять в том, чтобы крестьяне, по полюбовном соглашении с помещиком о выкупе земли, заплатили за нее оброком, не превосходящим их повинностей. Выкуп немедленный и обязательный был бы наиполезнейший, если бы только был он признан возможным и справедливым; этим Россия избегла бы трудного для нее периода срочно-обязанного». Во второй: «Чем более углу-

нию две задачи: первая—собственно освобождение, вторая—наделение крестьян землею.

Наделение крестьян землею ныне же, немедленно, и Главный Комитет и государь император признали невозможным, выкуп земли у помещиков правительством обошелся бы ему до миллиарда рублей серебром. У правительства нет и малой части таких баснословных богатств, выпуск же облигаций или заем в такую сумму произвели бы в России финансовую революцию, сверх того русский крестьянин, за исключением малаго числа губерний и некоторых промышленных местностей, не понял бы бинома для выкупа земли в несколько десятков лет и сказал бы: «вот-те и свобода, оброку надбавили».

Вследствие этого было решено озаботиться ныне же исполнением только первой задачи, предоставив самому развитию вопроса разрешить вторую.

Посему весь Комитет единогласно положил и государь император утвердить соизволил: по невозможности освободить крестьян ни с землею, ни без земли, оставить им при освобождении их дома, их огороды и их пашни в постоянное пользование (до выкупа).

Этим сохранены крестьянину и прежний кров и прежний хлеб.

Затем, личная свобода (при обнародовании Положений) должна вести крестьянина и к свободе труда, как к источнику и дальнейшего духовнаго его развития, и улучшения материального его благосостояния.

Без этих условий освобождение крестьян было бы только одним именем, и потому необходимо оградить надежность этих условий.

Для сего необходимо включить в законоположения об освобождении крестьян такие элементы, которые постепенно, безостановочно, в историческом их развитии, усиливали бы возможность крестьянам делаться поземельными собственниками и вызвали Россию к новой жизни без потрясений государственных, без посредничества огромных капиталов правительства, которых оно не имеет и никогда иметь не может, и без нарушения прав дворян помещиков.

бляюсь я в крестьянский вопрос, тем более и более прихожу к убеждению, что срочно-обязанный период, в том смысле, как его доселе разумеют, т. е. с барщинною работою, будет и для помещиков и для России чрезвычайно труден. Соединить права свободного человека с требованием от него обязательного труда, без сильной власти на месте, составляет такое искуственное условие, что исхода его, как относительно обоюдных недоумений двух сословий, так и относительно государственного хозяйства, и предвидеть, во всех подробностях, невозможно». Обе записки у Скребицкого, т. I, прилож. О перемене взглядов Ростовцева на крестьянскую реформу в записках Я. А. Соловьева: «По возвращении Я. И. Ростовцева (из-за границы) с ним произошла видимая перемена. Он явился не тем уже Ростовцевым, который с Паниным и Муравьевым писал начала уездного управления, а с Позеном — программу для губернских комитетов. Он из реакционеров сделался ревностным прогрессистом и отчаянным эмансипатором, характеризуя свои действия и слова тем энтузиазмом, которым отличался во всех своих действиях».

Чрезвычайно трудно интересы двух сословий, доселе жизненно неразрывных, поставить в равновесие без столкновений. Это самая важная задача нашего Комитета.

В последующем изложении я старался приготовить только канву, т.-е. изобразить только характер и дух законодательства: эти главные черты потребуют еще большего развития в подробностях.

Начала эти, или какие-либо другие, лучшие, но только в духе им подобные, могут дать, по моему крайнему разумению и по моему крайнему убеждению, благополучный исход нашему вопросу.

Последствия могут быть опасны, если бы подробностями изложения нарушили коренной смысл главных начал. Тут достаточно одной необдуманной меры, чтобы уничтожить или помещика или свободу крестьян. И нравы и обычаи и местные условия чрезвычайно в России различны, для всех стран нашего отечества общие коренные законы могут быть равно пригодны и полезны, но постановления подробные и мелочные по мерке всем не придутся и произведут замешательство вместо порядка и вред вместо пользы.

И потому, смею повторить, надобно быть чрезвычайно осторожным в изложении подробностей.

Осторожность эту надобно соблюсти и в следующих двух предметах:

В постановлениях для мирской общины, как ей в совещательных своих собраниях действовать, и в определении рода и меры наказаний по приговору мира за каждый проступок виновного.

И то и другое каждая мирская община обсудит и постановит практически лучше всяких законодательных теорий.

Относительно наказаний, осмелюсь еще присовокупить, что, во всяком случае, о наказаниях телесных не следует упоминать вовсе: во-первых, это было бы пятном настоящего законодательства, законодательства об освобождении, во-вторых, есть же в России места, где телесное наказание, к счастию, вовсе не употребляется.

Некоторые говорят, что русский мужичок розгу любит. Точно ли это справедливо? Если же он к ней и привык, то не надобно ли его от нее отучать?

Каждая мирская община разберет это сама и, конечно, определить меры исправительного наказания, соображаясь с нравственными условиями своего общества.

Сверх того, исправительные меры, постановленные высочайшею властию, должны, как и всякий закон, действовать долгое время.

Со смягчением нравов и исправительные меры сами собою должны смягчаться, если же меры эти смягчаться не будут, не будут смягчаться и нравы...

Предстоит к обсуждению важный вопрос:

Обнародовать ли Положение за Положением каждой губернии отдельно, или все Положения вместе, для сличения единства системы и коренных постановлений и для употребления лучших мыслей каждой губернии на пользу всех. Я нахожу удобнейшим способ последний...

3. Журнал Главного Комитета 4 декабря 1858 г. [1]).

(«Журн. Секретн. и Главн. Комитетов», т. I, стр. 297—300.)

Главный Комитет по крестьянскому делу 19, 24 и 29 ноября 1858 года, имел заседания в высочайшем присутствии государя императора. Его величество изволил изъяснить, что при предстоящем рассмотрении составляемых по губерниям положений в учрежденной при Главном Комитете Комиссии необходимо, чтобы Комиссии были указаны те главныя основания, которыми она должна при этом руководствоваться, равно как и Главный Комитет при окончательном обсуждении предположений Комиссии. Следуя сим основаниям, Комиссия будет поверять поступившие в оную работы губернских комитетов, отвергая те предположения, кои будут с оными несогласны. Впрочем, если бы Комиссия, при рассмотрении губернских проектов, нашла, что заключающиеся в них предположения, хотя и несогласны с указанными основаниями, но действительно полезны и потому могут быть приняты, то от нее будет зависеть представлять о таких предположениях на высочайшее усмотрение государя императора чрез Главный Комитет.

В сих видах его императорское величество изволил признавать необходимым обсудить подробно в Главном Комитете по крестьянскому делу те вопросы, разрешение коих может служить основанием предстоящих Комиссии и Главному Комитету работ. После предварительного рассмотрения сих вопросов в совокупности и каждого вопроса в отдельности, государь император высочайше изволил повелеть: при рассмотрении, как предварительно в учрежденной при Главном Комитете Комиссии, так и окончательно в Главном Комитете, губернских проектов, руководствоваться следующими началами:

1. При обнародовании нового положения о помещичьих крестьянах предоставляются сим крестьянам права свободных сельских сословий, личные, по имуществу и по праву жалобы.

2. Крестьяне сии входят в общий состав свободного сельского сословия в государстве.

3. Крестьяне распределяются на сельские общества, которые должны иметь свое мирское управление. Для всех губерний мирское управление обязательно только в отношении административном, в тех же из губерний и уездов, где по народному обычаю уже существует общинное пользование угодьями, мирское управление заведует и сими угодьями.

4. Власть над личностью крестьянина, по исполнению или по нарушению им обязанностей члена сельского общества, сосредоточивается в мире и его избранных. При определении подробностей устрой-

[1]) Сравнительно с рескриптом 20 ноября 1857 г., постановления Главн. Комитета в Журн. 4 декабря 1858 г. выражают поворот правительства в сторону удовлетворения буржуазных интересов дворянства.

ства мира и учреждений, посредством коих он должен действовать а также отношений мира к помещику, обратить внимание: а) на постановления по сему предмету, изложенные в Своде Законов, и б) на IX гл. программы, данной в руководство губернским комитетам, сообразив, может ли сия глава оставаться в прежней силе или следует ее изменить.

5. Помещик должен иметь дело только с миром, не касаясь личностей.

6. Мир отвечает круговою порукою за каждого из своих членов по отправлению повинностей, казенных и помещичьих.

7. Необходимо стараться, чтобы крестьяне постепенно делались поземельными собственниками. Для сего следует: а) сообразить, какие именно способы могут быть предоставлены со стороны правительства для содействия крестьянам к выкупу поземельных их угодий, и б) определить условия прекращения срочно-обязанного положения крестьян. При сем государь император соизволил высочайше повелеть:

а) чтобы с будущего 1859 г. все превышение в доходах с государственных имуществ, противу настоящего, поступало на содействие помещичьим крестьянам к выкупу их угодий.

б) чтобы Комиссия сообразила, можно ли прекращение срочно-обязанного положения определить так:

срочно-обязанное положение прекращается, как для мира вообще так и для крестьянина отдельно, когда они или целым обществом или по одиночке выкупят у помещика ту землю, которая вследствие высочайших рескриптов, будет им определена в пользование, или когда крестьянин выкупит у помещика такие угодья, которые, на основании тех же высочайших рескриптов, могут обеспечивать ему исправную уплату податей и повинностей.

8. При обнародовании положения постановить, что земли ненаселенные, принадлежащие дворянам, могут приобретать и впредь, на основании существующих постановлений, лица всех сословий; если же на земле будут водворены крестьяне, то лица, не имеющие ныне права владеть имениями населенными, — могут приобретать покупкою и такие земли, с тем только, чтобы при самой покупке имения, одновременно с совершением купчей, крестьяне, в имении водворенные, получали в собственность усадьбы, пахотные земли и прочие угодья за выкуп по полюбовному соглашению. При этом обсудить и определить меры, кои должны быть приняты для ограждения крестьян от притеснений со стороны покупщика, особенно при уплате определенного по взаимному соглашению выкупа.

9. Подобные же условия предоставить заключать и самим помещикам, буде пожелают.

10. Мелкопоместным дворянам, кои при освобождении крестьян понесут убытки или расстройство в хозяйстве, оказать некоторое пособие со стороны правительства.

11. При рассмотрении губернских проектов сообразить и определить способы и порядок устройства дворовых людей, и, наконец.

12. Способствовать всеми возможными мерами к ограждению большого сельского хозяйства, но без стеснения личной свободы крестьян и без нарушения тех прав, кои будут им дарованы, оказывая всемерное покровительство устройству и малых хозяйств, дабы сохранить нашу земледельческую промышленность и устранить всякое опасение в доставлении хлеба для продовольствия войск и городов и поддержать нашу хлебную торговлю с иностранными государствами.

В заключение государь император изволил предоставить Комиссии: в тех случаях, когда при исполнении возложенных на нее обязанностей, встретятся вопросы, требующие разъяснения, входить с представлениями в Главный Комитет, коему и испрашивать на такие вопросы разрешения его величества.

Главный Комитет по крестьянскому делу, выслушав такое высочайшее его императорского величества повеление, положил: принять оное к надлежащему руководству и исполнению как по Главному Комитету, так и по учрежденной при оном Комиссии.

4. Борьба по основным вопросам реформы в Редакционных Комиссиях и в Главном Комитете.

(Из мемуаров П. П. Семенова-Тян-Шанского.)

I. Вопрос о нормах земельных наделов [1]).

Нам предстоял вопрос первостепенной важности, а именно: какое количество земли из состава поместья должно быть закреплено в крестьянском пользовании. До учреждения Редакционных Комиссий вопрос этот разрешали в правительственных сферах тем, что признавали необходимым закрепить за крестьянами количество земли, достаточное для обеспечения их быта и отправления ими государственных и помещичьих повинностей. Переводя это количество в цифры десятин, губернские комитеты разрешали этот вопрос весьма различно, но все-таки большая часть дворян-помещиков, признавая неизбежным разделение между ними и крестьянами земель поместья, старалась захватить в свою уже полную и неотягченную никакими сервитутами собственность львиную долю, соглашаясь отдать крестьянам только от 1 до 2 дес. на душу. Разумеется, члены Редакционных Комиссий, набранные, по преимуществу из меньшинства губернских комитетов, были великодушнее, но и они по большей части не шли далее 2¹/₉ десятин на душу, со включением усадеб.

Иначе смотрели на этот предмет представители министерства внутр. дел, Милютин и Соловьев. В первых же заседаниях хозяйственного отделения они стали справедливо доказывать нам, что

---

[1]) Том III, гл. 10.

вопрос о размере нормального надела земли, необходимого для обеспечения крестьянского быта, поведет к бесконечным спорам и, при трудности разрешения его однообразно для всей России вследствие разнообразия местных условий в разных частях государства, для правильного его разрешения потребовались бы многолетние кадастровые работы, почему, по их мнению, из этого вопроса не было другого практического выхода, как принять за исходную точку существующие крестьянские наделы.

Князь Черкасский и я, соглашаясь в принципе с практичностью и даже справедливостью этого предложения, возражали, однако же, против него, говоря, что во многих имениях, и в особенности в оброчных, помещик, не имея уже своей запашки и обязательного труда, бросал все земли поместья на произвол судьбы, не препятствуя крестьянам пользоваться ими, но облагая их зато самыми высокими оброками, какие только крестьяне могли платить ему.

После продолжительного обсуждения этого вопроса, мы, соглашаясь на удержание за крестьянами существующих наделов, настаивали на том, чтобы во всяком случае наделы эти не превышали определенного особо для каждой местности России максимального размера, а также на том, чтобы земли, превышающие этот размер, были признаны уже полной собственностью помещика. С этим согласились все члены хозяйственного отделения, предвидя, однако, большие затруднения при определении установляемых максимальных размеров наделов в 700 уездах России.

Затем возбужден был вопрос: не следует ли установить и низший размер надела для тех исключительных случаев, когда помещик, вопреки обычному праву, совсем или почти совсем не наделял крестьян землею, а держал их на положении безземельных батраков, не соблюдая даже письменного закона о трехдневной барщине. Эти случаи встречались нередко в мелкопоместных имениях, где дворянин-помещик иногда собственноручно занимался хлебопашеством. Мы единогласно решили установить везде низший размер надела в одну треть высшего, а если и такого размера крестьяне не имели, то помещик обязан был довести крестьянский надел до этого размера из земель своего поместья, не бывших в пользовании крестьян.

II. Вопрос о личной или общинной собственности крестьян на их наделы, и о праве крестьян выделяться из общества [1]).

Должно ли было стремиться к тому, чтобы земли, закрепленные в собственность сельского общества, находились в общинном его пользовании или же в подворно-наследственном пользовании отдельных домохозяев? Большинство Редакционных Комиссий было уже и в то время на стороне личной, а не общинной собственности, как более способствующей успехам земледелия. За личную соб-

---

[1]) Т. III, гл. 10; т. IV, гл. 10.

ственность стояло большинство членов от правительства, принадлежавших к высшей столичной бюрократии, и почти все члены-эксперты из западных и малороссийских губерний, где общинного землевладения никогда не существовало. За общинное же землепользование было только меньшинство правительственных членов и большинство великороссийских членов-экспертов, в особенности же те из них, которые по своим убеждениям примыкали к славянофильской группе. Все мы единодушно утверждали, что за исходную точку реформы должно признавать существующий факт, стало быть, раз 70% крестьянского сословия всей России состояло на общинном пользовании, то никто из нас, составителей Положения об освобождении крестьян, не согласился бы на какое бы то ни было изменение и тем более на насильственный переворот в существующем порядке землепользования, т.-е. на обращение общинного землепользования в подворное. Все мы при том сознавали, что сельский сход, правильно организованный и тесно связанный имущественными интересами, представит на первый раз самый твердый оплот против последних усилий помещиков сохранить за собою прежнюю власть над крепкими земле-крестьянами и вместе с тем заменит собою сильную власть помещика над крестьянами, не привыкшими еще быть свободными хозяевами своей только что создающейся собственности.

Существенное разногласие в самой среде большинства Редакционных Комиссий произошло по ст. 27 заключения юридического отделения, предоставлявшей каждому члену сельского общества требовать, чтобы из состава земли, приобретенной в общественную собственность, был ему выделен навсегда в частную собственность участок, соразмерно с долею его участия в приобретении сей земли. Предполагалось облегчить зажиточным крестьянам выкуп полных их наделов, главную ценность которых в торговых и промышленных селениях составляла усадебная оседлость, и допустить признание их личными собственниками, не подлежащими ни круговой поруке за своих односельцев, ни переделу выкупленных ими наделов.

Защитники этой статьи говорили о преимуществах фермерского хозяйства на отрубных участках перед трехпольным хозяйством на общинной земле, поделенной узкими полосами на трех полях. Возражали Ю. Ф. Самарин, говоривший об историческом значении общинного устройства в мирском самоуправлении крестьян, и кн. В. А. Черкасский, указавший, что только такому юридическому лицу, как коллективный собственник — сельское общество, правительство и решается дать кредит, за круговой порукою, на миллиардную выкупную операцию, по окончании которой, через полвека, можно уже будет думать о предоставлении крестьянских надельных земель в личную их собственность. Н. А. Милютин высказал, что он не видит в 27 статье особой опасности. Сначала, при обремененности земельных участков большими выкупными платежами, она будет применяться весьма редко, а по мере уменьшения долга на отдельных крестьянских участках случаи досрочного его погашения, конечно, встретятся чаще, и при сильном повышении стоимости земли, кото-

рого можно ожидать в полустепных черноземных губерниях, может увеличиться опасность скупки надельных участков у самых бедных и разорившихся крестьян и опасность расхищения крестьянских надельных земель. Но это зло может быть легко и своевременно предупреждено установлением закона об общей неотчуждаемости всей совокупности крестьянских надельных земель.

Статья 27 была принята большинством 16 членов против 5 и вошла в Положение 19 февраля 1861 г. под именем ст. 165.

В первое 20-летие по освобождении крестьян ст. 165 имела, действительно, ничтожное применение, но через четверть столетия, когда в черноземных полустепных губерниях цены на земли непомерно возросли, случаи досрочного погашения выкупного долга и выкупа отдельными крестьянами причитающихся им участков чрезвычайно участились и по расследовании оказалось, что выкупают участки земли не зажиточные крестьяне-домохозяева, с целью устроиться на них хуторским хозяйством, а самые бедные, разорившиеся или пропойцы, на деньги скупщиков, обративших себе в ремесло расхищение крестьянских земель.

III. Вопрос о бессрочности пользования наделами [1]).

Граф Панин, ни разу не возражавший против предоставления крестьянам в бессрочное пользование их наделов, твердо установленного в предшествовавших докладах, уже рассмотренных и предварительно утвержденных под его председательством, неожиданно предложил исключить из доклада, относящегося до малороссийских губерний, слово «бессрочное» в виде, как он выразился, уступки желаниям дворянства.

Большинство членов Комиссий единодушно возразили графу Панину и единогласно отвергли его предложение, которое нашло поддержку только в трех польских членах-экспертах и в трех членах от правительства, часто стоявших в оппозиции с большинством Комиссий.

Милютин и кн. Черкасский старались объяснить графу Панину, что многие из губернских комитетов нашли для себя точку опоры в том, что в утвержденной Главным Комитетом и данной им в руководство программе (составленной М. П. Позеном) очень хитроумно обойден вопрос о том, останутся ли в пользовании крестьян земли, отведенные им в надел, по окончании срочно-обязанного периода, или же эти земли будут возвращены помещику. Опираясь на это, они признали для себя обязательным только наделение крестьян землею на 9 или на 12 лет, сохранив надежду на возвращение этих земель в полную собственность помещиков. В Редакционных Комиссиях вопрос этот был единодушно разрешен в том смысле, что пользование крестьян их наделами должно быть признано бессрочным впредь до выкупа, что с полной ясностью и было форму-

---

[1]) Т. IV, гл. 3

лировано в заключениях докладов отделений, утверждаемых общим присутствием. Когда собрались в Петербурге депутаты первого призыва, то только 5 из них высказались против бессрочного пользования, а остальные или согласились с заключениями Редакционных Комиссий, или же обошли этот вопрос молчанием.

Если вычеркнуть из Положения слова «бессрочное» и «постоянное», то оставалось бы, по мнению кн. Черкасского, или вовсе умолчать о том, что произойдет по прошествии переходного времени с крестьянскими землями и повинностями, или выразить в той или другой форме, что земля от крестьян отбираема не будет, но условия пользования ею будут вновь установлены по истечении известного срока. И то и другое было бы крайне опасно, так как крестьяне в том и в другом случае увидели бы положительное обещание правительства через несколько лет вновь приступить к улучшению их быта, т.-е. к облегчению их повинностей помимо воли владельца.

«То пользование, которое мы установили, — прибавил Самарин, — есть действительно бессрочное, так как конец ему может положить только выкуп крестьянами их наделов при помощи правительства и с согласия помещика; нет причины нам это скрывать. На нескольких крестьянских сходках, на которых мне привелось быть, я сам слышал, как крестьяне спрашивали: «что же будет с нами после нашего освобождения?» Это неведение уничтожает в них всякую охоту к деятельности, и они ничего предпринять не решатся. Русскому мужику необходимо, чтобы выражения были просты и ясны, и если не сказать им, что земля, которая доселе была их кормилицей, отдастся им в бессрочное пользование до тех пор, пока они при помощи правительства ее не выкупят, то от этого умолчания пострадает весь их экономический быт».

Между тем до депутатов второго призыва быстро дошли, может быть, даже преувеличенные слухи о разногласии между председателем и большинством Редакционных Комиссий по вопросу о предоставлении крестьянам в бессрочное пользование их надельных земель. На этих-то слухах депутаты и построили свои надежды достичь того, чего не могли достигнуть депутаты первого призыва, а именно сокрушения всего законопроекта Редакционных Комиссий. 12 апреля они представили графу Панину свою записку, подписанную 3 депутатами второго призыва, которую и просили представить на усмотрение самого государя.

IV. Вопрос о повинностях [1].

Раз мы приняли за основание размера надела существующий факт и оставляем за крестьянами существующие наделы (в определенных пределах), то мы должны принять за исходную точку и существующие в оброчных имениях денежные повинности, лучше

[1]) Т. III, гл. 10, 12; т. IV, гл. 11, 21.

всего указывающие на платежные средства крестьян. Исходя из этого соображения, Самарин предложил взять для выходящих из крепостной зависимости крестьян всей России один и тот же размер оброчной повинности, соответствующий принятому для каждой местности высшему размеру надела. Предложение Самарина было принято единогласно. Что же касается высшего размера оброка с высшего душевого участка, то он был определен предварительно (до объяснений с депутатами) в 8 руб. Решили предоставить крестьянам право переходить после кратковременного (3-летнего) срочно-обязанного периода, без согласия помещика, с барщины на этот оброк. В поместьях же, состоявших уже на оброке при крепостном праве, решили оставить без изменения существующие оброки там, где они не превышали этого установленного максимума, но уменьшить их там, где они его превышали. Таким образом упрощалась задача регулирования ненавистной для крестьян барщины и отпадали все безвыходные споры губернских комитетов об урочном положении, которое бы сделалось источником непрерывных и нежелательных столкновений между помещиками и крестьянами.

При обсуждении уступок мнениям представителей дворянских комитетов в вопросе о размерах крестьянских наделов и повинностей мы вспомнили откровенное заявление одного из типичных комитетских депутатов (Владимирского — Парначева). Он говорил: «мы теперь, защищая свои материальные интересы, возводим на вас в своих отзывах веские обвинения в революционных тенденциях, сравнивая с такими страшными социал-демократами, какими мы признаем, например, Прюдона, а в разговорном языке называем вас «красными». Затем мы поднимаем целую бурю против устанавливаемого вами сохранения существующих крестьянских наделов в пределах предлагаемых вами максимума и минимума и стараемся доказать, что устанавливаемый вами 8-рублевый оброк, соответствующий высшему размеру надела, будет для нас разорителен. Между тем стóит вам повысить вашу цифру оброка на один рублик и уменьшить высший размер наделов в одних уездах на $1/2$, а в других даже на $1/4$ десятины, и тогда мы оспаривать ваших цифр не будем».

Совершенно в смысле предложения Парначева и был поставлен предстоящий вопрос. Повышение цифры душевого оброка было принято повсеместно, кроме Смоленской и Олонецкой губерний, а относительно высших наделов условились пересмотреть еще раз все те первоначальные цифры и допустить уменьшение на $1/4$ и даже на $1/2$ десятины везде, где это не будет иметь последствием частые отрезки от существующих наделов. Н. А. Милютин остроумно заметил, что хотя он считает в настоящее время 9-рублевый оброк непосильным для крестьян, но соглашается на такое повышение только потому, что при финансовом управлении нынешнего министерства рубль довольно быстро обратится в полтинник.

Затем мы перешли к вопросу, возбужденному депутатами, о периодической переоброчке повинности, в виду единогласных возра-

жений против неизменности повинности за неотчуждаемые крестьянские наделы.

Все мы единодушно сочувствовали установленной нами неизменяемости денежной повинности за укрепляемый за крестьянами в вечное пользование неизменный и неотъемлемый надел и выражали надежду, что через 20 лет, после которых, по мнению депутатов, должна быть допущена переоброчка, большинство крестьянских селений уже перейдет на выкуп. Но в тех селениях, где этого выкупа не последует, нельзя будет не признать, что переоценка повинности представлялась принципиально справедливою.

Н. А. Милютин высказал свое убеждение в том, что на введение в законопроект переоброчки, в виде успокоительной уступки желаниям членов губернских комитетов, он может согласиться только потому, что через 20 лет ни один министр внутренних дел не возьмется за переоценку повинности, а так как к этому времени большинство помещичьих имений будет уже на выкупе, то дело кончится обязательным выкупом остальных.

Редакционные Комиссии, уступая почти единогласному желанию членов губернских комитетов как первого, так и второго призывов, решились допустить переоброчку для невыкупленных еще наделов по истечении достаточно продолжительного, а именно 20-летнего срока. Но решение это было далеко не единогласно, и многие из составителей законопроекта остались при своем убеждении в необходимости неизменяемости повинности до выкупа.

Ю. Ф. Самарин объяснил, что переоценка повинности по стоимости хлеба, как то было предложено депутатами губернских комитетов, могла бы быть установлена лишь в том случае, если бы можно было считать крестьянина фермером, выпускающим много хлеба на продажу, но то количество хлеба, которое он добывает со своего надела, служит ему только необходимым для поддержания его существования обеспечением. Переоценка возможна лишь тогда, когда крестьянин будет продавать собранный им хлеб, а не съедать его. Последствия переоброчки будут чрезвычайно разнообразны. С улучшением путей сообщения хлеб может даже упасть в цене. Это, вероятно, будет даже выгодно для крестьян, которым в большинстве случаев, в особенности при вероятном быстром увеличении населения, придется прикупать хлеб для своего употребления, а повинность будет понижаться при переоброчке в явный ущерб помещикам. При том же допущение переоброчки представляет еще и ту опасность, что она может совершенно парализовать выкупную операцию там, где она не совершится в течение первых 10 или 15 лет по освобождении крестьян. Там помещики пойдут на выкуп лишь в случаях, где повинность может уменьшиться, там же, где увеличится, помещики не будут иметь никакого побуждения итти на выкуп. По этому поводу член Редакционных Комиссий Н. Х. Бунге счел долгом объяснить, что начало неизменности повинности было принято при освобождении крестьян в европейских государствах, а в Лифляндии была допущена переоброчка, но с вознагра-

ждением за то крестьян от помещика. В сельском хозяйстве играет роль затрата капитала. Если будет переоброчка, то надо будет допустить вознаграждение крестьян со стороны помещика за те улучшения, которые будут ими сделаны на их наделах.

При голосовании вопрос был решен Редакционными Комиссиями утвердительно, в смысле допущения переоброчки, большинством 21 голоса против 5.

В Главном Комитете против установленной Редакционными Комиссиями неизменности повинностей в течение 20 лет восстали три члена: Муравьев, кн. Долгоруков и Княжевич. Они считали невозможным оставлять без переоброчки крестьянские повинности в течение 20 лет и возражали против ссылки Редакционных Комиссий на то, что такой же срок был уже принят в Царстве Польском. Они говорили, что там первоначальное определение повинностей было предоставлено взаимному соглашению с предварением, что повинности останутся неизменными 20 лет. В настоящем же случае повинности устанавливаются в указных размерах без соглашений, и притом даже и меньшие повинности против указных оставляются без изменения на означенный срок. Три члена, принимая в соображение еще и то обстоятельство, что в отношении к землям, предоставляемым в пользование государственных крестьян, установлены переоброчные сроки от 14 до 12 лет, полагали неудобным допущение резкого различия при определении оброчных повинностей крестьян, водворенных на землях частных владельцев. По мнению трех членов, надлежало бы, применяясь к вышеозначенным правилам, соблюдаемым по министерству государственных имуществ, назначить 14-летний срок переоброчки.

Остальные же 6 членов (вел. князь Константин Николаевич, гр. Блудов, гр. Адлерберг, Ланской, гр. Панин и Чевкин) согласились с Редакционными Комиссиями.

V. Вопрос о вотчинной власти помещиков [1]).

Защитников удержания за помещиком по освобождении крестьян вотчинной (патримониальной) власти не нашлось, кроме гр. П. П. Шувалова. Впрочем, гр. Шувалов поддерживал оставление за помещиком права на вотчинную власть в своем поместьи только при первом рассмотрении доклада административного отделения. Вслед затем гр. Шувалов из-за своего конфликта с остальными членами Комиссий перестал посещать общие собрания на довольно продолжительное время, и вопрос этот не возбуждался до приезда депутатов в конце августа 1859 г.

Редакционные Комиссии признали сельское общество, как юридическое лицо, наделенное землею, естественной единицей крестьянского самоуправления. Несравненно труднее было организовать не хозяйственную, а независимую от помещика административную

---

1) Т. III, гл. гл. 11, 15; т. IV, гл. 2, 17.

единицу, самоуправление которой, под надзором правительственных учреждений, могло бы заменить собою сильную власть помещика. После долгих колебаний в наименовании мы, наконец, выработали эти две единицы: одну — хозяйственную, под названием сельского общества, а другую—административную, под названием волости.

Против соединения хозяйственных крестьянских единиц-обществ в самостоятельные административные единицы-волости возражал Позен, находивший, что каждое поместье должно составлять не только отдельную хозяйственную, но и административную единицу, в которой функцию волостного управления должна заменять патримониальная власть помещика, конечно, только до выкупа, и лишь по окончании выкупа можно было бы образовать волость из вышедших из патримониальной помещичьей власти сельских обществ. Соловьев на это заметил, что если патримониальные права будут предоставлены помещику в полной мере, хотя бы только до выкупа, а выкуп, в свою очередь, ничем не нормированный, будет зависеть только от добровольных соглашений помещиков и крестьян, то освобождение крестьян произойдет только на бумаге и по имени, и едва ли когда-либо управление собственными делами перейдет в руки крестьян.

Было обращено внимание на замечание депутатов о том, что при продолжении еще обязательного труда исправное его исполнение ничем помещику не обеспечено. Потому одни предлагали оставить за помещиками на время барщины право дисциплинарного взыскания с крестьян, а другие право при всякой их неисправности отбирать у виновных их земельные наделы. Последнее предложение было единогласно нами отвергнуто, так как оно имело бы неминуемым последствием быстрое обезземеление крестьян, к которому так стремились губернские комитеты. Между нами возникло предложение, чтобы, при невозможности переделать худо исполненную работу, помещику было предоставлено отсылать виновных в сельскую расправу, где они должны были быть подвергнуты тем взысканиям, которые допускались в то время и для государственных крестьян. Ю. Ф. Самарин высказал категорически, что невозможно выйти из предстоящего затруднения, если не предоставить помещику права требовать на все время барщины взыскания с виновных в случае неисполнения натуральной повинности. «Мы не хотим,— говорил он, — чтобы помещик был начальником сельского общества, мы не хотим, чтобы земля отбиралась от крестьян и чтобы они были постепенно обезземелены... Мы желаем, наоборот, скорейшего выхода их на оброк и свободный труд, мы желаем, чтобы им открылся путь к выкупу земель, главным же к тому побуждением представляется такое устройство их положения, в котором они бы чувствовали тяготу барщины, а для этого необходимо, чтобы эту барщину они отбывали действительно, а не уклонялись от нее, для чего неизбежны такие меры побуждения, при которых за неисправное отбывание барщины будет им грозить неизбежное наказание, законом установленное». Серьезных возражений против доводов

Самарина не последовало. Но поставленное на голоса предложение было принято только перевесом голоса председателя.

В Главном Комитете главным противником предположений Редакционных Комиссий явился князь П. П. Гагарин, восставший в особенности против устройства волостной единицы крестьянского самоуправления. Гагарин полагал правильным довольствоваться пока созданием единственной, по его мнению, возможной в настоящее время единицы административно-хозяйственной, за каковую и следует принять каждое селение, под именем сельского общества. Но это мнение кн. Гагарина не встретило сочувствия в Главном Комитете. Все остальные 9 его членов полагали, что учреждение внутреннего хозяйственно-полицейского управления в обществах есть прямое и необходимое последствие освобождения крестьян, которые должны получить все те права, какими пользуются прочие свободные сельские сословия. Вследствие этого 9 членов признали необходимым, кроме образования сельских обществ, учредить другую, более крупную единицу — волость, в которой должны были быть сосредоточены все административные, полицейские и судебные дела.

Это, впрочем, не воспрепятствовало М. Н. Муравьеву поднять усиленную оппозицию против принципа крестьянского самоуправления, и ему удалось привлечь на свою сторону еще двух членов (гр. Адлерберга и кн. Долгорукова), предложив увеличить размеры волостной единицы и поставить во главе ее особое лицо по избранию местного дворянства (волостного помещика, под именем попечителя). М. Н. Муравьев со свойственной ему энергией решительно стремился к тому, чтобы удержать в форме попечительства над административными единицами крестьянского управления (волостями) возможно полное владычество одного (привилегированного) сельского сословия над другим. Остальные 6 членов Главного Комитета находили, что образование волостей, согласно предложению Ред. Комиссий, имеет несомненные преимущества и соответствует как предположенному составу сельского волостного управления, так и потребностям крестьян.

VI. Вопрос о выкупе[1]).

Выкуп крестьянских земель, на который мы так отважно и безо всяких колебаний решились за правительство, представлял миллиардную операцию, которая при трехсотмиллионном бюджете того времени казалась стоявшему у кормила правления старому поколению наших финансистов безумною. Смелость наша объяснялась только тем, что мы глубоко верили в то, что со скорым падением барщины свобода труда разовьется очень быстро и даст крестьянину состоятельность в уплате повинностей, капитализация которых и составляла полную сумму выкупного платежа, рассроченного на 50 лет. Но, конечно, ежегодные выкупные платежи должны были быть обеспе-

[1]) Т. III, гл. 10.

чены круговою порукой каждого сельского общества, без которой правительство ни в каком случае не решилось бы предпринять выкупную операцию.

Мы старались распутать вопрос об усадебной оседлости крестьян, запутанный неудачною программой, данной губернским комитетам еще в то время, когда взгляды правительства на условия освобождения крестьян не вполне выяснились. В то время (в начале 1858 г.) как правительство, так и дворянство опасались, что освобожденные крестьяне оставят поместья, к которым они были прикреплены, и что помещики лишатся рабочей силы, а Россия останется без хлеба. Для избежания такого кризиса было придумано средство — предоставить крестьянам на выкуп только одну их усадебную оседлость. Выкуп одних усадеб имел целью настолько поглотить все платежные силы крестьян, чтобы помещики могли отдавать им исконные их надельные земли в наем по выгодной цене и нанимать их на свои земледельческие работы по низкой цене, да и вообще держать их в полной от себя экономической зависимости. Мы единодушно высказались против отдельного выкупа крестьянских усадеб и решились, во что бы то ни стало, удержать за крестьянами существующие наделы полностью, со включением в них их усадеб, что и удалось нам при системе повинности, которую мы приняли.

В соединенных Комитетах (Главном и Финансовом) был возбужден вопрос: следует ли заявить в положении о выкупе, что содействие правительства к приобретению крестьянами земельных угодий будет оказываемо по мере средств государственного казначейства. Шесть членов (гр. Нессельроде, кн. Гагарин, бар. Мейендорф, кн. Долгоруков, Муравьев и Анненков) находили, что по состоянию наших финансов выкупная операция для содействия крестьянам к приобретению земель должна быть ведена с крайней осмотрительностью. Посему 6 членов полагали необходимым объяснить в самом Положении (в ст. 4), что содействие выкупу крестьянами земельных угодий оказывается правительством по мере средств государственного казначейства. 8 же членов Соединенного Комитета (вел. князь, гр. Блудов, гр. Адлерберг, Ланской, гр. Панин, Чевкин, Брок, Княжевич) полагали, что предварение в самом Положении, что содействие выкупу будет оказываемо по мере средств государственного казначейства, не принося пользы по самой неопределенности своей, может, однако, подать повод к напрасным толкам и возбудить неосновательные сомнения, а потому 8 членов признали более удобным не делать такой оговорки в Положении.

VII. Вопрос о дворовых [1]).

Законодательные предположения о дворовых людях были разработаны принципиально в наших двух главных лабораториях — хозяйственном и юридическом отделениях еще в начале работ Комиссий.

[1]) Т. IV, гл. 2.

Прежде всего мы обратили внимание на тревожный факт, а именно на значительное увеличение числа дворовых людей со времени обнародования рескриптов, относящихся до освобождения крестьян. Очевидно, многие помещики, пользуясь не отмененными еще правами обращать своих крепостных крестьян в дворовых людей, старались путем такого обращения отобрать у них земли, состоявшие в их пользовании. Единственным средством борьбы с этим прискорбным явлением было введение в законопроект правила, что дворовыми людьми признаются только те, которые числились таковыми по X ревизии (1858 — 1859).

Зато вопрос о том, возможно ли наделение дворовых землями из поместий, к которым они были приписаны, был разрешен нами отрицательно. При таком наделении дворянство потеряло бы от 3 до 5 миллионов десятин из земель, которые никогда не состояли в пользовании крепостных, и потери эти пали бы по преимуществу на помещиков небогатых и малоземельных, живущих в своих имениях, так как у таких помещиков было более всего дворовых людей. Очевидно, быстрое дарование свободы миллиону людей, являвшихся совершенными пролетариями и в большинстве случаев решительно неприспособленных ни к каким земледельческим занятиям, в глазах правительства представляло большие опасности, которые мы и должны были предусмотреть в нашем законопроекте. Лучшим путем для этого было, оставив на первое время дворовых людей на обязательной службе помещиков, дать им только личные права свободных сословий. Срок этой обязательной службы был определен 2-летний, а затем дворовые получали уже полную свободу избрать себе местопребывание и род жизни по своему усмотрению.

В Главном Комитете три члена (князь Долгоруков, Муравьев и Княжевич) полагали тех дворовых людей, которые не были обучены на счет владельца какому-нибудь мастерству или искусству, оставить в обязательных отношениях к своему владельцу на два года, для тех же дворовых, за обучение которых мастерствам или искусствам платили владельцы, продолжить общий срок обязательной службы до трех лет. Остальные же 6 членов, согласно с заключением Ред. Комиссий, находили, что срок обязательной службы для всех дворовых, не исключая и обученных за счет владельца мастерству или искусству, должен быть двухлетний. Обучение дворовых мастерствам или искусствам не всегда сопряжено было с особыми издержками. Ремесленники обыкновенно принимали дворовых с тем, чтобы они за обучение отслужили впоследствии известное число лет. Следовательно, сами дворовые собственными трудами вознаграждали мастеров за обучение.

5. Из письма депутатов первого призыва к Ростовцеву от 29 августа 1859 года и ответ Ростовцева от 3 сентября[1]).

(Н. П. Семенов, т. I, стр. 834—837.)

Дворянство доселе совещалось в Комитетах каждой губернии не только отдельно, но и в разное время. Вопрос об уничтожении крепостной зависимости развился у нас так быстро, что одна губерния не могла воспользоваться тем, что придумывалось в другой; от этого произошло разнообразие в проектах, представленных Комитетами; к тому же самые виды правительства, с течением времени, все более и более уяснялись и становились нам более известными. При подобных обстоятельствах, и, в особенности, при кратковременности срока, назначенного для занятий Губернских Комитетов, проекты их не могли достигнуть надлежащей полноты. Зная общее стремление нашего сословия к осуществлению благих предначертаний государя императора, мы считаем себя вправе сделать те пополнения и согласования, которые окажутся необходимыми для достижения общего блага. Редакционная Комиссия, состоящая под председательством вашего превосходительства, при всем желании и напряженном труде, не может обнять всех местных нужд и составить положение, соответствующее потребностям всех разнообразных краев Империи. Излагая даже наши мнения, думая действовать в полном согласии с предположениями Комитетов, она легко может составить такие правила, которые, в некоторых местностях, совершенно неисполнимы; а между тем дело освобождения крепостных

---

[1]) Путешествуя по России летом 1858 г., Александр II заявлял представлявшимся ему дворянам, что по окончании работ губернских комитетов в Петербург будут вызваны депутаты от дворянства «для присутствия и общего обсуждения при рассмотрении положений всех губерний в Главном Комитете». (О речах Александра II дворянству в 1858 г. и о дворянской оппозиции на местах, см. «Материалы для ист. упразднения крепостного права», т. I—II.) Депутаты от губернских комитетов были вызваны двумя группами, в две очереди: первая, от 21 губернии, преимущественно нечерноземных, в августе 1859 г., вторая, от 19 черноземных губерний, в январе 1860 г. Между тем инструкцией 11 августа 1859 года работа дворянских депутатов ограничена была сообщением местных сведений и объяснениями по таким вопросам, которые возникли впоследствии в некоторых лишь губернских комитетах или в самих редакционных комиссиях и не могли быть развиты окончательно прежде пополнения первоначальных материалов. При этом сведения и объяснения должны были представляться каждым депутатом в отдельности. Инструкция 11 августа 1859 г. была принята депутатами, как нарушение данного дворянству Александром II обещания, что и вызвало письмо Ростовцеву от 29 авг. 1859 г. В своем ответе от 3 сент. Ростовцев сообщил, что император «находит полезным, чтобы члены губернских комитетов помогали один другому своею местною опытностью; но подобные частные совещания не должны иметь характера официального». Действие инструкции 11 авг. сохранялось в полной силе: депутаты, «не касаясь общих начал, должны ограничиваться применением оных к своим местностям», и «мнения свои должны представить отдельно по каждой губернии». Подробности см. у П. П. Семенова, «Мемуары», т. III.

людей так важно, что малейшая ошибка может иметь самые вредные последствия для государства и всех сословий. Нам, лицам из разных местностей, удобнее, чем кому-либо, знать применимость общих положений к делу, и к тому же нам, не участникам в трудах Редакционной Комиссии, со стороны виднее неясности и неполноты, которые неминуемо бывают во всяком человеческом произведении. Если мы, каждый отдельно, будем писать свои замечания, пояснения и пополнения, то из этого могут возникнуть новые разноречия, которые усложнят окончательные разрешения существенных вопросов; а потому только общие совещания депутатов могут дать возможность согласовать различные мнения, надлежащим образом развить, уяснить их, и представить правительству соображения, соответствующие как важности самого дела, так и высокого доверия, которое государю императору благоугодно было оказать дворянству.

Эти обстоятельства вынуждают нас просить ваше превосходительство повергнуть на высочайшее воззрение его императорского величества нашу всеподданнейшую просьбу о дозволении нам иметь общие совещания в таком порядке, в каком благоугодно будет указать государю императору, и о том, чтобы все соображения наши, как по предъявленным нам вопросам, так и вообще по существу крестьянского положения, поступили на суд высшего правительства. (*Подписи 28 депутатов.*)

6. Из письма членов Губернских Комитетов второго призыва к графу В. Н. Панину, с представлением их заключительного мнения на труды Редакционных Комиссий[1]).

(Н. П. Семенов, т. III, ч. 1, стр. 480—490.)

По изложении подробного разбора докладов Отделений Редакционных Комиссий, нам остается сделать несколько общих замечаний о значении всей принятой системы.

Заключения докладов, вводя бессрочность надела и неизменяемость оброчной платы за землю, несомненно, нарушают коренное начало неприкосновенности собственности, чрезмерно и произвольно сокращая поземельные доходы помещиков и делая невозможным производство работ на помещичьих запашках; они ведут к разоре-

---

[1]) Оппозиция депутатов 2 призыва Редакц. Комиссиям имела некоторый успех. Редакц. Комиссии сделали некоторые уступки: повышен душевой оброк повсеместно (кроме Смоленской и Олонецкой губ.) до 9 руб.; понижены высшие нормы земельных наделов на 1/4 и даже на 1/2 дес.; допущена переоброчка денежных повинностей крестьян за пользование надельными землями через 20 лет.

Письмо подписано представителями следующих губерний: Витебской, Вологодской, Гродненской, Екатеринославской, Казанской, Калужской, Курской, Минской, Могилевской, Оренбургской, Олонецкой, Орловской, Пензенской, Пермской, Подольской, Самарской, Смоленской, Таврической, Тульской и Херсонской.

нию землевладельцев; совокупностью всех этих мер — они приводят к принудительной и убыточной продаже земель. Вместе с тем, эти заключения стесняют свободу крестьян, прикрепляя их к земле, поставляя в недобровольные отношения к помещикам и опутывая их сетью почти безвыходной зависимости от мира.

Таким образом лучшие ожидания всех лиц, желавших освобождения крестьян, не исполняются. Положение, составленное на подобных основаниях, выйдет сложное, неисполнимое, неудовлетворяющее ни одной стороны, стеснительное для всех, не дающее хода свободному развитию промышленности, затрудняющее и останавливающее всякую деятельность. Практическое применение его повело бы не к оживлению сельского хозяйства, а к бо́льшему оцепенению оного. Освобождение крестьян обратилось бы в простое регулирование крепостных отношений, не основанное ни на каких положительных данных. Прикрепление крестьян и обязательность отношений останутся почти в прежней силе. В действительности, естественный ход дела замедлится, — будут составляться только причисления и перечисления к разным полосам, определения и распределения наделов, исчисления и назначения размера недобровольных повинностей за недобровольно отданную землю. Труда будет много, а тем лицам, для которых будет составлено Положение, и помещикам и крестьянам, придется пожалеть даже о прежних крепостных отношениях. Несправедливости будут на каждом шагу в отношении к обоим сословиям. Крестьяне будут стеснены в своих личных правах, взамен того стеснения имущественных прав помещика, на которое им дается возможность. Неизбежным последствием этого будут взаимные неудовольствия и разлад двух сословий, которых связь необходима для успехов сельского хозяйства, и должна бы быть закреплена обоюдными интересами. Добровольный союз труда с капиталом будет разорван и не удивительно если за тем последует упадок сельского хозяйства, потому что всякая промышленность может иметь успех только при соединении труда с капиталом. Первый будет стеснен в своих правах; второй вытеснится из земледельческой промышленности. Вследствие разрыва мирных и обоюдовыгодных отношений между сельскими сословиями, посредничество и попечение администрации сделаются совершенно необходимыми в ежедневных сношениях и частных сделках между помещиками и крестьянами. Редакционные Комиссии хотели составить положение отчетливое и определительное, так, чтобы каждый исполнитель обратился в простую машину для исчисления наделов и повинностей для устройства частных отношений в каждом отдельном случае; но трудно подчинить жизнь и частные отношения мертвым формам и посторонним определениям, а потому выходят постановления сложные, обремененные ненужными мелочными подробностями, неудобопонятные и неисполнимые в своем применении. Когда Редакционные Комиссии говорили о невозможности осуществления в области народного хозяйства здравых теоретических начал, вследствие практических требований дела, мы могли ожидать самого практического поло-

жения. Вместо того, составляется положение, не удовлетворяющее ни теории, ни практики.

И это от того, что здравые начала теории всего лучше удовлетворяют практическим требованиям. Теория и практика требовали одного и того же. Они требовали полного освобождения крестьян. Освободить их и следовало. Затем теория и опыт показывают, что необходимо дать свободу передвижения народу, чтоб каждый мог всего лучше употреблять свой труд и чтоб народонаселение правильно разместилось, сообразно со степенью производительности каждой местности, поэтому не следовало оставлять и следов прикрепления. Теория говорит, что для человека свобода есть лучшее обеспечение, какого не даст опека администрации. Зачем же предлагаются такие сложные и стеснительные меры для удовлетворения потребностей свободных людей, посторонними попечениями?

Теория показывает, что для деятельности человека равно вредны и опасения, что плоды труда его не ему достанутся, и надежда, что он может найти обеспечение в чужом труде или в чужой собственности. Несмотря на это, ограничивается право крестьян на их труд и дается им надежда на обеспечение землею помещика. Теория говорит и практика подтверждает, что не следует вмешиваться в имущественные права и отношения частных лиц, в их взаимные сделки и распоряжения, а между тем положение бесплодно силится определить все отношения, назначить цифры и условия найма и продажи, ограничить право распоряжения каждого лица самим собою и своею собственностью.

Таким образом положение требует, чтоб правительство сделало все, чтоб оно приняло на себя заведывание всеми частными отношениями и заменило собою частную деятельность. Последствия такого вмешательства весьма понятны. Правительство не будет в силах исполнить возлагаемую на него обязанность. Застой деятельности и злоупотребления сделаются неизбежными.

Обязательные отношения отжили свой век. Правильное регулирование их невозможно. Необходимо совершенно отменить их. Для крестьян нужно полное освобождение. Нужна полнота гражданских прав, отмена всякого недобровольного прикрепления и свобода перехода. Необходима личная независимость, не связанная властью мира, условиями общинного владения и круговой ответственности, потребна совершенная свобода в избрании образа жизни и занятий. Каким же образом все эти цели могут быть достигнуты?

Правительство предложило отмену крепостных отношений — дворянство ответило на призыв государя императора единогласным отречением от своих прав на личность крепостных крестьян. Дело уже совершено, крепостное право не существует, затем являются заботы правительства об устройстве быта свободных людей, и вопрос об освобождении крестьян связывается с вопросом о поземельных правах помещиков.

Отрекшись от своих крепостных прав, дворянство не считает возможным принять на себя сверх того какие-нибудь земельные пожертвования.

С отменою крепостного права, с уничтожением прежних отношений между помещиками и крестьянами, бывшая связь крестьянина с помещичьею землею прекращается. Она обусловливалась только этими крепостными отношениями, точно так же как и прочие обязанности помещика в отношении к крестьянам. Поэтому, если правительство считает необходимым поземельное обеспечение для освобожденных крестьян, то потребные для того пожертвования не могут уже пасть на одно сословие помещиков, а должны быть обращены на счет всего государства. Пользование помещичьею землею на взаимно-недобровольных условиях мы считаем противным как требованиям свободного состояния крестьян, так и правам собственности землевладельцев.

Несправедливо было бы как даровать помещикам право на обязательные повинности свободных людей, так и возложить на землевладельцев обязанность недобровольного и бессрочного наделения их землею. И то и другое было бы остатком прежних крепостных отношений между сельскими сословиями.

Государь император благоволил призвать дворянство к участию в разрешении крестьянского вопроса. Чувство лежащего на нас долга и сознание важности последствий для всего государства от всякой меры, не оправдываемой строгой справедливостью, заставляют нас выразить наше искреннее убеждение в том, что для крестьян пользование помещичьею землею всего лучше и справедливее обеспечивается посредством добровольных соглашений с собственниками оной.

Все возражения против системы добровольных договоров основаны на опасении, чтоб произвольные и чрезмерные требования землевладельцев не заставили крестьян или соглашаться на слишком отяготительные условия найма помещичьей земли, или вовсе отказываться от нее и решаться на бродяжническую жизнь. Но основательны ли эти опасения?

Если цена каждого предмета и соответственный ей доход от каждой собственности определяются непроизвольно, а по отношению предложения к требованию, то никто не может взять за свою собственность более, чем она стоит. Поэтому все меры правительства для установления правильных цен, с одной стороны, бесполезны, а с другой, никогда не достигают своей цели, или даже приводят к противоположным результатам. Зачем же вводить в наше законодательство меры для устранения естественного определения цен на землю и размера наемной платы за нее? Земля необходима для землевладельцев, но разве менее необходимо для помещика удержать крестьян на своей земле? Неужели же обе стороны, нужные друг для друга, не сойдутся на справедливых условиях, если не будут связаны недобровольными и несправедливыми отношениями? Каким образом притеснения возможны со стороны поме-

щика, несмотря на избыток земель и на недостаточность народонаселения? Напротив того, зная, что крестьяне имеют право перейти в другие места, землевладелец будет стараться уступками удержать их на своей земле. К этому неизбежно приводят еще следующие обстоятельства:

1. Ему нечего более делать с землею, оставляемою крестьянами, как отдавать ее внаймы. При свободе труда оборотный капитал для помещичьих хозяйств потребуется в гораздо большем размере, чем ныне, следовательно, помещики принуждены будут не расширять, а уменьшать существующие запашки и отдавать лишние земли внаймы крестьянам.

2. Помещику необходимо удержать крестьян на прежних местах для того, чтоб иметь возможность найти вблизи работников для своих сельскохозяйственных заведений.

3. Сильным побуждением, чтобы удерживать крестьян на своей земле, будет для помещика то обстоятельство, что присутствие достаточного населения в имении возвышает ценность и доходность всех его земель, потому что на ценность земли и на размер наемной платы за нее имеют решительное влияние не столько количество почвы и удобство местного положения, сколько отношение народонаселения к пространству земли.

По освобождении крестьян, предложение наемной земли должно усилиться вследствие сокращения помещичьих запашек. При свободном найме и вольном переходе, на месте уничтоженных хуторских заведений явились бы новые селения или поселились бы отдельные съемщики из крестьян, которые наняли бы эти участки в целом составе. В обоих случаях увеличилось бы количество земли под крестьянскими хозяйствами, что повело бы к расширению хлебопашества и к понижению наемных цен на землю. Если же вместо того принимаемые меры поведут к затруднению найма земель, то поля, запущенные помещиками, не будут возделываться, обратятся в пустоши и сократится пространство обрабатываемой земли.

Было бы весьма достойно сожаления, если бы оказались такие последствия освобождения крестьян. Оно должно бы вести к расширению запашек, к свободной оценке труда и к правильному определению наемной платы за землю. Эти справедливые ожидания были бы принесены в жертву мысли о необходимости прикрепления крестьян к нынешним местам их жительства. Невозможно соединить свободу труда с прикреплением к чужой земле, и справедливые отношения крестьян к землевладельцам основать на взаимнонедобровольных отношениях обоих сословий.

Мы хорошо понимаем, что начало свободных отношений, свободного совместничества в оценке наемного труда и наемной земли не могут, в настоящее время, восторжествовать в нашем отечестве. Свободные экономические начала с трудом пробиваются. Тем не менее мы убеждены, что они должны скоро получить перевес над другими основаниями. Интересы государства, права собственников

и выгоды крестьян слишком настоятельно требуют этого. Мы с удовольствием видим впереди ту пору, когда здравые экономические воззрения должны привести к правильным и справедливым отношениям. Но в настоящее время противодействие будет как со стороны остающихся поборников крепостного права, желающих сохранения его, хотя в измененном виде, так и со стороны приверженцев бюрократического вмешательства во все частные дела. Последние особенно сильно будут противиться началу добровольных договоров, которое противоречит всем выгодам их положения; но тем не менее введение добровольных соглашений необходимо для определения справедливых отношений освобожденных крестьян к землевладельцам. Польза от освобождения будет весьма малая, пока взаимные отношения обоих сословий будут сохранять прежние начала принуждения для той или для другой стороны.

Переход к свободным отношениям был бы весьма легок и прост: нужно только предоставить крестьянам пользование помещичьею землею на определенный срок, по истечении которого остатки крепостных отношений должны замениться правильными договорами. Выгоды государства, землевладельцев и крестьян требуют только, чтоб договоры заключались на долгие сроки для того, чтобы деятельность и производство усилились, и чтобы крестьяне могли успеть воспользоваться трудами и расходами, приложенными к несобственной земле.

Впрочем, считая добровольные договоры самым лучшим и правильным средством к установлению новых отношений между помещиками и крестьянами, мы не можем не сознаться, что полное и немедленное применение этого начала могло бы в некоторых местностях привести помещиков к совершенному разорению. Поэтому неизбежность слишком больших потерь в таких случаях и убеждение в несостоятельности всяких регламентированных обязательных отношений приводят нас к сознанию необходимости применения в известных случаях системы выкупа части помещичьих земель для крестьян.

Соединение обеих систем устранит неудобства каждой из них взятой отдельно и приведет к успешному исходу крестьянского вопроса и к постепенному достижению цели правительства, состоящей в том, чтобы крестьяне делались собственниками. При таких условиях выкуп, основанный на согласии самих помещиков, не нарушит неприкосновенности собственности, не будет иметь того принудительного характера, который дается ему в предположениях Редакционных Комиссий, и предотвратит то гибельное смешение в понятиях о правах собственности, которое было бы неизбежным последствием установления правил обязательного пользования и наделения землею.

7. Из заметок А. В. Головнина [1]) о поездке в южные губернии в 1860 году.

Собственно по крестьянскому вопросу везде является крайне натянутое и естественное положение и отношение одного к другому двух сословий. Помещики исполнены тревожного, боязливого ожидания неизвестного будущего; крестьяне с возрастающим нетерпением ожидают вольности и составляют себе разные несбыточные мечты. В з а и м н а я н е д о б р о ж е л а т е л ь н о с т ь о б о и х с о с л о в и й у с и л и в а е т с я, и н ы н е ш н е е с п о к о й с т в и е е с т ь т о л ь к о н а р у ж н о е и к р а й н е н е н а д е ж н о е. Оно поддерживается только надеждою крестьян на скорое объявление вольности. Случаи неповиновения бывают весьма часто, но исправникам и предводителями легко еще усмирять крестьян простыми внушениями и советами. Крестьяне легко соглашаются «еще потерпеть» в ожидании скорого объявления им «новой жизни».

По общему отзыву губернаторов, исправников и предводителей во всех подобных случаях неповиновения крестьян виноваты помещики, которые с трудом отстают от прежних привычек, а вообще отличаются отсутствием умственного и материального капитала для распоряжения при предстоящем коренном изменении их хозяйства.

Всего упрямее, несговорчивее и к сожалению должно сказать бессердечнее я в л я ю т с я п о м е щ и ц ы, и в отношении к ним убеждения местных властей бессильны. В крестьянах замечается вообще некое нравственное пробуждение и проявление как бы чувства собственного достоинства. Они теперь оскорбляются поступками, которые в прежнее время не оскорбляли их. В этом сословии особенно заметна разница между стариками и молодым поколением. Первые хладнокровнее, равнодушнее и терпеливее. Многие из них не верят в предстоящую перемену, другие опасаются полицейского управления. Но на молодых крестьян жгучая мысль о «вольности», о «свободе» сильно действует, воспламеняет их умы и кипятит кровь. Эти люди вырастают теперь при беспрерывных толках о вольности, о новой жизни, и когда нынешние старики исчезнут и массу населения в помещичьих имениях составит помянутое молодое поколение, то эта масса будет весьма различна духом своим от нынешних крестьян. Тогда явно выскажется вся несостоятельность нынешнего судебного и земского полицейского управления, и высшее правительство убедится, что оно не в силах действовать посредством подобных органов. Но преобразовать эти органы необходимо з а б л а г о в р е м е н н о и п о с е м у-т о д р у г о е у с т р о й с т в о с у д о в и з е м с к и х п о л и ц и й к р а й н е н е о б х о д и м о.

---

[1]) А. В. Головнин в 1860 г. был секретарем великого князя Константина Николаевича, председателя Главного Комитета. Впоследствии А. В. Головнин был назначен министром народного просвещения. По своим взглядам на крестьянскую реформу он примыкает к Кавелину, Унковскому и др.

Разрядкой напечатаны слова, обратившие внимание Киселева.

Вслед за упомянутыми двумя поколениями крестьян является еще третье, юнейшее, которое вырастает теперь без малейшего понятия об обязанностях своих к богу, к ближнему, без всякого понятия о законности и нравственности. Это поколение будет под полным влиянием своих старших братьев и вместе с ними составит буйную вольницу (populace), какой Россия давно уже не имела, и которая доставит правительству много затруднений. Необходимо предупредить вредное направление умов этой части сельского населения и для сего неотлагательно учредить школы, которые дали бы ему по возможности нравственное направление и понятие о своих обязанностях.

Посему дороги, суды, полиции и школы для крепостных крестьян и другое положение губернаторов, — вот что в настоящее время всего нужнее для России, и на расходы для этих учреждений следовало бы прежде всего отчислить необходимые суммы из государственного бюджета и уже остаток распределить между другими министерствами. В настоящее время становится ясным, что действительная сила России заключается не в армии, не во флоте, не в искусной дипломатии и не в великолепных зданиях северной столицы, но в богатстве, довольстве, хорошем управлении и надежном спокойствии преимущественно коренных русских губерний, окружающих Москву, как центр России. В настоящее время управления, заведывающие войсками морскими и сухопутными и внешней политикой, теряют свою прежнюю важность, по крайней мере, на несколько времени, и важнейшими, существеннейшими являются те ведомства, от которых Россия ожидает: дорог, разрешения крестьянского вопроса, учреждения других судов и полиции, другой системы взимания государственных доходов, устройства народных школ и вообще учреждений, которые прямо поведут к увеличению благосостояния империи, а с тем вместе и силы ее.

Замечания крестьян и помещиков на свод Редакционных Комиссий изложены в особых записках. Вообще оказывается, что заключения сии слишком подробны и часто изложены неясным для крестьян языком, что управление, учреждаемое для крестьян, слишком многосложно, оброки исчислены непомерно высоко и придумана подробная регламентация барщины, невозможная на практике. Сверх того в положении есть постановления вовсе ненужные, но из коих некоторые отяготительны для помещиков, а другие для крестьян. Сохранение обязательной барщины и назначение слишком высоких оброков поведет к усилению взаимного враждебного расположения помещиков и крестьян, тогда как казалось бы необходимым воспользоваться предстоящей переменой, чтоб искоренить это чувство в обоих сословиях и, по крайней мере, достигнуть, чтоб они были равнодушны одно к другому.

Разговоры с помещиками, губернаторами, предводителями и крестьянами приводят к убеждению, что необходимо торо-

питься освобождением крестьян, ибо нынешнее слишком натянутое положение их не может долго продолжаться, и по мере того, как молодое поколение крестьян будет заменять стариков, случаи беспорядков будут повторяться чаще и чаще, доколе эти молодые люди будут оставаться крепостными. Сверх того скорейшее разрешение крестьянского вопроса необходимо в экономическом отношении, чтоб прекратить нынешний всеобщий застой в сельском хозяйстве и доставить возможность и помещикам и крестьянам, зная свои взаимные отношения, права и обязанности, приняться за улучшение своего хозяйства. Нынешняя остановка всяких улучшений, продолжающаяся уже три года у миллионов крестьян и у многих тысяч помещиков, приносит существенный вред всему государству.

ГЛАВА IV.

ПОЛОЖЕНИЕ 19 ФЕВРАЛЯ 1861 Г.

1. Из речи Александра II в Государственном Совете 28 января 1861 г.

(«Журналы и материалы Госуд. Сов. по крест. делу» П. 1915 г., стр. 181—185.)

Выработанные Редакц. Комиссиями проекты положений были рассмотрены Главн. Комитетом в 45 заседаниях (с 10 окт. 1860 г. по 14 янв. 1861 г.), а потом перешли на рассмотрение Государственного Совета. В этих учреждениях проекты положения были подвергнуты исправлениям и дополнениям, которые имели цель возможно больше охранить интересы феодальных групп помещиков.

Законопроект о выкупе, составленный Финанс. Отделом Ред. Комиссий под председательством Н. А. Милютина, обсуждался при участии канцлера К. В. Нессельроде, барона А. К. Мейендорфа, П. Ф. Брока и ген. Н. Н. Анненкова.

Речь, запротоколированная государственным секретарем Блудовым.	Текст, лично исправленный Александром II.
12. Вам известно происхождение крепостного права.	12. Вам известно происхождение крепостного права.
13. Оно у нас прежде не существовало: право это установлено самодержавною властию и только самодержавная власть может уничтожить его, а на это есть моя прямая воля.	13. Оно у нас прежде не существовало: право это установлено самодержавною властию и только самодержавная власть может уничтожить его, а на это есть моя прямая воля.
14. Предшественники мои чувствовали все зло крепостного права и старались если не уничтожить его, то по крайней мере ограничить.	14. Предшественники мои чувствовали все зло крепостного права и постоянно стремились если не к прямому его уничтожению, то к постепенному ограничению произвола помещичьей власти.

15. При императоре Павле издан закон о трехдневной барщине, при императоре Александре в 1802 г. закон о свободных хлебопашцах, а при родителе моем в 1842 г. указ об обязанных крестьянах.

16. Оба последние закона были основаны на добровольных соглашениях, но, к сожалению, не имели успеха.

17. Свободных хлебопашцев всего немного более 100/т., а обязанных крестьян и того менее.

18. Многие из вас, бывшие членами совета при рассмотрении закона об обязанных поселянах — вероятно, припомнят, что мысль государя была благая, и если бы исполнение закона не было обставлено, может быть и с умыслом, такими формами, которые останавливали его действия, то настоящее преобразование было бы облегчено.

19. Покойный мой родитель постоянно был занят мыслею освобождения крестьян.

20. Я, вполне ей сочувствуя, еще в 1856 г. перед коронацией, бывши в Москве, обратил внимание предводителей дворянства на необходимость заняться улучшением быта крепостных крестьян; Я выразил им, что крепостное право не может продолжаться далее, и сказал, что лучше преобразование совершить сверху, чем снизу.

15. С этою целью при императоре Павле был издан закон о трехдневной барщине, при императоре Александре в 1803 г. закон о свободных хлебопашцах, а при родителе моем в 1842 г. указ об обязанных крестьянах.

16. Оба последние закона были основаны на добровольных соглашениях, но, к сожалению, не имели успеха.

17. Свободных хлебопашцев всего немного более 100/т., а обязанных крестьян и того менее.

18. Многие из вас, бывшие членами совета при рассмотрении закона об обязанных поселянах—вероятно припомнят те суждения, которые происходили в присутствии самого государя. Мысль была благая, и если бы исполнение закона не было обставлено, может быть и с умыслом, такими формами, которые останавливали его действия, то введение в исполнение этого закона тогда же во многом облегчило настоящее преобразование.

19. Покойный мой родитель постоянно был занят мыслию освобождения крестьян.

20. Я, вполне ей сочувствуя, еще в 1856 г. перед коронацией, бывши в Москве, обратил внимание предводителей дворянства Московск. губернии на необходимость заняться улучшением быта крепостных крестьян, присовокупив к тому, что крепостное право не может вечно продолжаться, и что потому лучше, чтобы преобразование это совершилось сверху, чем снизу.

2. Из общего положения о крестьянах, вышедших из крепостной зависимости.

ВВЕДЕНИЕ.

1. Крепостное право на крестьян, водворенных в помещичьих имениях, и на дворовых людей отменяется навсегда, в порядке, указанном в настоящем Положении и в других, вместе с оным изданных, Положениях и Правилах [1]).

2. На основании сего Положения и общих законов, крестьянам и дворовым людям, вышедшим из крепостной зависимости, предоставляются права состояния свободных сельских обывателей, как личные, так и по имуществу. В пользование сими правами они вступают тем порядком и в те сроки, какие указаны в Правилах о приведении в действие Положений о крестьянах и в особом Положении о дворовых людях.

3. Помещики, сохраняя право собственности на все принадлежащие им земли, предоставляют, за установленные повинности, в постоянное пользование [2]) крестьян, усадебную их оседлость, и, сверх того, для обеспечения их быта и для выполнения их обязанностей пред Правительством и помещиками, то количество полевой земли и других угодий, которое определяется на основаниях, указанных в Местных Положениях.

4. Крестьяне, за отведенный на основании предыдущей статьи надел, обязаны отбывать, в пользу помещиков, определенные в Местных Положениях повинности: работою или деньгами.

5. Возникающие из сего обязательные поземельные отношения между помещиками и крестьянами определяются

---

[1]) В проекте Редакц. Комиссий ст. 1-я начиналась словами: «По желанию дворянства всей Империи». Эти слова вычеркнуты Главн. Комитетом.

[2]) Редакц. Комиссии определяли пользование крестьянскими наделами, как «бессрочное». Из трудов Губернских Комитетов 25 проектов высказывались за бессрочный надел. Из депутатов первого призыва только 5 возражали против бессрочности. Панин требовал исключения этого слова, потому, 1) что это слово противоречит удостоверению рескриптов об оставлении земель в полной собственности дворянства, 2) что воспрепятствует добровольному выкупу, ибо крестьянин, уверенный в том, что земля всегда за ним останется, не имеет никакого побуждения ее покупать, 3) что разорит окончательно всех землевладельцев, при сохранении существующего надела, ибо на сем основании лучшие земли исключатся навсегда из середины поместья в вечное распоряжение крестьян и поместье обратится в разбросанные клочки, из коих большая часть необработанных или негодных составит скудное достояние владельца. О своем разногласии с большинством Ред. Ком. Панин сообщил особой запиской Александру II, который приказал оставить вопрос открытым до решения Главн. Комитета. В окончательной редакции Положений слово «бессрочное» заменено «постоянное». Записка Панина и 19 членов Ред. Ком. и П. П. Семенова, т. III, ч. I, стр. 475—480 и 490—494. Изложение конфликта Панина с Ред. Ком. у П. П. Семенова, «Мемуары», т. III, гл. 3.

правилами, изложенными как в сем Общем, так и в особых Местных Положениях.

Примечание. Сии Местные Положения суть: 1) Для 34-х губерний Великороссийских, Новороссийских и Белорусских; 2) Для губерний Малороссийских: Черниговской, Полтавской и части Харьковской; 3) Для губерний Киевской, Подольской и Волынской; 4) Для губерний Виленской, Гродненской, Ковенской, Минской и части Витебской. Кроме того, к Местным Положениям присоединены дополнительные Правила: 1) об устройстве крестьян, водворенных в имениях мелкопоместных владельцев, и о пособии сим владельцам; 2) о приписанных к частным горным заводам людях ведомства Министерства Финансов; 3) о крестьянах и работниках, отбывающих работы при Пермских частных горных заводах и соляных промыслах; 4) о крестьянах, отбывающих работы на помещичьих фабриках; 5) о крестьянах и дворовых людях в Земле Войска Донского; 6) о крестьянах и дворовых людях в Ставропольской губернии; 7) о крестьянах и дворовых людях в Сибири, и 8) о людях, вышедших из крепостной зависимости в Бессарабской области.

6. Наделение крестьян землею и другими угодиями, а равно следующие за сие повинности в пользу помещика, определяются преимущественно по добровольному между помещиками и крестьянами соглашению, с соблюдением лишь следующих условий:

1) чтобы надел, предоставляемый крестьянам в постоянное пользование, для обеспечения их быта и исправного отправления ими государственных повинностей, не был менее того размера, который определен, с этою целию, в Местных Положениях;

2) чтобы те повинности крестьян в пользу помещика, которые отправляются работою, определялись не иначе, как временными договорами, на сроки не долее трех лет (при чем не воспрещается однако же возобновлять такие договоры в случае желания обеих сторон, но также временно, не долее, как на трехлетний срок), и

3) чтобы вообще заключаемые между помещиками и крестьянами сделки не были противны общим гражданским законам и не ограничивали прав личных, имущественных и по состоянию, предоставляемых крестьянам в настоящем Положении.

Во всех тех случаях, когда добровольные соглашения между помещиками и крестьянами не состоятся, надел крестьян землею и отправление ими повинностей производятся на точном основании Местных Положений [1].

---

[1]) В Гос. Совете меньшинство (16) высказались за определение размеров надела исключительно добровольным соглашением, большинство (29) — законом. За определение наделов в местных положениях утверждено мнение меньшинства (17) против 19, оспаривавших правильность данных, на которых построены нормы местных положений, и предлагавших поручить особым губернским присутствиям произвести новое распределение губерний на местности и определить нормы наделов.

7. На сих основаниях составляются уставные грамоты, в которых должны быть определены постоянные поземельные отношения между каждым помещиком и водворенными на его земле крестьянами. Составление таковых уставных грамот предоставляется самим помещикам. Как на составление оных, так и на рассмотрение и введение их в действие назначается два года со дня утверждения сего Положения.

8. Помещики, наделив крестьян в постоянное пользование, за установленные повинности, землею, на основании Местных Положений, не обязаны впредь, ни в каком случае, наделять их каким бы то ни было, сверх того, количеством земли.

9. По введении в действие настоящего Положения, слагаются с помещиков: 1) обязанности по продовольствию и призрению крестьян; 2) ответственность по взносу крестьянами государственных податей и отправлению ими денежных и натуральных повинностей; 3) обязанность ходатайствовать за крестьян по делам гражданским и уголовным, на основании ст. 1119-й Зак. о сост. Т. IX, Св. Зак. 1857 г., и 4) ответственность за них во всех казенных взысканиях, как-то: штрафах, пошлинах и проч.

10. Затем, на самих крестьян возлагается попечение по общественному продовольствию и призрению и ответственность за исправное отбывание следующих с них казенных и земских, натуральных и денежных повинностей, на основаниях, изложенных ниже.

11. Крестьянам предоставляется право выкупать в собственность усадебную их оседлость, посредством взноса определенной выкупной суммы и с соблюдением правил, в Местных Положениях изложенных.

12. С согласия помещиков крестьяне могут, сверх усадебной оседлости, приобретать в собственность, на основании общих законов, полевые земли и другие угодья, отведенные тем крестьянам в постоянное пользование. С таковым приобретением крестьянами в собственность их надела, или определенной в Местных Положениях части оного, прекращаются все обязательные поземельные отношения между помещиками и означенными крестьянами.

14. Дабы облегчить крестьянам приобретение в собственность отведенных им в постоянное пользование земель, в случае добровольного на то соглашения между помещиком и крестьянами, или в случае требования самого помещика, Правительство оказывает пособие в том размере и тем порядком, какие определены в особом Положении о выкупе крестьянами усадебной оседлости и о содействии Правительства к приобретению ими в собственность полевых угодий.

15. Крестьяне, вышедшие из крепостной зависимости, но состоящие в обязательных поземельных отношениях к помещикам, именуются временно-обязанными крестьянами.

16. Крестьяне, вышедшие из крепостной зависимости и приобревшие в собственность поземельные угодья на основаниях,

в Положениях изложенных, именуются крестьянами-собственниками.

17. Вышедшие из крепостной зависимости крестьяне составляют, по делам хозяйственным, сельские общества, а для ближайшего управления и суда соединяются в волости. В каждом сельском обществе и в каждой волости заведывание общественными делами предоставляется миру и его избранным, на основаниях, в сем Положении изложенных [1]).

18. Помещику, впредь до прекращения обязательных к нему отношений крестьян, на его земле водворенных, предоставляется вотчинная полиция и попечительство над обществом сих крестьян; на основании статей 148—163-й сего Положения [2]).

19. Крестьяне и общественные учреждения их подчиняются общим губернским и уездным управлениям.

20. Для приведения в действие Положений о крестьянах и для разрешения особых дел, возникающих из обязательных поземельных отношений между помещиками и временно-обязанными крестьянами, учреждаются в каждой губернии: 1) Губернское по крестьянским делам присутствие; 2) Уездные Мировые Съезды, и 3) Мировые Посредники. Состав, предметы ведомства, пределы власти и порядок действий сих учреждений определяются в особом о них Положении.

О правах личных и по состоянию.

21. На крестьян, вышедших из крепостной зависимости, распространяются общие постановления законов гражданских о правах и обязанностях семейственных. На сем основании, для вступления крестьян в брак и распоряжения в их семейственных делах, не требуется дозволения помещика [3]).

22. Крестьяне, как отдельно, так и целыми обществами, могут входить, на основании общих постановлений, во всякие, законом дозволенные, договоры, обязательства и подряды.

23. Крестьянам, вышедшим из крепостной зависимости, предоставляется право, наравне с другими сельскими обывателями и с соблюдением, установленных в общих законах и в сем Положении, правил:

1) производить свободную торговлю, предоставленную крестьянам, без взятия торговых свидетельств и без платежа пошлин;

---

[1]) Утверждено мнение большинства (25) против 20, возражавших против образования волостей и предлагавших принять за административную единицу отдельное селение.

[2]) В Гос. Сов. большинством 30 против 15 отвергнуто предложение Муравьева, Долгорукова и Княжевича об учреждении особых волостных попечителей.

[3]) Утверждено мнение большинства (28) против 16, предлагавших исключить, как излишнее, упоминание о праве крестьян свободно вступать в брак и распоряжаться в семейных делах.

2) открывать и содержать, на законном основании, фабрики и разные промышленные, торговые и ремесленные заведения;

3) записываться в цехи, производить ремесла в своих селениях и продавать свои изделия как в селениях, так и в городах;

4) вступать в гильдии, торговые разряды и соответствующие оным подряды.

25. Крестьяне не могут быть подвергаемы никакому наказанию иначе, как по судебному приговору или по законному распоряжению поставленных над ними правительственных и общественных властей.

26. Крестьяне, в тяжбах и спорах между собою, могут разбираться судебным порядком. Независимо от сего, они могут обращаться для разбирательства к помещику, на земле коего они водворены, если сам помещик и обе тяжущиеся стороны на сие согласны. В сем случае на решения помещика жалобы не допускаются, и решение это приводится в исполнение.

29. Крестьяне, вышедшие из крепостной зависимости, как свободные сельские обыватели, получают также следующие права по состоянию:

1) на основании правил, в сем Положении изложенных, участвовать на сходах в составлении мирских приговоров и в общественных выборах; равно отправлять по выборам общественные должности, установленные законом;

2) перечисляться в другие сословия и общества, по правилам, в сем Положении изложенным, а равно, по собственному желанию, поступать на военную службу и наниматься в рекруты, на общем для сельских обывателей основании;

3) отлучаться от места жительства, с соблюдением правил, установленных общими законами и настоящим Положением;

4) отдавать детей своих в общие учебные заведения и поступать на службу по учебной, ученой и межевой частям, на основании правил, установленных на сей предмет для свободных податных сословий, по увольнительным свидетельствам, с исключением из податного оклада.

30. Крестьяне не могут быть лишены прав состояния, или ограничены в сих правах иначе, как по суду или приговору общества, утвержденному порядком, установленным в сем Положении.

О правах по имуществу.

31. По обнародовании сего Положения крестьянам оставляется их усадебная оседлость, впредь до приобретения ими оной в собственность, на правилах, определенных в Положении о выкупе крестьянами усадебной оседлости и о содействии Правительства к приобретению ими в собственность полевых угодий. Все движимое имущество крестьян, как-то: домашний и рабочий скот, земледельческие орудия и пр., на основании существующих постановлений, принадлежит вполне крестьянам; мирские денежные капиталы

и мирские же хлебные запасы составляют собственность крестьянского общества.

32. Земли, дома и вообще недвижимые имущества, приобретенные крестьянами в прежнее время, на имя их помещиков, укрепляются за крестьянами или их наследниками окончательно, по утверждении за ними сих имуществ самими помещиками, или решением мирового учреждения, на основании особых правил, при сем приложенных.

33. Каждый крестьянин может приобретать в собственность недвижимые и движимые имущества, а также отчуждать оные, отдавать их в залог и вообще распоряжаться ими с соблюдением общих узаконений, установленных на сей предмет для сельских обывателей.

36. Каждый член сельского общества может требовать, чтобы из состава земли, приобретенной в общественную собственность, был ему выделен, в частную собственность, участок, соразмерный с долей его участия в приобретении сей земли. Если такой выдел окажется неудобным или невозможным, то обществу предоставляется удовлетворить крестьянина, желающего выделиться, деньгами, по взаимному соглашению или по оценке.

Об устройстве сельских обществ и волостей и общественного их управления.

Об образовании сельских обществ и волостей.

40. Сельское общество составляется из крестьян, водворенных на земле одного помещика; оно может состоять либо из целого селения (села или деревни), либо из одной части разнопоместного селения, либо из нескольких мелких, по возможности, смежных и, во всяком случае, ближайших между собою поселков (как-то: выселков, починков, хуторов, застенков, односелий, или отдельных дворов, и т. п.), пользующихся всеми угодьями, или некоторыми из них сообща, или же имеющих другие общие хозяйственные выгоды.

42. Волости образуются из состоящих в одном уезде и, по возможности, смежных, сельских обществ. При соединении в волости сельские общества не раздробляются.

43. Для волости полагается наименьшее число жителей около трех сот ревизских мужеского пола душ, а наибольшее около двух тысяч. Наибольшее расстояние отдаленнейших селений волости от средоточия управления оной полагается около двенадцати верст.

О сельском общественном управлении.

46. Сельское общественное управление составляют: 1) сельский сход, и 2) сельский староста.

Сверх того, общества, кои найдут то необходимым, могут иметь особых сборщиков податей; смотрителей хлебных магазинов, учи-

лиц и больниц; лесных и полевых сторожей; сельских писарей, и т. п.

54. Для решения нижеследующих дел требуется согласие не менее двух третей всех крестьян, имеющих голос на Сходе:

1) о замене общинного пользования землей участковым или подворным (наследственным);

2) о разделе мирских земель на постоянные, наследственные участки;

3) о переделах мирской земли;

4) об установлении мирских добровольных складов и употреблении мирских капиталов.

5) об удалении порочных крестьян из общества и представлении их в распоряжение правительства;

6) о замене хлебных запасов денежным капиталом (Общ. Полож. о крестьянах, вышедших из крепостной зависимости. Раздел второй. Глава вторая).

О казенных и земских повинностях.

164. Крестьяне, вышедшие из крепостной зависимости, обязаны нести следующие казенные и земские денежные повинности: 1) подушную подать; 2) сбор на обеспечение продовольствия; 3) земские сборы, как государственные, так общие губернские и частные, и 4) сбор на заготовление окладных листов по податям и сборам.

Об обеспечении исправного выполнения крестьянами казенных и мирских повинностей.

187. Каждое сельское общество, как при общинном, так и при участковом или подворном (наследственном) пользовании землею, отвечает, круговою порукою, за каждого из своих членов в исправном отбывании казенных, земских и мирских повинностей.

3. Из положения о выкупе крестьянами, вышедшими из крепостной зависимости, их усадебной оседлости и о содействии правительства к приобретению сими крестьянами в собственность полевых угодий.

2. Крестьянам, вышедшим из крепостной зависимости, предоставляется право выкупать в собственность усадебную их оседлость.

3. Приобретение в собственность крестьянами, вместе с усадебною оседлостию, полевых земель и угодий, отведенных им в постоянное пользование, допускается не иначе, как с согласия помещика.

4. При приобретении крестьянами в собственность, вместе с усадебною оседлостью, полевого надела, оказывается, в определенных в сем Положении случаях, содействие от Правительства, посредством выкупной операции (выкупа). Содействие сие заключается в том, что Правительство ссужает, под приобретаемые на

этом основании земли, определенную сумму, с рассрочкою уплаты оной на продолжительный срок, и само взыскивает следующие с них платежи, как в счет процентов по выданной сумме, так и на постепенное погашение долга. Означенная сумма выдается помещику процентными кредитными бумагами, по коим Правительство принимает на себя уплату процентов и капитала [1]).

О содействии правительства к приобретению крестьянами в собственность полевых угодий вместе с усадебною оседлостию.

27. Определенная по правилам сего Положения сумма, выдаваемая помещику, под приобретаемые крестьянами в собственность мирские земли и угодья, обеспеченными (гарантированными) Правительством кредитными бумагами, именуется выкупною ссудою.

28. Всякие добавочные, сверх выкупной ссуды, платежи, какие крестьяне обяжутся уплатить помещику, по взаимному с ним соглашению, не обеспечиваются (не гарантируются) правительством.

29. Кредитные бумаги, выдаваемые от правительства помещикам, состоят частию в государственных пятипроцентных банковых билетах, а частию в свидетельствах на обеспеченный (гарантированный) доход.

31. Приобретению в собственность, на изложенных основаниях, может подлежать: или весь усадебный и полевой надел, отведенный крестьянам в постоянное пользование, или часть сего надела.

37. По утверждению Правительством выкупной сделки, на основании которой помещик продает, а крестьяне приобретают в собственность отведенный им в постоянное пользование усадебный и полевой надел, или определенную часть оного, все обязательные поземельные отношения между помещиком и крестьянами прекращаются, и последние поступают в разряд крестьян, водворенных на собственных землях, под наименованием крестьян-собственников.

О землях и угодьях, подлежащих выкупной оценке.

54. Уменьшение надела, отведенного, или следующего к отводу в постоянное пользование крестьян, при приобретении его в собственность, при содействии правительства, допускается только по добровольному между помещиком и крестьянами соглашению, и притом не иначе, как с теми ограничениями, какие постановлены в нижеследующих статьях.

56. В местностях, на которые распространяется Положение о поземельном устройстве крестьян в губерниях Великороссийских, Новороссийских и Белорусских, часть земли, приобретаемая целым

[1]) По вопросу о правительственном содействии выкупу утверждено мнение меньшинства (16) Гос. Совета, отвергавшего предложенную большинством (28) оговорку: «по мере средств, которые Госуд. Казначейство найдет возможным отпускать».

сельским обществом (там, где существует общинное пользование), не должна быть менее одной трети высшего (в степной полосе — указного) размера на душу, установленного помянутым Положением для той местности, где приобретаемая земля находится. При приобретении же угодий в собственность не всем обществом, а только одним или несколькими домохозяевами (в тех селениях, где общинное пользование землями заменено подворным), приобретаемый участок должен быть пространством не менее двух душевых наделов высшего (в степной полосе указного) размера, определенного упомянутым положением для той местности, где таковой участок находится.

О размерах выкупной ссуды и о порядке выдачи оной.

65. В основание для определения размера выкупной ссуды принимается денежный оброк, назначенный с крестьян, в пользу помещика, по уставной грамоте за предоставленный крестьянам в постоянное пользование усадебный и полевой надел. Если приобретается не полный по уставной грамоте надел, а часть оного, то, для определения выкупной ссуды, означенный оброк понижается, соответственно уменьшению при сем надела [1]).

66. Указанный, в предыдущей статье, годовой оброк за приобретаемую землю капитализируется из шести процентов, т.-е. помножается на шестнадцать и две трети. Из исчисленной на сем основании капитальной суммы назначается в ссуду крестьянам, для выдачи помещику, на основании ст. 4 сего Положения, определенная часть, а именно: 1) при преобретении в собственность крестьянами полного по уставной грамоте надела—четыре пятых (т.-е. 80 коп. на рубль); 2) при приобретении надела уменьшенного — три четверти (т.-е. 75 коп. на рубль).

О выкупных платежах. О размере выкупных платежей и порядке взноса оных.

113. Крестьяне, приобревшие в собственность землю, при посредстве выкупной операции, обязаны вносить в казну ежегодно, взамен следовавшего помещику за сию землю, оброка, по шести копеек на рубль с назначенной Правительством выкупной ссуды, впредь до погашения оной. Таковые платежи именуются выкупными.

114. Выкупная ссуда погашается взносом выкупных платежей в продолжение сорока девяти лет со дня выдачи ссуды.

---

[1]) По вопросу о вычислении выкупной суммы утверждено мнение меньшинства (16) Гос. Совета против большинства (28), предполагавшего вычислять выкупную сумму не по величине платимых крестьянами оброков, а по капитализации денежных повинностей, установленных местными положениями соразмерно величине наделов.

Об обеспечении исправной уплаты крестьянами выкупных платежей.

126. Выкупные платежи взыскиваются с крестьян преимущественно пред частными их долгами, а потому, до погашения выкупной ссуды, взыскание с крестьян по таковым долгам не может быть обращено на приобретенную при посредстве выкупной операции землю и необходимые принадлежности хозяйства и сельского промысла крестьян.

127. Когда земля приобретена целым сельским обществом, то оно обязано непременно вносить в местное Казначейство всю следующую с общества сумму к положенным срокам, разлагая, в случае нужды, недоимку на все общество, по мирской раскладке, либо пополняя сию недоимку из мирских сумм, или иных общественных средств. При сем, для пополнения недоимок с отдельных неисправных плательщиков, общество может принимать следующие меры взыскания:

1) обратить на возмещение недоимки доход с принадлежащего недоимщику в собственность недвижимого имущества;

2) отдать самого недоимщика или кого-либо из членов его семейства в посторонние заработки, в том же уезде или соседственном, с условием выработанные деньги обращать в мирскую кассу; отдавать же в заработки в другие, неотдаленные, губернии дозволяется только по приговору Сельского Схода, утвержденному Мировым посредником, и, притом, только таких неисправных плательщиков, кои не платят недоимок по упорству, нерадению, или распутству;

3) определить к недоимщику опекуна, без разрешения которого не дозволять неисправному хозяину отчуждать что-либо из его имущества и из его доходов до пополнения недоимки, или вместо неисправного хозяина назначить старшим в доме другого члена той же семьи;

4) подвергнуть продаже принадлежащее недоимщику лично недвижимое имущество, за исключением лишь выкупленной крестьянином усадьбы;

5) продать ту часть движимого имущества и строений недоимщика, которая не составляет необходимости в его хозяйстве;

6) отобрать у недоимщика часть отведенных ему полевых угодий, или даже весь его полевой надел.

140. Государственные пятипроцентные банковые билеты, назначаемые для выдачи по выкупным ссудам, подлежат, в отношении их наружного вида, присвоенных им преимуществ, платежа по ним процентов и возврата капитала, правилам, установленным 1 сентября 1859 года в Положении о государственных пятипроцентных банковых билетах; но выпускаются особою сериею и погашаются особыми тиражами.

141. По выкупным свидетельствам, до замены их билетами, владельцы получают по пяти процентов ежегодно.

142. Исправный платеж процентов по билетам и свидетельствам и погашение билетов обеспечиваются как выкупными платежами крестьян, так и всеми средствами, в распоряжении правительства состоящими.

О правах крестьян-собственников на выкупленные земли.

156. Крестьяне, приобревшие в собственность, при посредстве выкупной операции, отведенный им, в постоянное пользование, усадебный и полевой надел, или определенную выше, в статьях 56—59, часть такового надела, поступают в разряд крестьян-собственников, по утверждении выкупной сделки, с того срока, в какой, на основании статьи 150, будет назначена к выдаче выкупная ссуда. Вместе с тем прекращаются все обязательные поземельные отношения их к помещику.

160. Когда земля выкуплена целым сельским обществом, то она признается собственностью всего общества, которое пользуется правом разверстки оной между своими членами. Как первоначальная разверстка земли, так и всякие последующие переделы оной между крестьянами допускаются не иначе, как по приговору, утвержденному, по крайней мере, двумя третями общего числа всех крестьян, имеющих право голоса на сходе.

163. По соглашению двух третей голосов на сходе, общество может разделить приобретенные земли на подворные участки, но если выкупная ссуда еще не уплачена, то приговор о разделе должен быть засвидетельствован Мировым посредником, который копию с приговора представляет в Губернское Присутствие, для сведения и для утверждения сделанного обществом распределения выкупных платежей между домохозяевами.

165. До уплаты выкупной ссуды, выдел участков отдельным домохозяевам, из земли, приобретенной обществом, допускается не иначе как с согласия общества. Но если домохозяин, желающий выделиться, внесет в местное Казначейство всю причитающуюся на его участок выкупную ссуду, то общество обязывается выделить крестьянину, сделавшему такой взнос, соответственный оному участок, по возможности к одному месту по усмотрению самого общества, а впредь до выдела, крестьянин продолжает пользоваться приобретенною им частью земли в составе мирского надела, без взноса выкупных платежей.

166. Участки, приобретенные не всем обществом, а отдельными домохозяевами, составляют личную собственность каждого и переходят по наследству, согласно существующим местным обычаям.

4. Положение о губернских и уездных по крестьянским делам учреждениях.

Раздел первый.

1. Для разбора недоразумений, споров и жалоб, могущих возникать из обязательных поземельных отношений между помещиками и временно-обязанными крестьянами, и для заведывания особыми, указанными в настоящем Положении, делами крестьян, вышедших из крепостной зависимости, учреждаются Мировые посредники, Уездные Мировые Съезды и Губернские по крестьянским делам Присутствия. Нижеследующие статьи (1—132) определяют состав, образование, предметы ведомства, пределы власти и порядок действий всех сих учреждений.

6. В должность Мировых посредников избираются местные потомственные дворяне-помещики, которые, кроме условий, поименованных в пунктах 1 и 3 статьи 96 Законов о Состояниях, соединяют в себе еще одно из следующих условий:

1. или владеют, хотя бы в разных губерниях, удобною землею, как в непосредственном их распоряжении находящеюся, так и отданною в пользование крестьянам, — в количестве не менее пятисот десятин;

2. или, владея меньшим количеством земли, но никак не менее ста пятидесяти десятин, окончили курс наук в учебных заведениях, с правом на чин двенадцатого класса, или оному соответственный;

3. или по существующим ныне законам, имеют право избирательного голоса в Губернском Дворянском Собрании.

5. Из местного Положения о поземельном устройстве крестьян, водворенных на помещичьих землях в губерниях: Великороссийских, Новороссийских и Белорусских.

О наделе землею и другими угодьями.

5. Для обеспечения быта крестьян и для выполнения их обязанностей пред Правительством и помещиком, предоставляется в постоянное пользование каждого сельского общества, на основаниях, в настоящем Положении изложенных, надлежащее, по местным удобствам, количество земли, за которое крестьяне платят оброк, или отбывают работу помещику.

Об определении размера надела.

Разделение на полосы и местности.

Губернии, поименованные в ст. I настоящего Положения, разделяются для определения в каждой из них размеров душевого надела, на три полосы: первую, вторую и третью.

6. Распределение Великороссийских, Новороссийских и Белорусских губерний и уездов по полосам и местностям, с означением размера душевого крестьянского надела в каждой местности[1]).

Расписание по полосам и местностям.

Первая (нечерноземная) полоса.

Первая местность.

Высший надел 3 десятины.
Низший „ 1 „

Губернии:	Уезды:	Губернии:	Уезды:
Московская	4 уезда.	Рязанская (по лев. стор. реки Оки).	1 уезд.
Пензенская	1 „	Тамбовская	4 „

Вторая местность.

Высший надел 3 десятины 600 кв. саж.
Низший „ 1 „ 200 „ „

Губернии:	Уезды:	Губернии:	Уезды:
Калужская	8 уездов.	С. Петербургская	4 уезда.
Московская	2 „	Тульская	3 „
Рязанская	2 „		

Третья местность.

Высший надел 3 десятины 1.200 кв. саж.
Низший „ 1 „ 400 „ „

Губернии:	Уезды:	Губернии:	Уезды:
Владимирская	9 уезд.	Орловская	3 уезда.
Казанская	3 „	Рязанская	2 „
Московская	7 „	Смоленская	1 „
Нижегородская	1 „	Ярославская	2 „

Четвертая местность.

Высший надел 4 десятины.
Низший „ 1 „ 800 кв. саж.

Губернии:	Уезды:	Губернии:	Уезды:
Владимирская	9 уездов.	Пензенская	1 уезд.
Вятская	2 уезд.	Рязанская	2 „
Казанская	3 „	С. Петербургская	3 „
Калужская	4 „	Смоленская	7 „
Костромская	3 „	Тверская	7 „
Могилевская	1 „	Ярославская	6 „
Нижегородская	5 „		
Орловская	4 „		

---

[1]) Составлено на основании приложения к ст. 15, в котором подробно перечислены все уезды, указанные здесь лишь общим числом.

Пятая местность.

Высший надел 4 десятины 1.200 кв. саж.
Низший „ 1 „ 1.200 „ „

Губернии:	Уезды:	Губернии:	Уезды:
Витебская	4 уезда.	Орловская	1 уезд.
Владимирская	7 „	Псковская	2 „
Вологодская	2 „	С. Петербургская	1 „
Костромская	4 „	Смоленская	4 „
Могилевская	8 „	Тверская	4 „
Нижегородская	3 „	Ярославская	1 „

Шестая местность.

Высший надел 5 десятин.
Низший „ 1 „ 1.600 кв. саж.

Губернии:	Уезды:	Губернии:	Уезды:
Витебская	2 уезда.	Нижегородская	3 уезда.
Вологодская	1 „	Псковская	4 „
Вятская	1 „	С. Петербургская	2 „
Костромская	2 „	Тверская	1 „

Седьмая местность.

Высший надел 5 десятин 1.200 кв. саж.
Низший „ 1 „ 2.000 „ „

Губернии:	Уезды:	Губернии:	Уезды:
Витебская	1 уезд.	Псковская	1 уезд.
Могилевская	2 „	С. Петербургская	2 „
Новгородская	7 „	Ярославская	1 „
Пермская	2 „		

Восьмая местность.

Высший надел 6 десятин.
Низший „ 2 „

Губернии:	Уезды:	Губернии:	Уезды:
Вологодская	1 уезд.	Оренбургская	1 уезд.
Костромская	6 „	Пермская	3 „
Новгородская	2 уезда.	Псковская	1 „

Девятая местность.

Высший надел 7 десятин.
Низший „ 2 „ 800 кв. саж.

Губернии:	Уезды:	Губернии:	Уезды:
Вологодская	5 уездов.	Новгородская	2 уезда.
Олонецкая	6 „	Пермская	1 „
Вятская	1 „		

Вторая (черноземная) полоса.

Первая местность.

Высший надел 2 десятины 1.800 кв. саж.
Низший „ 2.200 „ „

Губернии:	Уезды:	Губернии:	Уезды:
Курская	12 уездов.	Рязанская	6 уездов.
Пензенская	1 „	Тульская	4 „

Вторая местность.

Высший надел 3 десятины.
Низший „ 1 „

Губернии:	Уезды:	Губернии:	Уезды:
Воронежская	6 уездов.	Рязанская	2 уезда.
Казанская	2 „	Тамбовская	4 „
Курская	1 „	Тульская	7 „
Орловская	9 „	Харьковская	6 „
Пензенская	3 „		

Третья местность.

Высший надел 3 десятины 600 кв. саж.
Низший „ 1 „ 200 „ „

Губернии:	Уезды:	Губернии:	Уезды:
Воронежская	2 уезда.	Пензенская	1 уезд.
Курская	1 „	Симбирская	3 „
Нижегородская	2 „	Тамбовская	2 „

Четвертая местность.

Высший надел 3 десятины 1.200 кв. саж.
Низший „ 1 „ 400 „ „

Губернии:	Уезды:	Губернии:	Уезды:
Воронежская	3 уезда.	Пензенская	2 уезда.
Казанская	6 „	Симбирская	2 „
Курская	1 „	Тамбовская	2 „
Нижегородская	4 „	Харьковская	1 „

Пятая местность.

Высший надел 4 десятины.
Низший „ 1 „ 800 кв. саж.

Губернии:	Уезды:	Губернии:	Уезды:
Воронежская	1 уезд.	Самарская	1 уезд.
Вятская	3 „	Саратовская	2 „
Казанская	2 „	Симбирская	3 „
Пензенская	1 „	Харьковская	2 „

Шестая местность.

Высший надел 4 десятины 1.200 кв. саж.
Низший „ 1 „ 1.200 „ „

Губернии:	Уезды:	Губернии:	Уезды:
Саратовская	7 уездов.	Харьковская.	2 уезда.
Уфимская	2 „		

Седьмая местность.

Высший надел 5 десятин.
Низший „ 1 „ 1.600 кв. саж.

Губернии:	Уезды:	Губернии:	Уезды:
Оренбургская	2 уезда.	Самарская.	6 уездов.
Пермская.	4 „	Уфимская	3 „

Восьмая местность.

Высший надел 6 десятин.
Низший „ 2 „

Губернии:	Уезды:	Губернии:	Уезды:
Оренбургская	1 уезд.	Самарская.	2 уезда.
Пермская.	1 „		

Третья (степная) полоса.

А. Великороссийские губернии.

Первая местность.

Указный надел 6 десятин.

Губернии:	Уезды:
Саратовская	1 уезд.

Вторая местность.

Указный надел 7 десятин.

Губернии:	Уезды:	Губернии:	Уезды:
Оренбургская	1 уезд.	Саратовская	1 уезд.

Третья местность.

Указный надел 8 десятин.

Губернии:	Уезды:
Самарская	2 уезда.

Четвертая местность.

Указный надел 10 десятин.

Губернии:	Уезды:
Самарская	1 уезд.

Пятая местность.

Указный надел 12 десятин.

Губернии:	Уезды:
Самарская	1 уезд.

Б. Новороссийские губернии.

Первая местность.

Указный надел 3 десятины.

Губернии:	Уезды:	Губернии:	Уезды:
Екатеринославская	1 уезд.	Херсонская	3 уезда.
Таврическая	2 „		

Вторая местность.

Указный надел 3 десятины 1.200 кв. саж.

Губернии:	Уезды:
Херсонская.	2 уезда.

Третья местность.

Указный надел 4 десятины.

Губернии:	Уезды:	Губернии:	Уезды:
Екатеринославская	7 уездов.	Херсонская	2 уезда.

Четвертая местность.

Указный надел 4 десятины 1.200 кв. саж.

Губернии:	Уезды:	Губернии:	Уезды:
Екатеринославская	1 уезд.	Херсонская	2 уезда.

Пятая местность.

Указный надел 5 десятин.

Губернии:	Уезды:	Губернии:	Уезды:
Таврическая	1 уезд.	Херсонская	2 уезда.

Шестая местность.

Указный надел 5 десятин 1.200 кв. саж.

Губернии:	Уезды:
Херсонская.	2 уезда.

Седьмая местность.

Указный надел 6 десятин 1.200 кв. саж.

Губернии:	Уезды:
Таврическая	6 уездов.

Правила для полос: первой (нечерноземной) и второй (черноземной).

16. В полосах **первой** и **второй**, для определения количества мирской земли, предоставляемой в постоянное пользование сельским обществам, установляется, по каждой местности, два размера наделов на душу: **высший** и **низший**. Низший душевой надел полагается на одну треть против высшего [1]).

18. Если нынешний крестьянский надел превышает высший размер надела, рассчитанный на целое сельское общество, то помещику предоставляется отрезать сей излишек в свое непосредственное распоряжение. Если помещик предложит крестьянам оставить такой излишек в их постоянном пользовании, то условия сего пользования определяются по добровольному соглашению помещика с крестьянами.

19. Если нынешний крестьянский надел менее низшего размера надела, рассчитанного на целое сельское общество, то помещику предоставляется: или прирезать недостающее количество земли, или же понизить повинности крестьян, соразмерно количеству земли, недостающему против низшего размера надела. Впрочем, если крестьяне предпочтут уменьшение их повинностей увеличению их надела, то дозволяется им отказаться от прирезки к оному.

20. Если бы в **первой** и **второй** полосах, за оставлением в пользовании крестьян их надела, осталось в непосредственном распоряжении помещика менее одной трети общего количества принадлежащих ему угодий, то помещик имеет право удержать в своем непосредственном распоряжении **до одной трети** общей совокупности удобных земель. При этом соблюдается правило, чтобы тот надел, которым крестьяне пользовались до утверждения настоящего Положения, ни в каком случае не был уменьшаем против установленного **низшего** размера.

Правила для третьей полосы.

22. Крестьяне, в **третьей полосе**, наделяются **указным**, для их местности, на каждую душу количеством земли, кроме тех случаев, когда, за отводом крестьянам указного надела, осталось бы в непосредственном распоряжении помещика менее половины общего количества угодий; в таком случае помещик может удержать, в своем непосредственном распоряжении, **до половины** общей совокупности принадлежащих ему удобных земель.

---

[1]) Утверждено мнение меньшинства (16), высказавшееся за нормы Ред. Комиссий. Большинство предлагало принять за норму высшего надела 2/3 высшего надела Ред. Комиссий, за норму низшего — 1/2.

Общие для всех полос правила.

25. Помещик, ни в каком случае, не обязан увеличивать впоследствии надел, отведенный в постоянное пользование крестьян на основании сего Положения.

29. Леса не включаются в состав крестьянского надела, кроме случая, упоминаемого в ст. 30, и последних пяти местностей нечерноземной полосы (ст. 31). Но кустарник, находящийся на крестьянских полях, на покосах и пастбищах, и состоявший в постоянном пользовании крестьян, и земля под оным полагается также в счет крестьянского надела.

30. Лесные участки, состоящие в постоянном пользовании не всего мира, а отдельных крестьянских дворов или семейств, оставляются в их пользование, в счет следующего им надела.

О пользовании землею и другими угодьями.

123. В случае, если помещик, по добровольному соглашению с крестьянами, утвержденному установленным порядком, подарит обществу крестьян часть их надела, и если эта часть, заключая в себе усадебную оседлость крестьян, составляет, вместе с оною, не менее, на каждую ревизскую душу, одной четверти высшего, в степной же полосе указного размера надела, установленного для той местности, в коей находится имение, то крестьяне, получившие такой дар от помещика, могут отказаться от обязательного пользования остальною частью своего надела, которая и поступает затем в полное распоряжение помещика [1]).

О повинностях крестьян в пользу помещиков.

159. Повинности временно-обязанных крестьян в пользу помещика, за отведенные сим крестьянам в постоянное пользование усадебные и полевые земли, определяются по добровольным между помещиком и крестьянами соглашениям в том размере, как сими соглашениями будет постановлено, с соблюдением лишь следующих условий: 1) чтобы те повинности, которые отправляются работою, определялись временными договорами на сроки не долее трех лет (при чем не воспрещается, однако ж, возобновлять такие договоры, в случае желания обеих сторон, но так же временно, и не долее,

---

[1]) Инициатором этой статьи о «дарственном», «четвертном» или «нищенском» наделе, принятой Гос. Советом единогласно, был кн. П. П. Гагарин. (См. статью А. А. Мануилова, «Происхождение нищенского надела», «Русские Ведомости», 19 февраля 1911 г.) По вычислению П. П. Семенова, крестьяне, согласившиеся на дарственный надел, потеряли 435.000 дес. земли, вернувшейся в собственность помещиков: в Центр. черноземных губерниях — 202.000 дес., в Приволжских — 95.000, в Приуральских — 78.000, в Новороссийских и Харьковской — 60.000.

как на трехлетний срок), и 2) чтобы вообще заключаемые между помещиками и крестьянами сделки не были противны общим гражданским законам и не ограничивали прав личных, имущественных и по состоянию, предоставленных крестьянам по Общему Положению. Во всех тех случаях, когда добровольные соглашения между помещиком и крестьянами не состоятся, временно-обязанные крестьяне, за отведенные им в постоянное пользование усадебные и полевые земли, отбывают в пользу помещика повинности по правилам, в сем Положении постановленным.

160. Отбываемые крестьянами повинности разделяются на денежные (оброк) и изде льную (барщина).

164. Крестьяне не обязываются отбывать в пользу помещика никаких повинностей, сверх установленных сим Положением. Посему отменяются:

1) сборы (вещественные дани) баранами, птицею, яйцами, маслом, ягодами, грибами, пряжею, холстом, сукном и т. п.;

2) так называемые добавочные повинности, как-то: караулы при господских усадьбах, лесах, полях, сенокосах, уход за господским скотом, сгонные дни и т. п. Впрочем, в имениях, состоящих на барщине, предоставляется помещику, в зачет общего количества следующих ему рабочих дней, требовать от крестьян отправления повинностей, в сем пункте исчисленных.

165. Повинность, следующая с крестьян, состоящих на оброке или на смешанной повинности (т.-е. платящих оброк и отбывающих сверх того некоторые работы), определяется в уставной грамоте деньгами; а повинность, следующая с крестьян, состоящих на барщине, определяется в уставной грамоте рабочими днями и, сверх того, для последующего перехода крестьян на оброк — деньгами.

166. Там, где мирская земля состоит в общинном пользовании крестьян, раскладка повинностей между ними предоставляется сельскому обществу.

О повинностях денежных или оброке. О размере оброков.

168. За установленные Положением высший (в первой и второй полосе) и указный (в третьей полосе) душевые наделы определяется высший душевой оброк в следующих размерах:

1. Для имений, отстоящих не далее 25 верст от С.-Петербурга, — 12 рублей.

2. Для всех прочих имений С.-Петербургской губернии, для Московской и Ярославской, а также для уездов Владимирской губернии: Владимирского, Вязниковского, Покровского и Ковровского, по левую сторону реки Клязьмы, и Нижегородской губернии для имений, отстоящих не далее 15 верст от реки Волги, по правому ее берегу, а равно лежащих непосредственно на берегу по левую ее сторону — 10 рублей.

3. Для остальных местностей первой, второй и третьей полос, за исключением губерний и уездов, поименованных в следующем 4-м пункте — 9 рублей.

4. В губерниях Витебской, Могилевской, Вятской, Олонецкой и в уездах губерний: Казанской — Казанском и Царево-Кокшайском, Орловской — Брянском, Севском и Трубчевском, Пензенской — Городищенском и Краснослободском, Псковской — Великолуцком, Новоржевском, Опочецком, Островском, Псковском, Торопецком и Холмском, Смоленской—Бельском, Дорогобужском, Духовщинском, Ельнинском, Краснинском, Поречском, Рославльском и Смоленском, и Тамбовской — Елатомском, Спасском, Темниковском и Шацком— 8 рублей.

169. В тех сельских обществах, в которых крестьяне получают в пользование земли менее установленного для той местности высшего (в первой и второй полосах) или указного (в третьей полосе) количества десятин на душу, там крестьяне облагаются оброком в меньшем против высшего душевого оброка размере. При этом исчисление следующего с крестьян оброка производится во всех трех полосах следующим образом [1]):

1. В первой (нечерноземной полосе): а) на одну десятину высшего душевого надела (со включением в оную и причитающейся доли крестьянской усадебной оседлости) относится одна половина высшего душевого оброка, т.-е. при 12 руб.—6 руб., при 10 руб.— 5 руб., при 9 руб. — 4 руб. 50 коп., при 8 руб. — 4 руб.; б) на другую десятину высшего душевого надела относится одна четверть высшего установленного для той местности душевого оброка, т.-е. при 12 руб.—3 руб., при 10 руб.—2 руб. 50 коп., при 9 руб.— 2 руб. 25 коп., при 8 руб.—2 руб.; в) остальная затем четверть высшего душевого оброка раскладывается равномерно на всю остальную часть высшего душевого надела.

2. Во второй и третьей (черноземной и степной) полосах, на одну десятину высшего (во второй полосе) и указного (в третьей полосе) душевого надела (со включением в оную и причитающейся доли крестьянской усадебной оседлости), из высшего 9-рублевого душевого оброка относится 4 руб., а остающиеся затем 5 руб. раскладываются равномерно на всю остальную часть высшего душевого надела.

171. Денежная повинность может быть заменяема уплатою оброка хлебом, или другими произведениями, не иначе, как по добровольным, частным и временным, условиям, которые заключаются между помещиками и крестьянами, каждый раз, не более

---

[1]) Градация оброков по десятинам была выдвинута комитетами северн. нечерноземн. губерний (Тверской, Ярославской, Вологодской и друг.), а Редакц. Комиссиями распространена и на южные черноземные. «Мемуары» П. П. Семенова, т. III, гл. 10. О значении градации оброков при выкупе см. у А. А. Корнилова, «Губернские Комитеты», гл. 6; его же, «Крестьян. реформа», стр. 135 — 136, и М. Н. Покровского, «Ист. России XIX в.», вып. II, стр. 177 — 178.

как на три года, по истечении коих сии условия могут быть возобновляемы с согласия обеих сторон.

182. Крестьяне, при круговом друг за друга ручательстве, уплачивают оброк помещику от всего общества, состоящего на денежной повинности, чрез Сельского Старосту или особого сборщика. Впрочем, каждому домохозяину не воспрещается вносить оброк, за себя, прямо помещику, если на это последует согласие помещика и общества.

185. Определенный в уставной грамоте денежный оброк остается неизменным в продолжение 20 лет со дня утверждения сего Положения.

186. По истечении 20-летнего срока, по требованию помещика или крестьян, производится переоброчка на новое 20-летие, на тех основаниях, кои правительством будут указаны [1]).

О повинности издельной (барщине). О размере издельной повинности.

187. Издельная повинность (барщина) определяется рабочими днями. Число дней, на основании сего Положения, ежегодно следующее с временно-обязанных крестьян в пользу помещика, вписывается в уставную грамоту и впредь увеличиваемо быть не может.

188. Определение издельной повинности, вместо рабочих дней, известным пространством земли, которое крестьяне должны обрабатывать в пользу помещика, допускается не иначе, как по частным, временным условиям между помещиками и крестьянами. Такого рода условия заключаются, каждый раз, сроком не более как на три года, но, по истечении сего срока, они могут быть возобновляемы.

189. За высший (в первой и второй полосах) или указный (в третьей полосе) душевой надел назначается, во всех трех полосах, 40 мужских и 30 женских рабочих дней в год.

О переходе с издельной повинности на оброк [2]).

236. До истечения двух лет со времени утверждения сего Положения как целые сельские общества, так и отдельные дворы или тягла, отбывающие издельную повинность, могут переходить с нее

---

[1]) Переоброчка денежн. повинностей была допущена, как уступка настойчивым требованиям дворянства. В Редакц. Комиссиях Н. А. Милютин заметил, что он соглашается на переоброчку только потому, что через 20 лет ни один министр внутр. дел не возьмется за переоценку повинностей, а так как к этому времени большинство помещичьих имений будет уже на выкупе, то дело кончится обязательным выкупом остальных. В Главн. Комитете Муравьев, кн. Долгоруков и Княжевич настаивали на 14-летнем сроке переоброчки. В Госуд .Совете за это мнение высказалось большинство — 35. Утверждено мнение меньшинства — 8.

[2]) Ред. Комиссии, признавая сохранение обязательной барщины положительно вредным во всех отношениях, считали невозможным допускать

на оброк не иначе, как с согласия помещика. По истечении этого двухгодового срока, право переходить с издельной повинности на оброк предоставляется как целым сельским обществам, так и отдельным дворам или тяглам, без согласия помещика, или сельского общества, но во всяком случае не иначе, как предварив о том заблаговременно помещика.

переход с оброка на барщину, обратно же, переход с барщины на оброк, по истечении 2 лет, предоставляли добровольному соглашению. В Главн. Комитете: Панин, Долгоруков, Муравьев и Княжевич высказались за удлинение срока обязательной барщины. В Гос. Совете 35 членов предлагали право перехода с барщины на оброк по истечении трех лет предоставить одной трети старших по возрасту крестьян, после 6 лет — половине; после 9 лет допускать барщину только за плату. Утверждено мнение меньшинства — 8 членов.

ЧАСТЬ ТРЕТЬЯ

ПОРЕФОРМЕННОЕ ХОЗЯЙСТВО

ГЛАВА I.

ХЛЕБНАЯ ТОРГОВЛЯ.

1. Сельско-хозяйственный рынок и железнодорожное строительство в 70-х гг.

П. Лященко, „Очерк аграрной эволюции России", т. I, стр. 236—240 и 243—257.)

I.

Громадное хозяйственное значение и крайняя необходимость улучшенных путей сообщения и создания железнодорожного транспорта ясно выдвинулись лишь с падением крепостного хозяйства: железные дороги должны были явиться орудием скорейшего перехода к денежному хозяйству.

Железные дороги необходимо было строить по главным артериям прежней промышленной и торговой деятельности. В этих видах на первую очередь было поставлено соединение Москвы с Петербургом и балтийских портов с хлебородными местностями центра. Другой, стоящей на первой очереди, линией, была признана южная, которая должна была соединить Москву с центром, центр и юг с южными портами и открыть, таким образом, „удобное в крае сообщение для сбыта продуктов на юг — за границу, на запад и северо-запад — во внутренние губернии".

Эти два направления и должны были лечь в основу того остова железнодорожных линий, который с течением времени должен был получить дальнейшее развитие. Уже в высочайшем указе об учреждении Главного Общества железных дорог были намечены главнейшие основания предполагаемой железнодорожной сети. Она должна была состоять из магистралей „от С.-Петербурга до Варшавы и прусской границы, от Москвы через Курск и низовья Днепра до Феодосии, и от Курска и Орла через Динабург до Либавы; таким образом, непрерывным, через 26 губерний, железным путем соединятся взаимно: три столицы, главные судоходные реки наши, сосредоточие хлебных наших избытков и два порта на Черном и Балтийском морях, почти весь год доступные; облегчится сим образом вывоз заграничный, обеспечится привоз и продовольствие внутреннее".

Таким образом, в правительственной железнодорожной политике на первом месте стояло целью вовлечение в торговый оборот и связывание с рынком именно земледельческих районов.

Менее чем через 10 лет после начала правильного и планомерного железнодорожного строительства, к концу 1868 года, была уже открыта сеть линий, соединяющих Москву с производительными районами: дорога Москва — Курск привлекала к Москве грузы центра, Москва — Козлов — Воронеж собирала хлеб с юго-востока, Москва — Нижний — со всего волжского и камского района, Москва — Петербург отчасти служила путем привлечения грузов с северо-запада, отчасти снабжала южным хлебом С.-Петербург. Только вслед за сооружением этих линий началась постройка путей, соединяющих хлеботорговые районы с портами и служащих для доставления хлеба на вывоз. Сюда принадлежит прежде всего магистраль Рига — Царицын, начатая строиться отдельными участками, впрочем, много ранее, но законченная только в 1871 году: пройдя с низовьев Волги и юго-восточных степей через черноземный центр, она явилась широким руслом для вывоза избытков хлеба за границу. После постройки этих линий стали сооружаться и другие, не изменяя общего плана сети. К концу 1875 г. центр обогатился новыми линиями Москва — Ярославль, а также Сызрань — Вязьма и Козлов — Саратов, увеличившими район тяготения к Москве далеко на восток и юго-восток. Кроме этих двух линий, работавших отчасти также и на экспорт, главными экспортными линиями явились Курск — Харьков — Одесса, Харьков — Ростов, Воронеж — Ростов, Харьков — Севастополь, служившие выходами хлеба центра в южные порты, и линия Либава — Ромны, ставшая вместе с риго-царицынской линией стягивать грузы не только центральных, но и южных губерний к балтийским портам. После этого выдвинулись также и другие задачи и цели железнодорожного строительства. Именно, после сооружения железных дорог, обслуживавших сбыт сельско-хозяйственных продуктов, стали развиваться дороги, служащие нуждам других отраслей промышленности; но дороги, сооруженные в первоначальный период строительства, были почти все дорогами земледельческими, такими, которые питали лишь внутренний рынок, и сами „питались исключительно продуктами черноземных районов“.

II.

Уже самая постройка железных дорог прежде всего через черноземные производительные районы показывала, что́ должно было служить материалом, которым обусловливалось возникновение и жизнь железных дорог. Железные дороги должны были тотчас же завладеть транспортом хлебных грузов, и на первое время чем более в глубь страны прорезывались железнодорожные линии, чем интенсивнее развивалось железнодорожное движение, тем бо́льшая доля в нем принадлежала хлебным перевозкам.

Так, в первые годы развития сети перевозки по железным дорогам составляли, в миллионах пудов:

Годы.	Всего товаров малой скорости.	Всего хлебных грузов.	% хлебных грузов в общем движении.
	Милл. пуд.		
1870	492	135	27,5
1873	1.153	444	38,5
1874	1.356	557	41,1
1876	1.374	577	42,0

Завоевывая все более и более преобладающее место в общей массе перевозок по всем железным дорогам, хлеб для некоторых из них являлся почти исключительным источником перевозки и, следовательно, доходности. На тамбово-козловской железной дороге хлебные грузы составляли до 73,1% всей массы грузов, на рыбинско-бологовской—57,6, на орлово-грязской—83,6, на рижско-моршанской—88,9%.

Общее оживление, которое должны были вдохнуть в хлеботорговый обмен железные дороги, сказалось не только быстрым ростом собственно железнодорожных перевозок хлеба, но, вместе с улучшением сбыта его, должно было, конечно, увеличить общее количество поступавшего на рынок хлеба, т.-е. повлечь и увеличение сплавов хлеба по рекам к железнодорожным линиям, а также гужевых подвозов к станциям. Этому росту обмена вполне соответствовали и нужды возраставшего и принимавшего денежные формы хозяйства.

Размеры хлеботоргового оборота почти невозможно определить статистически точно. Насколько возможно, воспользуемся приблизительными данными министерства земледелия, относящимися к 1865—1867 г.г., т.-е. когда, кроме николаевской и варшавской, были отстроены лишь линии Рига — Динабург, Москва — Нижний, Москва — Козлов, Одесса — Балта; при этом лишь последние две линии могли иметь самостоятельное хозяйственное значение, так как линия Москва — Нижний могла обслуживать главным образом только московский рынок и только грузами, идущими с Волги. Общий итог обращавшегося во внутренней торговле хлеба определялся:

По водным путям	113.299.217	пудов	= 48%
„ железным дорогам . .	36.283.000	„	= 15%
„ гужевым путям . . .	87.000.000	„	= 37%
Всего, примерно, до . . .	236.600.000	„	= 100%

Цифры показывают, что даже две-три упомянутые линии сразу завладели значительной частью торгового движения, отняв его от гужевого.

Чем далее в глубь страны проходил на юго-восток и на северо-запад железнодорожный путь, чем бо́льшее число рынков соединял

он, тем сильнее сказывалось на них действие нового средства сообщения — падением одних и поднятием других.

Перерезав поперек старые пути водного и гужевого движения, эти дороги быстро лишили прежние крупные рынки сбыта и прежние сплавные пристани их недавнего значения в торговле вообще и в особенности в снабжении Москвы.

III.

Изменения в промышленном и торговом значении районов и различных торговых пунктов происходили быстро и резко, и, конечно, не ограничились одним лишь географическим перемещением старых и возникновением новых, но повлекли за собой коренные изменения и во внутреннем строе торгового капитала.

В старой торговле господствовал капитал преимущественно крупный; концентрируясь в крупных торговых центрах, он большею частью непосредственно к себе собирал хлеб от производителя — оптового ли — помещика, мелкого ли — крестьянина. Известная градация торгового капитала, конечно, была, и даже очень определенная. Обыкновенно вслед за такими главами торгового капитала, каковы московские и коломенские купцы, ворочавшие делами на всем потребительном рынке, стояли купцы козловские, елецкие, моршанские, нижегородские, обладавшие уже меньшим капиталом, работавшие в меньшем районе и большею частью являвшиеся посредниками более крупных по закупке местных сельских произведений. Вся их роль, значение и условия успеха деятельности состояли в постоянном общении с местными производителями, в знании местного рынка. Скупка хлеба велась ими непосредственно на местных базарах и привозах у крестьян, иногда же у более мелких сельских купцов, прасолов и т. п.

Проведение железных дорог, меняя условия закупки и отдаляя места сбыта, вместе с тем резко изменяло состав торгового класса, оказав решающее действие на самые условия производства и положение производителя. Прежде всего стали исчезать прежние более или менее крупные места ссыпки и закупок зерна. Хлеб потянулся теперь уже не по старым трактам — к излюбленным и известным крестьянину базарам, а к станциям железных дорог, где, собираясь по мелочам скупщиком, отправлялся непосредственно на экспорт двумя - тремя вагонами. Прежде оптовый торговец, экспортный или работавший на внутреннем рынке, заботился о составлении крупных партий, требовал чистоты и однородности зерна; все это обусловливало и особую организацию торговли, основанную на предварительной ссыпке и составлении партий на месте. При своей солидности, такая организация в общем мало соответствовала условиям большею частью мелкого крестьянского производства, особенно усилившегося после реформы. Поэтому неудивительно, что, когда вместе с открытием железной дороги появилась масса мелких комиссионеров и скупщиков, разъезжавших по деревням, не брезговавших никаким качеством

зерна, скупавших хлеб по мелочам и затем тотчас же отправлявших по железной дороге по 1 — 2 вагонам обыкновенно уже запроданного хлеба, быстро ожививших таким образом торговый оборот, — старый строй торговли не выдержал конкуренции новых способов закупки и сбыта.

Крупному капиталу внутренних рынков пришлось приспособляться к изменившимся условиям торговли. Бо́льшая часть московских, коломенских и других купцов стала производить свои покупки на местах производства не с помощью собственных приказчиков или местных более мелких купцов, заготовлявших предварительно партии хлеба, а прибегать к помощи прасолов — комиссионеров и скупщиков. Им давались деньги на закупку хлеба у помещиков и крестьян непосредственно и по мелочам и затем поручалась погрузка хлеба на станциях, для непосредственной доставки далее прямо на места потребления. С другой стороны, и местные крупные торговцы, лишенные своей роли посредников между производителем и крупными торговцами центральных рынков, должны были, сохраняя связь с прежними своими районами, переносить свои операции в потребительные центры — в Москву, С.-Петербург и другие северные города.

Таким образом, в общей эволюции торговых отношений, наиболее пострадавшими и за флагом оказались торговцы среднего капитала. Непосредственная первоначальная скупка попадала все более и более в руки мелких комиссионеров и скупщиков, ведущих дело с незначительным капиталом или прямо в кредит и выигрывающих на разнице лишь вследствие быстроты своих оборотов. Из торговых же домов успели вынести их конкуренцию лишь более богатые капиталами крупные торговцы, которые стали обходиться без посредства более мелких местных купцов, державших прежде в своих руках все хлеботорговые обороты своих районов. Теперь торговля зерном на местах производства все более и более стала переходить к мелким посредникам - торговцам, и крупный капитал удержался, главным образом, только в торговле мукою и мукомольном деле, отчасти превратившись таким образом из торгового капитала в капитал производительный.

IV.

Описанные перемены в торговле относятся преимущественно к обширному району центральных губерний. Хотя сущность явлений была везде, конечно, одинакова, но переход от непроездной и непроходной России к усовершенствованным путям сообщения, приближение с помощью их к потребительным и экспортным рынкам прежде далеких от них производительных районов произвели здесь более резкие и быстрые перемены, чем, например, в южном районе, всегда работавшем на рынок, или в волжском, обладавшем все же удовлетворительным водным путем и, следовательно, возможностью широкого сбыта. Оживив хлебную торговлю центральных губерний, расширив их хлебное производство вообще и производство хлеба на продажу в особенности, железные дороги, связавшие центр с бал-

тийскими портами, направили хлебные избытки именно сюда, оторвав их от внутреннего рынка и дав толчок развитию экспорта балтийских портов [1].

Так, вывоз хлебов из балтийских портов составлял в 1852 году всего 11,3% общего вывоза из России, а в 1854 году даже лишь 8,7% и в 1855 г. — 4,2%; в то же время из портов Черного и Азовского морей вывозились до 66,5% — 68,9% всего вывоза. В последующие годы, с проведением железных дорог, рост экспорта балтийских портов за счет черноморских представляется в следующем виде. Экспорт хлеба в процентах к общему отпуску составлял:

Годы.	Из балтийских портов.	Из черноморских и азовских портов.
1869	18,65	64,04
1870	22,43	59,77
1871	29,16	53,96
1872	19,51	61,33
1873	37,90	32,85
1874	33,14	34,31
1875	33,74	43,80
1876	40,00	37,00

До сих пор вообще сравнительно мало работая на рынок, или же во всяком случае на внутренний рынок, они теперь стали в тесную связь с экспортным рынком, начали работать исключительно на него. Но влияние возможности сбыта хлеба из центральных губерний не ограничилось лишь общим увеличением экспорта: железные дороги извлекли из центра и стали направлять к Риге новый, до тех пор не находивший сбыта хлеб — овес. Так, станция Рига получала еще в 1868 году с риго-динабургской железной дороги овса всего 204 тыс. пуд. из 843 тыс. пуд. В 1869 году общее число хлебных грузов увеличилось уже до 1.334 тысячи пудов, а в 1870 году до 6.801 тыс. пуд., из которых овсу принадлежало уже 4.848 тыс. пуд., т.-е. 83,5%. Из Орловской губернии, почти не вывозившей прежде из своих пределов овса, в 1871 году было доставлено до 10 милл. пудов его.

В центральных губерниях такое оживление внешнего спроса и расширение сбыта хлебных продуктов пошло прежде всего, конечно, на счет тех товаров, которые раньше не имели никакого спроса, и запасы которых постоянно оставались неиспользованными; поэтому же в первый год по открытии дорог в продажу пошло старое зерно урожаев прежних лет, освободив, таким образом, и торговцев, и хозяев от излишних и ненужных запасов; лишь спустя несколько лет,

[1] Все эти данные, характеризующие увеличение экспортной работы балтийских портов, служат вместе с тем и лучшим указанием на те перемены, которые произошли в народном хозяйстве связанных с этими портами центральных губерний.

идя навстречу спросу, производство зерна стало само приспособляться к рынку и направилось именно на те сорта, которые шли на рынке лучше.

При том общем перевесе значения в хлебном экспорте, который начали получать балтийские порты, увеличилось и относительное значение в общем экспорте, а вслед затем и в общем народном зерновом производстве, овса и ржи, прежде пользовавшихся лишь очень ограниченным сбытом. Так, экспорт овса, занимавший в половине 50-х годов в общем отпуске хлебов лишь 5—10%, в начале 70-х давал уже до 20% и более; рожь, доставлявшая 15—20%, стала давать до 35%; наоборот, пшеница, занимавшая прежде до 69%, к 70-м годам дала уже относительное сокращение экспорта до 30—35% общего отпуска.

V.

Вместе со всеми этими переменами в производстве и в условиях сбыта начинается быстрый рост цен на все сельско-хозяйственные продукты, в особенности на ненаходившие раньше сбыта. Четверть пшеницы, стоившая еще во время освобождения крестьян 5—6 руб., с проведением дороги вздорожала до 8 р. в среднем в год; рожь, стоившая 2 р. 50 к.—3 руб., поднялась до 4—5 р.; но особенно сильно вздорожал овес: потреблявшийся прежде, за отсутствием внешнего сбыта, на местах и стоивший на месте до 70 к. четверть, он вздорожал в течение десяти лет до 1 р. 70 к.—2 р. Возвышение цен наблюдается повсеместно в период за постройкой железных дорог, так что, по сравнению с ценами, стоявшими пред освобождением, цены конца 70-х годов показывают такое увеличение:

	Цена четверти ржи. I период. Рубли.	II период.	% увеличения.
С.-Петербург	5,00	6,50	30
Рыбинск	3,15	4,75	50
Мценск	2,15	3,55	65
Орел	2,05	3,40	66
Моршанск	1,90	3,30	73
Елец	1,75	3,00	71
Козлов	1,70	3,15	85
Саратов	1,70	3,40	100

Таким образом, местные цены в районах производства показывают гораздо более значительное увеличение, чем цены портовые и в районах потребления: в Саратове они возвысились на 100%, в Козлове на 85%, в Моршанске на 73%, тогда как в С.-Петербурге всего на 30%, в Рыбинске на 50%. Улучшение условий перевозки, расширение районов сбыта хлеба, усиление требований за границу повлияли на цены отдаленных рынков в большей степени, чем в потребительных центрах и в самых портах. Это повышение обнаруживалось здесь тем значительнее, что в прежнее время, вследствие

отдаленности производительных районов и затруднительности доставки, местные цены были крайне низки.

Таким образом, вместе с проведением железных дорог на них хлынула масса хлеба, в особенности из центральных районов, преимущественно крестьянских ржи и овса, до тех пор не имевших отсюда сбыта, теперь же явившихся главными предметами хлебного экспорта. Если наши черноземные железные дороги действительно, как мы видели, „питались хлебом“, то нужно сказать, что наш хлебный экспорт, с проведением железных дорог стал питаться, главным образом, именно крестьянским хлебом. Все условия нового строя и водворившегося денежного хозяйства способствовали, с одной стороны, усиленным продажам на рынок крестьянского хлеба, с другой — сокращению производства помещичьего. Действительно, вместе с ростом железных дорог, оживлением хлеботоргового оборота и внешнего экспорта, все бо́льшая относительная роль в нем начинает принадлежать серым „мужицким“ хлебам — ржи и овсу. „Демократизация“ распространилась, таким образом, не только на формы и организацию обмена, но и на самый товар: помещичья пшеница, преобладавшая на внешнем рынке до 50-х годов, со времени освобождения и проведения дорог начинает вытесняться крестьянской рожью.

---

2. Ежегодное увеличение сети железных дорог в 1860—1878 г.г.

(И. С. Блиох, „Финансы России XIX ст.“. Т. III, стр. 179.)

В	1860	г.	производ.	движен.	на	протяж.	1.491	верст	железн. путей.
„	1861	„	„	„	„	„	1.954	„	„ „
„	1862	„	„	„	„	„	3.201	„	„ „
„	1863	„	„	„	„	„	3.268	„	„ „
„	1864	„	„	„	„	„	3.358	„	„ „
„	1865	„	„	„	„	„	3.578	„	„ „
„	1866	„	„	„	„	„	4.248	„	„ „
„	1867	„	„	„	„	„	4.688	„	„ „
„	1868	„	„	„	„	„	6.465	„	„ „
„	1869	„	„	„	„	„	7.650	„	„ „
„	1870	„	„	„	„	„	10.092	„	„ „
„	1871	„	„	„	„	„	12.715	„	„ „
„	1872	„	„	„	„	„	13.228	„	„ „
„	1873	„	„	„	„	„	15.218	„	„ „
„	1874	„	„	„	„	„	16.962	„	„ „
„	1875	„	„	„	„	„	17.698	„	„ „
„	1876	„	„	„	„	„	18.196	„	„ „
„	1877	„	„	„	„	„	20.345	„	„ „
„	1878	„	„	„	„	„	21.676	„	„ „

---

3. Средний годичный сбор, вывоз и остаток всех хлебов в 50 губ. Европейской России, в четвертях, в 1870—1885 г.г.

(Из статьи В. Мукосеева в I т. издания: „Общественное движение в России в начале XX в." [1].

Годы.	Чистый сбор предыд. года.	Вывоз.	Остаток.	% отношение вывоза к чистому сбору.	Население в миллионах.	Чистый сбор.	Вывоз.	Остаток.
	В тыс. четвертей.				На 1 душу в четвертях.			
1870/71—1874/75	184.032	22.483	161.549	12,2	67,5	2,73	0,33	2,40
1875/76—1879/80	178.622	32.185	146.477	18,0	72,8	2,45	0,44	2,01
1880/81—1884/85	196.468	33.441	163.027	17,0	78,3	2,51	0,43	2,08

Рассматривая таблицу, мы видим относительное понижение сбора, — именно сбор хлебов в своем количественном развитии отставал от роста населения и вывозной операции.

---

4. Вывоз хлеба и товаров по трехлетиям в 1859—1876 г.г.

(И. С. Блиох, „Финансы России в XIX ст.". Т. II, стр. 209)

В период.	Вывоз хлеба в четвертях.	Вывоз всех вообще товаров по европейской границе, в рублях.
1859	9.637.322	149.395.968
1860 — 1862	8.859.534	161.671.374
1863 — 1865	8.708.026	161.351.635
1866 — 1868	13.153.675	203.991.549
1869 — 1871	18.154.332	314.235.132
1872 — 1874	21.080.385	356.207.694
1875	22.387.617	360.601.151
1876	25.238.265	379.257.762

---

[1] Данные эти заимствованы из работы В. И. Покровского. „Сборник сведений по истории и статистике внешней торговли России", т. I. Спб. 1902 г., стр. 7.

5. Рост ценности общего и хлебного вывоза по пятилетиям 1861—1885 г.г.

(В. И. Покровский, „Сборник сведений по истории и статистике внешней торговли России.)"

Годы.	Ценность всего вывоза.	Ценность хлебного отпуска.	Отношение ценности хлебного отпуска к ценности всего вывоза.
	Миллионы рублей кредитных.		
(1861—1865)/5	181,6	60,3	33,2%
(1866—1870)/5	263,7	104,8	39,7%
(1871—1875)/5	374,9	179,9	48,0%
(1876—1879)/4	543,6	305,9	56,2%
(1880—1885)/6	565,2	296,6	52,5%

6. Рост пашни.

(Н. Огановский, „Очерки по истории земельных отношений в России", стр. 416.)

		Средний ежегодный прирост в тыс. десятин.
В 1809 г. (по Герману)	73 милл. дес.	517
„ 1832 „ (по Зябловскому)	75 „ „	[1] 606
„ 1846 „ (по Арсеньеву)	84,7 „ „	
„ 1860-е г.г. (Военно-стат. сб.) . . .	88,8 „ „	293
„ 1881 „ (Центр. Стат. Ком.) . .	106,7 „ „	998
„ 1887 „ [2] (тоже)	117,2 „ „	1.750

[1] По официальным данным 77 милл. Арсеньев прибавляет 10%, считая официальные данные пониженными

[2] Цифры недостающих 4-х губерний, как и в других подсчетах, взяты за 1881 год.

7. Рост пашни по районам.

(Н. Огановский, „Очерки по истории земельных отношений в России" стр. 417.)

Пашня в тыс. десятин.

Районы:	годы: 1860	1887	Разница в % + или —.
Московск. промышл.	11.075	8.912	— 20
Северо-западный	3.275	2.615	— 20
Северный	1.141	1.539	+ 35
Всего центр.	15.491	13.066	— 16
Центр. земледельч.	16.610	17.526	+ 5
Средне-Волжск.	9.611	13.596	+ 41
Сев.-вост.	6.166	8.321	+ 35
Восточный	6.900	9.052	+ 31
Всего 1 пояс	39.287	48.495	+ 23
Заволжье	3.614	16.658	+361
Новороссия	10.774	21.272	+ 98
Всего 2 пояс	14.388	37.930	+163
Западн. Малоросс.	6.872	7.743	+ 13
Литва и Белоруссия	11.010	8.274	— 25
Прибалт. край	1.753	1.684	— 4
Всего запад.	19.635	17.701	— 10
Итого Европ. Россия	88.802	117.192	+32

8. Увеличение скота.

(Н. Огановский, „Очерки по истории земельных отношений в России" стр. 427.)

	Лошадей.	Крупн. рог. скота.	Овец и коз.	Свиней.
	(В миллионах голов.)			
1864 г.	14,7	21,0	44,7	9,4
1883 „	17,9	23,6	47,8	9,4
1888 „	19,7	24,6	44,5	6,2
1900 „	19,7	32,9	49,6	11,4
Прирост за 1864—1900 г.г. в %	34	57	11	21

9. Рост торгового земледелия.

(Н Ленин, „Развитие капитализма в России“, п. I, гл. IV, стр. 195—193.

Сопоставляем данные:

50 губерний Европейской России.								
ПЕРИОДЫ.	Население об. п.	Миллионы четвертей.				На одну душу населения приходится четвертей чистого сбора.		
		Посев.	Чист. сб.	Посев.	Чист. сб.			
	Миллионы.	Всех хлебов, т.-е. зерновых хлебов плюс картофель.		Картофель.		Зернов. хлебов.	Картофеля.	Всего хлеба.
1864—1866	61,4	72,2	152,8	6,9	17,0	2,21	0,27	2,48
1870—1879	69,8	75,6	211,3	8,7	30,4	2,59	0,43	3,02
1883—1887	81,7	80,3	255,2	10,8	36,2	2,68	0,44	3,12
1885—1894	86,3	91,6	265,2	16,5	44,3	2,58	0,50	3,07
1900—1904) —1905	107,6	103,5	396,5	24,9	93,9	2,92	0,87	3,68

Мы видим отсюда, что до 1890-х годов пореформенная эпоха характеризуется несомненным ростом производства как зерновых хлебов, так и картофеля. Производительность земледельческого труда повышается: во-первых, величина чистого сбора возрастает быстрее, чем величина посева (за некоторыми частичными исключениями); во-вторых, надо принять во внимание, что доля населения, занятого земледельческим производством, за указанное время постоянно уменьшалась вследствие отвлечения населения от сельского хозяйства к торговле и промышленности, а равно и вследствие выселения крестьян за пределы Европейской России. Особенно замечателен тот факт, что растет именно торговое земледелие: увеличивается количество собираемого (за вычетом семян) хлеба по расчету на 1 душу населения, а внутри этого населения идет все дальше и дальше разделение общественного труда; увеличивается торгово-промышленное население; земледельческое население раскалывается на сельских предпринимателей и сельский пролетариат; растет специализация самого земледелия, так что количество производимого на продажу хлеба возрастает несравненно быстрее, чем все количество производимого страною хлеба. Капиталистический характер процесса наглядно иллюстрируется увеличением роли картофеля в общем размере земледельческого производства. Увеличение посевов картофеля означает, с одной стороны, повышение техники сельского хозяйства (введение в посев корнеплодов) и рост технической обработки с.-х. продуктов (винокурение и картофельно-крахмальное производство). С другой стороны, оно является, с точки зрения класса сельских предпринимателей, производством относительной прибавочной стоимости (удешевление содержания рабочей силы, ухудшение народного питания). Данные за 10-летие 1885—1894 г.г. показывают, далее, что кризис

1891—1892 г., вызвавший гигантское усиление экспроприации крестьянства, повел к значительному понижению производства зерновых хлебов и к понижению урожайности всех хлебов; но процесс вытеснения зерновых хлебов картофелем продолжался с такой силой, что производство картофеля, по расчету на 1 душу населения, увеличилось, несмотря на понижение урожая. Наконец, последнее пятилетие (1900 — 1904 г.г.) показывает равным образом рост с.-х. производства, повышение производительности земледельческого труда и ухудшение положения рабочего класса (увеличение роли картофеля).

Как мы уже заметили выше, рост торгового земледелия проявляется в специализации земледелия. Массовые и огульные данные о производстве всяких хлебов могут дать (да и то не всегда) лишь самые общие указания на этот процесс, так как специфические особенности различных районов при этом исчезают. Между тем, именно в обособлении различных районов земледелия и состоит одна из наиболее характерных черт пореформенного сельского хозяйства в России. Так, цитированный уже нами „Историко-статистический обзор промышленности России" (т. I, Спб. 1883) указывает следующие сельско-хозяйственные районы: район льноводства, „область с преобладающим значением скотоводства", в частности с „значительным развитием молочного хозяйства", область преобладающей зерновой культуры, в частности район трехполья и район улучшенной залежной или многопольно-травяной системы (часть степной полосы, которая „характеризуется производством наиболее ценных, так называемых красных хлебов, преимущественно предназначенных для заграничного отпуска"), свекловичный район, район возделывания картофеля на винокурение. „Указанные хозяйственные районы возникли на территории Европейской России в сравнительно недавнее время и с каждым годом все более и более продолжают развиваться и обособляться"...

ГЛАВА II.

ЗЕМЛЕВЛАДЕНИЕ.

1. Таблица изменений крестьянского землепользования после реформы.

(Из статьи В. И. Анисимова в сборнике „Великая реформа“, т. VI, стр. 93)

Губернии.	Находилось в пользовании б. помещ. крестьян до 1861 г.	Отведено в надел по данным 1877—1878 г.	Увеличение (+) или уменьшение (—) размеров крестьянск. землепользования после 1861 г.	
	В тысячах десятин.			В %.
Астраханская . . .	45,8	52,1	+ 6,3	+ 13,8
Виленская . . .	527,8	751,8	+ 224,0	+ 42,4
Витебская	826,4	856,9	+ 30,5	+ 3,7
Владимирская . .	1.289,1	1.130,7	— 158,4	— 12,3
Вологодская . . .	500,9	507,8	+ 6,9	+ 1,4
Волынская	1.205,8	1.639,7	+ 433,9	+ 35,9
Воронежская . . .	730,5	572,9	— 157,6	— 21,9
Вятская	67,7	78,2	+ 10,5	+ 15,5
Гродненская . . .	417,6	642,3	+ 224,7	+ 53,7
Екатеринославская	535,5	334,6	— 128,9	— 37,6
Казанская	361,4	255,3	— 106,1	— 29,5
Калужская	960,5	955,4	— 5,1	— 0,5
Киевская	1.072,3	1.426,8	+ 354,5	+ 33,1
Ковенская	541,8	784,3	+ 242,5	+ 44,9
Костромская . . .	1.418,9	1.342,4	— 76,5	— 5,4
Курская	804,1	652,9	— 151,2	— 18,9
Минская	1.244,0	1.470,7	+ 226,7	+ 18,3
Могилевская . . .	1.261,9	1.263,0	+ 1,1	+ 0,1
Московская . . .	922,9	853,5	— 69,4	— 7,5
Нижегородская . .	1.321,1	1.083,0	— 238,1	— 18
Новгородская . .	1.081,7	1.045,2	— 36,5	— 3,4
Олонецкая	35,2	41,6	+ 6,4	+ 18,3

Губернии.	Находилось в пользовании б. помещ. крестьян до 1861 г.	Отведено в надел по данным 1877—1878 г.	Увеличение (+) или уменьшение (—) размеров крестьянск. землепользования после 1861 г.	
	В тысячах десятин.			В %.
Оренбургская и Уфимская . . .	293,2	302,8	+ 9,6	+ 3,3
Орловская	1.062,8	944,8	— 118,4	— 11,2
Пензенская . . .	836,9	624,9	— 212	— 25,3
Пермская	1.051,9	1.199,2	+ 147,3	+ 14,0
Подольская . . .	639,6	1.216,5	+ 576,9	+ 90,1
Полтавская . . .	806,1	—505,1	— 301,0	— 37,2
Псковская	885,5	805,3	— 80,2	— 9,1
Рязанская	1.082,9	1.003,7	— 79,2	— 7,3
Самарская	538,5	313,0	— 225,5	— 41,8
С.-Петербургская .	545,6	597,7	+ 52,1	+ 9,6
Саратовская . . .	1.346,2	834,2	— 512,0	— 37,9
Симбирская . . .	735,9	530,1	— 205,8	— 27,8
Смоленская . . .	1.412,4	1.309,7	— 102,7	— 7,3
Таврическая . . .	108,1	83,2	— 24,9	— 23,1
Тамбовская . . .	1.041,3	826,8	— 214,5	— 20,6
Тверская	1.453,4	1.378,0	— 75,4	— 5,2
Тульская	1.072,4	958,0	— 114,4	— 10,7
Харьковская . . .	638,9	457,8	— 181,1	— 28,3
Херсонская . . .	522,6	451,1	— 71,5	— 13,8
Черниговская . . .	954,9	747,1	— 207,8	— 21,9
Ярославская . . .	997,0	926,0	— 71,0	— 7,1
	35.197,0	33.755,7	—1.441,3	— 4,1

Общий итог землеустройства б. помещичьих крестьян в губерниях великороссийского и малороссийского положений (в тысячах десятин):

	До 1861 г.	После 1861 г.	Увелич. (+) или уменьшение (–) В тыс. дес.	В %.
В 27 губерниях, сокративших размер крестьянск. земель	24.919,5	20.924,3	— 3.995,2	— 16,0
В остальных 9 губерниях	3.802,2	4.042,4	+ 240,2	+ 6,3
Во всех 36 губерниях	28.721,7	24.966,7	— 3.775	— 13,1

Крестьянское землепользование в западных губерниях по исследованию Д. И. Рихтера (в тыс. дес.):

	До реформы.	После реформы.	Увеличение в %.
Ковенская	621,3	740,2	19
Виленская	646,8	747,7	16
Гродненская	562,8	629,3	12
Минская	1.017,2	1.439,7	41
Витебская (4 уезда)	306,0	356,8	17
Киевская	1.071,1	1.300,4	21
Подольская	960,4	1.142,3	18
Волынская	1.365,0	1.574,0	15

2. Распределение землевладения до 1861 г. и в 70-х годах.

(Ю. Э. Янсон, „Опыт статистического исследования о крестьянских наделах и платежах".)

Недостаточность статистического материала не позволяет нам с достаточною подробностью и точностью определить размеры того переворота, который произвела реформа 1861 г. в распределении землевладения. Ограничиваясь пределами Европейской России, для которой имеются хотя и неполные статистические данные, мы находим, что до освобождения крестьян землевладение в ней распределялось таким образом:

Казна владела	221	милл. десятин
Помещики	105	„ „ [1]
Крестьяне на правах личной собственности	3,7	„ „
Колонисты	2,5	„ „
Уделы	11,4	„ „

так что казенные земли составляли 64,6%, помещичьи 30,6%, удельные 3,3% всего пространства; мелкая собственность представлялась не более, как 1,7%.

Теперь распределение земельной собственности представляется в совершенно ином виде. В 50 губерниях Европейской России владеют землей:

Бывшие государств. крестьяне	74,4 милл. дес.	120,2
Колонисты	3,1 „ „	
Крестьяне бывшие удельные	4,3 „ „	
Крестьяне бывшие помещичьи	35,0 „ „	
Крестьяне на правах полной собственности	3,2 „ „	
Казна		151,5
Уделы		7,5
Помещики и другие владельцы		100,0

[1] Скребицкий, „Крестьянское дело", т. 2, стр. 1551. По 43 губерниям.

Цифры эти имеют, конечно, только приблизительное значение, ибо общих и точных итогов отдельных групп землевладения подвести нет никакой возможности. Из приведенных цифр получаются следующие процентные выводы:

Владения казны	39,8%
Крестьян	31,8%
Помещиков и других владельцев . . .	26,4%
Уделов	2,0%

Не принимая в расчет земель казенных и рассматривая по губерниям отношение крестьянского землевладения к прочим категориям мы найдем, что земли крестьянского владения, составляя более половины общего пространства удобных земель (55,3%), решительно преобладают над землями помещичьими и других владельцев в самые густо-населенных и производительных местностях Европейской России. Они составляют от 70 до 90% в губерниях Воронежской, Казанской, Оренбургской, Уфимской, Вятской и более 50% (до 70%) во всей средней полосе, обнимающей черноземные и промысловых губернии Великороссии — Харьковскую, Курскую; Орловскую, Тульскую, Рязанскую, Тамбовскую, Пензенскую, Саратовскую, Самарскую, Нижегородскую, Московскую, с окружающими ее губерниями: Калужскою, Тверскою, Владимирскою, Костромскою. Только по направлению к югу и западу помещичье землевладение сравнивается с крестьянским и, наконец, преобладает над ним в губерниях юго- и северо-западных (за исключением Гродненской и Ковенской), в губерниях Прибалтийских и в Петербургской, Псковской, Новгородской. В Олонецкой, Вологодской и Архангельской крестьянский элемент является исключительным представителем частного землевладения; то же самое имеет место на крайнем юго-востоке, в губерниях Астраханской и Ставропольской. Таким образом все внутреннее ядро империи, самые богатые ее части, с чисто великорусским населением, представляют нам местность, в которой над всеми другими преобладают интересы крестьянские, в которой вся экономическая будущность зависит от состояния и степени процветания именно мелкого, мужицкого хозяйства. Это ядро обнимает пространство в 27.000 кв. миль с населением в 31½ милл., т.-е. $^1/_3$ пространства и $^1/_2$ населения Европейской России.

---

3. Мобилизация земли в 70—80-е годы.

(Из статьи П. П. Маслова. „Развитие земледелия и положение крестьян в начале XX в.“, в I т. издания: „Общественное движение в России в начале XX в.“, стр. 22—23.)

Земельная собственность должна была прежде всего из рук дворянского сословия направиться в руки других сословий постольку, поскольку такое движение задерживалось условиями крепостного строя, и поскольку другие сословия оказались в состоянии бороться за обладание землей в рамках пореформенного строя.

Средние ежегодные размеры мобилизации земли у различных сословий были следующие (в десятинах):

	Дворяне, чиновники и офицеры.	Купцы и почетн. гражд.	Крестьяне: Лично.	Товарищ.	Обществ.
С 1863—1872 г.	— 644.691	+ 445.064	+ 73.488	+ 55.793	+ 10.361
С 1873—1882 г.	— 949.072	+ 450.226	+ 157.723	+ 150.961	+ 23.879

Из таблицы мы видим, что дворянство тотчас после реформы 61-го года начинает терять ежегодно более 600 тыс. дес. Большая часть земли, уходившей из рук дворянства, попадала или в руки купечества, или в личную собственность богатых крестьян. Довольно значительные приобретения сделали крестьяне-середняки, покупавшие земли товариществами, и сравнительно немного приобретали крестьяне целыми обществами, в которые входили и более бедные крестьяне. Уже из этих цифр ясно, что хотя рядовые крестьяне и покупали часть помещичьих земель, но эти покупки не могли покрывать той убыли площади наделов, которая происходила благодаря увеличению земледельческого населения. Земля накоплялась только в руках купцов и богатых крестьян, составлявших незначительную часть сельского населения.

Такого рода мобилизация земли вела к своеобразной мобилизации капиталов. Купцы и крестьяне затрачивали огромные суммы в земледелии не на производство хлеба, а на покупку земли, техника же производства оставалась при этом примитивной. Затраченные на покупку земель суммы не содействовали развитию производительных сил в земледелии, а задерживали их, так как они отвлекались не на производство продуктов земледелия, а на приобретение земли. Дворянство получило колоссальные суммы за выкупленные и проданные земли, но эти суммы шли не на земледелие, а из земледелия, поскольку они выплачивались крестьянами.

Количество денег, получаемых дворянством за землю, определяется следующими цифрами:

Годы.	Выкупная ссуда.	Выручка от продажи.	Всего.
1863—1872	607,2 милл. р.	115 милл. руб.	722 милл. р.
1873—1882	158,2 „ „	219 „ „	377 „ „

По мере сокращения выкупных ссуд дворянство пополняет приток денег вольной продажей своих земель.

Тем не менее, несмотря на колоссальное повышение цен на землю, особенно в черноземном районе, дворянство цепко держалось за землю в районах, где эксплоатация земли... была наиболее выгодной.

При отмене крепостного права помещики нечерноземного района стремились получить выкупные платежи за землю; поэтому там наделы крестьян были увеличены. После отмены крепостного права землевладельцы нечерноземного района продолжали продавать земли, по-

тому что конкуренция черноземного района делала менее выгодными посевы в нечерноземной полосе. Напротив, в юго-западном и северо-западном крае, где развивалось капиталистическое крупное хозяйство, и в центральном земледельческом, где поддерживалось кабальное хозяйство, помещики значительно больший процент земли удержали в своих руках.

Принимая цифру помещичьего владения в 1862 году за 100, мы получим следующий ряд цифр:

	1862.	1867.	1877.	1887.
Центральный промышленный	100	96	79	63
Северный „	100	96	75	56
Северо-западный „	100	101	100	96
Центр. землед. „	100	97	88	80
Малороссийский „	100	98	90	79
Юго-западный „	100	101	97	93
Степной „	100	94	84	66
Нечерноземн. полоса . . .	100	98	84	70
Черноземная „ . . .	100	97	89	78

Наибольшей устойчивостью отличалось дворянское землевладение в Западном крае, где земельные отношения раньше приняли капиталистический характер. В степном районе, где крестьянское хозяйство в значительной степени развивается в капиталистическое, к нему переходит огромное количество помещичьих земель; то же происходило в промышленном районе, где землевладельцы предпочитают ликвидировать свое хозяйство.

---

4. Общий ход земельной мобилизации в 45 губерниях.

(В. В. Святловский, „Мобилизация земельной собственности в России“ (1861—1908 г.г.), стр. 81—84.)

1) По пятилетиям (за 1863—1902 г.г.)

Годы.	Число сделок.	Количество десятин.	Стоимость в тыс. руб.	Средн. цена 1 десятины.
1863—1867	49.748	8.575.436	125.430	14 р. 62 к
1868—1872	58.735	11.194.953	218.651	19 „ 52 „
1873—1877	83.937	15.360.311	289.497	18 „ 85 „
1878—1882	119.488	18.136.405	403.237	20 „ 22 „ [1])
1883—1887	120.752	13.863.965	443.514	31 „ 99 „ [1])
1888—1892	133.628	13.595.723	546.979	40 „ 22 „
1893—1897	136.417	15.862.757	703.629	44 „ 36 „
1898—1902	191.380	19.704.836[2])	1.302.985	66 „ 13 „

[1]) Выводы сходны с данными Центрального Статистического Комитета, получившего для 1882 г.—24 р. 61 к., для 1887 г.—34 р. 51 к.; сведения были получены из непосредственной разборки нотариальных архивов. См. Цены на землю в Европейской России по продажам, сделанным в 1882 и 1887 г.г., СПБ 1889 г.

[2]) Из 97.418.341 десятины всей площади частного землевладения в 45 губерниях Европейской России.

2) Погодно (за последние 10 лет).

Годы.	Число сделок.	Количество десятин.	Стоимость в рублях.	Средн. цена десятины.
1895	25.558	2.955.142	123.815.713	41 р. 90 к.
1896	24.835	3.234.568	141.088.118	43 „ 62 „
1897	28.691	3.136.332	166.858.897	53 „ 20 „
1898	35.062	4.477.502	239.557.628	53 „ 50 „
1899	38.968	4.412.984	274.318.921	62 „ 16 „
1900	38.452	3.900.923	363.318.442	67 „ 51 „
1901	39.038	3.322.359	260.298.042	78 „ 35 „
1902	39.860	3.591.068	265.492.240	85 „ 28 „[1])
1903	42.066	3.206.306	284.363.023	91 „ 39 „[1])
1904	39.309	2.648.145	264.774.750	98 „ 64 „[1])
1905	34.449	2.249.243	201.669.207	90 „ 17 „[1])

Для того, чтобы нагляднее представить ход того же процесса, примем средние данные, относящиеся к первому десятилетию, 1863—1872 г.г., за 100; тогда получим:

Годы.		Число сделок.	Количество десятин.	Стоимость.
1863—1872	по 45 губ.	100,0	100,0	100,0 руб.
1873—1882		188,4	169,4	201,3 „
1883—1892		235,6	138,9	287,8 „
1893—1897		252,7	160,3	409,0 „
1898—1902		355,3	199,3	757,4 „

Из этой таблицы видно, что годичное количество сделок в последнее пятилетие более чем утроилось. Но число десятин земли, попавшей в товарный круговорот, дважды потерпело своеобразное колебание: в десятилетие 1873—1882 г.г. земельная площадь мобилизированных имуществ была значительнее не только предыдущего, но даже и последующего десятилетия; в десятилетие 1893—1902 г.г.— особенно во вторую половину его — опять новый, еще более значительный подъем. Стоимость земельных владений, ежегодно поступивших в последнее пятилетие на рынок, поднялось более чем в семь с половиною раз, сравнительно с десятилетием 1863—1872 годов. В то же время прилив капиталов, вкладываемых на приобретение земли, значительно усилился: с 125,4 миллионов за первое пятилетие дошел до одного миллиарда 303,4 миллионов в восьмое пятилетие. Наконец, средняя цена на землю учетверилась.

Указанные процессы вырисовываются еще рельефнее при анализе мобилизации не по абсолютным, а по средним размерам сделок, и средней стоимости отдельной мобилизации, которые за этот период времени весьма характерно изменяются в связи с ростом средних земельных цен. И вот, после соответствующего подсчета, мы получаем следующие

---

[1]) Без Пермской губернии.

средние размеры по 45 губерниям:

Годы.	Средний размер каждой сделки.	Средняя стоимость каждой мобилизации в рублях.	Средняя цена 1 десятины.
1854—1858	—	—	12 р. 74 к.[1])
1863—1872	138,1 дес.	3.186 р.	17 „ 40 „
1873—1882	164,7 „	3.406 „	20 „ 67 „
1883—1892	107,9 „	3.894 „	36 „ 07 „
1883—1897	116,3 „	5.158 „	44 „ 36 „
1898—1902	103,0 „	6.808 „	71 „ 22 „
1903	75,2 „	6.875 „	91 „ 39 „ [2])
1904	68,4 „	6.740 „	98 „ 64 „ [2])
1905	65,1 „	5.813 „	90 „ 17 „ [2])

То же в процентах, принимая 1863—1872 г.г. за 100:

Годы.	Средний размер каждой сделки.	Средняя стоимость каждой мобилизации в рублях.	Средняя цена 1 десятины.
1863—1872	100	100	100,0
1873—1882	89,9	106,9	118,8
1883—1892	58,9	122,2	207,3
1893—1897	63,5	161,9	255,0
1898—1902	56,3	213,4	350,5
1903	45,6	201,5	442,1[2])
1904	41,5	198,1	477,2[2])
1905	39,7	170,6	436,2[2])

Из приведенных таблиц неоспоримо следует, что средний размер каждого мобилизируемого участка постепенно и неуклонно падает. На рынок поступает земельная собственность все меньших размеров: собственность дробится; зато средняя стоимость имущества и средняя цена за десятину неуклонно и быстро повышается; земля и поместья дорожают в цене.

Таким образом, основная экономическая тенденция нашей мобилизации очень определенна и типична. Намечаются: дробление недвижимой собственности, значительный рост цен на землю и быстрое усиление мобилизационного процесса. Земельная собственность, таким образом, все более приобретает в России все типичные свойства обыкновенного товара. Капиталистические отношения врываются, следовательно, и в эту область.

Таковы важные общие выводы, получающиеся при огульном рассмотрении общих цифр...

---

[1]) По данным Земского Отдела министерства внутренних дел: „Сведения о продажных ценах на земли в 1854—1858 г.г." СПБ. 1859 г.

[2]) Без Пермской губернии, т.-е для 44 губерний Европейской России

5. Рост цен на землю.

(В. В. Святловский, „Мобилизация земельной собственности в России„ (1861 — 1908 г.г.), стр. 86 — 87.)

Средние цены возрастали по районам и губерниям не равномерно. Так, в губерниях нечерноземных и черноземных виден иной последовательный рост цен, и получается существенная разница в росте цен в этих двух группах губерний. Действительно, цены на землю за 40 лет были:

Годы.	Общие по 45 губ.	Нечерноземн.	Черноземн.
1863 — 1872	17 р. 40 к.	10 р. 90 к.	22 р. 88 к.
1873 — 1882	20 „ 67 „	11 „ 57 „	30 „ 79 „
1883 — 1892	36 „ 07 „	19 „ 72 „	52 „ 15 „
1893 — 1897	44 „ 36 „	25 „ 63 „	66 „ 70 „
1898 — 1902	71 „ 22 „	37 „ 03 „	92 „ 15 „

Оказывается, что максимальный рост цен пришелся на черноземные губернии, что, конечно, и следовало ожидать. При этом цены на землю особенно возросли в последнее время. Приведем погодные цены на землю в десятилетие 1893 — 1902 г.г.:

Годы.	Общие по 45 губ.	Нечерноземн.	Черноземн.
1893	41 р. 42 к.	21 р. 44 к.	66 р. 02 к
1894	41 „ 77 „	24 „ 94 „	63 „ 72 „
1895	41 „ 90 „	23 „ 55 „	65 „ 42 „
1896	43 „ 62 „	26 „ 64 „	67 „ 48 „
1897	53 „ 20 „	33 „ 00 „	70 „ 05 „
1898	53 „ 50 „	27 „ 03 „	84 „ 07 „
1899	62 „ 16 „	34 „ 25 „	88 „ 11 „
1900	67 „ 51 „	41 „ 55 „	86 „ 24 „
1901	78 „ 35 „	51 „ 86 „	97 „ 05 „
1902	73 „ 93 „	38 „ 84 „	108 „ 62 „

Здесь для черноземных губерний мы уже не имеем какого-либо перевеса в росте земельных цен.

6. Продажа и покупка дворянских земель.

(В. В. Святловский, „Мобилизация земельной собственности в России“ (1861—1908 г.г.), стр. 118.)

	У дворян в среднем. Продажа.	Покупка.	Что составило разницу в:	
В 1863 году	135,9 дес.	188,7 дес.	52,8 дес.	25—110%[1]
„ 1873 „	240,6 „	401,0 „	160,4 „	
„ 1883 „	199,5 „	343,7 „	144,2 „	
„ 1893 „	201,2 „	308,6 „	107,4 „	
„ 1896 „	248,5 „	358,1 „	109,6 „	
„ 1897 „	199,3 „	270,0 „	70,7 „	
„ 1898 „	234,1 „	469,0 „	234,9 „	
„ 1899 „	208,9 „	440,9 „	234,5 „	
„ 1900 „	174,3 „	297,1 „	122,8 „	
„ 1901 „	154,6 „	219,7 „	65,1 „	
„ 1902 „	182,8 „	227,7 „	44,9 „	
„ 1903 „	126,5 „	216,3 „	89,8 „	
„ 1904 „	127,8 „	241,8 „	114,0 „	

Таким образом, в течение всего обследованного 40-летнего периода в Европейской России дворянством продавались участки более мелкие, а покупались значительно более крупные. Отсюда делается вывод, что продававшие землю были лица, экономически более слабые, а приобретавшие — более сильные. Другими словами, что параллельно с падением мелкого и средней руки дворянства, — крупное росло и складывалось в экономически сильный класс.

---

7. К вопросу о землевладении в 50 губерниях Европейской России.

(Большаков и Рожков, „Хрестоматия по истории хозяйства в России“. Выпуск второй.)

Мобилизация частной (личной и коллективной вместе) земельной собственности между сословиями.

Годы.	Площадь дворянского землевладения в дес.	Площадь, приобретенная крестьянами из двор. земли, в дес	Площадь, приобретенн. городск. буржуазией из дворянск. земель, в дес.
1861	80.019.789	—	4.973.000
1861—1876	—	1.970.000	—
1877	73.076.789	—	—
1877—1904	—	13.767.312	—
1905	53.169.008	—	6.200.469

---

[1]) За 1862—1892 г.г. продажа 199, покупка 290; порайонно колебания еще сильнее.

Задолженность частного землевладения в Европейской России, на Кавказе и Сибири.

Годы.	Площадь заложенной земли в дес.	Отношение ее к общей площади частн. землевлад.	Оценка заложенной земли в рублях.	Сумма выданной ссуды.
1893	36.160.971	—	1.745.932.988	991.479.489
1900	54.534.448	45%	2.080.238.000	1.655.917.369
1904	59.451.162	49%	2.836.943.536	2.213.535.171

Крестьянская надельная земля (кроме казачьих земель).

Годы.	Общая площадь в дес.	Число дворов.	Площадь общинного владения в дес.	Площадь подворного владения в дес.
1877	116.720.996	8.903.106	94.391.402	22.329.594
1905	124.078.089	12.019.255	100.999.564	23.078.525

Техника земледелия с 1861 по 1905 г.г.

1. Средний годичный чистый [1]) сбор хлебов по 50 губерниям Европейской России.

Годы.	Средний годичный сбор.
1870 — 1880	1.523.315 пудов.
1881 — 1890	1.777.000 „
1891 — 1900	2.171.828 „
1901 — 1905	2.893.394 „

2. Распределение земледельческих угодий в 50 губерниях Европейской России.

Годы.	Посевная площадь.	Пар и залежь.
1881	64.664.000 дес.	42.002.000 дес.
1901	74.099.000 „	41.000.000 „

[1]) Чистым сбором называется валовой сбор за вычетом семян.

3. Распределение посевной площади между отдельными видами хлебов.

Годы.	Зерновые хлеба в дес.	Стручковые (горох, бобы, чечевица) в дес.	Картофель в дес.	Сахарная свекловица в дес.	Кормовые травы в дес.	Лен и конопля в дес.
1881	58.072.000	955.000	1.365.000	206.000	541.000	1.883.000
1901	66.597.000	1.256.000	2.611.000	443.000	1.086.000	2.070.000

Формы сельско-хозяйственного производства.

Время.	Число губерний с преобладанием крепостнического хозяйства.	Число губерний с преобладанием капиталистического хозяйства.	Число губерний с одинаковым распространением креп. и капит. хозяйства.
80-е годы XIX в. . .	19	17	9

---

8. Земельные потери дворянства в 1860—1880 г.г.

(В. В. Святловский, „Мобилизация земельной собственности в России“, стр. 110—111 и 114.)

1. У дворян было земли[1]):

В 1861 г. (по данным Ред. Ком.) . . . . 79,1 милл. дес.
„ 1877 „ (в 49 губ.) по офиц. обследован. землевлад. . 73,1 „ „
„ 1887 „ („ 46 „) „ „ „ „ . 65,2 „ „

2. Дворянство ежегодно утрачивало:

В 1861 г. (после 19 февр.) . . . . . . ок. 200 т. дес.
„ 1862 „ . . . . „ 300 „ „
„ 1863—1872 г.г. в среднем . . . . . . по 650 „ „
„ 1873—1882 „ . . . . „ 950 „ „
„ 1883—1892 „ . . . . „ 830 „ „

---

[1]) Нужно при этом отметить, что дворяне не только отчуждали землю, но и приобретали. Так, в 1863—1872 г.г. они продали 16,1 милл. дес., а купили 9,6 милл. дес., лишившись, таким образом, лишь 6,5 милл. дес. Как общее правило, до 80-х г.г. отчуждали землю по преимуществу мелкие дворяне землевладельцы, приобретали крупные. Настоящее дворянское земельное „оскудение“ началось лишь с 80-х годов, когда цены на хлеб стали резко падать,

9. Распределение числа продаж, десятин стоимости по размерам сделок.

(В. В. Святловский, „Мобилизация земельной собственности в России“ (1861—1908 г.г.), стр. 122—123.)

...Распределение дворянских продаж по размерам и соотношение цен при сделках разного рода за все рассматриваемое сорокалетие остается в общем одним и тем же. Если мы возьмем 1901 год, который по стоимости ушедшей из рук дворянства земли представляется наименее благоприятным для этого сословия, то получается следующая картина распределения числа продаж, десятин стоимости по размерам сделок:

Группы сделок по размерам.	Число продаж.	Продано десятин.	На сумму руб.
1) до 5 десятин . .	3.074	5.419,2	2.479.796
2) от 5 до 25 дес.	3.146	39.057,6	5.351.606
3) „ 25 „ 100 „	2.505	130.684,7	14.269.966
4) „ 100 „ 500 „	2.043	458.737,7	46.183.591
5) „ 500 и более .	714	1.141.127,4	82.326.320
	11.482	1.775.026,6	150 611.279

Вычисляя распределение этих элементов по размерам сделок в процентах, средние величины сделок и сравнение цены за землю, получим

	Число сделок. (В процентах.)	Число десятин. (В процентах.)	Стоимость. (В процентах.)	В среднем на одну сделку: Десят.	В среднем на одну сделку: Руб.	Цена 1 десят. в руб.
1) до 5 десятин . .	26,8	0,3	1,6	1,8	807	458
2) от 5 до 25 дес.	27,4	2,2	3,6	12,4	1.701	137
3) „ 25 „ 100 „	21,8	7,4	9,5	52,2	5.697	10[illegible]
4) „ 100 „ 500 „	17,8	25,8	30,7	225,0	22.655	10[illegible]
5) „ 500 и более . .	6,2	64,3	54,6	1.599,0	15.480	72
	100	100	100	154,5	13.117	85

В общем, распределение дворянских продаж и в девятисотых годах осталось таким же, коим оно было и раньше, ибо сделки до 100 дес., составлявшие $^{3}/_{4}$ общего числа сделок (в 1901 г.—76%), охватывали всего 1,10 площади, проданной дворянами, и 1,7 вырученной суммы. Что касается цен, то и в 1901 году цены при сделках, совершенных дворянами, тем выше, чем мельче участки, поступающие на рынок. Цены при более мелких участках достигали нескольких сот рублей за десятину. Подобные явления наблюдались и раньше, с той лишь разницей, что вообще цены на земли значительно увеличились.

В совершенно новых условиях очутилось дворянское землевладение после 1905 года, когда особенно обострилось аграрное движение. В это время количество предлагаемых к продаже дворянских

земель возросло одно время до невероятных размеров. Крестьянский банк также было расширил, и расширил до небывалой величины, операции по приобретению земли за счет собственного капитала.

Впрочем, напряженность в самое последнее время заметно ослабла. Теперь уже можно отметить, что сумма покупок банка значительно отстала от первоначально предложенной к покупке площади, а из приобретенных банком земель пока еще лишь незначительная часть перешла в руки крестьянства.

---

10. Крестьянское землевладение.

(В. В. Святловский, „Мобилизация земельной собственности в России“ (1861—1908 г.г.), стр. 128—134.)

... В помещаемой ниже таблице приводится число крестьянских покупок и продаж по группам за 40 лет по 45 губерниям; при этом группа сделок „нижних чинов“ за 1863—1892 г.г. соединена с крестьянскими.

Годы.	Число сделок.							
	Б. помещичьих, государственн. и удельных крестьян.						Прочих и сельских обывателей.	
	Единоличных.		Товарищеских.		Общественных.			
	Покупок.	Продаж.	Покупок.	Продаж.	Покупок.	Продаж.	Покупок.	Продаж.
1863—1872 . .	29.633	10.969	7.882	1.507	771	154	8.616	3.952
1873—1882 . .	75.476	50.754	21.663	4.408	2.025	1.246	20.052	14.510
1883—1892 . .	94.110	73.740	31.347	8.446	4.764	2.092	31.521	24.523
1893—1902 . .	116.973	94.643	56.596	14.404	5.012	1.576	44 784	33.150
1903	14.630	12.794	8.289	2.243	553	195	6.476	4.876
1904	14.568	12.601	7.970	2.052	489	179	5.924	4.492

Таким образом, по каждой группе и за все время покупки решительно преобладают над продажами. Вместе с тем обнаруживается сильный рост крестьянских покупок за сорокалетие. По числу покупок и продаж выделяются единоличные сделки, но по перевесу покупок над продажами в третьем и четвертом десятилетии выступает на первый план группа крестьянских товариществ. Перевес покупок над продажами в тысячах десятин и в миллионах рублей виден из следующих данных:

Годы.	Тысячи десятин. На сколько покупки превышают продажи в группе покупок: Единоличн.	Товарищеских [1]).	Общественн.	Прочих сельских обывателей.	Миллионы рублей. На сколько покупки превышают продажи в группе покупок. Единоличн.	Товарищеских.	Общественн.	Прочих сельских обывателей.
1863—1872	735	532	104	120	13,7	8,6	1,9	11,2
1873—1882	1.577	1.375	239	144	36,9	24,0	3,0	12,7

Годы.	Единоличных.	Товарищеских.	Общественных.	Прочих сельских обывателей.	Единоличных.	Товарищеских.	Общественных.	Прочих сельских обывателей.
1883—1892	1.193	2.400	914	451	44,2	80,6	32,2	40,4
1893—1902	853	4.383	946	301	51,9	299,8	68,0	50,9
1903 . . .	67	603	95	9	5,8	63	11	7
1904 . . .	55	537	74	—	6,7	61,3	7,5	8,5

Таким образом, при сравнении относительно числа десятин обнаруживается сильный рост товарищеских покупок.

Развитию крестьянского землевладения способствовали две организации — особый земельный банк и землеустроительные комиссии, к ним и обратимся.

... С 1883 года, т.-е. со времени открытия операций Крестьянского банка, до 1900 года через Крестьянский банк было куплено крестьянами:

Годы.	Число сделок.	Десятин в тыс.	Рублей. в миллионах.	Средняя цена 1 десятины.
1883—1885	1.941	546,3	28,5	52 р.
1886—1890	5.409	1.021,2	39,7	39 „
1891—1895	6.628	757,1	30,0	40 „
1896—1900	17.805	2.498,3	177,9	71 „
(1905—1908)	—	—	—	(104—107)

[1]) Кроме того, следующие приобретения не включены в число крестьянских за 1889—1892 г.г. (вошли в группу приобретения разносословных союзов, при чем мы знаем только площадь этих покупок): товарищества крестьян и нижних чинов—380 тыс. дес. (по десятилетиям: 26,134,220 тыс. дес.) и товарищества крестьян с прочими сельскими обывателями и мещанами—596 тыс. дес. (по десятилетиям 32,200,364 тыс. дес.). За 1893—1902 г.г. в таблицу не вошли товарищества крестьян с прочими сельскими обывателями и мещанами, которые за 5 лет 1893—1897 г.г. приобрели — 145 тыс. дес („Материалы", вып. XI, стр 37.)

Крестьянский банк не все продал крестьянам: часть приобретенной им земли осталась у него на руках, „осталась за банком“. В общем за банком оставались, повидимому, более дорогие земли, особенно в периоде 1886—1895 г.г.

Так, осталось за банком:

Годы.	Десятин в тысячах.	Рублей в миллионах.	Средние цены.
1886—1890	131,3	7,5	66
1891—1895	81,9	5,8	70
1896—1900	21,7	1,2	53

На 1 января 1907 г. за банком состояло: 1.471 тысяча десятин на сумму 145,2 милл. руб.; средняя цена десятины 98 руб. К 1 июля 1910 г. земли состояло 5.345 тысяч десятин на сумму 475 миллионов руб. Средняя цена десятины — 89 руб. [1]).

Конечно, не все приобретенное крестьянами у них удержалось, кое-что было продано. Но в итоге то, что осталось у крестьян из числа купленного через банк, было значительно.

Так, осталось у крестьян земли из числа купленной через банк к концу периода:

Годы.	Десятин в тысячах.	Рублей в миллионах.	По цене за 1 десятину.
1883—1885	546,0	28,5	52 руб.
1886—1890	1.508,8	64,4	43 „
1891—1895	2.058,4	83,5	41 „
1896—1900	4.399,5	258,8	59 „

Таким образом, в итоге опять-таки констатируется довольно значительный прирост частного крестьянского землевладения при участии Крестьянского Поземельного банка.

Теперь интересно проследить весь размер прироста частного крестьянского землевладения. Это возможно сделать только начиная с 1877 года, т.-е. со времени, когда впервые обследование определило размер площади частного землевладения сельских обывателей в 8,5 миллионов десятин на всю Европейскую Россию. Если сопоставить эти данные, приняв их за 100, с данными последующих лет, руководясь сведениями „Материалов движения землевладения“ [2]), то получается следующая общая, кстати сказать, весьма импозантная,

---

[1]) Обзор Деятельности Крестьянского Поземельного банка 1906—1910 г.г., стр. 57.

[2]) „Материалы по статистике движения землевладения“. Спб. 1907 г., вып XIV, предисловие, стр. XXIX и XXX и следующие выпуски.

картина нарастания площади частного землевладения крестьян (собственно говоря, всех сельских обывателей).

Годы.	Площадь частного землевладения сельских обывателей в тыс. дес.	Рост всей площади частного землевладения сельских обывателей по отношению к 1877 г.	То же в северо-западном районе.	То же в восточном районе.
К концу 1877	8.534,5	100	100	100
„ 1882	10.630,4	125	139	115
„ 1887	13.467,9	158	224	135
„ 1892	15.759,5	185	384	140
„ 1897	18.134,3	213	530	153
„ 1898	18.931,3	222	550	164
„ 1899	19.803,4	232	584	172
„ 1900	20.743,1	243	—	—
„ 1901	21.581,6	253	—	—
„ 1902	22.319,4	262	—	—
„ 1903	23.625,6	278	—	—
„ 1904	24.595,3	289	—	—

Полные данные за последующие годы отсутствуют, но мы знаем, что при помощи одного Крестьянского банка крестьянское землевладение увеличилось за 1903—1905 г.г. на 1.703,6 тыс. десятин. Принимая во внимание, что через посредство Крестьянского банка за время от 1907 г. до половины 1910 г. продано 2.410.907 десятин, можно без особенного риска определить цифру крестьянского частного владения в 27,5 миллионов десятин.

Итак, площадь крестьянского землевладения за 32 года увеличилась в 3,2 раза. Площадь купчих крестьянских земель составляет уже до $^1/_4$ всей площади частновладельческой земли. По сравнению с площадью наделов, принимая последнюю за 100, купчая земля дает для первого года взятого периода — 6,8%, для последнего (1910) — 21,6%. По отдельным районам этот процент колеблется весьма значительно. Связь по губерниям между величиною наделов и размерами „купчих“ земель установить невозможно; опыт анализа данных по отдельным районам разрушает обычное представление о большой интенсивности покупок при малости наделов. Так, например, Центральный земледельческий район дал как раз обратное соотношение, и оказалось, что здесь и наименьшие наделы и наименьший прирост „купчих“ земель...

11. Мобилизация землевладения.

(Н Огановский, „Очерки по истории земельных отношений в России“, стр. 430.)

Из 100 десятин всей земли было:

Годы.	В частном владении.	Казны, уделов и остальных учреждений.	Крестьянских надельных удобных земель.
1877	24,7	44,9	30,4
1887	25,0	42,1	32,9 (с неудобной)
1905	25,9	40,8	33,3

ГЛАВА III.

НАЛОГИ.

1. Результат выкупа.

(Из труда А. Лосицкого, „Выкупная операция", СПБ. 1906.

Сравнение продажных цен на надельную землю в 1854—1858 г.г., в 1863—1872 г.г. с выкупной оценкой:

Губернии:	Площадь надела в тысячах десятин.	Ценность наделов: по ценам 1854—1858 гг.	по ценам 1863—1872 гг.	по выкупу
		В миллион. рублей.		
Нечерноземные . . .	12.286	155	180	342
Черноземные	9.841	219	284	342
Западные	10.141	170	184	183
	32.268	544	648	867

За вычетом продажной оценки наделов из выкупной определяется премия помещиков за выкупленные души:

	Миллионы руб.	В % к цене наделов по данным 1854—1858 г.г.
В черноземной полосе	123	56
„ нечерноземной полосе	187	121 [1])

2. Ход выкупной операции.

(Из статьи Н. П. Огановского, „Выкупная операция", в XII т. „Нов. Энцикл. Слов." Брокгауза и Ефрона.)

Движение выкупной операции по пятилетиям, за первые 20 лет после реформы, представлялось в следующем виде.

Годы.	Выдано выкупных ссуд. В милл. руб.	В % к общей сумме ссуд.
1862 — 1866	423,6	47,8
1867 — 1871	182,4	20,6
1872 — 1876	88,1	9,9
1877 — 1881	67,6	7,6

[1]) О выкупной операции см. еще П. П. Мигулин, „Выкупные платежи", Харьков, 1904, и статью Д. И. Шаховского в сборн. „Великая реформа", т. VI.

До 1882 г. было выдано 85,9% всех выкупных ссуд. Такой сравнительный успех выкупной операции объясняется тем, что помещики, под влиянием нужды в деньгах, сами стремились заключать выкупные сделки. К 1878 г. из общего числа утвержденных сделок (61.784) только 35% состоялось по обоюдному соглашению помещиков и крестьян, а 65% — по требованию одних помещиков. Последние были вынуждены обращаться к выкупу, прежде всего, вследствие закрытия казенных банков и прекращения в России временно какого бы то ни было ипотечного кредита (кроме разорительного залога у частных лиц). При выкупе помещики освобождались от большой части своего прежнего долга казне, составлявшего свыше 425 милл., и получали в свое распоряжение некоторое количество наличных денег и процентные бумаги (выкупные свидетельства), которые можно было реализовать (см. Мигулин, „Выкупные платежи“, стр. 5). С выходом на волю крепостных владельцы потеряли не только даровой труд, но и живой и мертвый инвентарь, так как крепостные обрабатывали господские имения своим скотом и орудиями. Владельцам пришлось заводить хозяйство на новых началах, приобретать инвентарь, нанимать рабочих, что требовало денежных средств, которых не было и которые можно было получить, до учреждения земельных банков, только при помощи выкупных сделок. До 1881 г., за вычетом прежнего долга, помещики получили 446 милл. руб. выкупных. Кроме этих „отрицательных“ стимулов, на стремление помещиков к выкупу влиял, особенно в нечерноземной полосе, фактор положительный — высота выкупной сделки. Наоборот, несоразмерность этой оценки с реальной доходностью земли заставляла крестьян воздерживаться от совершения сделок, чем отчасти объясняется односторонний ход операции и значительное число дарственников, которых было особенно много на юго-востоке, где арендные цены на землю стояли в несколько раз ниже выкупных платежей. Впрочем, оброк, который должны были выплачивать крестьяне до выхода на выкуп, был обычно на 25—33% выше выкупных платежей, и на воздержание крестьян от выкупа скорее влияла другая, более веская причина — урезка наделов при составлении уставной грамоты. Все исследования того времени единодушно отмечают чрезмерность платежей крестьян. По Янсону платежи превышали доходность земли у бывших помещичьих крестьян на 24 — 124% при среднем наделе и до 200% — при низшем. По расчету Ник — она, основанному на данных валуевской комиссии, платежи составляли 198% чистого дохода с земли у бывших помещичьих крестьян и 93% у государственных. Чрезмерная высота платежей была одной из самых важных причин обнаружившегося вскоре после освобождения расстройства крестьянского хозяйства; а это расстройство, в свою очередь, повело к росту недоимочности.

3. Государственные доходы и расходы в тысячах рублей за 1861—1900 г.г.

(„Министерство Финансов 1802—1902 г.г." Т. I, стр. 632—639, т. II, стр. 640—649.)

Годы.	Доходы.			Расходы.		
	Обыкнов.	Чрезвыч.[1]	Всего.	Обыкнов.	Чрезвыч.	Всего.
1861 . . .	407.629	9.795	417.424	413.797	—	413.797
1862 . .	375.901	20.797	396.698	392.988	—	392.988
1865 . . .	373.859	26.797	400.656	428.236	—	428.236
1870 . . .	480.559	80.939	561.498	481.764	82.132	563.896
1875 . . .	576.493	70.882	647.375	543.221	61.636	604.857
1880 . . .	651.017	89.618	740.635	694.505	98.879	793.384

Годы.	Обыкнов. доходы	Все расходы.	Дефицит.
1860	359,5 м. р.	438,2 м. р.	79,7
1870	480,5 „ „	563,8 „ „	83,5
1880	651,0 „ „	793,3 „ „	142,3

4. Рост в России прямых налогов за 1862—1900 г.г.

(П. Сабуров, „Материалы для истории русских финансов 1866—1897 г.г." Спб. 1899 г., стр. 23 и табл. № 35; „Министерство Финансов 1802—1902 г.г." Спб. 1902 г. Т. I, стр. 632; С. С. Хрулев, „Финансы России". Спб. 1909 г. Табл. № 1.)

Годы.	Подушн.	Оброчн.	Поземельн.	С недвиж. имущ. в гор. и сел.	Кварт.	Подымн. и разн. др.	За право торговли.	С доходов от капит.	Итого.
1862	52.852	(Все прямые подати и сборы).	—	—	—	—	3.185	—	56.037
1866	30.363	31.703	—	2.059	—	2.680	8.348	—	75.154
1867	35.473	33.839	2.855	2.133	—	728	9.473	—	84.503
1870	42.486	35.290	5.332	5.568	—	7.712	11.956	—	108.344
1874	43.227	34.495	5.544	4.765	—	6.917	12.644	—	107.592
1875	55.567	33.858	13.808	5.922	—	8.205	14.605	—	131.966
1880	49.555	32.136	14.494	5.647	—	8.765	14.734	—	125.332

[1]) Чтобы иметь представление о балансе, сравним обыкновенные доходы с расходами по десятилетиям за 1860—1880 г.г.

5. Рост в России косвенных налогов за 1862—1880 г.г.

(„Министерство Финансов 1802—1902 г.г.“ Спб. 1902 г., т. I, стр. 632—633; П. Сабуров, „Материалы для истории русских финансов 1866—1897 г.г.“. СПБ. 1899 г. Прил. № 36 и стр. 26 и след.; С. С. Хрулев, „Финансы России“, Спб. 1909 г. Табл. № 1.)

Годы.	Косвенные налоги в тысячах рублей.					
	Питейный.	Табачный.	Сахарный.	Соляной.	Таможенн.	Итого.
1862	129.852	3.867		9.201	33.075	175.995
1866	121.519	5.155	504	10.813	31.673	169.681
1870	163.859	8.017	2.481	11.956	41.181	227.494
1875	197.364	10.617	3.181	11.283	62.383	284.927
1880	222.386	13.035	4.257	13.598	95.209	348.485

6. Соотношение государственных платежей и доходности надельной земли.

(Из статьи Н. А. Рожкова.)

Уже в 70-х годах было установлено, что прямые налоги всяких наименований, падающие на десятину надельной крестьянской земли, обыкновенно превышают доходность этой десятины, — превышают в пропорции иногда прямо фантастической. Для черноземной полосы с общинным землевладением платежи составляли, по вычислению профессора Янсона, от 30 до 148% доходности у бывших государственных крестьян, а у бывших помещичьих превосходили ее от 24 до 124% при среднем наделе и до 200% (иначе говоря, втрое) при низшем. Цифры нечерноземной полосы, вообще говоря, гораздо грандиознее, как этого и можно было ожидать. Приводим составленную тем же статистиком табличку. Платежи составляли по отношению к доходности земли:

В губерниях.	Для крест. бывш. госуд.	Для крест. бывш. пом.
Тверской	244%	252%
Смоленской	166%	220%
Костромской	146%	240%
Псковской	130%	213%
Владимирской	168%	276%
Вятской	97%	200%

Прибавим к этому, что доходность здесь (т. е. в нечерноземной полосе) есть величина совершенно фиктивная, так как если земельный надел не может обеспечить насущных потребностей крестьянской семьи, то еще менее, конечно, он может давать действительного дохода. Попросту говоря, налог, поземельный по форме, был, в сущности дела, личным — падал на личный заработок крестьянина и вынуждал его идти на поиски этого заработка при наименее выгодных условиях, оставаясь юридически привязанным к своему голодному наделу, чем налоги и выполняли свою социальную функцию.

ГЛАВА IV.

ВНУТРЕННИЙ ЭКОНОМИЧЕСКИЙ СТРОЙ КРЕСТЬЯНСКОГО И ПОМЕЩИЧЬЕГО ХОЗЯЙСТВА.

1. Крестьянское хозяйство.

а) Разложение крестьянства, занятого в земледелии.

(Земско-статистические данные по Самарской губернии. Н. Ленин, „Развитие капитализма в России“. Собр. сочин., т. III, стр. 55—59.)

Перейдем к восточной, к Самарской губернии. Берем Новоузенский уезд, последний по времени обследования; в сборнике по этому уезду дана наиболее подробная группировка крестьян по хозяйственному признаку. Вот общие данные о группах крестьянства. (Дальнейшие сведения относятся к 28.276 дворам надельного населения, со 164.146 душами обоего пола, т.-е. к одному русскому населению уезда без немцев и без „хуторян“ — домохозяев, ведущих хозяйство и в общине, и на хуторах. Прибавление немцев и хуторян значительно усилило бы картину разложения.)

Группы домохозяев.		% по всему числу дворов.		Средний размер посева на 1 двор десятин.	% посевной площади к итогу.	
Бедная	Без рабочего скота	20,7	37,1%	2,1	2,8	8,0%
	С 1 гол. раб. скота	16,4		5,0	5,2	
Средн.	„ 2—3 гол. раб. „	26,6	38,2%	10,2	17,1	28,6%
	„ 4 гол. раб. скота	11,6		15,9	11,5	
Богатая	„ 5—10 гол. р. скота	17,1	24,7%	24,7	26,9	63,4%
	„ 10—20 „ „ „	5,8		53,0	19,3	
	„ 20 и более . .	1,8		149,5	17,2	
	Всего	100		15,9	100	

Концентрация земледельческого производства оказывается очень значительной: „общинные“ капиталисты ($^1/_{14}$ всего числа дворов, именно дворы с 10 и более головами рабочего скота) имеют 36,5% всего посева — столько же, сколько 75,3% всего бедного и среднего крестьянства, вместе взятого! „Средняя“ цифра (15,9 десятин посева на 1 двор) является и здесь, как всегда, совершенно фиктивной, создавая иллюзию общего довольства. Посмотрим на другие данные о хозяйстве разных групп:

ГРУППЫ ДОМОХОЗЯЕВ.	% хозяев, обрабатывающих весь надел собств. инвентарем.	% хозяев, имеющих усовершенствованные орудия.	Количество всего скота (в переводе на крупный) на двор, голов.	% к итогу всего количества скота.	
Без рабоч. скота	2,1	0,03	0,5	1,5	6,4%
С 1 гол. раб. скота . . .	35,4	0,1	1,9	4,9	
„ 2—3 гол. раб. скота . .	60,5	4,5	4,0	16,8	28,6%
„ 4 „ „ „	74,7	19,0	6,6	11,8	
„ 5—10 „ „ „	82,4	40,3	10,9	29,2	65,0%
„ 10—20 „ „ „	90,3	41,6	22,7	20,4	
„ 20 и более	84,1	62,1	55,5	15,4	
Всего	52,0	13,9	6,4	100	

Итак, в низшей группе самостоятельных хозяев очень немного; усовершенствованные орудия бедноте не достаются вовсе, а среднему крестьянству достаются в ничтожном количестве. Концентрация скота еще сильнее, чем концентрация посевов; очевидно, что зажиточное крестьянство соединяет с крупными капиталистическими посевами капиталистическое скотоводство. На противоположном полюсе мы видим „крестьян“, которых следует отнести к батракам и поденщикам с наделом, ибо главным источником средств к жизни является у них продажа рабочей силы (как сейчас увидим), а по одной, по две головы скота дают иногда и землевладельцы своим батракам, чтобы привязать их к своему хозяйству и произвести понижение заработной платы.

Само собой разумеется, что группы крестьян различаются не только по размеру хозяйства, но и по способу его ведения: во-первых, в высшей группе очень значительная доля хозяев (40—60%) снабжена усовершенствованными орудиями (главным образом, плуги, затем конные и паровые молотилки, веялки, жнейки и пр.). В руках 24,7% дворов высшей группы сосредоточено 82,9% всех усовершенствованных орудий; у 38,2% дворов средней группы — 17,0% усовершенствованных орудий; у 37,1% бедноты — 0,1% (7 орудий из 5.724). Во-вторых, у малолошадных крестьян в силу необходимости оказывается, сравнительно с многолошадными, „иная система хозяйства, иной

строй всей хозяйственной деятельности", — как говорит составитель сборника по Новоузенскому уезду (стр. 44 — 46). Состоятельные крестьяне „дают земле отдыхать... пашут с осени плугами... весной перепахивают и под борону сеют... вспаханную залежь укатывают катками, когда проветрит земля... под рожь двоят", тогда как малосостоятельные „не дают земле отдыха и из года в год сеют на ней русскую пшеницу... под пшеницу пашут весной однажды... под рожь не парят и не пашут, а сеют наволоком... под пшеницу пашут поздней весной, отчего хлеб часто не всходит... под рожь пашут однажды, а то наволоком и не во-время... пашут зря одну и ту же землю ежегодно, не давая отдыха". „И т. д. и т. д. без конца" — заключает составитель этот список. „Констатированные факты радикального различия хозяйственных систем у больше- и малосостоятельных имеют своим последствием зерно плохого качества и плохие урожаи у одних, сравнительно лучшие урожаи у других" (там же).

Но как могла создаться такая крупная буржуазия в земледельческом общинном хозяйстве? Ответ дают цифры землевладения и землепользования по группам. Всего у крестьян взятого нами подразделения имеется 57.128 дес. купчей земли (у 76 дворов и 304.514 дес. арендованной земли, в том числе 177.789 дес. вненадельной аренды у 5.602 дворов; 47.494 дес. арендованной надельной земли в других обществах у 3.129 дворов и 79.231 дес. арендованной надельной земли в своем обществе у 7.092 дворов. Распределение этой громадной площади, составляющей более $^2/_3$ всей посевной площади крестьян, таково:

Группы домохозяев.	% дворов, имеющих купчую землю.	На 1 двор десятин.	% всей купчей земли.	Аренда вненадельн. земли.		Аренда надельн. земли. В других обществ.		Аренда надельн. земли. В своем обществе.		% к итогу всей арендованной земли.	% дворов бесхозяйн., сдающих землю.
				% двор. арендующих.	На 1 двор десятин.	% дворов.	На 1 двор десятин.	% дворов.	На 1 двор десятин.		
Без рабочего скота	0,02	100	0,2	2,4	1,7	1,4	5,9	5	3	0,6	47,0
С 1 голов. раб. ск.	—	—	—	10,5	2,5	4,3	6,2	12	4	1,6	13,0
„ 2—3 „ „ „	0,02	93	0,5	19,8	3,8	9,4	5,6	21	5	5,8	2,0
„ 5 „ „ „	0,07	29	0,1	27,9	6,6	15,8	6,9	34	6	5,4	0,8
„ 4—10 „ „ „	0,1	101	0,9	30,4	14,0	19,7	11,6	44	9	16,9	0,4
„ 10—20 „ „ „	1,4	151	6,0	45,8	54,0	29,6	29,4	58	21	24,3	0,2
„ 20 и более „ „	8,2	1.254	92,3	65,8	342	36,1	67,4	58	74	45,4	0,1
Всего . . .	0,3	751	100	19,8	31,7	11,0	15,1	25	11	100	12

Мы видим здесь громадную концентрацию купчей и арендованной земли. Более $^9/_{10}$ всей купчей земли — в руках 1,8% дворов

наиболее крупных богачей. Из всей арендованной земли 69,7% сосредоточено в руках крестьян капиталистов, и 86,6% — в руках высшей группы крестьянства. Сопоставление данных об аренде и о сдаче надельной земли ясно показывает переход земли в руки крестьянской буржуазии. Превращение земли в товар ведет и здесь к удешевлению оптовой закупки земли (а следовательно, и к барышничеству землей). Определяя цену одной десятины арендуемой вненадельной земли, получаем такие цифры от низшей группы к высшей: 3,94; 3,20; 2,90; 2,75; 2,57; 2,08; 1,78 руб....

...Выяснив разнородные элементы в крестьянстве, мы можем уже легко разобраться в вопросе о внутреннем рынке. Если зажиточное крестьянство держит в своих руках около 2/3 всего земледельческого производства, то ясно, что оно должно давать еще несравненно большую долю поступающего в продажу хлеба. Оно производит хлеб на продажу, тогда как несостоятельное крестьянство должно прикупать себе хлеб, продавая свою рабочую силу. Вот данные об этом:

Группы домохозяев.	% домохоз., держащ. наемн. работник.	% работн. мужск. п., занят. земледельч. промыслами.
Без рабочего скота	0,7	71,4
С 1 голов. раб. скота	0,6	48,7
„ 2—3 голов. раб. скота	1,3	20,4
„ 4 „ „ „	4,8	8,5
„ 5—10 „ „ „	20,3	5,0
„ 10—20 „ „ „	62,0	3,9
„ 20 и бол. „ „ „	90,1	2,0
Всего	9,0	25,0

б. Разложение крестьянства, соединяющего промыслы с земледелием.

(Земско-статистические данные по Нижегородской губ. Н. Ленин, „Развитие капитализма в России“, из п. VII, гл. II. Собр. соч., т. III, стр. 83—85.)

По трем уездам Нижегородской губернии — Княгининскому, Макарьевскому и Васильскому — данные земско-статистической подворной переписи сведены в групповую таблицу, разделяющую крестьянские хозяйства (только надельные и притом только крестьян, живущих в своей деревне) на 5 групп по рабочему скоту.

Соединяя вместе эти три уезда, получаем следующие данные о группах хозяйств: в трех названных уездах данные эти охватывают 52.260 дворов, 294.798 душ обоего пола. Надельной земли 433.593 дес., купчей — 51.960 дес., арендованной — 86.007 дес., считая аренду всякой земли, и надельной и вненадельной, и пашни и покосов; сданной — 19.274 дес.

Группы домохозяев.	% дворов.	Душ. об. п. на 1 двор.	% населения об. п.	Надельная земля.		Купчая зем.	% к итогу земли.		Все землепользов. группы.		Всего скота.	
				На 1 двор дес.	% к итогу.	% к итогу.	Арендован.	Сданной.	На 1 двор дес.	% к итогу.	На 1 двор штук.	% к итогу.
Безлошадн. . . .	30,4	4,1	22,2	5,1	18,6	5,7	3,3	81,7	4,4	13,1	0,6	7,2
С 1 лош.	37,5	5,3	35,2	8,1	36,6	18,3	25,1	12,4	9,4	34,1	2,4	33,7
„ 2 „	22,5	6,9	27,4	10,5	28,5	29,3	38,5	3,8	13,8	30,2	4,3	34,9
„ 3 „	7,3	8,4	10,9	13,2	11,6	22,7	21,2	1,2	21,0	14,8	6,2	16,5
„ 4 „	2,3	10,2	4,3	16,4	4,7	23,5	11,9	0,9	34,6	7,8	9,0	7,7
Всего . . .	100	5,6	100	8,3	100	100	100	100	10,3	100	2,7	100

И здесь, следовательно, мы видим, что зажиточное крестьянство, несмотря на то, что оно лучше обеспечено надельной землей (процентная доля надельной земли в высших группах выше процентной доли их населения), концентрирует купчую землю (у 9,6% зажиточных дворов — 46,2% купчей земли, тогда как у $^{2}/_{3}$ дворов неимущего крестьянства менее четвертой части всей купчей земли), концентрирует и аренду, „собирает“ и надельную землю, сдаваемую беднотой, и, благодаря всему этому, действительное распределение земли, находящейся в пользовании „крестьянства“, оказывается совсем непохожим на распределение надельной земли. Безлошадные в действительности имеют в своем распоряжении меньшее количество земли, чем обеспеченный им законом надел. Однолошадные и двухлошадные увеличивают свое землевладение только на 10%—30% (с 8,1 дес. до 9,1 дес., с 10,5 дес. до 13,8 дес.), тогда как зажиточные крестьяне увеличивают свое землевладение в полтора-два раза. Тогда как различия между группами по количеству надельной земли были ничтожны, — различия между ними по действительным размерам земледельческого хозяйства оказываются громадными, как это видно из вышеприведенных данных о скоте и из нижеследующих данных о посеве.

Группы домохозяев.	Посев на 1 двор дес.	% по всему количеству посева,	% дворов с батраками.	% хозяев с торгово-промышл. заведениями [1]).	% дворов с отхожими заработками.
Безлошадн. . . .	1,9	11,4	0,8	1,4	54,4
С 1 лошад. . . .	5,4	32,9	1,2	2,9	21,8
„ 2 „ . . .	7,2	32,4	3,9	7,4	21,4
„ 3 „ . . .	10,8	15,6	8,4	15,3	21,4
„ 4 и более . .	16,6	7,7	17,6	25,1	23,0
Всего . . .	5,0	100	2,6	4,0	31,6

[1]) По одному Княгининскому уезду.

Различие между группами по размеру посева оказывается еще больше, чем по размеру их действительного землевладения и землепользования, не говоря уже о различиях по размеру надела [1]). Это еще и еще раз показывает нам полную непригодность группировки по надельному землевладению, „уравнительность“ которого превратилась теперь в одну юридическую фикцию. Остальные столбцы таблицы показывают, каким образом происходит в крестьянстве „соединение земледелия с промыслом“: зажиточное крестьянство соединяет торговое и капиталистическое земледелие (высокий процент дворов с батраками) с торгово-промышленными предприятиями, тогда как беднота соединяет продажу своей рабочей силы („отхожие заработки“) с ничтожными размерами посевов, т.-е. превращается в батраков и поденщиков с наделом. Заметим, что отсутствие правильного понижения процента дворов с отхожими заработками объясняется чрезвычайным разнообразием этих „заработков“ и „промыслов“ нижегородского крестьянства: помимо сельско-хозяйственных рабочих, чернорабочих, строительных и судовых рабочих и пр., в число промышленников здесь входит сравнительно очень значительное число „кустарей“, владельцев промышленных мастерских, торговцев, скупщиков и т. д. Понятно, что смешение столь различного типа „промышленников“ нарушает правильность данных о „дворах с заработками“.

К вопросу о различиях в земледельческом хозяйстве разных групп крестьян заметим, что в Нижегородской губернии „удобрение составляет одно из главнейших условий, определяющих степень производительности пахотных полей“ (стр. 79 Сборника по Княгининскому уезду). Средний сбор ржи правильно повышается по мере увеличения удобрения: при 300 — 500 возах навоза на 100 дес. надела сбор ржи равен 47,1 меры, с 1 дес., а при 1.500 и более возов — 62,7 меры. Ясно поэтому, что различие между группами по размеру земледельческого производства должно быть еще выше, чем различие по размеру посева, и что нижегородские статистики делали большую ошибку, изучая вопрос об урожайности крестьянских полей вообще, а не полей несостоятельного и зажиточного крестьянства в отдельности

в) Рост экспроприации крестьянства к 900-м г.г.

(Н. Ленин, „Развитие капитализма в России“, п. XI, гл. II. Собр. соч., т. III. стр. 105—107.)

Военно-конские переписи 1896 и 1899 — 1901 годов позволяют теперь сравнить новейшие данные с приведенными выше.

[1]) Если мы примем количество надельной земли у безлошадных (на 1 двор) за 100, то для высших групп количество надельной земли выразится цифрами: 159, 206, 259, 321. Соответствующий ряд цифр о действительном землевладении каждой группы будет такой: 100, 214, 314, 477, 786; а для размеров посева по группам 100, 231, 378, 536, 873.

Соединяя 5 южных губерний (1896) и 43 остальных (1899—1900 гг.), получаем по 48 губерниям Европейской России следующие данные:

1896—1900 г.г.

Группы хозяйств.	Крестьянских дворов: всего	в %		У них лошадей: всего	в %		На 1 двор приходится лошадей.
Безлошадные	3.242.462	29,2	59,5	—	—		—
С 1 лошадью	3.361.778	30,3		3.361.778	19,9		1
„ 2 „	2.446.731	22,0		4.893.462	28,9		2
„ 3 „	1.047.900	9,4	18,5	3.143.700	18,7	51,2	3
„ 4 и более	1.013.416	9,1		5.476.503	32,5		5,4
Всего . . .	11.112.287	100		16.875.443	100		1,5

За 1888—1891 годы мы привели данные по 49 губерниям. Из них нет новейших сведений только по одной, именно Архангельской, губернии. Вычитая относящиеся к ней данные из приведенных выше, получим по тем же 48 губерниям за 1888—1891 годы такую картину:

1888—1891 г.г.

Группы хозяйств.	Крестьянских дворов: всего	в %		У них лошадей: всего	в %		На 1 двор приходится лошадей.
Безлошадные	2,765.970	27,3	55,8	—	—		—
С 1 лошадью	2.885.192	28,5		2.885.192	17,1		1
„ 2 „	2.240.574	22,2		4.481.148	26,5		2
„ 3 „	1.070.250	10,6	22,0	3.210.750	18,9	56,4	3
„ 4 и более	1.154.674	11,4		6.333.106	3,75		5,5
Всего	10.116.660	100		16.910.196	100		1,6

Сравнение 1888—1891 и 1896—1900 г.г. показывает растущую экспроприацию крестьянства. Число дворов увеличилось почти на 1 миллион. Число лошадей уменьшилось, хотя и очень слабо. Число безлошадных дворов возросло особенно быстро, и процент их поднялся с 27,3% до 29,2%. Вместо 5,6 миллионов бедноты (безлошадные и однолошадные) мы имеем уже 6,6 милл. Весь прирост числа дворов пошел на увеличение числа дворов бедноты. Процент богатых по числу лошадей дворов уменьшился. Вместо 2,2 милл. многолошадных мы имеем только 2,0 милл. Число средних и зажиточных дворов вместе (с 2 и более лошадьми) осталось почти без изменения (4.465 тыс. в 1888—1891 г.г., 4.508 тыс. в 1886—1900 г.г.).

Итак, выводы из этих данных получаются следующие.

Рост нищеты и экспроприации крестьянства не подлежит сомнению.

Что касается соотношения между высшей и низшей группой крестьянства, то это соотношение почти не изменилось. Если мы, по приемам, описанным выше, составим низшие группы в 50% дворов и высшие в 20% дворов, то получим следующее. В 1888—1891 годах у 50% дворов бедноты было 13,7% лошадей. У 20% богачей — 52,6%. В 1896—1900 годах у 50% дворов бедноты было тоже 13,7% общего числа крестьянских лошадей, а у 20% богачей — 53% общего числа лошадей. Соотношение групп, следовательно, почти не изменилось.

Наконец, все крестьянство в целом стало беднее лошадьми. И число, и процент многолошадных уменьшились. С одной стороны, это знаменует, видимо, упадок всего крестьянского хозяйства в Европейской России. С другой стороны, нельзя забывать, что в России число лошадей в сельском хозяйстве ненормально высоко по отношению к культурной площади. В мелко-крестьянской стране это и не могло быть иначе. Уменьшение числа лошадей является, следовательно, до известной степени „восстановлением нормального отношения рабочего скота к количеству пашни“ у крестьянской буржуазии...

г) Характеристика разложения крестьянства по крестьянским бюджетам.

(Н. Ленин, „Развитие капитализма в России“, п. XII, гл. II. Собр. сочин. т. III, стр. 109—110.)

Общие данные о величине расходов и доходов таковы:

Приходится на одно хозяйство (в рублях):

Число душ об. пола на одну семью.	Валовой. Доход.	Валовой. Расход.	Чистый доход.	Денежный. Доход.	Денежный. Расход.	Баланс.	Сколько должен рублей.	Недоимка.
а)[1] 4,08	118,10	109,08	9,02	64,57	62,29	+ 2,28	5,83	16,58
б) 4,94	178,12	174,26	3,86	73,75	80,99	— 7,24	11,16	8,97
в) 8,23	429,72	379,17	50,55	196,72	165,22	+31,50	13,73	5,93
г) 13,00	753,19	632,36	120,83	318,85	262,23	+56,62	13,67	2,22
д) 14,20	978,66	937,30	41,36	398,48	439,86	—41,38	42,00	—
е) 16,00	1.766,79	1.593,77	173,02	1.047,26	959,20	+88,06	210,00	6
8,27	491,44	443,00	48,44	235,53	217,70	+17,83	28,60	7,74

Таким образом, разница в размерах бюджетов по группам оказывается громадная; если даже оставить в стороне крайние группы, все же бюджет у *д* более чем впятеро выше, чем у *б*, тогда как состав семьи у *д* менее чем втрое больше, чем у *б*.

---

[1]) *а* — без лошади; *б* — с 1 лошадью; *в* — с 2 лошадьми; *г* — с 3 лошадьми; *д* — с 4 лошадьми; *е* — с 5 и более лошадьми.

Посмотрим на распределение расходов.

Средний размер расходов на 1 хозяйство.

	На пищу.		На остальное личное потребление.		На хозяйство.		Подати и повинности.		Всего.	
	Руб.	%	Руб.	%	Руб.	%	Руб.	%	Руб.	%
а)	60,98	55,89	17,51	16,05	15,12	13,87	15,47	14,19	109,48	100
б)	80,98	46,47	17,19	9,87	58,32	33,46	17,77	10,20	171,26	100
в)	181,11	47,77	44,62	11,77	121,42	32,02	32,02	8,44	379,17	100
г)	283,65	44,86	76,77	12,14	222,39	35,17	49,55	7,83	632,36	100
д)	373,81	39,88	147,83	15,77	347,76	37,12	67,90	7,23	937,39	100
е)	447,83	28,10	82,76	5,19	976,84	61,29	86,34	5,42	1.593,77	100
	180,75	40,00	47,30	10,68	180,60	40,77	34,35	7,75	443,00	100

Достаточно взглянуть на долю расходов на хозяйство в общей сумме расходов каждой группы, чтобы видеть, что перед нами фигурируют здесь и пролетарии и хозяева: у *а* — расход на хозяйство лишь 14% всего расхода, а у *е* — 61%. О различиях в абсолютной величине расходов на хозяйство нечего и говорить. Не только у безлошадного, но и у однолошадного крестьянина этот расход ничтожен, и однолошадный „хозяин“ стоит гораздо ближе к обычному (в капиталистических странах) типу батраков и поденщиков с наделом. Отметим также весьма значительные различия в проценте расходов на пищу (у *а* почти вдвое больше, чем у *е*); как известно, высота этого процента свидетельствует о низком жизненном уровне и составляет наиболее резкое отличие бюджетов хозяина и рабочего...

д) Выводы.

(Н. Ленин, „Развитие капитализма в России“, п. XIII, гл. II. Собр. соч. т. III, стр. 128 — 140.)

1. Капитализм в крестьянском хозяйстве.

Общественно-экономическая обстановка, в которую поставлено современное русское крестьянство, есть товарное хозяйство. Даже в центральной земледельческой полосе (которая наиболее отстала в этом отношении сравнительно с юго-восточными окраинами или с промышленными губерниями) крестьянин вполне подчинен рынку, от которого он зависит и в личном потреблении и в своем хозяйстве, не говоря даже о податях.

Строй общественно-экономических отношений в крестьянстве (земледельческом и общинном) показывает нам наличность всех тех противоречий, которые свойственны всякому товарному хозяйству

и всякому капитализму: конкуренцию, борьбу за хозяйственную самостоятельность, перебивание земли (покупаемой и арендуемой), сосредоточение производства в руках меньшинства, выталкивание большинства в ряды пролетариата, эксплоатацию его со стороны меньшинства торговым капиталом и наймом батраков. Нет ни одного экономического явления в крестьянстве, которое бы не имело этой, специфически свойственной капиталистическому строю, противоречивой формы, т.-е. которое не выражало бы борьбы и розни интересов, не означало плюс для одних и минус для других. Такова и аренда, и покупка земли, и „промыслы“ в их диаметрально противоположных типах; таков же и технический прогресс хозяйства.

Этому выводу мы придаем кардинальное значение не только в вопросе о капитализме в России, но и в вопросе о значении народнической доктрины вообще. Именно эти противоречия и показывают нам наглядно и неопровержимо, что строй экономических отношений в „общинной“ деревне отнюдь не представляет из себя особого уклада („народного производства“ и т. п.), а обыкновенный мелкобуржуазный уклад. Вопреки теориям, господствовавшим у нас в последние полвека, русское общинное крестьянство — не антагонист капитализма, а, напротив, самая глубокая и самая прочная основа его. Самая глубокая — потому, что именно здесь, вдали от каких бы то ни было „искусственных“ воздействий и несмотря на учреждения, стесняющие развитие капитализма, мы видим постоянное образование элементов капитализма внутри самой „общины“. Самая прочная — потому, что на земледелии вообще и на крестьянстве в особенности тяготеют с наибольшей силой традиции страны, традиции патриархального быта, а вследствие этого — преобразующее действие капитализма (развитие производительных сил, изменение всех общественных отношений и т. д.) проявляется здесь с наибольшей медленностью и постепенностью.

2. Создание новых типов сельского населения.

Совокупность всех экономических противоречий в крестьянстве и составляет то, что мы называем разложением крестьянства. Сами крестьяне в высшей степени метко и рельефно характеризуют этот процесс термином: „раскрестьянивание“. Этот процесс означает коренное разрушение старого патриархального крестьянства и создание новых типов сельского населения...

...Разложение крестьянства, развивая за счет среднего „крестьянства“ его крайние группы, создает два новые типа сельского населения. Общий признак обоих типов — товарный, денежный характер хозяйства. Первый новый тип — сельская буржуазия, или зажиточное крестьянство. Сюда относятся самостоятельные хозяева, ведущие торговое земледелие во всех его разнообразных формах, затем владельцы торгово-промышленных заведений, хозяева торговых предприятий и т. п. Соединение торгового земледелия с торгово-промышленными предприятиями есть специфически свойственный

этому крестьянству вид „соединения земледелия с промыслами“. Из этого зажиточного крестьянства вырабатывается класс фермеров, ибо аренда земли для продажи хлеба играет (в земледельческой полосе) громадную роль в их хозяйстве, нередко большую, чем надел. Размеры хозяйства превышают здесь в большинстве случаев рабочие силы семьи, и потому образование контингента сельских батраков, а еще более поденщиков, есть необходимое условие существования зажиточного крестьянства [1]). Свободные деньги, получаемые в виде чистого дохода этим крестьянством, обращаются или на торговые и ростовщические операции, так непомерно развитые в нашей деревне, либо — при благоприятных условиях — вкладываются в покупку земли, улучшение хозяйства и т. п. Одним словом, это — мелкие аграрии. Численно крестьянская буржуазия составляет небольшое меньшинство всего крестьянства, — вероятно, не более одной пятой доли дворов (что соответствует приблизительно трем десятым населения), при чем это отношение, разумеется, сильно колеблется в разных местностях. Но по своему значению во всей совокупности крестьянского хозяйства, — в общей сумме принадлежащих крестьянству средств производства, в общем количестве производимых крестьянством земледельческих продуктов, — крестьянская буржуазия является безусловно преобладающей. Она — господин современной деревни.

Другой новый тип — сельский пролетариат, класс наемных рабочих с наделом. Сюда входит неимущее крестьянство, в том числе и совершенно безземельное, но типичнейшим представителем русского сельского пролетариата является батрак, поденщик, чернорабочий, строительный или иной рабочий с наделом. Ничтожный размер хозяйства на клочке земли и притом хозяйства, находящегося в полном упадке (о чем особенно наглядно свидетельствует сдача земли), невозможность существовать без продажи рабочей силы („промыслы“ неимущего крестьянства), в высшей степени низкий жизненный уровень, даже уступающий, вероятно, жизненному уровню рабочего без надела, — вот отличительные черты этого типа. К представителям сельского пролетариата должно отнести не менее половины всего числа крестьянских дворов (что соответствует приблизительно $^4/_{10}$ населения), т.-е. всех безлошадных и большую часть однолошадных крестьян (разумеется, это лишь массовый примерный расчет, подлежащий в различных районах более или менее значительным видоизменениям, сообразно с местными условиями). Основания, которые заставляют думать, что такая значительная доля крестьянства принадлежит уже теперь к сельскому пролетариату, были приведены выше. Следует добавить, что в нашей литературе зачастую слишком шаблонно понимают то положение теории, что капитализм требует свободного, безземельного рабочего. Это вполне

---

[1]) Заметим, что употребление наемного труда не есть обязательный признак понятия мелкой буржуазии. Под это понятие подходит всякое самостоятельное производство на рынок, при наличности в общественном строе хозяйства описанных нами выше (п. 1) противоречий, — в частности при превращении массы производителей в наемных рабочих.

верно, как основная тенденция, но в земледелие капитализм проникает особенно медленно и среди чрезвычайного разнообразия форм. Наделение сельского рабочего землей делается очень часто в интересах самих сельских хозяев, и потому тип сельского рабочего с наделом свойственен всем капиталистическим странам. В разных государствах он принимает различные формы: английский коттер (cottager) не то, что парцельный крестьянин Франции или Рейнских провинций, а этот последний опять-таки не то, что бобыль или кнехт в Пруссии. Каждый из них носит на себе следы особых аграрных порядков, особой истории аграрных отношений, — но это не мешает, однако, экономисту обобщать их под один тип сельско-хозяйственного пролетария. Юридическое основание его права на кусочек земли совершенно безразлично для такой квалификации. Принадлежит ли ему земля на праве полной собственности (как парцельному крестьянину), или ее дает ему лишь в пользование лэндлорд или Rittergutsbesitzer, или, наконец, он владеет ею как член великорусской крестьянской общины — дело от этого нисколько не меняется...

...Промежуточным звеном между этими пореформенными типами „крестьянства" является среднее крестьянство. Оно отличается наименьшим развитием товарного хозяйства. Самостоятельный земледельческий труд разве лишь в лучший год и при особо благоприятных условиях покрывает содержание такого крестьянства, и потому оно находится в крайне неустойчивом положении. В большинстве случаев средний крестьянин не может свести концов с концами без того, чтобы не прибегать к займам под отработки и т. п., без того, чтобы не искать „подсобных" сторонних заработков, состоящих тоже отчасти из продажи рабочей силы, и т. п. Каждый неурожай выбрасывает массы среднего крестьянства в ряды пролетариата. По своим общественным отношениям эта группа колеблется между высшей, к которой она тяготеет и в которую удается попасть лишь небольшому меньшинству счастливцев, и между низшей, в которую ее сталкивает весь ход общественной эволюции. Мы видели, что крестьянская буржуазия оттесняет не только низшую, но и среднюю группу крестьянства. Таким образом происходит специфически свойственное капиталистическому хозяйству вымирание средних членов и усиление крайностей — „раскрестьянивание".

3. Создание внутреннего рынка для капитализма.

Разложение крестьянства создает внутренний рынок для капитализма. В низшей группе это образование рынка происходит на счет предметов потребления (рынок личного потребления). Сельский пролетарий, по сравнению с средним крестьянством, меньше потребляет, — и притом потребляет продукты худшего качества (картофель вместо хлеба и пр.), — но больше покупает. Образование и развитие крестьянской буржуазии создает рынок двояким путем: во-первых и главным образом, — на счет средств производства (рынок производительного потребления), ибо зажиточное крестьянство

стремится превратить в капитал те средства производства, которые оно „собирает“ и от „оскудевших“ помещиков и от разоряющихся крестьян. Во-вторых, рынок создается здесь и на счет личного потребления вследствие расширения потребностей у более состоятельных крестьян.

4. Факторы, задерживающие или ускоряющие развитие деревни.

По вопросу о том, идет ли вперед разложение крестьянства и как быстро, — мы не имеем точных статистических данных. Это и неудивительно, ибо до сих пор (как мы уже заметили) не было сделано даже попытки систематически изучить хотя бы статику разложения крестьянства и указать те формы, в которых происходит этот процесс. Но все общие данные об экономике нашей деревни свидетельствуют о непрерывном и быстром росте разложения: с одной стороны, „крестьяне“ забрасывают и сдают землю, растет число безлошадных, „крестьяне“ бегут в города и т. д., — с другой стороны, идут своим чередом и „прогрессивные течения в крестьянском хозяйстве“, „крестьяне“ покупают землю, улучшают хозяйство, вводят плуги, развивают травосеяние, молочное хозяйство и т. д. Мы знаем теперь, *какие* „крестьяне“ участвуют в этих двух полярно-противоположных сторонах процесса.

Затем, развитие переселенческого движения дает громадный толчок разложению крестьянства и особенно земледельческого крестьянства. Известно, что переселяются, главным образом, крестьяне из губерний земледельческих (из промышленных эмиграция совершенно ничтожна) и притом именно из густонаселенных центральных губерний, в которых всего более развиты отработки (задерживающие разложение крестьянства). Это—во-первых. А во-вторых, из районов выселения идет, главным образом, крестьянство *среднего достатка*, а на родине остаются главным образом крайние группы крестьянства. Таким образом переселения усиливают разложение крестьянства на местах выхода и переносят элементы разложения на места вселения (батрачество новоселов в Сибири в первый период их новой жизни) . . .

. . . Громадную роль в нашей деревне играет, как известно, торговый и ростовщический капитал. Мы считаем лишним приводить многочисленные факты и указания источников на это явление; факты эти общеизвестны и не относятся прямо к нашей теме. Нас интересует лишь вопрос, в каком отношении к разложению крестьянства стоит торговый и ростовщический капитал в нашей деревне? есть ли связь между очерченными выше отношениями между группами крестьянства и отношениями крестьянских кредиторов к крестьянским должникам? является ли ростовщичество фактором и двигателем разложения или оно задерживает это разложение? ...

. . . В применении к России следует разрешить вопросы: связывается ли у нас торговый и ростовщический капитал с промышленным? ведет ли торговля и ростовщичество, разлагая старый способ прози-

водства, к замене его капиталистическим способом производства или каким-либо иным? Это — вопросы факта, вопросы, которые должны быть разрешены по отношению ко всем сторонам русского народного хозяйства. По отношению к крестьянскому земледелию вышерассмотренные данные содержат в себе ответ на этот вопрос, именно — ответ утвердительный. Обычное народническое воззрение, по которому „кулак“ и „хозяйственный мужик“ представляют из себя не две формы одного и того же экономического явления, а ничем между собою не связанные и противоположные типы явлений, — это воззрение решительно ни на чем не основано. Это — один из тех предрассудков народничества, которые никто даже и не пытался никогда доказать анализом точных экономических данных. Данные говорят обратное. Нанимает ли крестьянин рабочих для расширения производства, торгует ли крестьянин землей (вспомните вышеприведенные данные о широких размерах аренды у богачей) или бакалейным товаром, торгует ли он коноплей, сеном, скотом и пр. или деньгами (ростовщик), — он представляет из себя один экономический тип, операции его сводятся, в своей основе, к одному и тому же экономическому отношению. Далее, — что в русской общинной деревне роль капитала не исчерпывается кабалой и ростовщичеством, что капитал обращается также и на производство, это видно из того, что зажиточное крестьянство вкладывает деньги не только в торговые заведения и предприятия, но и в улучшение хозяйства, в покупку и аренду земли, в улучшение инвентаря, наем рабочих и т. д. Если бы капитал в нашей деревне бессилен был создать что-либо кроме кабалы и ростовщичества, тогда бы мы не могли по данным о производстве констатировать разложение крестьянства, образование сельской буржуазии и сельского пролетариата, тогда бы все крестьянство представляло из себя довольно ровный тип придавленных нуждою хозяев, среди которых выделялись бы лишь ростовщики, выделялись исключительно размером денежного имущества, а не размером и постановкой земледельческого производства. Наконец, из вышеразобранных данных следует то важное положение, что самостоятельное развитие торгового и ростовщического капитала в нашей деревне з а д е р ж и в а е т разложение крестьянства. Чем дальше пойдет развитие торговли, сближая деревню с городом, вытесняя примитивные сельские базары и подрывая монопольное положение деревенского лавочника, чем более будут развиваться европейски-правильные формы кредита, вытесняя деревенского ростовщика, — тем дальше и глубже должно пойти разложение крестьянства. Капитал зажиточных крестьян, вытесняемый из мелкой торговли и ростовщичества, обратится в более широких размерах на производство, на которое он начинает обращаться уже теперь.

Другим важным явлением в экономике нашей деревни, которое задерживает разложение крестьянства, являются остатки барщинного хозяйства, т.-е. отработки. Отработки основаны на натуральной оплате труда, — следовательно, на слабом развитии товарного хозяйства. Отработки предполагают и требуют именно среднего крестьянина

который не был бы вполне самостоятельным (тогда он не закабалится под отработки), но не был бы также и пролетарием (чтобы взять отработки, надо иметь свой инвентарь, надо быть хоть мало-мальски „справным" хозяином).

Говоря выше, что крестьянская буржуазия есть господин современной деревни, мы абстрагировали эти задерживающие разложение факторы: кабалу, ростовщичество, отработки и прочее. В действительности настоящими господами современной деревни являются зачастую не представители крестьянской буржуазии, а сельские ростовщики и соседние землевладельцы. Подобное абстрагирование представляется, однако, приемом вполне законным, ибо иначе нельзя изучать внутренний строй экономических отношений в крестьянстве...

---

2. Помещичье хозяйство.

а) Соединение барщинной системы хозяйства с капиталистическою.

(Н. Ленин, „Развитие капитализма в России", п. II, гл. III. Собр. соч., т. III, стр. 144—148.)

Барщинная система хозяйства была подорвана отменой крепостного права. Подорваны были все главные основания этой системы: натуральное хозяйство, замкнутость и самодовлеющий характер помещичьей вотчины, тесная связь между ее отдельными элементами, власть помещика над крестьянами. Крестьянское хозяйство отделялось от помещичьего; крестьянину предстояло выкупить свою землю в полную собственность, помещику — перейти к капиталистической системе хозяйства, покоящейся на диаметрально противоположных основаниях Но подобный переход к совершенно иной системе, не мог, конечно, произойти сразу, не мог по двум различным причинам. Во-первых, не было еще налицо тех условий, которые требуются для капиталистического производства. Требовался класс людей, привыкших к работе по найму, требовалась замена крестьянского инвентаря помещичьим; требовалась организация земледелия, как и всякого другого торгово-промышленного предприятия, а не как господского дела. Все эти условия могли сложиться лишь постепенно, и попытки некоторых помещиков в первое время после реформы выписать себе из-за границы заграничные машины и даже заграничных рабочих не могли не окончиться полным фиаско. Другая причина того, почему невозможен был сразу переход к капиталистической постановке дела, состояла в том, что старая, барщинная система хозяйства была лишь подорвана, но не уничтожена окончательно. Крестьянское хозяйство не было вполне отделено от хозяйства помещиков, так как в руках последних остались весьма существенные части крестьянских наделов: „отрезные земли", леса, луга, водопои, выгоны и пр. Без этих

земель (или сервитутов) крестьяне совершенно не в состоянии были вести самостоятельного хозяйства, и помещики имели таким образом возможность продолжать старую систему хозяйства в форме отработков. Возможность „вне-экономического принуждения“ тоже оставалась: временно-обязанное состояние, круговая порука, телесное наказание крестьянина, отдача его на общественные работы и т. д.

Итак, капиталистическое хозяйство не могло сразу возникнуть, барщинное хозяйство не могло сразу исчезнуть. Единственно возможной системой хозяйства была, следовательно, переходная система, система, соединявшая в себе черты и барщинной и капиталистической системы. И действительно, пореформенный строй хозяйства помещиков характеризуется именно этими чертами. При всем бесконечном разнообразии форм, свойственном переходной эпохе, экономическая организация современного помещичьего хозяйства сводится к двум основным системам в самых различных сочетаниях, именно — к системе отработочной и капиталистической. Первая состоит в обработке земли инвентарем окрестных крестьян, при чем форма платы не изменяет сущности этой системы (будет ли это плата деньгами, как при издельном найме, или плата продуктом, как при испольщине, или плата землей или угодьями, как при отработках в узком смысле слова). Это — прямое переживание барщинного хозяйства, и данная выше экономическая характеристика последнего приложима к отработочной системе почти целиком (единственное исключение то, что при одной из форм отработочной системы отпадает одно из условий барщинного хозяйства: именно, при издельном найме вместо натуральной оплаты труда мы видим денежную). Капиталистическая система состоит в найме рабочих (годовых, сроковых, поденных и пр.), обрабатывающих землю инвентарем владельца. Названные системы переплетаются в действительности самым разнообразным и причудливым образом: в массе помещичьих имений соединяются обе системы, применяемые по отношению к различным хозяйственным работам. Вполне естественно, что соединение столь разнородных и даже противоположных систем хозяйства ведет в действительной жизни к целому ряду самых глубоких и сложных конфликтов и противоречий, что под давлением этих противоречий целый ряд хозяев терпит крушение, и т. д. Все это — явления, свойственные всякой переходной эпохе.

Если мы зададимся вопросом о сравнительной распространенности обеих систем, то придется сказать прежде всего, что точных статистических данных по этому вопросу нет, да и вряд ли бы они могли быть собраны: для этого потребовался бы учет не только всех имений, но и всех хозяйственных операций во всех имениях. Данные имеются лишь приблизительные, в виде общей характеристики отдельных местностей по преобладанию той или другой системы. В сводном виде по отношению ко всей России такого рода данные приведены в выше цитированном издании департамента земледелия: „Вольнонаемный труд и т. д.“ Г. Анненский составил на основании этих данных очень наглядную картограмму, показывающую распростра-

ненность обеих систем. Сопоставляем эти данные в виде таблички, дополняя ее сведениями о размерах посева на частновладельческих землях в 1883—1887 г.г. [1]).

Группы губерний по преобладающей системе хозяйства у землевладельцев.	Число губерний			Количество посевов всех хлебов и картофеля на частновладельческих землях (тыс. дес.).
	в черноземной полосе.	в нечерноземной полосе.	всего.	
I. Губернии с преобладанием капиталистической системы.	9	10	19	7.407
II. Губернии с преобладанием смешанной системы . . .	3	4	7	2.222
III. Губернии с преобладанием отработочной системы . . .	12	5	17	6.281
Всего	24	19	43	15.910

Итак, если в чисто русских губерниях преобладают отработки, то вообще по Европейской России капиталистическая система помещичьего хозяйства должна быть признана в настоящее время преобладающей. При этом наша таблица выражает это преобладание далеко не полно, ибо в I группе губерний есть такие, в которых отработки совершенно не применяются (прибалтийские, например), тогда как в III группе нет ни одной губернии, вероятно, даже ни одного ведущего свое хозяйство имения, в котором бы не применялась хотя отчасти капиталистическая система. Вот иллюстрация этого на основании данных земской статистики:

Уезды Курской губернии.	% имений, приобретающих рабочих по вольному найму.		% имений, держащих батраков.	
	средних.	крупных.	средних.	крупных.
Дмитровский	53,3	84,3	68,5	85,0
Фатежский	77,1	88,2	86,0	94,1
Льговский	58,7	70,8	73,1	96,9
Суджанский	53,0	81,1	66,9	90,5

[1]) Из 50 губерний Европейской России исключены Архангельская, Вологодская, Олонецкая, Вятская, Пермская, Оренбургская и Астраханская, в которых в 1883—1887 г.г. было всего 562 тыс. дес. посева на владельческих землях из всего числа 16.472 тыс. дес. этого рода посевов в Европейской России. — В I группу вошли следующие губернии: 3 прибалтийские, 4 западные (Ковенская, Виленская, Гродненская, Минская), 3 юго-западных (Киевская, Волынская, Подольская), 5 южных (Херсонская, Таврическая, Бессарабская, Екатеринославская, Донская), 1 юго-восточная (Саратовская), затем Петербургская, Московская и Ярославская. Во II группу: Витебская, Могилевская, Смоленская, Калужская, Воронежская, Полтавская и Харьковская. В III группу вошли остальные губернии. — Для большей точности следовало бы вычесть из всего посева на частновладельческих землях посев, принадлежащий арендаторам, но данных такого рода не имеется. Заметим, что подобное исправление вряд ли изменило бы наш вывод о преобладании капиталистической системы, так как в черноземной полосе арендуется большая доля владельческих пашен, а в губерниях этой полосы преобладает отработочная система.

Наконец, необходимо заметить, что иногда отработочная система переходит в капиталистическую и настолько сливается с нею, что становится почти невозможным отделить одну от другой и различить их. Например, крестьянин снимает клочок земли, обязываясь отработать за него определенное число дней (явление, как известно, самое распространенное. См. примеры в следующем параграфе). Как провести тут разницу между таким „крестьянином" и тем западно-европейским или остзейским „батраком", который получает клочок земли с обязательством работать определенное число дней? Жизнь создает такие формы, которые соединяют противоположные по своим основным чертам системы хозяйства с замечательной постепенностью. Становится невозможным сказать, где кончаются „отработки", и где начинается „капитализм".

Установивши таким образом тот основной факт, что все разнообразие форм современного помещичьего хозяйства сводится к двум системам, отработочной и капиталистической, в различных сочетаниях, — мы перейдем теперь к экономической характеристике обеих систем и посмотрим, какая из этих систем оттесняет другую под влиянием всего хода экономической эволюции.

б) Вытеснение отработков капитализмом (хозяйство Энгельгардта).

(Н. Ленин, „Развитие капитализма в России", п. VI, гл. III. Собр. соч., т. III, стр. 163—166.)

... Когда Энгельгардт сел на хозяйство, оно основывалось на традиционных отработках и кабале, исключающих „правильное хозяйство" („Письма из деревни", 559). Отработки обусловливали плохое скотоводство, плохую обработку земли, однообразие устарелых систем полеводства (118). „Я увидел, что хозяйничать попрежнему невозможно" (118). Конкуренция степного хлеба понижала цены и делала хозяйство безвыгодным (83_1). Заметим, что наряду с отработочной системой в хозяйстве с самого начала играла известную роль и капиталистическая система: наемные рабочие, хотя и в очень небольшом числе, были и при старом хозяйстве (скотник и др.), и Энгельгардт свидетельствует, что заработная плата его батрака (из наделенных землею крестьян) была „баснословно низка" (11) — низка потому, что „больше нельзя и дать" при плохом состоянии скотоводства. Низкая производительность труда исключала возможность повышения заработной платы. Итак, исходным пунктом в хозяйстве Энгельгардта являются знакомые уже нам черты всех русских хозяйств: отработки, кабала, самая низкая производительность труда, „неимоверно дешевая" оплата труда, рутинность земледелия.

В чем же состоят изменения, внесенные в этот порядок Энгельгардтом? Он переходит к посевам льна — торгово-промышленного растения, требующего массы рабочих рук. Усиливается, следовательно, торговый и капиталистический характер земледелия. Но как добыть рабочие руки? Энгельгардт пытался сначала к новому (торговому) земледелию применить старую систему: отработки. Дело не пошло,

работали плохо, „подесятинная отработка“ оказывалась не под силу крестьянам, которые всеми силами сопротивлялись „огульной“ и кабальной работе. „Нужно было изменить систему. Между тем я уже оперился, завел своих лошадей, сбрую, телеги, сохи, бороны и мог уже вести батрачное хозяйство. Я начал работать лен частью своими батраками, частью сдельно, нанимая на определенные работы“ (218). Итак, переход к новой системе хозяйства и к торговому земледелию требовал замены отработков капиталистической системой. Для повышения производительности труда Энгельгардт применил испытанное средство капиталистического производства: штучную работу. Бабы нанимались работать с копны, с пуда. Энгельгардт (не без некоторого наивного торжества) рассказывает об удаче этой системы; повысилась стоимость обработки (с 25 р. за дес. до 35 р.), но зато повысился и доход на 10—20 р., повысилась производительность труда работниц при переходе от кабальной работы к вольнонаемной (с 20 фунтов в ночь до 1 пуда), повысился заработок работниц до 30—50 коп. в день („небывалый в наших местах“). Местный торговец красным товаром от души похвалил Энгельгардта: „большое движение торговли изволили льном дать“ (219).

Примененный сначала к обработке торгового растения вольнонаемный труд стал охватывать постепенно другие сельско-хозяйственные операции. Одной из первых операций, отнятых капиталом у отработков, оказалась молотьба. Известно, что и во всех вообще частновладельческих хозяйствах этот вид работ наиболее часто производится капиталистически. „Часть земли — писал Энгельгардт — я сдаю на обработку крестьян кругами, потому что иначе мне трудно было бы справиться с жнитвом ржи“ (211). Отработки, следовательно, служат прямым переходом к капитализму, обеспечивая хозяину труд поденщиков в самое горячее время. Первоначально обработка кругов отдавалась с молотьбой, но и здесь дурное качество работы заставило перейти к вольнонаемному труду. Обработка кругов стала отдаваться без молотьбы, а эта последняя производилась отчасти трудом батраков, отчасти сдавалась рядчику с артелью наемных рабочих за сдельную плату. Результатом замены отработков капиталистической системой и здесь было: 1) повышение производительности труда: прежде 16 человек в день вымолачивали 9 сотен, теперь 8 человек — 11 сотен; 2) повышение умолота; 3) сокращение времени молотьбы; 4) повышение заработка рабочего; 5) повышение прибыли хозяина (213).

Далее, капиталистическая система охватывает и операции по обработке почвы. Вводятся плуги вместо старых сох, и работа переходит от закабаленного крестьянина к батраку. Энгельгардт, торжествуя, сообщает об успехе нововведения, о добросовестном отношении рабочих, доказывает вполне справедливо, что обычные обвинения рабочего в лености и недобросовестности есть результат „крепостного клейма“ и кабальной работы „на барина“, что новая организация хозяйства требует и от хозяина предприимчивости, знания людей и уменья обращаться с ними, знания работы и ее меры, знакомства с технической и коммерческой стороной земледелия, — т.-е. таких качеств

которых не было и быть не могло у Обломовых крепостной или кабальной деревни. Различные изменения в технике земледелия неразрывно связаны друг с другом и ведут неизбежно и к преобразованию экономики. „Например, положим, что мы ввели посев льна и клевера, — сейчас же потребуется множество других перемен, и если не сделать их, то предприятие не пойдет на лад. Потребуется изменить пахотные орудия и вместо сохи употреблять плуг, вместо деревянной бороны — железную, а это, в свою очередь, потребует иных лошадей, иных рабочих, иной системы хозяйства по отношению к найму рабочих и т. д.“ (155).

Изменение техники земледелия оказалось таким образом неразрывно связанным с вытеснением отработков капитализмом. Особенно интересна при этом та постепенность, с которой происходит это вытеснение: система хозяйства попрежнему соединяет отработки и капитализм, но центр тяжести мало-по-малу передвигается с первых на второй. Вот какова была организация преобразованного хозяйства Энгельгардта:

„Нынче у меня работы множество, потому что я изменил всю систему хозяйства. Значительная часть работ производится батраками и поденщиками. Работы самые разнообразные: и ляда жгу под пшеницу, и березники корчу под лен, и луга снял на Днепре, и клеверу насеял, и ржи пропасть и льну много. Рук нужна бездна. Чтобы иметь работников, необходимо позаботиться заранее, потому что, когда наступит время работ, все будут заняты или дома или по другим хозяйствам. Такая вербовка рабочих рук производится выдачей вперед денег и хлеба под работы“ (117).

Отработки и кабала остались, следовательно, и в „правильно“ поставленном хозяйстве, но, во-первых, они заняли уже подчиненное место по отношению к вольному найму, а во-вторых, и самые отработки видоизменились; остались преимущественно отработки второго вида, предполагающие не крестьян-хозяев, а сельско-хозяйственных батраков и поденщиков.

Итак, собственное хозяйство Энгельгардта лучше всяких рассуждений опровергает народнические теории Энгельгардта. Задавшись целью поставить рациональное хозяйство, — он не мог сделать этого, при данных общественно-экономических отношениях, иначе как посредством организации батрачного хозяйства. Повышение техники земледелия и вытеснение отработков капитализмом шло в данном хозяйстве рука об руку — точно так же, как оно идет рука об руку и во всех вообще частновладельческих хозяйствах России. С наибольшей рельефностью сказывается этот процесс на употреблении машин в русском сельском хозяйстве.

в) Наемный труд в земледелии.

(Н. Ленин, „Развитие капитализма в России“, п. IX, гл. III. Собр. соч., т. III, стр. 182—186.)

Мы переходим теперь к главному проявлению земледельческого капитализма — к употреблению вольно-наемного труда. Эта черта

пореформенного хозяйства всего сильнее проявилась на южных и восточных окраинах Европейской России, проявилась в том массовом передвижении сельско-хозяйственных наемных рабочих, которое известно под именем „земледельческого отхода“...

... Передвижение рабочих направляется из наиболее заселенных местностей в наименее заселенные, колонизуемые местности; из местностей, в которых всего сильнее было развито крепостное право,— в местности, где оно было всего слабее; из местностей с наибольшим развитием отработков — в местности слабого развития отработков и высокого развития капитализма. Рабочие бегут, следовательно, от „полусвободного“ труда к свободному труду. Было бы ошибкой думать, что это бегство сводится исключительно к передвижению из густо населенных в мало населенные места. Изучение передвижения рабочих показало то оригинальное и важное явление, что из многих мест выхода рабочие уходят в таком большом количестве, что в этих местах получается недостаток рабочих, восполняемый приходом рабочих из других мест. Значит, уход рабочих выражает не только стремление населения равномернее распределиться по данной территории, но и стремление рабочих уйти туда, где лучше. Это стремление станет для нас вполне понятным, если мы вспомним, что в районе выхода, районе отработков, заработные платы сельским рабочим особенно низки, а в районе прихода, районе капитализма, заработные платы несравненно выше...

... Около пятой доли крестьян перешло уже в то положение, что их „главнейшее занятие“ — наемная работа у зажиточных крестьян и помещиков. Мы видим здесь первую группу тех предпринимателей, которые предъявляют спрос на рабочую силу сельского пролетариата. Это — сельские предприниматели, занимающие около половины низшей группы крестьянства. Таким образом, между образованием класса сельских предпринимателей и расширением низшей группы „крестьянства“, т.-е. увеличением числа сельских пролетариев, наблюдается полная взаимозависимость. Среди этих сельских предпринимателей видную роль играет крестьянская буржуазия: например, в 9 уездах Воронежской губ. из всего числа батраков — 43,4% нанято крестьянами. Если бы мы приняли этот процент за норму для всех сельских рабочих и для всей России, то оказалось бы, что крестьянская буржуазия предъявляет спрос миллиона на полтора с.-х. рабочих. Одно и то же „крестьянство“ и выбрасывает на рынок миллионы рабочих, ищущих нанимателей, и предъявляет внушительный спрос на наемных рабочих...

3. О значении капитализма в русском земледелии.

(Н. Ленин, „Развитие капитализма в России“, п. IX, гл. IV. Собр. соч., т. III, стр. 147—153.)

а) Предпринимательский характер земледелия.

Основная черта пореформенной эволюции земледелия состоит в том, что оно принимает все более и более торговый, предпринимательский характер. По отношению к частновладельческому хозяйству этот факт настолько очевиден, что не требует особых пояснений. По отношению же к крестьянскому земледелию это явление не так легко констатируется, во-первых, потому, что употребление наемного труда не является безусловно необходимым признаком мелкой сельской буржуазии. Как мы уже заметили выше, под эту категорию подходит всякий мелкий, покрывающий свои расходы самостоятельным хозяйством, товаропроизводитель при том условии, что общий строй хозяйства основан на тех капиталистических противоречиях, которые были рассмотрены во II главе. Во-вторых, мелкий сельский буржуа (и в России, как и в других капиталистических странах) соединяется рядом переходных ступеней с парцельным „крестьянином“ и с сельским пролетарием, наделенным кусочком земли. Это обстоятельство является одною из причин живучести тех теорий, которые не различают в „крестьянстве“ сельской буржуазии и сельского пролетариата.

По самой природе земледелия, превращение его в товарное производство происходит особым путем, не похожим на соответствующий процесс в индустрии. Промышленность обрабатывающая раскалывается на отдельные, совершенно самостоятельные отрасли, посвященные исключительно производству одного продукта или одной части продукта. Земледельческая же промышленность не раскалывается на совершенно отдельные отрасли, а только специализируется на производстве в одном случае — одного, в другом случае — другого рыночного продукта, при чем остальные стороны сельского хозяйства приспособляются к этому главному (т.-е. рыночному) продукту. Поэтому формы торгового земледелия отличаются гигантским разнообразием, видоизменяясь не только в различных районах, но и в различных хозяйствах. Поэтому при рассмотрении вопроса о росте торгового земледелия никак нельзя ограничиваться огульными данными о всем земледельческом производстве.

б) Торговое земледелие и внутренний рынок.

Рост торгового земледелия создает внутренний рынок для капитализма. Во-первых, специализация земледелия вызывает обмен между различными земледельческими районами, между различными земледельческими хозяйствами, между различными земледельческими продуктами. Во-вторых, чем дальше втягивается земледелие в товарное обращение, тем быстрее растет спрос сельского населения на продукты обрабатывающей промышленности, служащие для личного потр.-

бления, тем быстрее, в-третьих, растет спрос на средства производства, ибо при помощи старинных „крестьянских“ орудий, построек и пр. и пр. ни мелкий, ни крупный сельский предприниматель не может вести нового, торгового земледелия. Наконец, в-четвертых, создается спрос на рабочую силу, так как образование мелкой сельской буржуазии и переход землевладельцев к капиталистическому хозяйству предполагает образование контингента сельско-хозяйственных батраков и поденщиков. Только фактом роста торгового земледелия и можно объяснить то обстоятельство, что пореформенная эпоха характеризуется расширением внутреннего рынка для капитализма (развитие капиталистического земледелия, развитие фабричной промышленности вообще, развитие сельско-хозяйственного машиностроения в частности, развитие так называемых крестьянских „земледельческих промыслов“, т.-е. работы по найму, и т. д.).

в) Противоречия в сельском населении.

Капитализм в громадной степени расширяет и обостряет среди земледельческого населения те противоречия, без которых, вообще, не может существовать этот способ производства. Но, несмотря на это, земледельческий капитализм в России, по своему историческому значению, является крупной прогрессивной силой. Во-первых, капитализм превратил земледельца из „государя-вотчинника“, с одной стороны, и патриархального, зависимого крестьянина, с другой стороны, в такого же *промышленника*, как и всякий другой хозяин в современном обществе. До капитализма земледелие было в России господским делом, барской затеей для одних, обязанностью, тяглом — для других, поэтому оно и не могло вестись иначе, как по вековой рутине, необходимо обусловливая полную оторванность земледельца от всего того, что делалось на свете за пределами его деревни. Отработочная система — этот живой остаток старины в современном хозяйстве — наглядно подтверждает такую характеристику. Капитализм впервые порвал с сословностью землевладения, превратив землю в товар. Продукт земледельца поступил в продажу, стал подвергаться общественному учету сначала на местном, затем на национальном, наконец, на международном рынке, и таким образом прежняя оторванность одичалого земледельца от всего остального мира была сломана окончательно. Земледельцу волей-неволей, под угрозой разорения, пришлось считаться со всей совокупностью общественных отношений и в его стране и в других странах, связанных всемирным рынком. Даже отработочная система — которая прежде обеспечивала Обломову верный доход без всякого риска с его стороны, без всякой затраты капитала, без всяких изменений в исконной рутине производства — оказалась теперь не в силах спасти его от конкуренции американского фермера. Вот почему и к пореформенной России вполне приложимо то, что было сказано полвека тому назад о Западной Европе, именно, что земледельческий капитализм „был той движущей силой, которая втянула идиллию в историческое движение“.

Во-вторых, земледельческий капитализм впервые подорвал вековой застой нашего сельского хозяйства, дал громадный толчок преобразованию его техники, развитию производительных сил общественного труда. Несколько десятилетий капиталистической „ломки“ сделали в этом отношении больше, чем целые века предшествующей истории. Однообразие рутинного натурального хозяйства сменилось разнообразием форм торгового земледелия; первобытные земледельческие орудия стали уступать место усовершенствованным орудиям и машинам; неподвижность старинных систем полеводства была подорвана новыми приемами культуры. Процесс всех этих изменений неразрывно связан с указанным выше явлением специализации земледелия. По самой своей природе капитализм в земледелии (равно как и в промышленности) не может развиваться равномерно: он толкает вперед в одном месте (в одной стране, в одном районе, в одном хозяйстве) одну сторону сельского хозяйства, в другом — другую и т. д. Он преобразует технику в одном случае одних, в другом — других сельскохозяйственных операций, отрывая их от патриархального крестьянского хозяйства или от патриархальных отработков. Так как весь этот процесс идет под руководством капризных, не всегда даже известных производителю требований рынка, то капиталистическое земледелие в каждом отдельном случае (нередко в каждом отдельном районе, иногда даже в каждой отдельной стране) становится более односторонним, однобоким по сравнению с прежним, но зато в общем и целом оно становится неизмеримо более разносторонним и рациональным, чем патриархальное земледелие. Образование особых видов торгового земледелия делает возможными и неизбежными капиталистические кризисы в земледелии и случаи капиталистического перепроизводства, но эти кризисы (как и все вообще капиталистические кризисы) дают еще более сильный толчок развитию мирового производства и обобществления труда.

В-третьих, капитализм впервые создал в России крупное земледельческое производство, основанное на употреблении машин и широкой кооперации рабочих. До капитализма производство земледельческих продуктов всегда велось в неизменной, мизерно-мелкой форме — как в том случае, когда крестьянин работал на себя, так и в том случае, когда он работал на помещика — и никакая „общинность“ землевладения не в силах была сломать эту гигантскую раздробленность производства. В неразрывной связи с этой раздробленностью производства стояла раздробленность самих земледельцев. Прикованные к своему наделу, к своей крохотной „общине“, они были резко отделены даже от крестьян соседней общины различием тех разрядов, к которым они принадлежали (бывшие владельческие, бывшие государственные и т. д.), различиями в величине своего землевладения, различиями в тех условиях, на которых произошла их эмансипация (а эти условия определялись иногда просто личными свойствами помещиков и их прихотью). Капитализм впервые сломал эти чисто средневековые перегородки, — и прекрасно сделал, что сломал. Уже теперь различия между разрядами крестьян, между

категориями их по надельному землевладению оказываются несравненно менее важными, чем экономические различия внутри каждого разряда, каждой категории, каждой общины. Капитализм разрушает местную замкнутость и ограниченность, заменяет мелкие средневековые деления земледельцев — крупным, охватывающим целую нацию, разделением их на классы, занимающие различное место в общей системе капиталистического хозяйства. Если прежде самые условия производства обусловливали прикрепление массы земледельцев к их месту жительства, то образование различных форм и различных районов торгового и капиталистического земледелия не могло не создать перекочевывания громадных масс населения по всей стране; а без подвижности населения (как было уже замечено выше) немыслимо развитие его сознательности и самодеятельности.

В-четвертых, наконец, земледельческий капитализм в России впервые подорвал под корень отработки и личную зависимость земледельца. Отработочная система хозяйства безраздельно господствовала в нашем земледелии со времен Русской Правды и вплоть до современной обработки частновладельческих полей крестьянским инвентарем; необходимым спутником ее была забитость и одичалость земледельца, приниженного если не крепостным, то „полусвободным“ характером его труда; без известной гражданской неполноправности (как-то: принадлежность к низшему сословию; телесное наказание; отдача на общественные работы; прикрепление к наделу и т. д.) отработочная система была бы немыслима. Поэтому замена отработков вольнонаемным трудом является крупной исторической заслугой земледельческого капитализма в России. Резюмируя изложенное выше о прогрессивной исторической роли русского земледельческого капитализма, можно сказать, что он обобществляет сельско-хозяйственное производство. В самом деле, и то обстоятельство, что земледелие превратилось из привилегии высшего сословия или тягла низшего сословия в обыкновенное торгово-промышленное занятие; и то, что продукт труда земледельца стал подвергаться общественному учету на рынке; и то, что рутинное, однообразное земледелие превращается в технически преобразованные и разнообразные формы торгового землевладения; и то, что разрушается местная замкнутость и раздробленность мелкого земледельца; и то, что разнообразные формы кабалы и личной зависимости вытесняются безличными сделками по купле-продаже рабочей силы, — все это звенья одного процесса, который обобществляет земледельческий труд и обостряет все более и более противоречие между анархией рыночных колебаний, между индивидуальным характером отдельных сельскохозяйственных предприятий и коллективным характером крупного капиталистического земледелия.

Таким образом (повторяем еще раз), подчеркивая прогрессивную историческую роль капитализма в русском земледелии, мы нисколько не забываем ни об исторически-преходящем характере экономического режима, ни о присущих ему глубоких общественных противоречиях. Напротив, мы показали выше, что именно народники, уме-

ющие только оплакивать капиталистическую „ломку“, крайне поверхностно оценивают эти противоречия, затушевывая разложение крестьянства, игнорируя капиталистический характер употребления машин в нашем земледелии, прикрывая такими выражениями, как „земледельческие промыслы“ или „заработки“, образование класса сельскохозяйственных наемных рабочих.

ГЛАВА V.

ПРОМЫШЛЕННОСТЬ.

1. Первые стадии капитализма в промышленности

Рост мелких промыслов после реформы.

(Н. Ленин (В. Ульянов), „Развитие капитализма в России“, п. III, гл. V, стр. 272—275.)

В пореформенной России рост мелких промыслов, выражающий собой начальные шаги развития капитализма, проявлялся и проявляется двояко: во-первых, в переселении мелких промышленников и ремесленников из центральных, давно заселенных и в экономическом отношении наиболее развитых губерний на окраины; во-вторых, в образовании новых мелких промыслов и расширении существовавших раньше промыслов в местном населении.

Первый из этих процессов составляет одно из проявлений той колонизации окраины, на которую мы уже указывали выше. Крестьянин-промышленник в губерниях: Нижегородской, Владимирской, Тверской, Калужской и т. п., чувствуя усиление конкуренции вместе с ростом населения и угрожающий мелкому производству рост капиталистической мануфактуры и фабрики, уходит на юг, где „мастеровых“ людей еще мало, заработки высоки, а жизнь дешева. На новом месте основывалось мелкое заведение, которое полагало начало новому крестьянскому промыслу, распространявшемуся затем в данном селении и по его окрестностям. Центральные местности страны, обладающие вековой промышленной культурой, помогали таким образом развитию такой же культуры в начинающих заселяться, новых частях страны. Капиталистические отношения (свойственные, как мы увидим ниже, и мелким крестьянским промыслам) переносились таким образом на всю страну.

Переходим к тем фактам, которые выражают второй из указанных выше процессов. Заметим предварительно, что, констатируя рост мелких крестьянских заведений и промыслов, мы пока не касаемся вопроса об экономической организации их: из дальнейшего будет видно, что эти промыслы либо ведут к образованию капиталистической простой кооперации и торгового капитала, либо представляют из себя составную часть капиталистической мануфактуры.

...Автор статьи о кустарных промыслах в 7 волостях Тульского уезда констатирует, как общее явление, „увеличение числа ремесленников после крестьянской реформы“, „появление кустарей и ремесленников в таких местностях, где их в дореформенное время

не было“. Соответствущий отзыв делают и московские статистики. Мы можем подкрепить этот отзыв статистическими данными о времени возникновения 523 кустарных заведений в 10 промыслах Московской губернии.

Все число заведений	Число заведений, основанных								
	Неизвестно когда.	Давно.	в XIX веке в годы:						
			10-е	20-е	30-е	40-е	50-е	60-е	70-е
523	13	46	3	6	11	11	37	121	275

Точно так же и пермская кустарная перепись обнаружила (по данным о времени возникновения 8.884 мелких ремесленных и кустарных заведений), что пореформенная эпоха характеризуется особенно быстрым ростом мелких промыслов. Интересно взглянуть поближе на этот процесс возникновения новых промыслов. Производство шерстяных и полушелковых материй в Владимирской губ. возникло недавно, в 1861 г. Сначала это производство было отхожим промыслом, а затем появляются в деревнях „мастерки“, раздающие пряжу. Один из первых „фабрикантов“ одно время торговал крупами, скупая их в тамбовских и саратовских „степях“. С проведением железных дорог цены на хлеб сравнялись, хлебная торговля концентрировалась в руках миллионеров, и наш торговец решил употребить свой капитал на промышленное ткацкое предприятие; он поступил на фабрику, ознакомился с делом и превратился в „мастерка“. Таким образом, образование нового „промысла“ в данной местности было вызвано тем, что общее экономическое развитие страны вытесняло капитал из торговли и направляло его к промышленности. Исследователь приведенного нами в пример промысла указывает, что описанный им случай далеко не единичный: крестьяне, жившие отхожими промыслами, были пионерами всевозможных промыслов, несли свои технические познания в родную деревню, увлекали за собой в отход новые рабочие силы, а богатых мужиков разжигали своими рассказами о баснословных барышах, какие промысел доставляет светелочнику и мастеру. Богатый мужик, который клал деньги в кубышку или занимался хлебной торговлей, внимал этим рассказам, и пускался в промышленные предприятия. Сапожный и валяльный промыслы в Александровском уезде Владимирской губернии возникали в некоторых местах таким образом: хозяева миткальных светелок или мелких раздаточных контор, видя упадок ручного ткачества, заводили мастерские другого производства, нанимая иногда мастеров для ознакомления с делом и обучения ему детей. По мере того как крупная промышленность вытесняет мелкий капитал из одного производства, — этот капитал направляется в другие производства, давая им толчок развития в том же направлении..

2. Промышленное развитие России в 60—80-х г.г.

(Из статьи М. Балабанова, „Промышленность в России в начале XX в.“, в I т. издания: „Общественное движение в России в начале XX в.“, стр. 40—41.)

Первые годы пореформенной эпохи, естественно, посвящаются развитию двух главнейших факторов, — парового транспорта и организованного кредита, — без которых промышленность не может расти, и которые, в свою очередь, быстрее подвигают вперед промышленное преобразование страны.

Общее представление о том, куда направлялась в это время промышленная инициатива, и какие стороны промышленной жизни являлись доминирующими, дает следующая таблица о числе и капиталах учрежденных акционерных предприятий в 1861—1873 и 1874—1881 г.г.:

Группа предприятий.	1861—1873 г.г. Число предпр.	Сумма кап. (м. р.)	1874—1881 г.г. Число предпр.	Сумма кап. (м. р.)
Банки и кред. учрежд.	73	226,9	3	2,5
Железные дороги.	53	698,5	10	41,3
Пароходн. общ.	15	7,3	16	20,8
Горнозаводск. общ.	18	24,3	19	16,8
Пряд. и ткацк. фабр.	9	6	17	20,3
Проч. пром. предпр.	136	98,6	156	140,3
Торгов. предпр.	14	6	5	7,4
Проч. предпр.	57	48	46	56,2
Всего . . .	375	1.115,6	272	305,6.

Если принять во внимание, что средина 70-х годов вообще отличалась промышленным затишьем, а в железнодорожном строительстве в это время более активно выступает казна, то и в таком случае между двумя очерченными таблицей периодами нельзя не видеть существенного различия: в 1861 — 1873 г.г. кредитные учреждения поглощают 20,2% всего акционерного капитала, железные дороги 62,6%, промышленные предприятия 11,4%; в 1874—1881 г.г. отношения эти значительно изменяются: кредитные учреждения берут всего 0,8% капитала, железные дороги 13,1%, промышленные предприятия 58%. Если во второй половине 70-х годов капитал начинает более энергично приливать в промышленность, то в 60-х и в первой половине 70-х годов он почти целиком идет на железнодорожное строительство и организацию кредитных учреждений. Непосредственно за освобождением крестьян, наряду с обществами взаимного кредита, возникают акционерные коммерческие банки, некоторые не без участия государственного банка, бравшего себе часть акций. К середине 70-х годов Россия обладала уже довольно крупной сетью кредитных учреждений, не считая даже городских общественных банков, начавших возникать еще в дореформенное время. С 1864 по 1873 г. было открыто 39 акционерных банков и 47 их отделений, 54 общества взаимного кредита и 112 городских общественных банков.

Вместе с тем росли и коммерческие обороты банков. В старых кредитных установлениях коммерческий портфель накануне реформы представлялся суммою учтенных векселей, не превышавшею 13½ милл. руб., и суммою краткосрочных ссуд под товары и бумаги, едва достигавшею 2 милл. руб. К концу 1873 г. вексельный портфель новой сети кредитных учреждений достигал 431.114.000 руб., а ссуды под процентные бумаги и товары достигали 224.737.000 руб., или вместе 655.851.000 руб.

К 1879 г. учетная операция банков повысилась до 1.172 милл. руб., а сумма всех вкладов до 6.226 тыс. руб. против 955 тыс. руб. в 1857 г. Нет нужды пояснять, что столь значительное увеличение как числа кредитных учреждений, так и суммы их коммерческих оборотов, вызванное нуждами торговли и промышленности, в свою очередь, должно было содействовать оживлению торгово-промышленной деятельности и все большему проникновению денежного хозяйства в народную жизнь.

---

3. Количество переработанных на русских фабриках хлопка и пряжи, выплавленного чугуна и число рабочих в 1860—1880 г.г.

(М. И. Туган-Барановский, „Русская фабрика".)

Годы.	Количество иностр. и средне-азиатск. хлопка, поступившего на внутреннее потребление Росс. имп. (кроме Финляндии). в тыс. пуд.	Количество иностр. бумажной пряжи, поступивш. на внутреннее потребление Росс. империи (кроме Финляндии) в тыс. пуд.	Количество чугуна, выплавляемого в Российской империи (включая Финляндию) в тыс. пуд.	Число (в тыс.) рабочих на фабриках и заводах, не обложенных акцизом в 50 губерниях Европейской России.
1860	2.840	145	20.468	—
1861	2.643	145	19.451	—
1862	850	97	15.268	—
1863	1.083	68	17.027	358
1864	1.637	105	18.301	355
1865	1.591	117	18.281	381
1866	2.952	130	18.568	392
1867	3.298	184	17.553	407
1868	2.556	160	19.807	414
1869	3.208	171	20.104	428
1870	2.801	254	21.941	442
1871	4.165	293	21.933	463
1872	3.606	319	24.375	492
1873	3.530	323	23.484	498
1874	4.666	343	23.213	487
1875	5.216	372	26.061	501
1876	4.708	340	26.957	491
1877	4.435	161	24.403	500
1878	7.183	508	25.476	559
1879	6.499	881	26.413	608
1880	5.743	577	27.363	648

4. Основные отрасли фабричной промышленности.

(М. Большаков и Н. Рожков, „Хрестоматия по истории хозяйства России“, стр. 209.)

I. Добывание минерального топлива.

Годы.	Каменный уголь.	Нефть.
1860	18.000.000 пуд.	600.000 пуд.
1870	42.000.000 „	10.000.000 „
1880	201.000.000 „	20.000.000 „
1890	472.000.000 „	300.000.000 „
1900	1.009.000.000 „	615.500.000 „
1905	1.088.000.000 „	454.800.000 „

II. Железоделательная промышленность.

Годы.	Выплавка чугуна.	Производство стали.
1860	18.200.000 пуд.	—
1870	21.900.000 „	500.000 пуд.
1880	26.100.000 „	8.300.000 „
1890	50.000.000 „	20.000.000 „
1900	175.000.000 „	136.000.000 „
1903	152.000.000 „	148.500.000 „

III. Хлопчатобумажная промышленность.

Годы.	Стоимость продукта.
1860	42.900.000 руб.
1876	96.300.000 „
1880	200.000.000 „
1892	300.000.000 „
1899	430.000.000 „
1900—1905	470.000.000 „ (в среднем в год).

---

5. Капитализация (техника) индустрии.

1. Каменноугольная промышленность.

а) Выработка на одного рабочего в год.

Годы.	В России.	В Германии.
1880	8.624 пуд.	—
1903	10.811 „	15.000 пуд.

б) Добывание кокса.

Годы.	В России.	В Германии.	В Англии.	В Соединн. Штатах.
	В пудах.			
1891	25.500.000	—	—	—
1901	117.000.000	600.000.000	870.900.000	1.229.800.000 п.

2. Железоделательное производство.

а) Относительное количество чугуна, выплавленного на разного рода топливе.

Годы.	На древесном топливе.	На минеральном топливе.	На смешанном топливе.
1880	90,8%	8,8%	0,4%
1903	30,2%	67,7%	2,1%

б) Другие данные о технике производства.

Годы.	Число доменных печей.	Выраб. чугуна на одну печь. в России.	в Англии.	в Соед. Шт.	Процент дом. печ. с холодн. дутьем.	Процент дом. печ. с горячим дутьем.	Выработка стали на один бессеммеровск. конвертер.	Выработка стали на одну мартеновскую печь.
1881	198	151.000 п.	—	—	50%	50%	—	—
1902	272	629.000 „	1.550.000 п.	3.800.000 п.	11%	89%	1.115.000 п.	514.090 п.

3. Хлопчатобумажное производство.

а) Бумагопрядильное производство.

Годы.	Число фабрик.	Число веретен.	Переработано хлопка.	Изготовлено пряжи.
1890	66	3.457.000	8.300.000 п.	7.300.000 п.
1899	109	6.091.000	16.100.000 „	14.400.000 „

б) Бумаготкацкое производство.

Годы.	Число фабрик.	Число самотканных станков.	Изготовлено сурового товара.
1890	83	87.190	6.600.000 п.
1899	118	145.842	11.500.000 „

---

6. Развитие крупной машинной индустрии.

а) Развитие горной промышленности.

(Н. Ленин, „Развитие капитализма в России“, п. IV, гг. VII, стр. 395—401.)

Самые непосредственные остатки дореформенных порядков, сильное развитие отработков, прикрепление рабочих, низкая производительность труда, отсталость техники, низкая заработная плата, преобладание ручного производства, примитивная и хищнически-первобытная эксплоатация природных богатств края, монополии, стеснение конкуренции, замкнутость и оторванность от общего торгово-промышленного движения времени — такова общая картина Урала.

Южный район горнопромышленности представляет из себя во многих отношениях диаметральную противоположность Уралу. Насколько Урал стар, и господствующие на Урале порядки „освящены веками“, настолько Юг молод и находится в периоде формирования. Чисто капиталистическая промышленность, выросшая здесь в последнее десятилетие, не знает ни традиций, ни сословности, ни национальности, ни замкнутости определенного населения. В южную

Россию целыми массами переселялись и переселяются иностранные капиталы, инженеры и рабочие, а в современную эпоху горячки (1898 г.) туда перевозятся из Америки целые заводы. Международный капитал не затруднился переселиться внутрь таможенной стены и устроиться на „чужой“ почве: ubi bene, ibi patria. Вот статистические данные об оттеснении Урала Югом:

Годы.	Выплавлено чугуна в тыс. пуд.						Добыто кам. угля всего в империи милл. пуд.
	Всего в империи.	%	На Урале.	%	На юге.	%	
1867	17.028	100	11.084	65,1	56	0,3	26,7
1877	24.579	100	16.157	56,4	1.596	6,5	110,1
1887	37.389	100	23.759	63,3	4.158	11,1	276,8
1897	114.728	100	41.180	35,8	46.349	40,7	683,9
1902	158.618	100	44.775	28,2	84.273	53,1	1.005,21

Из этих цифр ясно видно, какая техническая революция происходит в настоящее время в России и какою громадной способностью развития производительных сил обладает крупная капиталистическая индустрия. Господство Урала было равносильно господству подневольного труда, технической отсталости и застоя. Напротив, теперь мы видим, что развитие горной промышленности идет в России быстрее, чем в Западной Европе, отчасти даже быстрее, чем в Америке. В 1870 году Россия производила 2,9% мирового производства чугуна (22 милл. пуд. из 745), а в 1894 г. — 5,1% (81,3 милл. пуд. из 1.584,2). За 10 последних лет (1886 — 1896) выплавка чугуна в России утроилась (32½ и 96½ милл. пуд.), тогда как Франция, например, сделала подобный шаг в 28 лет (1852 — 1880), С. Штаты в 23 года (1845 — 1868), Англия в 22 года (1824 — 1846), Германия в 12 лет (1859 — 1871). Развитие капитализма в молодых странах значительно ускоряется примером и помощью старых стран. Конечно, последнее десятилетие (1888 — 1898) есть период особой горячки, которая, как и всякое капиталистическое процветание, неизбежно ведет к кризису; но иначе, как скачками, капиталистическое развитие вообще не может итти.

Рядом с Югом следует также упомянуть о Кавказе, который тоже характеризуется поразительным ростом горнопромышленности в пореформенный период. Добыча нефти, в 60-х годах не достигавшая и миллиона пудов (557 тыс. в 1865 г.), в 1870 г. составила 1,7 милл. пуд., в 1875 — 5,2 милл. пуд, в 1880 — 21,5 милл. пуд., в 1885 г. — 116 милл. пуд., в 1890 г. — 242,9 милл. пуд., в 1895 г. — 384,0 милл. пуд., в 1902 г. — 637,7 милл. пуд. Почти вся нефть добывается в Бакинской губ., и город Баку „из ничтожного города сделался первоклассным в России промышленным центром с 112 тыс.

жителей". Громадное развитие производств по добыче и обработке нефти вызвало усиленное потребление в России керосина, вытеснившего вполне американский продукт (рост личного потребления с удешевлением продукта фабричной обработкой), и еще более усиленное потребление нефтяных остатков в качестве топлива на фабриках, заводах и железных дорогах (рост производительного потребления). Число занятых в горной промышленности Кавказа рабочих возрастало также чрезвычайно быстро, именно с 3.431 в 1877 г. до 17.603 в 1890 г., т.-е. увеличилось впятеро.

Изложенные данные о развитии горной промышленности представляют особенную важность в двух отношениях: во-первых, они особенно наглядно показывают сущность той смены общественно-экономических отношений, которая происходит в России во всех областях народного хозяйства, во-вторых, они иллюстрируют то теоретическое положение, что в развивающемся капиталистическом обществе особенно быстро возрастают те отрасли промышленности, которые изготовляют средства производства, т.-е. предметы не личного, а производительного потребления. Смена двух укладов общественного хозяйства сказывается на горной промышленности с особенной наглядностью вследствие того, что типичными представителями обоих укладов являются здесь особые районы: в одном районе можно наблюдать до-капиталистическую старину с ее примитивной и рутинной техникой, с личной зависимостью прикрепленного к месту населения, с прочностью сословных традиций, монополий и пр., в другом районе полный разрыв со всякой традицией, технический переворот и быстрый рост чисто капиталистической машинной индустрии.

б) Увеличивается ли число рабочих в крупных капиталистических предприятиях.

(Н. Ленин, „Развитие капитализма в России", п. V, гл. VII. Собр. соч., стр. 402—405.)

Рассмотрев данные о фабрично-заводской и горной промышленности, мы можем теперь попытаться ответить на этот вопрос, который так занимал экономистов-народников, и который они решили отрицательно (г.г. В. В., Н—он, Карышев, Каблуков утверждали, что число фабрично-заводских рабочих в России возрастает — если возрастает — медленнее, чем население). Заметим сначала, что вопрос должен состоять или в том, увеличивается ли торгово-промышленное население насчет земледельческого или же в том, увеличивается ли число рабочих в крупной машинной индустрии. Нельзя утверждать, что число рабочих в мелких промышленных заведениях или в мануфактуре должно увеличиваться в развивающемся капиталистическом обществе, ибо фабрика постоянно вытесняет более примитивные формы промышленности. Данные же нашей фабрично-заводской статистики, как было подробно показано выше, отнюдь не всегда относятся к фабрике в научном значении этого термина.

Чтобы рассмотреть данные по интересующему нас вопросу, мы должны взять, во-первых, сведения о всех производствах, во-вторых, сведения за большой промежуток времени. Только при этих условиях гарантирована более или менее сравнимость данных. Мы берем 1865 и 1890 годы, — двадцатипятилетний период пореформенной эпохи. Подведем итоги имеющимся статистическим данным. Фабрично-заводская статистика дает за 1865 г. наиболее полные сведения, считая в Европейской России 380.638 человек фабрично-заводских рабочих во всех производствах, за исключением винокуренного, пивоваренного, свеклосахарного и табачного. Для определения числа рабочих в этих производствах, приходится взять единственные имеющиеся данные „В.-Ст. Сборника“, при чем эти данные должны быть, как выше доказано, исправлены. Прибавляя 127.935 рабочих в названных производствах, получим итог всего числа фабрично-заводских рабочих в Европейской России 1865 года (по производствам, обложенным и не обложенным акцизом) в 508.573 человек. За 1890 г. соответствующая цифра будет 839.730 чел. Увеличение на 65%, т.-е более значительное, чем рост населения. Необходимо, однако, иметь в виду, что на деле увеличение было, несомненно, больше, чем показывают эти цифры: выше было подробно доказано, что данные фабрично-заводской статистики за 1860 годы преувеличены вследствие включения мелких кустарных, ремесленных и сельско-хозяйственных заведений, а также рабочих на дому. К сожалению, полного исправления всех этих преувеличений мы дать не можем по недостатку материала, а от частичного исправления предпочитаем отказаться, тем более, что ниже будут приведены более точные данные о числе рабочих на крупнейших фабриках.

Переходим к горнозаводской статистике. В 1865 г. число горнорабочих дано лишь по медному и железному производству, а также на золотых и платиновых приисках; по Европейской России — 133.176 чел. В 1890 г. в этих же производствах было 274.748 чел. рабочих, т.-е. более, чем в два раза больше. Это последнее число дает 80,6% всего числа горнорабочих в Европейской России за 1890 г.; приняв, что указанные производства обнимали в 1865 г. тоже 80,6% всего числа горнорабочих, мы получим итог горнорабочих для 1865 г. — 165.230 чел., а для 1890 г. — 340.912 чел. Увеличение на 107%.

Далее, к числу рабочих в крупных капиталистических предприятиях принадлежат также железнодорожные рабочие. В 1890 году в Европейской России вместе с Польшей и Кавказом их было 252.415 чел. Число железнодорожных рабочих в 1865 г. неизвестно, но оно может быть определено с достаточной степенью приближения, так как число железнодорожных рабочих, приходящееся на 1 версту сети, колеблется очень слабо. Считая по 9 рабочих на версту, получим число железнодорожных рабочих в 1865 году — 32.076 чел.

Подведем итог нашим расчетам.

Число рабочих в крупных капиталистических предприятиях (в тысячах).

Годы.	В фабр.-зав. промышленности.	В горной промышленности.	На железн. дорогах.	Всего.
1865	509	165	32	706
1890	840	340	253	1.432

Таким образом, число рабочих в крупных капиталистических предприятиях увеличилось за 25 лет более, чем вдвое, т.-е. оно возрастало не только гораздо скорее, чем население вообще, но даже быстрее городского населения [1]). Все большее и большее отвлечение рабочих от земледелия и от мелких промыслов к крупным промышленным предприятиям стоит, следовательно, вне сомнения.

в) Крупнейшие фабрики Европейской России.

(Н. Ленин, „Развитие капитализма в России“, п. VII, гл. VII, Собр. соч. т. III, стр. 415.)

В годы:

Группа фабрик по числу рабочих.	1866				1879				1890			
	Число фабр. всего.	Число фабр. из них с паров. двиг.	Число рабочих	Сумма производства в тыс руб.	Число фабр. всего.	Число фабр. из них с паров. двиг.	Число рабочих.	Сумма производства в тыс. руб.	Число фабр. всего.	Число фабр. из них с паров. двиг.	Число рабочих	Сумма производства в тыс руб.
A) С 100—499 рабоч.	512	204	109.061	99.830	641	354	141.727	201.542	712	455	156,699	186.289
B) С 500—999 рабоч.	90	68	59.867	48.359	130	119	91.887	117.830	140	140	94.305	148.546
C) С 1000 и более рабоч.	42	35	62.801	52.877	81	76	156.760	170.533	99	99	213.333	253.130
Итого [2])	644	307	231.739	201.066	852	549	39[illegible].374	489 905	951	694	464.337	587.965

г) Механическое производство отрывает рабочих от земли.

(Н. Ленин, „Развитие капитализма в России“, п. XI, гл. VII. Собр. соч. т. III, стр. 436—438.)

Полное отделение промышленности от земледелия производит только крупная машинная индустрия.

---

[1]) В Европейской России было в 1863 г. 61 милл. городского населения, а в 1897 г. — 120 милл.

[2]) Данные за 1866 — 1879 — 1890 г.г. — по 71 производству, о которых есть сведения за 1866 г.

Фактическую разработку данного вопроса дала московская санитарная статистика, именно работа г. Дементьева о „связи фабричных рабочих с земледелием“. Систематически собранные данные, охватившие около 20 тыс. рабочих, показали, что из фабричных рабочих уходит на сельские работы всего 14,1%. Но еще гораздо важнее тот, обстоятельнейшим образом доказанный в названной работе, факт, что именно механическое производсво отрывает рабочих от земли. Берем из целого ряда приводимых в подтверждение этого цифр следующие, наиболее рельефные:

Фабрики и заводы.	Процент уходящих на полевые работы.	
Ручные бумаготкацкие с красильнями	72,5	Ручное производство.
Шелкоткацкие	63,1	
Фарфоро-фаянсовые	31,0	
Ручные ситценаб. и конторы для раздачи основ	30,7	
Суконные (полное производство)	20,4	
Бумагопрядильные и самоткацкие	13,8	
Самоткацкие с ситценаб. и отделочными	6,2	Механическое производство.
Машиностроительный завод	2,7	
Ситценабивные и отделочные механические	2,3	

Мы добавили к табличке автора распределение 8 производств на ручные и механические производства. Относительно 9-го производства, суконного, заметим, что оно ведется частью ручным, частью механическим способом. И вот, из ткачей ручных фабрик уходит на полевые работы около 63%, а из ткачей, работающих на самоткацких станках, не уходит никто, из рабочих в тех отделениях суконных фабрик, которые работают механической силой уходят, 3,3%. „Итак, следовательно, важнейшая причина, заставляющая фабричных рабочих прерывать связь с землею, это — переход ручного производства в механическое. Несмотря на довольно еще значительное, сравнительно, число фабрик с ручным производством, число рабочих на них по сравнению с числом их, занятых на фабриках с механическим производством, совершенно ничтожно, вследствие чего мы и получаем такой незначительный процент уходящих на полевые работы, как 14,1% для всех вообще взрослых рабочих, и 15,4% для взрослых исключительно крестьянского сословия“.

д) Значение крупной машинной индустрии.

(Н. Ленин, „Развитие капитализма в России“, п. XII, гл. VII. Собр. соч. т. III, стр. 440 и 448—449).

Подведем теперь итоги тем основным выводам, к которым приводят данные о развитии капитализма в нашей промышленности.

Главных стадий этого развития три: мелкое товарное производство (мелкие, преимущественно крестьянские, промыслы) — капиталистическая мануфактура — фабрика (крупная машинная индустрия). Факты совершенно опровергают распространенное у на воззрение

оторванности „фабрично-заводской“ и кустарной промышленности. Напротив, разделение их чисто искусственно. Связь и преемственность указанных нами форм промышленности — самая непосредственная и самая тесная. Факты совершенно ясно показывают, что основная тенденция мелкого товарного производства состоит в развитии капитализма, в частности — в образовании мануфактуры, а мануфактура на наших глазах с громадной быстротой перерастает в крупную машинную индустрию.

Характеристические черты, отличающие крупную машинную индустрию от предыдущих форм промышленности, можно резюмировать словами: обобществление труда. В самом деле, и производство на громадный национальный и интернациональный рынок, и развитие тесных коммерческих связей с различными районами страны и с разными странами по закупке сырых и вспомогательных материалов, и громадный технический прогресс, и концентрация производства и населения колоссальными предприятиями, и разрушение обветшалых традиций патриархального быта и создание подвижности населения, и повышение уровня потребности и развития работника, — все это элементы того капиталистического процесса, который все более и более обобществляет производство страны, а вместе с тем и участников производства.

По вопросу об отношении крупной машинной индустрии в России к внутреннему рынку для капитализма изложенные выше данные приводят к такому выводу. Быстрое развитие фабричной промышленности в России создает громадный и все увеличивающийся рынок на средства производства (строительные материалы, топливо, металлы и пр.), увеличивает особенно быстро долю населения, занятого изготовлением предметов производительного, а не личного потребления. Но и рынок на предметы личного потребления быстро увеличивается вследствие роста крупной машинной индустрии, которая отвлекает все большую и большую долю населения от земледелия к торгово-промышленным занятиям.

---

7. Образование внутреннего рынка.

а) Рост употребления наемного труда.

(Н. Ленин, „Развитие капитализма в России“, п. III, гл. VIII. Собр. соч. т. III, стр. 473 — 474.)

В вопросе о развитии капитализма едва ли не наибольшое значение имеет степень распространения наемного труда. Капитализм, это — та стадия развития товарного производства, когда и рабочая сила становится товаром. Основная тенденция капитализма состоит в том, чтобы все рабочие силы народного хозяйства применялись к производству лишь после продажи-купли их предпринимателями.

Как проявлялась эта тенденция в пореформенной России, мы старались подробно рассмотреть выше и теперь должны подвести итоги по этому вопросу. Подсчитаем вместе приведенные в предыдущих главах данные о числе продавцов рабочей силы.

Продавцов рабочей сиды поставляет рабочее население страны, участвующее в производстве материальных ценностей. Считают, что это население составляет около $15^1/_2$ миллионов взрослых рабочих мужского пола. Во II главе было показано, что низшая группа крестьянства представляет из себя не что иное, как сельский пролетариат; при этом было отмечено, что формы продажи рабочей силы этим пролетариатом будут разобраны ниже. Подведем теперь итог перечисленным в предыдущем изложении разрядам наемных рабочих: 1) сельско-хозяйственные наемные рабочие. Число их — около $3^1/_2$ милл. (по Европейской России); 2) фабрично-заводские, горные и железнодорожные рабочие — около $1^1/_2$ милл. Итого 6 миллионов профессиональных наемных рабочих. Далее, 3) строительные рабочие — около 1 миллиона; 4) рабочие, занятые в лесном деле (рубка леса и первоначальная обработка его, сплавка и т. д.), занятые земляными работами, сооружением железных дорог, работами по нагрузке и разгрузке товаров и вообще всякого рода „черными“ работами в индустриальных центрах. Их около 2 милл.; 5) рабочие, занятые капиталистами на дому, а также работающие по найму в обрабатывающей промышленности, не причисляемой к „фабрично-заводской промышленности“. Их около 2 милл.

Итого — около десяти миллионов наемных рабочих. Исключаем из них приблизительно $^1/_4$ на женщин и детей — остается $7^1/_2$ милл. наемных рабочих из взрослых мужчин, т.-е. около половины всего взрослого мужского населения, участвующего в производстве материальных ценностей [1]). Часть этой громадной массы наемных рабочих совершенно порвала с землею и живет исключительно продажей рабочей силы. Сюда относится громадное большинство фабрично-заводских (несомненно также горных и железнодорожных) рабочих, затем известная доля строительных, судовых рабочих и чернорабочих; наконец, немалая доля рабочих капиталистической мануфактуры и те жители earlyземледельческих центров, которые заняты домашней работой на капиталистов. Другая, большая, часть еще не порвала с землей, покрывает отчасти свои расходы продуктами своего земледельческого хозяйства на миниатюрном кусочке земли и образует, следовательно, тот тип наемных рабочих с наделом, который мы старались подробно обрисовать во II главе. В предыдущем изложении было уже показано, что вся это громадная масса наемных рабочих образовалась, главным образом, в пореформенную эпоху, и что она продолжает быстро возрастать.

---

[1]) Оговоримся, во избежание недоразумений, что мы отнюдь не претендуем на точную статистическую доказательность этих цифр, а хотим лишь примерно показать разнообразие форм наемного труда и многочисленность его представителей.

б) Образование внутреннего рынка на рабочую силу.

(Н. Ленин, „Развитие капитализма в России", п. IV, гл. VIII. Собр. соч. т. III, стр. 477 — 481.)

Чтобы резюмировать те данные, которые были приведены по этому вопросу в предыдущем изложении, мы ограничимся картиной передвижения рабочих по Европейской России. Такую картину дает нам издание департамента земледелия, основанное на показаниях хозяев. Картина передвижения рабочих даст общее представление о том, как именно складывается внутренний рынок на рабочую силу; пользуясь материалом названного издания, мы старались только различить передвижение земледельческих и неземледельческих рабочих, хотя на карте, приложенной к названному изданию и иллюстрирующей передвижение рабочих, и не приведено этого различия.

Главнейшее передвижение земледельческих рабочих следующее: 1) Из центральных земледельческих губерний на южные и восточные окраины. 2) Из северных черноземных губерний в южные черноземные губернии, из которых, в свою очередь, уходят рабочие на окраины. 3) Из центральных и земледельческих губерний в промышленные губернии. 4) Из центральных и юго-западных земледельческих губерний в район свекловичных плантаций (сюда идут даже отчасти рабочие из Галиции).

Главнейшие передвижения неземледельческих рабочих: 1) В столицы и большие города, главным образом, из неземледельческих, но в значительной степени и из земледельческих губерний. 2) В промышленный район на фабрики Владимирской, Ярославской и других губерний из тех же местностей. 3) Передвижение к новым центрам промышленности или к новым отраслям ее, к центрам промышленности не-фабричной и пр. Сюда относится движение: а) на свеклосахарные заводы юго-западных губерний; б) в южный горный район; в) на портовые работы (в Одессу, Ростов н/Д., Ригу и пр.); г) на разработку торфа во Владимирской и других губерниях; д) в Уральский горнопромышленный район; е) на рыбные промыслы (в Астрахань, к Черному и Азовскому морям и пр.); ж) на судовые, судоходные работы, на вырубку и сплав леса и т. п.; з) на работы железнодорожные и т. д.

Таковы те главные передвижения рабочих, которые отмечаются корреспондентами-нанимателями, как оказывающие более или менее существенное влияние на условия найма рабочих в разных местностях.

Внутренний рынок для капитализма и создается параллельным развитием капитализма в земледелии и в промышленности, образованием класса сельских и промышленных предпринимателей, с одной стороны, сельских и промышленных наемных рабочих — с другой стороны. Главные потоки передвижения рабочих показывают главные формы этого процесса, но далеко не все его формы: в предыдущем изложении было показано, что формы этого процесса различны

в крестьянском и помещичьем хозяйстве, различны в различных районах торгового земледелия, различны на различных стадиях капиталистического развития промышленности и т. д.

в) Внешний или внутренний рынок.

(Н. Ленин, „Развитие капитализма в России“, п. V, гл. VIII. Собр. соч., т. III, стр. 484—486.)

Возникает, естественно, вопрос, где же граница между внутренним и внешним рынком? Взять политическую границу государства было бы слишком механическим решением, да и решение ли это? Если Средняя Азия — внутренний рынок, а Персия — внешний, то куда отнести Хиву и Бухару? Если Сибирь — внутренний рынок; а Китай — внешний, то куда отнести Манчжурию? Подобные вопросы не имеют важного значения. Важно то, что капитализм не может существовать и развиваться без постоянного расширения сферы своего господства, без колонизации новых стран и втягивания некапиталистических старых стран в водоворот мирового хозяйства. И это свойство капитализма с громадной силой проявлялось и продолжает проявляться в пореформенной России.

Следовательно, процесс образования рынка для капитализма представляет две стороны, именно: развитие капитализма вглубь, т.-е. дальнейший рост капиталистического земледелия и капиталистической промышленности в данной, определенной и замкнутой территории, — и развитие капитализма вширь, т.-е. распространение сферы господства капитализма на новые территории. По плану настоящей работы, мы ограничились почти исключительно первой стороной процесса, и поэтому считаем особенно необходимым подчеркнуть здесь, что другая сторона его имеет чрезвычайно важное значение. Сколько-нибудь полное изучение процесса колонизации окраин и расширения русской территории, с точки зрения развития капитализма, потребовало бы особой работы. Нам достаточно отметить здесь, что Россия находится в особенно выгодных условиях сравнительно с другими капиталистическими странами вследствие обилия свободных и доступных колонизаций земель на ее окраинах. Не говоря уже об Азиатской России, мы имеем и в Европейской России такие окраины, которые — вследствие громадных расстояний и дурных путей сообщения — крайне еще слабо связаны в хозяйственном отношении с центральной Россией. Возьмем, например, „дальный север“ — губернию Архангельскую; необъятные пространства земли и природных богатств эксплоатируются еще в самой ничтожной степени. Один из главных местных продуктов — лес — шел до последнего времени, главным образом, в Англию. В этом отношении, следовательно, данный район Европейской России служил внешним рынком для Англии, не будучи внутренним рынком для России. Русские предприниматели, конечно, завидовали английским, и теперь, с проведением железной дороги до Архангельска, они ликуют, предвидя „подъем духа и предпринимательскую деятельность в разных отраслях промышленности края“.

8. „Миссия“ капитализма.

(Н. Ленин, „Развитие капитализма в России“, п. VI, гл. VIII. Собр. соч., т. III, стр. 486—489.)

а) Повышение производительных сил.

Нам остается еще, в заключение, подвести итоги по тому вопросу, который получил в литературе название вопроса о „миссии“ капитализма, т.-е. об его исторической роли в хозяйственном развитии России. Признание прогрессивности этой роли вполне совместимо (как мы старались подробно показать на каждой ступени нашего фактического изложения) с полным признанием отрицательных и мрачных сторон капитализма, с полным признанием неизбежно свойственных капитализму глубоких и всесторонних общественных противоречий, вскрывающих исторически-преходящий характер этого экономического режима. Именно народники, которые тщатся из всех сил представить дело так, будто признавать историческую прогрессивность капитализма значит быть апологетом его, именно народники грешат недостаточной оценкой (а подчас и замалчиванием) наиболее глубоких противоречий русского капитализма, затушевывая разложение крестьянства, капиталистический характер эволюции нашего земледелия, образование класса сельских и промысловых наемных работников с наделом, затушевывая полное преобладание низших и худших форм капитализма в пресловутой „кустарной“ промышленности.

Прогрессивную историческую роль капитализма можно резюмировать двумя краткими положениями: повышение производительных сил общественного труда и обобществление его. Но оба эти факта проявляются в весьма разнообразных процессах в различных областях народного хозяйства.

Развитие производительных сил общественного труда наблюдается с полной рельефностью лишь в эпоху крупной машинной индустрии. До этой высшей стадии капитализма сохранялось еще ручное производство и первобытная техника, которая прогрессировала чисто стихийным путем и с чрезвычайной медленностью. Пореформенная эпоха резко отличается в этом отношении от предыдущих эпох русской истории. Россия сохи и цепа, водяной мельницы и ручного ткацкого станка стала быстро превращаться в Россию плуга и молотилки паровой мельницы и парового ткацкого станка. Нет ни одной отрасли народного хозяйства, подчиненной капиталистическому производству, в которой бы не наблюдалось столь же полного преобразования техники. Процесс этого преобразования, по самой природе капитализма, не может идти иначе, как среди ряда неравномерностей и непропорциональности: периоды процветания сменяются периодами кризисов, развитие одной отрасли промышленности ведет к упадку другой, прогресс земледелия захватывает в одном районе — одну, в другом — другую сторону сельского хозяйства, рост торговли и промышленности обгоняет рост земледелия и т. д. Целый ряд ошибок народнических писателей проистекает из их попыток доказать, что это непропорциональное, скачкообразное, азартное развитие не есть развитие.

Другая особенность развития капитализмом общественных производительных сил состоит в том, что рост средств производства (производительного потребления) далеко обгоняет рост личного потребления: мы указывали не раз, как проявляется это в земледелии и в промышленности. Эта особенность вытекает из общих законов реализации продукта в капиталистическом обществе и находится в полном соответствии с антагонистической природой этого общества.

б) Обобществление труда.

Обобществление труда капитализмом проявляется в следующих процессах. Во-первых, самый рост товарного производства разрушает свойственную натуральному хозяйству раздробленность мелких хозяйственных единиц и стягивает мелкие местные рынки в громадный национальный (а затем мировой) рынок. Производство на себя превращается в производство на все общество, и чем выше развит капитализм, тем сильнее становится противоречие между этим коллективным характером производства и индивидуальным характером присвоения. Во-вторых, капитализм создает на место прежней раздробленности производства невиданную раньше концентрацию его как в земледелии, так и в промышленности. Это — наиболее яркое и наиболее рельефное, но отнюдь не единственное проявление рассматриваемой особенности капитализма. В-третьих, капитализм вытесняет те формы личной зависимости, которые составляли неотъемлемую принадлежность предшествующих систем хозяйства. В России прогрессивность капитализма в этом отношении сказывается особенно резко, так как личная зависимость производителя существовала у нас (отчасти продолжает существовать и по-днесь) не только в земледелии, но и в обрабывающей промышленности („фабрики" с крепостным трудом), и в горнозаводской промышленности, и в рыбной промышленности и пр. По сравнению с трудом зависимого или кабального крестьянина, труд вольнонаемного рабочего представляет из себя во всех областях народного хозяйства явление прогрессивное. В-четвертых, капитализм необходимо создает подвижность населения, которая не требовалась прежними системами общественного хозяйства, и была невозможна при них в сколько-нибудь широких размерах. В-пятых, капитализм уменьшает постоянно долю населения, занятого земледелием (в котором всегда господствуют наиболее отсталые формы общественно-хозяйственных отношений), увеличивает число крупных индустриальных центров. В-шестых, капиталистическое общество увеличивает потребность населения в союзе, в объединении и придает этим объединениям особый характер, сравнительно с объединениями прежних времен. Разрушая узкие, местные, сословные союзы средневекового общества, создавая ожесточенную конкуренцию, капитализм в то же время раскалывает все общество на крупные группы лиц, занимающих различное положение в производстве, и дает громадный толчок объединению внутри каждой такой группы. В-седьмых, все указанные изменения старого хозяйственного строя капитализмом неизбежно ведут также и к изменению духовного облика населения.

Скачкообразный характер экономического развития, быстрое преобразование способов производства и громадная концентрация его, отпадение всяческих форм личной зависимости и патриархальности в отношениях, подвижность населения, влияние крупных индустриальных центров и т. д., — все это не может не вести к глубокому изменению самого характера производителей, и мы имели уже случай отметить соответствующие наблюдения русских исследователей.

в) Рост и концентрация хлопчато-бумажной промышленности в 1866 и 1879 г.г.

(Из работы Н. Масленникова, „К вопросу о развитии фабричной промышленности в России", в т. 6 „Записок Русского Геогр. О-ва". Спб., стр. 255 и след.)

Фабрики с количеством рабочих.

Годы.	5 т. и более.		От 1 до 5.		От 500 до 1 т.		От 100 до 500.	
	Число фабр.	Число рабоч.	Число фабр.	Число рабоч.	Число фабр.	Число рабоч.	Число фабр.	Число рабоч.
1866 г. .	—	—	26	40.840	27	18.059	115	23.092
1879 „ . .	1	8.946	40	83.583	44	32.591	118	28.217

9. Сумма годового производства некоторых отраслей промышленности и ввоза соответствующих изделий в 1860 и 1876 г.г.

(В. Покровский, „К вопросу об устойчивости активного баланса. Его же, „Сборник", т. 1, стр. 218, 222, 232, 279, 280, 290, 296 и 297.)

Отрасли промышленности.	1860 г. Производство.	1861—1865 г.г. Ввоз.	1876 г. Производство.	1876—1880 г.г Ввоз.
	В миллионах рублей			
Бумажная пряжа. . . .	28,7	2,8	44,2	18,1
Хлопчато - бум. изделия	42,9	5,9	96,3	7,6
Шерстяная пряжа. . .	0,45	3,6	2,5	12,8
Шерстяные издел. . .	34,9	3,5	52,7	11,4
Машины	14,0	7,4	43,4	51,1
	В миллионах пудов.			
Нефть	0,6	—	10,9	—
Каменный уголь . . .	7,3	59,2	111,3	—
Чугун	18,2 }	5,0 в 1860 г.	25,5 }	—
Железо	11,7 }		17,1 }	
Сталь	0,1		1,1	

10. Накопление русского и иностранного капитала.

(М. Туган-Барановский, „Русская фабрика в прошлом и настоящем")

У нас долгое время господствовало представление, будто росту капиталистического способа производства в России препятствует недостаток рынка. Этот взгляд является типичным примером, к каким несообразностям может приводить плохо понятая теория. Фактическим опровержением его является общеизвестный факт притока в Россию иностранных капиталов. Действительно, если бы в России рынок для продуктов капиталистической индустрии был ограниченнее, чем в Западной Европе, то поток капиталов должен был бы быть из России в Западную Европу, ибо капитал, как и всякий товар, ищет наиболее выгодного рынка. Высокая норма прибыли, господствующая в России, является неоспоримым доказательством несостоятельности вышеназванного взгляда. Только крайняя степень доктринерства, игнорирующего реальные факты жизни, могла вызвать мнение об отсутствии рынка для продуктов капиталистической индустрии в той стране, в которой барыши крупных капиталистов промышленных предприятий достигают иногда 100% в год (как это имело место по отношению к некоторым металлургическим заводам Донецкого бассейна), и где 20% дивиденда не представляют ничего исключительного для акционерных предприятий. Не подлежит ни малейшему сомнению, что ни в одной европейской стране рыночные условия не складываются так благоприятно для роста капиталистической промышленности, как в России, — и доказательством этого является то, что ни одна европейская страна не представляет собой такого заманчивого места для помещения иностранных капиталов, как Россия. Высокая норма прибыли в России непререкаемо свидетельствует об обширности русского рынка.

Эта высокая норма прибыли всегда сопутствует первым шагам капиталистического производства и зависит, главным образом, от того, что, пока капиталистическое производство не становится господствующей формой промышленности, до тех пор прибыль капиталистического производителя заключает в себе долю ценности, извлекаемой не только из производственного процесса (как в развитом капиталистическом хозяйстве), но также и из процесса продажи. Так, например, огромные барыши наших металлургических заводов основываются не на крайней эксплоатации занятых в металлургических заводах рабочих (или, по крайней мере, не только на этой эксплоатации), но, главным образом, на крайней эксплоатации покупателя. Население обложено своего рода данью в пользу немногих крупных капиталистов, — в этой дани, платимой всеми покупателями, без различия класса и общественного положения, кроется источник этих колоссальных барышей. Но откуда же возникает необходимость для покупателя уплачивать эту дань? Почему цена на чугун так мало соответствует его относительной трудовой ценности? Потому, что

количество чугуна, имеющегося на русском рынке, слишком мало сравнительно со спросом на этот продукт. Предложение продуктов нашей капиталистической индустрией далеко не достигает спроса — рынок слишком мало заполнен этими продуктами, — и это дает возможность продавать эти продукты по цене, дающей огромные барыши.

Русский промышленный капитал питается не только соками эксплоатируемых им рабочих, но и соками других, некапиталистических, произведений, прежде всего земледельца - крестьянина. Земледелец, который покупает плуг или косу по цене вдвое высшей стоимости производства, еще больше участвует в создании высокой нормы прибыли Юзов, Коккерилей и прочих владельцев металлургических заводов, чем их собственные рабочие.

В этой возможности стричь овец, так сказать, вдвойне, жечь свечу с обоих концов, и заключается секрет привлекательности России для иностранных капиталистов. В России продавец-капиталист находится в привилегированном, монопольном положении, которое не может не утратиться с дальнейшим ростом капиталистического производства. Рынок для капиталистической промышленности складывается всего благоприятнее в таких странах, в которых, как в России, при обилии естественных богатств масса населения еще не порвала с прежними архаическими формами хозяйства.

Прилив иностранных капиталов и иностранной предприимчивости явился могучим стимулом нашего промышленного развития последнего времени. В нашей металлургической промышленности повторяется теперь то же, что раньше имело место в других отраслях производства, освободившихся теперь от владычества иноземного капитала и ставших достоянием „отечественных“ капиталистов. Наиболее прочно укоренившеюся отраслью капиталистической индустрии может считаться у нас хлопчатобумажная промышленность, представители которой (Морозовы, Крестовниковы и др.) выступают обыкновенно во главе „всероссийского“ купечества во всех тех случаях, когда наш отечественный торгово-промышленный капитал обращается за какой-нибудь новой поддержкой к государству. Однако, и в этой, казалось бы, вполне национальной отрасли нашего капитализма пионерами и „насадителями“ явились те же иностранцы. Не восходя уже в глубь времен, к началу нашей хлопчатобумажной промышленности в конце прошлого века, еще так недавно полновластным владыкой хлопчатобумажного прядильно-ткацкого производства был немецкий выходец Л. Кноп. В интересной брошюре „Контора Кноп и ее значение“ (СПБ. 1895) сообщается много весьма любопытных подробностей о совершенно исключителяной роли этой конторы в нашем мануфактурном мире в течение нескольких десятилетий. Контора Кноп была долгое время почти единственным посредником по приобретению из Англии хлопчатобумажных прядильно-ткацких машин, и на этом основалось ее значение. Почти все хлопчатобумажные фабрики центрального промышленного района России были выстроены конторой Кноп, владелец которой скоро сделался важнейшим акционером целого ряда фабрик.

Устройство и оборудование новых фабрик производилось при посредстве этой конторы весьма просто. Процесс заказа и сооружения фабрики обыкновенно происходил так:

„Надумал фабрикант строить ту или другую фабрику, — читаем в названной брошюре, — и является с почтительным видом в контору, куда уже ранее наведывался, будут ли с ним иметь дела и впредь. Одного его имени конторе достаточно, чтобы тотчас справиться: какая у него фабрика, не было ли провинности по отношению конторы, сколько у него и его жены денег, где положены, сколько его фабрика приносит дохода или убытка. Само собою разумеется, что такой фабрикант удостоится приема только в том случае, когда справка благоприятна".

„Окончательные переговоры вел сам Роман Романович (управляющий конторой) и окончательная резолюция его выражалась словами: „хорошо, мы тебе построим фабрику". Обрадованный фабрикант в таких случаях иногда осмеливался заметить, что он-де слышал о кое-каких новостях или усовершенствованиях, и просить, чтобы это было введено в новую фабрику, но всегда получал сердитый ответ: „это не твое дело, в Англии лучше тебя знают".

„Таким образом, фабрика заказана, заказчик получал свой номер в списках конторы, и тогда контора сообщала своему агентству в Англии, что для такого-то № в России следует оборудовать такую-то фабрику... Получив из Англии все чертежи и указания, как по расположению машин и орудий, так и по их движению, контора отсылает их в том виде, как получила, на строящуюся фабрику, если там находятся директора англичане, которым будет поручена новая фабрика; если же таких англичан нет, то вручает все это вновь назначенному ею же самою директору... Как только стройка подвигалась к концу, появлялись английские машины в полном ассортименте, а с ними и английские монтеры. Последние были совершенно независимы не только от директоров и механиков фабрик, но и от конторы Кноп. По делам своим они переписывались лично каждый с своим заводом".

Кроме участия в качестве пайщика или акционера во многих фабриках фирма Кноп имеет свои собственные, в том числе первую в России по технической высоте и размеру производства, Кренгольмскую мануфактуру около Нарвы. По словам Шульце-Геверница, Кренгольмская бумагопрядильня величайшая в свете. Она имеет более 400.000 веретен и представляет собой, по словам того же автора „уголок Англии на русской почве". Шульце--Геверниц полагает, что издержки производства в Кренгольме не выше, чем на германских фабриках. Вообще Кренгольмская мануфактура в техническом отношении не уступает лучшим германским бумагопрядильням

---

11. Денежная и реальная оплата труда в промышленности 80-х годов XIX в.

(Е. М. Дементьев, „Фабрика, что она дает населению и что она у него берет". — Цитировано по „Хрестоматии по истории хозяйства России" А. М. Большакова и Н. А. Рожкова.)

Мы выяснили количество труда наших фабричных рабочих, но неизбежно напрашивается вопрос: что же, велик или слаб этот труд? следует ли желать сокращения или сохранения его в дальнейшем развитии нашей фабричной промышленности? Гигиена не дает, да и не может дать никакой определенной нормы количества труда при той бесконечности всевозможных, не всегда уловимых условий, от которых именно эта норма и зависит. Умеренное количество труда, не истощающее сил организма, с надлежащим отдыхом для восстановления его потерь — это такая растяжимая формула, которая допускает множество цифровых решений, смотря по тому, какие величины будут подставлены в уравнение под все знаки, которыми означены гигиенические условия труда. Поэтому мы выберем другой путь оценки количества труда — путь сравнения его с трудом в других странах.

Предположим пока, что вся совокупность труда, т.-е. санитарные условия — простор или теснота помещений, качество воздуха в них, степень чистоты содержания и т. д. и т. д. — одинаковы, и сравним прежде всего количество суточной работы (см. стр. 88).

Сравнение денежной заработной платы само по себе еще ничего не говорит и, напротив, может даже привести к ошибочным заключениям, если не принята в расчет покупная сила денег, в различных странах различная. Только при этом последнем условии может выясниться, в какой мере эта денежная плата обеспечивает существование рабочего, и каково различие в самом понятии об „обеспечении существования" в различных странах. Мы следовали этому способу сравнения, насколько позволяет собранный нами статистический материал, но, конечно, наше сравнение не может претендовать на ту полноту, какая была бы желательна в этом вопросе, но какая посильна лишь целым учреждениям, а никак не одному лицу.

Сопоставим прежде всего месячную заработную плату (см. стр. 89).

Как по отдельным производствам, так и в средних величинах для всех рабочих без различия производств, плата как в Англии, так и в особенности в Америке превосходит русскую вдвое, втрое, даже впятеро. В особенности резка разница для мужчин; она значительно меньше для подростков, еще меньше для женщин и, наконец, меньше всего для малолетних. Для последних, впрочем, разница обнаруживается лишь по сравнению с платой в Америке; в Англии месячный заработок малолетних, повидимому, даже ниже, чем у нас. Месячная выработка каждого рабочего без различия пола и возраста в среднем выше, чем у нас: в Англии в $2^1/_4$ раза, в Америке же в $4^1/_4$ раза. Отношения эти выражаются в следующих цифрах (см. стр. 90):

ПРОИЗВОДСТВА.	Число рабочих часов в неделю у нас.	Число рабочих часов в неделю в Англии.	Количество работы у нас, принимая его в Англии за 100.
Бумагопрядильно-ткацкое (машинное)	73 и 81	56½	129—141
Отбельно-красильно-отделочное и ситценабивное	64—82	55—60	116—136
Суконное и шерстопрядильн. (аппаратное и гребенное)	$72^1/_2$ и 82	54—59	134—138
Шелковое	72—81	54—60	133—135
Чугунолитейное и железоделательное	76—79	54	141—146
Машиностроительно-вагонное	68	54	126
Кожевенное	64—77	54—59	118—130
Канатное	72 и 93	56—56½	128—165
Химическое	64—79	60—70	106—113
Писчебумажное для сменных	78	69—72	113—108
Писчебумажное для денных	60	57	105
Пивоварное	66—69	57	116—121
Кирпично-гончарное	72—76	57	126—133
Фарфорово-фаянсовые, отделения:	в	с у т	к и
Точильные и капсульные	$11^1/_2$—14	8—8½	144—165
Живописные	$11^1/_2$—$13^1/_2$	7—9	164—150
Подавальные	9—$12^1/_2$	9—10	100—125
Машинные	$10^1/_2$—$14^1/_2$	8½—9	123—161

Средние месячные заработки в Московской губ., в Англии и в Америке, в рублях.

			Мужчин.	Женщин.	Подростков.	Малолетних.
Бумагопрядильно-самоткацкое производство		Московская губ.	13,58	11,07	7,21	5,87
		Англия	41,48	25,31	14,63	4,89
		Массачусетс	52,11	32,60	23,65	18,67
Отбельно-красильно-отделочное и ситценабивное производство		Московская губ.	13,88	6.51	6,80	5,48
		Англия	33,92	18,08	17,32	5,36
		Массачусетс	55,42	29.15	25,60	18,28
Шерстопрядильно-суконное производство	По аппаратной пряже	Московская губ.	14,87	7,39	6,93	5,14
		Англия	42,14	17,56	11,56	—
		Массачусетс	42,34	36,13	27,23	21,04
	По гребенной пряже	Англия	34,04	18,75	14,98	4,47
		Массачусетс	48,71	33,65	20 97	17,54
Машиностроительное производство		Московская губ.	23,34	—	9,87	—
		Англия	44,50	—	13,91	—
		Массачусетс	66,48	28,54	31,71	29,23
Среднее для всех производств		Московская губ.	14,16	10,35	7,27	5,08
		Англия	21,12	18,59	13,22	4,33
		Массачусетс	65,46	33,62	28,15	21,04

	Месячный заработок в рублях.	Выше нашего на
Московская губ.	11,89	—
Англия	26,64	124,05%
Массачусетс	56,97	379,14%

Однако, сравнение месячного заработка не дает еще никакого понятия о действительной ценности труда в сравниваемых трех странах, так как количество труда, за который получается эта плата, совершенно различно. Мы видели выше, что, несмотря на большее количество рабочих дней в году, годовая сумма часов работы в Америке ниже, чем у нас, и еще ниже она в Англии. Среднее количество труда в месяц, по числу часов работы, выражается такими цифрами:

В Московской губ.	284,6
„ Англии	334,7
„ Массачусетсе	255,7

Очевидно, следовательно, что правильное сравнение для выяснения цены труда возможно лишь при составлении платы за час работы. Вычисляя величину оплаты труда за каждый час работы для Англии и Америки непосредственно по недельным их данным, для наших же рабочих по нашим месячным данным, мы получим следующую таблицу (см. стр. 91):

Выражая более дорогую оплату труда в Англии и в Америке в процентах на стоимость труда у нас, мы получим, что в среднем, без различия производств, плата в Англии и в Массачусетсе для мужчин, женщин, подростков и малолетних выше, чем у нас, на следующие величины:

	Мужчины.	Женщины.	Подростки	Малолетние.
В Англии	283,6	114,0	116,4	1,6
„ Массачусетсе	404,9	254,3	321,8	352,5

---

12. Таможенная политика 60—70-х г.г.

(Из ст. В. Мукосеева.)

Умеренный таможенный тариф 1868 г., облегчив доступ иностранных товаров в Россию, натолкнулся на крупную металлическую задолженность и на бумажную валюту, которые тянули наш баланс в сторону пассива. Рост импорта, благодаря спросу на строительные материалы для железных дорог и фабрик, а также и на предметы потребления благодаря развитию внутренней торговли, — не угрожал бы нашему балансу, если бы не существовал государственный долг, и если бы оплата процентов по займам была не велика. Платить по займам, значительнейшая часть которых была размещена за гра-

Средняя оплата труда за час работы в Московской губ., в Англии и в Америке.

ПРОИЗВОДСТВА			Заработная плата в копейках:				
			Мужч.	Женщ.	Мало-летних.	Под-ростков.	Средняя для всех.
Бумагопрядильно-самоткацкое.		Московская губ.	4,69	3,82	2,49	2,02	3,97
		Англия	17,72	10,81	6,25	2.09	10,78
		Массачусетс	20,33	12,75	9,25	7,30	13,93
Отбельно - красильно - отделочное и ситценабивное.		Московская губ.	8,87	2,28	2,38	1,92	4,15
		Англия	18,76	7,72	7,40	2,29	11,86
		Массачусетс	21.70	11,40	10,01	7,15	18,73
Шерстопрядильно - суконное	По аппаратной пряже.	Московская губ.	5,41	2,69	2,52	1,87	4,07
		Англия	18,00	7,50	4.94	—	11,25
		Массачусетс	16,56	14,13	10,65	8,23	14,90
	По гребенной пряже.	Англия	14,54	8,01	6,40	1,91	8,33
		Массачусетс	19,05	13,16	8,20	6,86	15,81
Машиностроительное.		Московская губ.	6,60	—	0,30	—	6,22
		Англия	19,01	—	5,94	—	17,17
		Массачусетс	26,18	11,06	12,52	11,54	25,56
Среднее для всех производств		Московская губ.	5,07	3,71	2,61	1,82	4,26
		Англия	19,45	7,94	5,65	1,85	16,38
		Массачусетс	25,60	13,15	11,01	8,23	22,28

ницей, приходилось много (около 300 милл. руб.), и не бумажными деньгами, ходившими с крупным лажем, а золотом, что означало увеличение этих платежей на 10 — 14%.

В результате, несмотря на быстрое возрастание хлебного отпуска, баланс начинает склоняться не в пользу России.

Годы.	Сальдо торгового баланса.	Перевес отпуска золота и серебра над привозом.
	В тысячах рублей.	
1851 — 1860	+ 12.470	6.805
1861 — 1870	+ 9.370	20.387
1871 — 1880	— 42.750	16.333

Как видим, начиная с 50-х годов, отлив драгоценных металлов происходит непрерывно, а в 70 — 80-х годах усугубляется еще крупным пассивом в балансе.

Что случилось? Почему одновременно с пассивностью баланса драгоценные металлы уплывали за границу?

Это объясняется, во-первых, возрастанием задолженности, обусловленной войнами (крымская и турецкая); во-вторых, тарифом 1868 г. Для усиления финансовых рессурсов правительство, между прочим, реформирует таможенный тариф. Пониженные таможенные пошлины, привлекая иностранные товары в больших количествах, должны были повысить таможенный доход. Так и случилось. Но, с другой стороны, развитие железнодорожного строительства, промышленности и торговли форсировали импорт, который был поэтому плюсом для бюджета и минусом для баланса. При большой металлической задолженности, когда торговый баланс имеет целью уравновесить международные ликвидационные расчеты, и при господстве бумажной валюты, разбивающей всякие бюджеты и хозяйственные предположения, хронический пассив в балансе является смертоносным орудием разрушения государственного и народного хозяйства.

Возрастающая пассивность баланса, достигшая в 1875 году 162,2 милл. руб., с одной стороны, и потребность в новых займах, — с другой, толкнули правительство в лагерь протекционизма.

---

13 Рост оборотов на Нижегородской и Ирбитской ярмарках.

(Из статьи В. Мукосеева.)

Обращаясь к рассмотрению нашего внутреннего товарного рынка, следует заметить, что его развитие шло параллельно развитию рынка сельско-хозяйственного. Отправным моментом в развитии нашего внутреннего торга служила денежная форма обмена, приобретавшая

все большее и большее значение в зависимости от роста железнодорожной сети, революционизировавшей старый экономический уклад.

Внутренняя торговля товарами фабрично-заводского производства в период 1865 — 1880 г.г. складывалась под влиянием целого комплекса причин, к числу которых следует прежде всего отнести железнодорожное строительство, банковый коммерческий кредит и валютные преобразования.

Реализация железнодорожных займов, усиливая денежное обращение страны, способствовала оживлению торговли. По подсчету Блиоха с 1866 по 1875 г. израсходовано внутри страны на сооружение и эксплоатацию железных дорог 617,2 милл. руб., из коих только 64,3 милл. руб. были употреблены на покупку материалов заграничного происхождения.

С другой стороны, усовершенствованные способы доставки денег и товаров, банковые переводы и перевозки по железным дорогам, вместо прежних почтовых, гужевых и судоходных пересылок и перевозок, — привели к тому, что усилился темп обращения, расширилось потребление, которое распространилось как на предметы отечественной производительности, так и на привозные.

Внешним показателем этого могут служить цифры ярмарочных оборотов в Нижнем и Ирбите (в тыс. руб.).

Годы.	Нижегородская ярмарка. Привезено.	Нижегородская ярмарка. Продано.	Ирбитская ярмарка. Привезено.	Ирбитская ярмарка. Продано.
1851 — 1860 в среднем	77.511	69.783	34.000	28.400
1861 — 1870 „ „	119.443	104.804	42.400	38.800
1871 — 1880 „ „	168.116	149.392	—	—
1881 — 1890 „ „	199.905	187.127	61.500	56.700

Из этой таблицы видно, что ценность товаров (привезенных и проданных) на две важнейшие ярмарки России возросла чрезвычайно.

---

14. Развитие внешней торговли в 1860 — 1880 г.г.

(Н. Ленин, „Развитие капитализма в России“.)

Годы.	Число жителей в России без Финляндии в миллионах.	Ценность отпуска и привоза, вместе взятых, в милл. кредитн. рублей.	Ценность всего оборота внешней торговли на жителя в рублях.
1856 — 1860	69,0	314,0	4,55
1861 — 1865	73,8	347,0	4,70
1866 — 1870	79,4	554,2	7,00
1871 — 1875	86,0	831,1	9,66
1876 — 1880	93,4	1.054,8	11,29

---

15. Процентное отношение ценности товаров четырех основных групп к общей ценности вывоза и привоза по пятилетиям 1856—1895 г.г.

(В. И. Покровский, „К вопросу об устойчивости активного баланса русской внешней торговли“, стр. XIII.)

Пятилетия.	Вывоз. I. Жизненные припасы.	Вывоз. II. Сырье и полуобр. материал.	Вывоз. III. Животные.	Вывоз. IV. Изделия.	Привоз. I. Жизненные припасы.	Привоз. II. Сырье и полуобр. материал.	Привоз. III. Животные.	Привоз. IV. Изделия.
	В процентах.							
1856—1860	37,13	54,49	1,12	7,26	30,38	40,32	2,36	26,94
1861—1865	35,16	56,28	1,29	7,27	34,22	39,71	2,54	23,53
1866—1870	41,65	49,61	2,53	6,11	23,29	45,39	0,72	30,60
1871—1875	50,48	43,32	2,88	2,82	23,99	46,25	0,26	29,51
1876—1880	57,84	36,82	3,16	2,18	23,09	49,50	0,22	27,19

16. Капитал

вновь основываемых акционерных предприятий в России.

(М. Большаков и Н. Рожков, „Хрестоматия по истории хозяйства России“.)

Годы.	Основной капитал.	Годы.	Основной капитал.
1860	6.169.000 руб.	1881	50.225.000 руб.
1861	5.550.000 „	1882	42.310.000 „
1862	2.000.000 „	1883	41.700.000 „
1863	850.000 „	1884	46.175.000 „
1864	2.900.000 „	1885	38.460.000 „
1865	7.450.000 „	1886	20.610.000 „
1866	4.180.000 „	1887	24.170.000 „
1867	3.720.000 „	1888	46.165.000 „
1868	10.545.000 „	1889	45.955.000 „
1869	6.140.000 „	1890	63.415.000 „
1870	23.450.000 „	1891	27.495.000 „
1871	30.779.000 „	1892	25.202.000 „
1872	61.945.000 „	1893	61.113.000 „
1873	86.857.000 „	1894	59.550.000 „
1874	51.130.000 „	1895	129.363.000 „
1875	37.040.000 „	1896	232.640.000 „
1876	38.748.000 „	1897	239.324.000 „
1877	25.894.000 „	1898	256.237.000 „
1878	8.702.000 „	1899	430.879.000 „
1879	28.455.000 „	1900	336.833.000 „
1880	51.165.000 „		

17. Банковое дело в России.

(Из статьи В. Мукосеева.)

До отмены крепостного права, до железнодорожного строительства, когда торговые обороты были невелики и медлительны, кредит не мог получить широкого развития. С другой стороны, тогдашние политические условия исключали возможность широкой постановки кредита.

Старые кредитные учреждения — Ассигнационный банк (1769—1848 г.г.), Заемный банк (1768 г.), сохранные и ссудные казны (1772 г.) и Коммерческий банк (1817 — 1860 г.г.), — находясь в руках правительства, монополизировали все кредитное дело. Никакого существенного влияния на торговлю и промышленность они не оказывали, так как вся деятельность их сводилась к поддержке дворянского землевладения и к предоставлению рессурсов правительству.

К концу 50-х годов, когда кредитные учреждения представляли из себя живописные руины, в самый разгар банкового кризиса учреждается комиссия для выработки основных принципов новой банковой политики, соответственно новым потребностям и условиям хозяйственного строя. Комиссия пришла к заключению о необходимости устройства частных банков и ликвидации старых кредитных установлений.

В 1860 г., указом 31 мая, учреждается Государственный банк „для оживления торговых оборотов и упрочения денежной и кредитной системы“, при чем на него возложены были „платеж процентов и возврат капитала по вкладам, внесенным в бывшие кредитные установления“. Выполнения столь серьезных функций предполагалось достигнуть при помощи ничтожного основного капитала в 15 милл. руб. Поэтому, несмотря на более рациональную постановку коммерческих операций, вся деятельность банка в первое время его существования свелась к удовлетворению интересов клиентов дореформенных кредитных установлений:

На 1 января.	Затраты за счет казны, милл. руб.	Коммерч. затраты, милл. руб.
1863 — 1867	169,7	59,8
1867 — 1872	160,0	79,2
1873 — 1877	116,2	136,8

С другой стороны, интимная близость банка к правительству отодвигала экономические задачи банка на второй план, так что выпуски бумажных денег, производимые этим учреждением, совершались за счет казначейства (тыс. руб.):

Годы.	Разменный фонд.	Беспроц. долг госуд. казнач.	Кредитные билеты, выпущ. в обращ.
1860 — 1864	89.495	597.367	686.886
1865 — 1869	117.729	588.304	686.033
1870 — 1874	192.607	566.086	758.693
1875 — 1879	189.602	552.457	740.817
1880 — 1884	171.472	545.042	716.515

Таким образом, влияние правительства на ход банковой деятельности было чрезвычайно сильным. Такое преобладание в центральном банке административного элемента над экономическим накладывало на всю нашу кредитную организацию и денежный рынок специфический отпечаток.

Развитие частных банков и других кредитных учреждений совершалось при неусыпной помощи правительства, часто бравшего на себя реализацию их обязательств. После краха старых казенных банков разрешено было учреждать частные банки коммерческого и ипотечного кредита. Эти последние, благодаря развитию торговли и промышленности, возникали очень быстро, особенно в период 1865—1875 г.г.; параллельно развитию частных банков растут и отделения Государственного банка.

Постепенный рост кредитных учреждений представляется в следующем виде: [1])

Годы.	Госуд. банк.	Акцион. банки.	О-ва взаимн. кредита.	Общественн. гор. банки.	Ссудо-сбер. товарищества.
1860	8	—	—	—	—
1861—1870	41	6	15	163	16
1871—1880	10	29	90	75	1.149
Итого .	59	35	105	238	1,165

18. Рост числа акционерных коммерческих банков.

(И. И. Левин. „Акционерные коммерческие банки в России“, т. I, стр. 193.

К 31 декабря.	Число банков.	К 31 декабря.	Число банков.
1864 г.	1	1869 г.	6
1865 „	1	1870 „	12
1866 „	2	1871 „	15
1867 „	2	1872 „	29
1868 „	4	1873 „	39

Из этой таблицы ясна енденция к дальнейшему росту.

Следующие цифры [2]) наглядно показывают степень интереса к банковому учредительству. За период 1861—1893 г.г. было учреждено в акционерной форме:

---

[1]) Со времени передачи сберегательных касс в министерство финансов (1862) вплоть до 1890 г. развитие их шло медленно:

Годы.	Число касс.
1862	2
1872	66
1882	91

Цифры взяты из Отчета сберегательных касс за 1905 г., стр. IV.

[2]) „Вестник Финансов“, 1900, № 29.

	Число предприятий.	Сумма капитала.
Банков и кредитн. учрежд.	73	226,9 милл. руб.
Железных дорог	53	698,5 „ „
Пароходных обществ	15	7,3 „ „
Прядильных и ткацких	18	24,3 „ „
Прочих промышл. предприятий	136	6 „ „
„ торговых „	14	98,6 „ „
„ предприятий	57	48 „ „
	366	1.109,6 милл. руб.

Одновременно возникают и отделения банков:

К 31 декабря.	Число отделений.
1870 г.	4
1871 „	17
1872 „	24
1873 „	49

ЧАСТЬ ЧЕТВЕРТАЯ.

НАРОДНИЧЕСТВО

ГЛАВА I.

СТАРОЕ НАРОДНИЧЕСТВО.

1. Государственность и анархия.

(М. А. Бакунин, „Государственность и анархия" 1873 г. Прибавление А.).

Для предупреждения недоразумений считаем, однако, необходимым заметить, что то, что мы называем идеалом народа, ничего не имеет подобного с теми политически-социальными схемами, формулами и теориями, выработанными помимо народной жизни, досугом буржуазных ученых или полуученых и предлагаемыми милостиво невежественной народной толпе, как необходимое условие

---

[1]) М. А. Бакунин (1814—1876) вышел из богатой и родовитой дворянской семьи. Пробыв на военной службе два года, Бакунин вышел в отставку и поступил вольнослушателем в Московский университет. В Москве он близко сошелся с Белинским и Станкевичем и под влиянием последнего начал изучать Гегеля. В 1840 году Бакунин уезжает за границу и в Германии сближается с немецкими социалистами и революционерами, с этого времени и начинается в сущности революционная его деятельность. Высланный саксонским правительством, Бакунин переезжает в Швейцарию, а затем в Париж. С парижским периодом его жизни связано знакомство с Прудоном, Марксом и Энгельсом. Министерство Гизо, по требованию русского посланника, высылает Бакунина из Парижа, куда он мог вернуться лишь в 1848 г. Однако, правительство февральской революции нашло, что „Бакунин в первый день революции клад, а на второй его надо повесить", и отправило его с политической миссией к австрийским славянам. Бакунин принимает участие в пражском восстании, дерется на баррикадах в Дрездене и руководит защитой этого города. Приговоренный к смертной казни саксонским и австрийским правительствами, Бакунин выдан последним русскому правительству и меняет немецкие и австрийские тюрьмы на Петропавловскую и Шлиссельбургскую крепости, а затем попадает в сибирскую ссылку, откуда бежит в 1861 году. Во время польского восстания 1863 года Бакунин переезжает в Швецию и здесь пускает в ход все средства, чтобы доставить поддержку полякам, в надежде на то, что это восстание найдет себе отклик и в России. Через Нечаева Бакунин снова принимает непосредственное участие в русском революционном движении, а в 1871 году играет видную роль в Лионском восстании 1871 года и организации Лионской Коммуны.

Бакуниным были организованы в Швейцарии Международный Союз Социалистической Демократии (1868 г.), примкнувший к Интернациональному Обществу Рабочих, и Славянская Секция Интернационала (1872 г.). В основанном им журнале „Народное Дело" участие Бакунина ограничилось лишь первым номером.

их будущего устройства. Мы не имеем ни малейшей веры в эти теории, и самые лучшие из них кажутся нам прокустовыми кроватями, слишком узкими для того, чтобы охватить могучее и широкое раздолье народной жизни.

Наука, самая рациональная и глубокая, не может угадать формы будущей общественной жизни. Она может определить только *отрицательные* условия, логически вытекающие из строгой критики существующего общества. Таким образом, социально-экономическая наука при такой критике дошла до отрицания лично-наследственной собственности и, следовательно, до отвлеченного и, как бы сказать, *отрицательного* положения собственности коллективной, как необходимого условия будущего социального строя. Таким же путем дошла она до отрицания самой идеи государства и государствования, т.-е. управления обществом сверху вниз во имя какого бы то ни было мнимого права, богословского или метафизического, божественного или интеллигентно-ученого и вследствие того пришла к противоположному, а потому и отрицательному положению — к анархии, т.-е. к самостоятельной свободной организации всех единиц или частей, составляющих общины, и их вольной федерации между собою, снизу вверх не по приказанию какого бы то ни было начальства, даже избранного, и не по указаниям какой-либо ученой теории; а вследствие совсем естественного развития всякого рода потребностей, проявляемых самою жизнью.

Поэтому никакой ученый не в состоянии научить народ, не в состоянии определить даже для себя, как народ будет и должен жить на другой день социальной революции. Это определится, во-первых, положением каждого народа и, во-вторых, теми стремлениями, которые в них проявятся и будут сильнее действовать, отнюдь же не руководствами и уяснениями сверху и вообще никакими теориями, выдуманными накануне революции.

Нам известно, что в России теперь развилось целое направление так называемых народных учителей. Утверждают, что должно прежде всего научить народ, а когда он научится и поймет свои права и обязанности, тогда только можно его бунтовать. Тут сейчас же является вопрос, чему вы станете учить народ? Не тому ли, чего сами не знаете, не можете знать и чему сами должны прежде всего выучиться у народа?

В этом направлении или в этой далеко, впрочем, не новой партии необходимо различать две категории.

Самая многочисленная это — категория доктринеров, шарлатанов, большею частью и себя-надувателей, которые, не отказываясь ни от каких удовольствий и выгод, доставляемых существующим обществом привилегированному и богатому меньшинству, вместе с тем хотят приобрести или сохранить репутацию людей, преданных в самом деле делу народного освобождения, а пожалуй, даже революционеров, — когда это не бывает сопряжено с слишком большими неудобствами. Таких господ в России появилось слишком много. Они учреждают народные банки, артели потребительные и производительные обще-

ства, занимаются, конечно, женским вопросом и именуют себя громко поборниками науки, позитивистами, а теперь марксистами. Общая черта, отличающая их, — это ничем не жертвовать, беречь и холить свои дорогие личности пуще всего, и вместе с тем желают слыть передовыми людьми во всех отношениях.

С этою категориею, как бы многочисленна она ни была, разговоры напрасны. До революции ее можно только разоблачать и срамить, а в революцию... ну, тогда, будем надеяться, что они сами пропадут.

Но есть другая категория, состоящая из молодых людей, честных, действительно преданных, и которые бросались в это направление, в последнее время, как бы с отчаяния, только потому, что им кажется, что при настоящих обстоятельствах другого дела и выхода нет. Мы не определим их ближе, боясь обратить на них внимание полиции, но те из них, которые прочтут эти строки, поймут, что слова наши обращены прямо к ним.

Именно их хотелось бы нас спросить, чему они намереваются учить народ? Хотят ли они преподать народу рациональную науку. Сколько нам известно, их цель не такова. Они знают, что правительство остановило бы на первом шагу всякого, кто захотел бы внести науку в народные школы, и знают, кроме того, что самому народу нашему, в его настоящем, слишком бедственном положении, совсем не до науки. Для того, чтобы сделать доступною для него теорию, надо переменить его практику, и прежде всего преобразовать радикально экономические условия его быта, вырвать его из повсеместной и почти поголовной голодной беды.

Каким же образом честные люди могут изменить экономический быт народа? Никакой власти у них нет, да и сама государственная власть, как мы это постараемся доказать ниже, бессильна исправить экономическое положение народа; единственно, что она может сделать для него, это — упраздниться, исчезнуть, так как ее существование несогласно с благом народным, могущим быть созданным только самим народом.

Что же могут сделать друзья народа? Возбудить его к самостоятельному движению и действию и прежде всего — утверждают именно добросовестные поборники того направления, о котором мы теперь говорили — указать ему пути и средства к его освобождению.

Пути и средства могут быть двоякого рода: чисто революционные, стремящиеся прямо к организации всенародного бунта и другие, более мирные, начинающие освобождение народа систематически медленным, но вместе с тем радикальным преобразованием его экономического быта. Этот второй метод, если ему хотят следовать искренно, исключает, разумеется, пошлую проповедь о сбережении, столь любимую буржуазными экономистами, по той простой причине, что чернорабочему народу вообще, и особенно нашему, сберегать решительно нечего.

Но что же могут сделать честные люди для того, чтобы толкнуть наш народ на этот путь медленных, но радикальных экономических

преобразований? Не откроют ли они в деревнях кафедры социологии? Во-первых, все то же отечески бдительное правительство не позволит; ну — а во-вторых, крестьяне ничего не поймут и насмеются над самим профессором; да, наконец, и сама социология наука будущая, в настоящее же время она несравненно богаче неразрешимыми вопросами, чем положительными ответами, не говорим уже о том, что нашим бедным мужикам заниматься ею, право, некогда, на них можно действовать только путем практики, отнюдь же не посредством теорий.

В чем же может состоять эта практика? Именно практика, ставящая себе главною, если не единственною целью — толкнуть всю огромную массу нашего крестьянства на путь самостоятельных экономических преобразований, в духе новейшей социологии. Она не может состоять ни в чем другом, как в образовании рабочих артелей и кооперативных обществ, ссудных, потребительных и производительных и по преимуществу последних, как идущих прямее других к цели, т.-е. к освобождению труда от господства буржуазного капитала.

Но возможно ли это освобождение при экономических условиях, преобладающих в настоящем обществе? Наука, опираясь на факты, а именно на целый ряд опытов, сделанных в продолжении последних двадцати лет в разных странах, решительно говорит нам — невозможно. Лассаль, которого мы, впрочем, далеко не последователи, доказал эту невозможность самым блестящим и популярнейшим образом в своих брошюрах, и в этом сходятся с ним все новейшие экономисты, хотя и буржуазные, но серьезные, как бы нехотя раскрывают немощь кооперативной системы, на которую, довольно справедливо, смотрят, как на спасительный громоотвод грозы.

Интернационал, с своей стороны, много и в продолжение нескольких лет, часто возбуждал вопрос о кооперативных товариществах и, на основании многочисленных доводов, пришел к следующему результату, высказанному на Лозаннском Конгрессе (в 1867 году), подтвержденному на Брюссельском Конгрессе (в 1868 г.):

Кооперация во всех ее видах есть, несомненно, рациональная и справедливая форма будущего производства. Но для того, чтобы она могла достигнуть своей цели — освобождения всех работающих масс и полного вознаграждения и удовлетворения их, — необходимо, чтобы земли и капитал, во всех видах, сделались коллективной собственностью. До тех пор, пока этого не будет, кооперация, в большем числе случаев, будет раздавлена всемогущею конкуренциею больших капиталов и большой поземельной собственности; в редких же случаях, когда, например, тому или другому, непременно более или менее замкнутому, производительному товариществу удастся выдержать и пережить эту борьбу, результатом этой удачи будет лишь зарождение нового привилегированного класса коллективных счастливцев в массе нищенствующего пролетариата. Итак, при существующих условиях общественной экономии, кооперация рабочих масс освободить не может, тем не менее, однако, она представляет ту

выгоду, что даже в настоящее время приучает работников соединяться, организовываться и самостоятельно управлять своими собственными делами.

Несмотря, однако, на признание этой несомненной пользы, кооперативное движение, сначала двинувшее нас быстро, в последнее время значительно ослабело в Европе, по той весьма простой причине, что массы рабочих, раз убедившись, что в настоящее время они посредством ее не могут достигнуть своего освобождения, не нашли нужным прибегать к ней для довершения своего практического воспитания; лишь только они потеряли веру в достижение цели, они пренебрегли и путем, к ней ведущим, или, вернее, путем к ней не ведущим, а гимнастикою, даже и полезною, им некогда заниматься.

Что истинно на западе, не может быть ложью на востоке, и мы не думаем, чтобы кооперативное движение могло принять сколько-нибудь серьезные размеры в России. В настоящее время в России кооперация еще невозможнее, чем на западе.

Но справедливо ли, что нет теперь в России ни другого выхода, ни дела другого, кроме кооперативных предприятий? Мы думаем решительно, что это несправедливо.

В русском народе существуют в самых широких размерах те два первых элемента, на которые мы можем указать, как на необходимые условия социальной революции. Он может похвастаться чрезмерною нищетою, а также и рабством примерным. Страданиям его нет числа, и переносит он их не терпеливо, а с глубоким и страстным отчаянием, выразившимся уже два раза исторически, двумя страшными взрывами: бунтом Стеньки Разина и Пугачевским бунтом, и не перестающим поныне проявляться в беспрерывном ряде частных крестьянских бунтов.

Что же служит ему препятствием к совершению победоносной революции? Недостаток ли в общем народном идеале, который был бы способен осмыслить народную революцию, дать ей определенную цель и без которого, как мы выше сказали, невозможно одновременное и всеобщее восстание целого народа, а следовательно, невозможен и самый успех революции? Но вряд ли было бы справедливо сказать, что в русском народе уже не выработался такой идеал.

Если бы его не было, если бы он не выработался в сознании народном, по крайней мере в своих главных чертах, то надо бы было отказаться от всякой надежды на русскую революцию, потому что такой идеал выдвигается из самой глубины народной жизни, есть непременным образом результат народных исторических испытаний, его стремлений, страданий, ротпестов, борьбы и вместе с тем есть как бы образное и общепонятное, всегда простое выражение его настоящих требований и надежд.

Самые прославленные гении ничего или очень мало сделали до сих пор собственно для народа. Народная жизнь, народное развитие, народный прогресс принадлежат исключительно самому народу. Этот прогресс совершается, конечно, не путем книжного образования,

а путем естественного нарастания опыта и мысли, передаваемого из рода в род, и необходимым образом расширяющегося, углубляющегося по содержанию, усовершенствующегося и облекающегося в свои формы, разумеется, чрезвычайно медленно, путем бесконечного ряда тяжких и горьких исторических испытаний, доведших, наконец, в наше время народные массы, можно сказать, всех стран, по крайней мере, всех европейских стран, до сознания, что им от привилегированных классов и от нынешних государств, вообще от политических переворотов, ждать нечего, и что они могут освободиться только собственным усилием своим, посредством социальной революции. Это самое определяет всеобщий идеал, ныне в них живущий и действующий.

Существует ли такой идеал в представлении народа русского? Нет сомнения, что существует, и нет даже необходимости слишком далеко углубляться в историческое сознание нашего народа, чтобы определить его главные черты.

Первая и главная черта — это всенародное убеждение, что земля принадлежит народу, орошающему ее своим потом и оплодотворяющему ее собственноручным трудом. Вторая, столь же крупная черта, что право на пользование ею принадлежит не лицу, а целой общине, миру, разделяющему ее временно между лицами; третья черта — одинаковой важности с двумя предыдущими, это — квази-абсолютная автономия, общинное самоуправление и, вследствие того, решительно враждебное отношение общины к государству.

Вот три главные черты, которые лежат в основании русского народного идеала. По существу своему они вполне соответствуют идеалу, вырабатывающемуся за последнее время в сознании пролетариата латинских стран, несравненно ближе ныне стоящих к социальной революции, чем страны германские. Однако, русский народный идеал омрачен тремя другими чертами, которые искажают его характер и чрезвычайно затрудняют, замедляют осуществление его; чертами, против которых поэтому мы всеми силами должны бороться, и против которых борьба тем возможнее, что она уже существует в самом народе.

Эти три затемняющие черты: 1) патриархальность, 2) поглощение лица миром, 3) вера в царя.

Можно было бы прибавить, в виде четвертой черты, христианскую веру, официально-православную или сектаторскую; но, по нашему мнению, у нас в России этот вопрос далеко не представляет той важности, какую он представляет в Западной Европе, не только в католических, но даже и в протестантских странах. Социальные революционеры, разумеется, не пренебрегают им, и пользуются всяким случаем, чтобы в присутствии народа сказать убийственную правду Саваофу и богословским, метафизическим, юридическим, полицейским и буржуазно-экономическим представителям его на земле. Но они не ставят религиозный вопрос на первое место, убежденные в том, что суеверие народа, естественным образом сопряженное в нем с невежеством, не коренится, однако, столько в этом невежестве, сколько

в его нищете, в его материальных страданиях и в неслыханных притеснениях всякого рода, претерпеваемых им всякий день; что религиозные представления и басни, эта фантастическая склонность к нелепому, — явление еще более практическое, чем теоретическое, а именно не столько заблуждение ума, сколько протест самой жизни, воли и страсти против невыносимой жизненной тесноты; что церковь представляет для народа род небесного кабака, точно так же, как кабак представляет нечто вроде церкви небесной на земле; как в церкви, так и в кабаке он забывает хоть на одну минуту свой голод, свой гнет, свое унижение, старается успокоить память о своей ежедневной беде, один раз в безумной вере, а другой раз в вине. Одно опьянение стоит другого.

Социальные революционеры знают это и потому убеждены, что религиозность в народе можно будет убить только социальною революцией, отнюдь же не отвлеченною и доктринерною пропагандой так называемых свободных мыслителей. Эти господа свободные мыслители, с ног до головы буржуа, неисправимые метафизики по приемам, привычкам и жизни даже и тогда, когда называют себя позитивистами и воображают себя материалистами.

Они объявляют беспощадную войну господу богу, отвергают наирадикальнейшим образом религию, во всех ее проявлениях и видах, громят богословие и метафизические бредни, все суеверия народные, во имя науки, которую, разумеется, носят в карманах своих и которою испещряют все многоглаголивые писания свои, — но в то же самое время обращаются с чрезвычайною нежностью ко всем политическим и общественным силам мира сего, и если, вынужденные логикой и общественным мнением, позволяют себе даже их отрицать, то делают это так учтиво, так кротко, что надо иметь нрав чрезвычайно крутой, чтобы на них рассердиться, они непременно оставляют выходы и выражают надежду на их исправление. Эта способность надеяться и верить в них так велика, что они даже полагают возможным, что наш правительствующий сенат сделается рано или поздно органом народного освобождения. (Смотри последнюю, по числу третью, программу непериодического издания — „Вперед", скорое появление которого ожидается в Цюрихе.)

Но оставим этих шарлатанов и обратимся к своему вопросу.

Народа никогда и ни под каким предлогом и для какой бы то ни было цели обманывать не следует. Это было бы не только преступно, но и в видах достижения революционного дела вредно; вредно уже потому, что всякий обман по существу своему близорук, мелок, тесен, всегда шит белыми и гнилыми нитками, вследствие чего непременно обрывается и раскрывается, и для самой революционной молодежи самое ложное, самопроизвольное, самодурное и народу противное направление.

Поэтому, так как мы сами глубоко убежденные безбожники, враги всякого религиозного верования и материалисты, всякий раз, когда нам придется говорить о вере с народом, мы обязаны высказать ему во всей полноте наше безверие, скажу более, наше

враждебное отношение к религии. На все его вопросы по этому предмету мы должны отвечать честно и даже, когда становится нужно, т.-е. когда предвидится успех, должны стараться ему объяснить и доказать справедливость своих воззрений. Но мы не должны сами искать случаев к подобных разговорам. Мы не должны ставить религиозный вопрос на первом плане нашей пропаганды в народе. Делать это, по нашему глубокому убеждению, однозначительно с изменою народному делу.

Народ не доктринер и не философ. У него нет ни досуга, ни привычки заниматься одновременно многими вопросами. Увлекаясь одним, он забывает все другие. Поэтому наша прямая обязанность поставить перед ним главный вопрос, от разрешения которого более, чем от всех других, зависит его освобождение. Но этот вопрос, указан самим положением его, всей его жизнью — этот вопрос экономически-политический, — экономический в смысле социальной революции и политический в смысле разрушения государства. Занимать его религиозным вопросом значит отвлекать его от настоящего дела, значит изменить его делу.

Народное дело состоит единственно в осуществлении народного идеала, с возможным, в народе же самом коренящимся, исправлением и лучшим, прямее и скорее к цели идущим, направлением его. Мы указали на три несчастные черты, омрачающие, главным образом, идеал русского народа. Теперь заметим, что две последние: поглощение лица миром и богопочитание царя, собственно вытекают, как естественные результаты, из первой, т.-е. из патриархальности, и что поэтому патриархальность есть то главное историческое, но, к несчастию, совершенно народное зло, против которого мы обязаны бороться всеми силами.

Оно исказило всю русскую жизнь, наложив на нее тот характер тупоумной неподвижности, той непроходимой грязи родной, той коренной лжи, алчного лицемерия, и, наконец, того холопского рабства, которые делают ее нестерпимой. Деспотизм мужа, отца, а потом старшего брата, обратил семью, уже безнравственную по своему юридически-экономическому началу, в школу торжествующего насилия и самодурства, домашней ежедневной подлости и разврата. Гроб убеленный — выражение отличное для определения русской семьи...

Община — мир. Она не что иное, как естественное расширение семьи, рода. Поэтому в ней преобладает то же патриархальное начало, тот же гнусный деспотизм и то же подлое послушание, а потому — и та же коренная несправедливость и то же радикальное отрицание всякого личного права, как и в самой семье. Решения мира, каковы бы они ни были, закон. „Кто смеет итти против мира?“,— восклицает с удивлением русский мужик...

Каждая община составляет в себе замкнутое целое, вследствие чего — и это составляет одно из главных несчастий в России — ни одна община не имеет, да и не чувствует надобности иметь с другими общинами никакой самостоятельной органической связи. Со-

единяются же они между собою только посредством царя-батюшки, только в его верховной, отеческой власти.

Мы говорим, что это большое несчастие. Понятно, что такое разъединение бессилит народ и обрекает все его бунты, почти всегда местные и бессвязные, на неизбежное поражение и тем самым упрочивает торжество деспотической власти. Значит, одной из главных обязанностей революционной молодежи должно быть установление всеми возможными средствами и во что бы то ни стало живой бунтовской связи между разъединенными общинами. Задача трудная, но не невозможная, так как история указывает нам, что в смутные времена, например, в лже-дмитриевской междуусобице, в стенько-разинской и пугачевской революции, а также и в новгородском бунте, в начале царствования императора Николая, сами общины, собственным движением, стремились к установлению этой спасительной связи.

Число общин несметно, и общий их царь-батюшка стоит над ними слишком высоко, только немножко ниже господа бога, для того, чтобы ему управиться лично со всеми. Ведь сам господь бог для управления миром нуждается в службе бесчисленных чинов и сил небесных, серафимов, херувимов, архангелов, ангелов шестикрылых и простокрылых, тем более царь не может обойтись без чиновников. Ему нужна целая военная, гражданская, судебная и полицейская администрация. Таким образом между царем и народом, между царем и общиною становится государство военное, полицейское, бюрократическое и неизбежным образом строго централизированное.

Таким образом воображаемый царь-отец, попечитель и благодетель народа, помещен высоко, высоко, чуть ли не в небесную даль, а царь настоящий, царь-кнут, царь-вор, царь-губитель, государство, занимает его место. Из этого вытекает естественно тот странный факт, что народ наш в одно и то же время боготворит царя воображаемого, небывалого и ненавидит царя действительного, осуществленного в государстве.

Народ наш глубоко и страстно ненавидит государство, ненавидит всех представителей его, в каком бы виде они перед ним не являлись. Недавно еще ненависть его была разделена между дворянами и чиновниками, и иногда даже казалось, что он ненавидит первых еще более, чем последних, хотя в сущности он их ненавидит равно. Но с тех пор, как, вследствие упразднения крепостного права, дворянство стало видимо разоряться, пропадать и обращаться к своему первоначальному виду исключительно служебного сословия, народ обнял его в своей общей ненависти ко всему чиновному сословию. Нужно ли доказывать, до какой степени ненависть его законна.

Государство окончательно раздавило, развратило русскую общину, уже и без того развращенную своим патриархальным началом. Под его гнетом само общинное избирательство стало обманом, и лица, временно избираемые самим народом,— головы, старосты, десятские, старшины,— превратились, с одной стороны, в орудия власти, а с другой —

в подкупленных слуг богатых мужиков - кулаков. При таких условиях последние остатки справедливости, правды, простого человеколюбия должны были исчезнуть из общин, к тому же разоренных государственными податями и повинностями и до конца придавленных начальственным произволом. Более, чем когда-нибудь, разбой остался единственным выходом для лица, а для целого народа — всеобщий бунт, революция.

В таком положении что может делать наш умственный пролетариат, русская, честная, искренняя, до конца преданная социально-революционная молодежь? Она должна итти в народ, несомненно, потому что ныне везде, по преимуществу же в России, вне народа, вне многомиллионных чернорабочих масс, нет более ни жизни, ни дела, ни будущности. Но как и зачем итти в народ?

В настоящее время у нас, после несчастного исхода нечаевского предприятия, мнения на этот счет, кажется, чрезвычайно разделились; но из общей неурядицы мыслей выделяются уже теперь два главные и противоположные направления. Одно более миролюбивого и подготовительного свойства; другое — бунтовское и стремящееся прямо к организации народной обороны.

Поборники первого направления в настоящую возможность этой революции не верят. Но так как они не хотят и не могут оставаться покойными зрителями народных бед, то они решаются итти в народ для того, чтобы братски разделить с ним эти беды, а вместе с тем и для того, чтобы его научить, подготовить, не теоретически, а на практике, своим живым примером...

Другой путь — боевой, бунтовской. В него мы верим и только от него ждем спасения.

Народ наш явным образом нуждается в помощи. Он находится в таком отчаянном положении, что ничего не стоит поднять любую деревню. Но хотя и всякий бунт, как бы неудачен он ни был, всегда полезен, однако, частных вспышек недостаточно. Надо поднять вдруг все деревни. Что это возможно, доказывают нам громадные движения народные под предводительством Стеньки Разина и Пугачева. Эти движения доказывают нам, что в сознании нашего народа живет действительно идеал, к осуществлению которого он стремится, а из неудач их мы заключаем, что в этом идеале есть существенные недостатки, которые мешали и мешают успеху.

Эти недостатки мы назвали и высказали свое убеждение, что прямая обязанность нашей революционной молодежи противодействовать им и употребить все усилия, чтобы побороть их в самом народном сознании, а для того, чтобы доказать возможность такой борьбы, мы показали, что она уже давно началась в самом народе...

Но этого мало. Главный недостаток, парализирующий и делающий до сих пор невозможным всеобщее народное восстание в России, это — замкнутость общин, уединение и разъединение крестьянских местных миров. Надо во чтобы то ни стало разбить эту замкнутость и провести между этими отдельными мирами живой ток революционной мысли, воли и дела. Надо связать лучших крестьян всех

деревень, волостей и по возможности областей, передовых людей, естественных революционеров из русского крестьянского мира между собою, и там, где оно возможно, провести такую же живую связь между фабричными работниками и крестьянством. Эта связь не может быть другою, как личною. Нужно, соблюдая, разумеется, притом самую педантическую осторожность, чтобы лучшие или передовые крестьяне каждой деревни, каждой волости и каждой области знали таких же крестьян всех других деревень, волостей, областей.

Надо убедить прежде всего этих передовых людей из крестьянства, а через них, если не весь народ, то, по крайней мере, значительную и наиболее энергичную часть его, что для целого народа, для всех деревень, волостей и областей в целой России, да также и вне России, существует одна общая беда, а потому и одно общее дело. Надо их убедить в том, что в народе живет несокрушимая сила, против которой ничто и никто устоять не может, и что если она до сих пор не освободила народа, так это только потому, что она могуча только, когда она собрана и действует одновременно, везде, сообща, заодно, и что до сих пор она не была собрана. Для того же, чтобы собрать ее, необходимо, чтобы села, волости, области связались и организовались по одному общему плану и с единою целью всенародного освобождения. Для того же, чтобы создалось в нашем народе чувство и сознание действительного единства, надо устроить род народной печатной, литографированной, писаной или даже изустной газеты, которая бы немедленно извещала повсюду, во всех концах, областях, волостях и селах России, о всяком частном народном, крестьянском или фабричном бунте, вспыхивающем то в одном, то в другом месте, а также и о крупных революционных движениях, производимых пролетариатом Западной Европы, для того, чтобы наш крестьянин и наш фабричный работник не чувствовал себя одиноким, а знал бы, напротив, что за ним, под тем же гнетом, но зато и с тою же страстью и волею освободиться, стоит огромный, бесчисленный мир к всеобщему взрыву готовящихся чернорабочих масс.

Такова задача и, скажем прямо, таково единственное дело революционной пропаганды. Каким образом это дело должно быть совершено нашею молодежью, печатным образомрас сказывать неудобно...

Русский народ только тогда признает нашу образованную молодежь своею молодежью, когда он встретится с нею в своей жизни, в своей беде, в своем деле, в своем отчаянном бунте. Надо, чтобы она присутствовала отныне не как свидетельница, но как деятельная и передовая, себя на гибель обрекшая соучастница, повсюду и всегда, во всех народных волнениях и бунтах, как крупных, так и самых мелких. Надо, чтобы, действуя сами по строго обдуманному и положенному плану и подвергая в этом отношении все свои действия самой строгой дисциплине, для того, чтобы создать то единодушие, без которого не может быть победы, она сама воспиталась и воспитала народ не только к отчаянному сопротивлению, но также к смелому нападению.

В заключение, прибавим еще одно слово. Класс, который мы называем нашим умственным пролетариатом, и который у нас уже в положении социально-революционном, т.-е. просто напросто отчаянном и невозможном, должен теперь проникнуться сознательною страстью социально-революционного дела, если он не хочет погибнуть постыдно и втуне, этот класс призван ныне быть приуготовителем, т.-е. организатором народной революции. Для него нет другого выхода. Он мог бы, правда, благодаря полученному им образованию, стремиться достать какое-нибудь более или менее выгодное местечко, в рядах уже чересчур переполненных и чрезвычайно не гостеприимных грабителей, эксплоататоров и притеснителей народа. Но, во-первых, таких мест все остается меньше и меньше, так что они достижимы только для самого малого количества. Большинство останется только со срамом измены и погибнет в нужде, в пошлости и подлости. Мы же обращаемся только к тем, для которых измена немыслима, невозможна.

Порвавши безвозратно все связи с миром эксплоататоров, губителей и врагов русского народа, они должны смотреть на себя, как на капитал драгоценный, принадлежащий исключительно делу народного освобождения, как на такой капитал, который должен тратить себя лишь на пропаганду народную, на постепенное возбуждение и на организацию всенародного бунта.

---

2. „Величина прогресса в человечестве“.

П. Л. Лавров [1]), „Исторические письма“, 3 изд., СПБ., 1905, стр. 54—57 и 66—71.)

Развитие личности в физическом, умственном и нравственном отношении, воплощение в общественных формах истины и справедливости — вот краткая формула, обнимающая, как мне кажется, все что можно считать прогрессом; и прибавлю, что и в этой формуле не считаю ничего мне лично принадлежащим: более или менее ясно и полно высказанная, она лежит в сознании всех мыслителей последних веков, а в наше время становится ходячею истиною, повторяемою даже теми, кто действует несогласно с нею и желает совершенно иного.

Предложенная формула, как мне кажется, при своей краткости допускает обширное развитие, и, развивая ее, мы получим полную теорию как личной, так и общественной нравственности. Здесь я

---

[1]) П. Л. Лавров — литературный псевдоним Миртов (1823—1900 г.г), военный профессор, выступил в качестве писателя еще в начале 60-х годов, но настоящая его роль в истории русского революционного движения начинается лишь с „Исторических писем“, написанных Лавровым в годы его ссылки (1867 — 1870), которой он подвергся в период реакции, усилившейся после дела Каракозова. Из ссылки Лавров бежит за границу и живет в Париже в период Коммуны; за помощью для французских коммунаров со стороны Интернационала П. Л. Лавров пробирается в Лондон и там сводит знакомство с Марксом и Энгельсом. В 1873 году Лавров начинает в Цюрихе издание непериодического журнала „Вперед“ (вышло 5 томов) и затем двухнедельной газеты под тем же названием (вышло 48 №№).

принимаю эту формулу за основание для последующего и прямо приступлю к рассмотрению некоторых условий, необходимых для осуществления прогресса в том смысле, который указан выше.

Развитие личности в физическом отношении лишь тогда возможно, когда она приобрела некоторый минимум гигиенических и материальных удобств, ниже которого вероятность страдания, болезней, постоянных забот далеко превосходит вероятность какого-либо развития, делает последнее долею лишь исключительных личностей, а все остальные обрекает на вырождение в ежеминутной борьбе за существование, без всякой надежды на улучшение своего положения.

Развитие личности в умственном отношении лишь тогда прочно, когда личность выработала в себе потребность критического взгляда на все, ей представляющееся, уверенность в неизменности законов, управляющих явлениями, и понимание, что справедливость в своих результатах тождественна с стремлением к личной пользе.

Нахожу необходимым, для предупреждения недоразумений, пояснить эти последние слова.

В современном обществе, проникнутом всеобщею конкуренцию, отождествление справедливости с личною пользою кажется бессмысленным. Действительно, лица, которые теперь наслаждаются выгодами цивилизации, могут наслаждаться ими, лишь приобретя богатство и увеличивая его. Но капиталистический процесс обогащения есть, по самой своей сущности, процесс обсчитывания рабочего, процесс недобросовестной спекуляции на бирже, процесс рыночной торговли своими умственными способностями, своим политическим и общественным влиянием. Этот путь едва ли назовет справедливым самый завзятый софист, но он будет утверждать, что умственное развитие личности еще весьма слабо, когда личность ищет возможность согласовать свою личную пользу со справедливостью. Он выставит иное положение: жизнь — борьба, и истинное умственное развитие заключается в том, чтобы быть достаточно хорошо вооруженным для постоянной победы в этой борьбе. Когда-то этому противопоставляли неудобства укоров совести; противопоставляли опасность при постоянной борьбе быть побежденным и тогда не иметь близь себя никого, кто поддержал бы в минуту несчастия; противопоставляли общественное презрение и общественную ненависть и т. п. Все эти аргументы легко разбиваются современными теоретиками житейских наслаждений: укоры совести — дело привычки, и от них очень легко закалить себя, когда убедишься, что приобретаешь богатство путем законным, и что ни один судья не может подвести наш поступок под статью Уложения о Преступлениях и Наказаниях; если огромное большинство конкурирует на законном основании за обогащение, за увеличение наслаждений, то это большинство чувствует не презрение, не ненависть к ловкому победителю в борьбе, а удивляется ему и преклоняется пред ним, стараясь подражать ему и выучиться у него; что касается до шансов поражения в постоянной борьбе, то, во-первых, богатство достаточных размеров в значительной степени обеспечивает от этих

шансов, а во-вторых, жизнь личности коротка, и дело лишь в том, чтобы обеспечить себе наслаждение жизнью на срок этой жизни.

Итак, следует согласиться, что, при настоящем строе общества, личная польза не только не тождественна с справедливостью, но прямо противоречит ей. Чтобы иметь наибольшее количество наслаждений в настоящее время, личность должна заглушить в себе самое понятие о справедливости; должна обратить всю свою критическую способность на то, чтобы эксплоатировать все и всех, ее окружающих, для доставления себе наибольшей доли наслаждений на их счет, и должна помнить, что если она на минуту поддается соображениям о справедливости или даже аффекту искренней привязанности, то она сама станет объектом эксплоатации тех, которые ее окружают. Патрону приходится прижимать рабочего, или рабочий будет его обкрадывать. Семьянину приходится подозрительно надзирать за женою и детьми, или жена и дети будут его надувать. Правительству приходится иметь тысячеглазую полицию, или власть его захватят другие. Накопляй богатство, но держи ухо востро, потому что друг приносит тебе жертву, лишь рассчитывая на большие проценты; поцелуй, который дает тебе любовница, есть поцелуй покупной. Война — всюду, и оружие должно быть готово против всех и в каждую минуту.

Итак: и л и положение о тождестве справедливости с личною пользою бессмысленно, и л и настоящий строй общества — строй патологический. Если читатель находит, что последнее неверно, и все — как быть должно, то пусть закроет эту книгу: она писана не для него. Но тогда являются вопросы: развил ли в себе он, читатель, потребность критического взгляда на все окружающее? Проникся ли он уверенностью в неизменности закона, что общество, основанное на войне всех против всех, есть общество, которого не скрепит никакая законность, никакая полиция, что это — общество разлагающееся и требующее радикальной реформы? Если же читатель инстинктивно или сознательно возмущен против этого общественного строя, фатально обреченного на взаимное недоверие, на взаимную эксплоатацию, если он признал под блеском современной культуры существование патологических процессов, которые не могут оставить этот строй при его нынешних основаниях, то потребность критического взгляда на все окружающее должна его привести к иному ряду вопросов. Приходится ли лечить болезненные симптомы этого общественного строя, или искать источник этой болезни и действовать против него? Если источник этой болезни лежит в самых основах современного общежития, то радикальное изменение экономических, политических общежительных отношений между людьми не требует ли и для самого принципа этих отношений иной формулировки? Не придется ли, при переустройке патологического общественного строя в здоровый, принять в основание не борьбу всех против всех, не всеобщую конкуренцию, но возможно тесную и возможно обширную *с о л и д а р н о с т ь* между личностями? Может ли быть здорово и прочно общество вне существования солидарности

между его членами? А что такое общественная солидарность, как не сознание того, что личный интерес совпадает с интересом общественным, что личное достоинство поддерживается лишь путем поддержки достоинства всех солидарных с нами людей? А если это — результат, к которому должна привести потребность критического взгляда на все окружающее, то чем этот результат разнится от указанного выше: в здоровом общежитии справедливость в своих результатах тождественна с стремлением к личной пользе?

Развитие личности в нравственном отношении лишь тогда вероятно, когда общественная среда дозволяет и поощряет в личностях развитие самостоятельного убеждения; когда личности имеют возможность отстаивать свои различные убеждения и тем самым принуждены уважать свободу чужого убеждения; когда личность сознала, что ее достоинство лежит в ее убеждении, и что уважение достоинства чужой личности есть уважение собственного достоинства.

Воплощение в общественных формах истины и справедливости предполагает прежде всего для ученого и мыслителя возможность высказать положения, считаемые им за выражения истины и справедливости; затем оно предполагает в обществе некоторый минимум общего образования, дозволяющий большинству понять эти положения и оценить аргументы, приводимые в их пользу; наконец, оно предполагает такие общественные формы, которые допустили бы изменение, лишь только окажется, что эти формы перестали служить воплощением истины и справедливости.

Лишь тогда, когда физическое развитие личности возможно, когда умственное ее развитие прочно, когда нравственное ее развитие вероятно, лишь тогда, когда общественная организация заключает в себе условия достаточной свободы слова, достаточного минимума среднего образования, достаточной доступности для изменений в общественных формах, лишь тогда прогресс общества в целом может считаться более или менее обеспеченным, лишь тогда можно сказать, что все данные для прогресса налицо, и лишь внешние катастрофы могут остановить его. Пока все эти условия не выполнены, до тех пор прогресс может быть случайный, частный, не дающий никакого ручательства за самое близкое будущее; до тех пор всегда можно ожидать эпохи застоя или реакции вслед за эпохою видимого успеха. При самых невыгодных условиях для целого общества иная личность может быть поставлена, вследствие благоприятных обстоятельств, в положение, где она разовьется далеко за уровень своей среды. Эти благоприятные обстоятельства могут существовать для группы личностей, но оставаться все-таки эфемерным явлением, тогда как все общество будет предоставлено застою или реакции. Закон больших чисел с неумолимою строгостью всегда не замедлит доказать, как мало исторического значения имеет развитие небольшой кучки личностей при исключительных условиях. Большинство общества должно быть поставлено в условия возможного, вероятного и прочного развития, чтобы можно было сказать об обществе, что оно прогрессирует.

Не только интересы меньшинства препятствуют улучшению общественных форм; ему препятствуют еще более усвоенные привычки, освященные временем предания. В глазах значительного числа личностей самых развитых обществ, обсуждению и законному изменению всегда подлежали лишь некоторые политические и некоторые маловажные экономические формы. Все остальное остается неприкосновенною святынею даже в глазах многих из тех, которые более или менее терпят от этой неприкосновенной святыни, тем более в глазах тех, которые не чувствуют ее тягости. Было время, когда ни один политический оратор свободной республики не мог бы заикнуться об уничтожении рабства. Было время, когда терпимость к иноверцам представляла тему, способную повести на костер. Но еще и в наше время в парламентах Европы и Америки можно спокойно обсуждать тарифы и займы, а радикальное обсуждение вопроса о распределении богатств невозможно... При недостатке критического развития в среде обеспеченного меньшинства, поставляющего законодателей, и при меньшем страдании интересов этого меньшинства от неприкосновенных святынь, последние долго остаются фактически святынями даже и после того, как в области мысли они уже давно потеряли свою неприкосновенность, после того как огромное большинство чувствует их гнет, хотя еще и не сознало необходимости изменить неприкосновенные формы. Недовольство растет. Страдания умножаются. Происходят местные взрывы, легко подавляемые. Правительства и господствующие классы прибегают к паллиативам, к полумерам, для облегчения слишком явных страданий и к уменьшению полицейского надзора и карательных мер. Когда критически-мыслящее меньшинство повторяет свои требования реформ, оно встречает неодолимые препятствия. Все остается как есть, пока мнение о негодности этих форм (конечно, взятое на веру) не распространится на довольно значительное число личностей, и пока недовольные не сознают, что путь мирных реформ для общества невозможен. Тогда отжившие формы разрушаются, но уже не путем мирных законодательных реформ, а путем насильственной революции, которая фактически в историческом процессе оказывается, большею частью, несравненно более обыкновенным орудием общественного прогресса, чем радикальная реформа в законодательстве мирным путем. Правительства, конечно, всегда стараются предотвратить революции. Эти революции почти всегда вовсе нежелательны и оппозиционным партиям, требующим реформ. Но недостаток умственного и нравственного развития в господствующих и руководящих личностях и группах ведет обыкновенно в подобных случаях к неизбежному кровавому столкновению. Бедствия революций известны всем. Огромное количество страданий, ими вызываемых, именно для масс, подавленных ежедневными заботами, делает их всегда весьма печальным средством исторического прогресса. Но так как он большею частью невозможен иным путем при серьезных общественных неудобствах, и так как иногда даже прямой расчет доказывает, что хронические страдания масс при сохранении прежнего строя иногда далеко превосходят все

вероятные страдания в случае революции, то приходится самым мирным, но искренним реформаторам обращаться в революционеров. Бедствия, при этом неизбежные, могут быть уменьшены лишь рациональным обсуждением действительных изменений, к которым должна привести революция, тогда как мы слишком часто видим в истории, что она ограничивается лишь заменою одной господствующей группы другою, массы же, к улучшению положения которых стремятся искренние революционеры и силами которых революции совершаются, очень мало выигрывают от переворота.

Замечая, как мало выполнены условия человеческого прогресса, мы, конечно, перестаем удивляться существованию печального хора писателей, во все века повторявших горькие жалобы на бедствия человечества и сетовавших на непрочность так называемых исторических цивилизаций. Как в наше время огромное большинство человечества обречено на непрестанный физический труд, отупляющий ум и нравственное чувство, на вероятность смерти от голода или от эпидемий, так и всегда большинство было в подобном положении. Вечно трудящейся человеческой машине, часто голодающей и всегда озабоченной завтрашним днем, вовсе не лучше в наше время, чем было в другие периоды. Для нее прогресса нет. Ей мало дела и до культуры, стоящей над ее головою со своими дворцами, парламентами, храмами, академиями, студиями. Ее связывали в прежнее время с господствующим меньшинством неприкосновенность стародавнего обычая, святыня общей религии. Позже она верила в заботу о ней патриархальных начальников, далеких царей. Еще позже надеялась на „народных“ министров, на „радикальных“ ораторов в парламентах и на митингах, слыша, как эти люди с жаром говорили о „народе“. Но история уносила одну из этих иллюзий за другою, и цивилизации со своим блеском все оставались средством наслаждения меньшинства на глазах постоянно страждущего большинства. Тем не менее, все снова и снова пред всяким обществом возникает вопрос о необходимости, для прочности цивилизации, установить солидарность интересов и убеждений, установить связь между господствующими классами и большинством. Если этой связи не существует между массою неимущих и цивилизованным меньшинством, то цивилизация его всегда непрочна. Столкновение с чужеземным завоевателем, проповедь новой религии, минутный взрыв голодной массы — могут уничтожить в самое короткое время весьма блестящую культуру, несмотря на ее кажущееся преобладание по материальным, умственным и нравственным условиям. Единственное средство для цивилизации быть более прочною, это — постоянно связывать со своим существованием материальные, умственные и нравственные интересы неимущего большинства, расширяя на большее и большее число лиц выгоды материальных удобств жизни, развивающее действие науки, сознание личного достоинства и привлекательное влияние более справедливых общественных форм. Лишь распределяя равномернее скопленный капитал благосостояния, умственного и нравственного развития, цивилизованное меньшинство

может доставить вероятность прочности своему собственному развитию.

---

3. Общественная деятельность.

(П. А. Лавров, „Культура и мысли“ — Исторические письма, 3 изд., СПБ., 1906, стр. 113—117.)

Общественная деятельность имеет человеческий смысл лишь при саморазвитии, при постоянной поверке самого себя, своих сил, своих знаний, своих убеждений, своего уменья и своей решимости отстаивать эти убеждения. На деятельности упражняются и растут силы; опыт жизни и ее задачи увеличивают знания; в борьбе крепнет убеждение и способность отстаивать его. Сознание своего участия в общественном деле есть уже начало возвышающее, вызывающее развитие. Как личность может нормально развиться только во взаимодействии с общественною жизнью, так полезная общественная деятельность может иметь место лишь при саморазвитии личностей, в ней участвующих.

Это самое устанавливает предел, за который личность, не роняя своего достоинства, не может перейти в своем участии в общественной жизни. Там, где есть еще возможность оживления, поднятия уровня общественных интересов; там, где есть еще надежда внести человечность в механизм жизни, разбудить мысль, укрепить убеждение, возбудить ненависть и отвращение к обыденному злу, — там личность может и обязана стать в ряды деятелей общественного прогресса.

Но, как только возможность действовать явилась, как только есть элементы борьбы и жизни в обществе, устранить себя от этой борьбы не имеет права человек развитой. Как ни противно среди грязных луж отыскивать дорогу, ее отыскивать все-таки надо. Как ни утомительно толкаться между сотнями полу-людей, чтобы найти в сотне одного, двух доступных пробуждению к жизни, искать все-таки приходится. Можно наперед предвидеть, что неудач будет много. Даже и те люди, которые кажутся доступными свежей мысли, в большинстве случаев поддадутся трусости или мелочным побуждениям, побегут за жирной подачкой, или пожертвуют делом из-за громкого слова. Многие отстанут; многие разбегутся; еще большее число оставит знамя из-за личных ссор, иногда в самом пылу боя. Проповедники передовых идей и неумолимой борьбы за них, увидев эти идеи на деле, в их резкой реальной обстановке, испугаются того самого, что было так красиво, мягко и безобидно на листе бумаги, отрекутся от своего прошлого, от своих прежних единомышленников и последователей и обратятся в карикатурных уединенных воркунов, в бледные и трусливые ничтожества. Будут и прямые наглые изменники своему прошлому из-за личных интересов. Самые шансы борьбы будут изменяться, и когда, повидимому, ряды защитников

прогресса будут всего гуще и неодолимее, может оказаться вдруг, что это призрак, что достаточно раздавить двух-трех передовых деятелей, чтобы псевдорыцари прогресса попрятались по углам, изменили знамени или отреклись от него. Все это, конечно, очень противно и возмутительно, но если бы борцам прогресса приходилось только торжествовать, их дело было бы чересчур легко. Все-таки для успеха борьбы необходимо действовать в той среде, которая дана каждому историческим процессом в настоящем. Вооружаться приходится тем оружием, которое удобнее именно *в этой* среде и для того именно сорта битвы, который предстоит в настоящем. Отойти в сторону имеет право лишь тот, кто сознает себя бессильным. Тот же, кто чувствует или воображает, что у него есть силы, не имеет нравственного права тратить их на мелкий, частный круг деятельности, когда есть какая-либо возможность расширить этот круг. Развитой человек, по мере расширения своего развития, должен оплатить и более значительную цену, израсходованную человечеством на это развитие; поэтому на нем лежит нравственная обязанность избрать столь широкий круг общественной деятельности, какой только ему доступен.

---

4. „Наша программа“.

(П. Л. Лавров, „Вперед“. Неперіод. изд., 1873 г., стр., 3—4, 6—8, 11—13.)

Для нас, в настоящую минуту, существует две общечеловеческие цели, две борьбы, в которых должен участвовать всякий мыслящий человек, становясь на сторону прогресса или реакции; две борьбы, в которых индиферентным быть нельзя, отношение к которым должно определить отношение ко всем остальным вопросам, как к второстепенным; две борьбы, которые должны быть девизом всякой личности, всякой партии, всякой нации, желающей участвовать в развитии человечества. Это, во-первых, борьба реального миросозерцания против миросозерцания богословского, ясно сознанных человеческих потребностей против всех идолов богословских и метафизических, теоретических и нравственных; короче говоря, борьба науки против религии. Это, во-вторых, борьба труда против праздного пользования благами жизни, борьба полной равноправности личности против монополии во всех ее формах и проявлениях, борьба рабочего против классов, его эксплоатирующих, борьба свободной ассоциации против обязательной государственности, короче говоря, борьба за реализацию справедливейшего строя общества.

Из этих двух исторических задач современности решение первой уже далеко подвинуто вперед; к тому же для России эта задача имеет мало значения; религиозными вопросами у нас интересуются лишь те, которые едва ли прочтут наше издание. Поэтому нам лишь

изредка придется коснуться важнейших завоеваний, сделанных наукой в ее борьбе с религиозным преданием, или упоминать о слабых судорогах партии европейских супра-натуралистов, которые сами потеряли давно веру в возможность своей победы. Совсем другое дело — вторая борьба за справедливейший строй общества. Еще многие не сознают вовсе ее значения. Многие отрицают возможность ее правильной теоретической постановки точно так же, как возможность ее благоприятного исхода. Борьба эта едва вступила в тот фазис, в котором ее основы стали вполне реальны и в котором ее участники могут ясно понять, где их товарищи и где враги. Против осуществления справедливейшего строя направлены все силы реакции, во имя древнего консервативного предания и во имя новой, псевдолиберальной легальности. Борьба за него вызывает всюду кровавые жертвы и тяжелые страдания. Она требует самого энергического содействия всех сочувствующих ей. Содействовать этой борьбе есть, безусловно, главная цель нашего издания.

Социальный вопрос есть для нас вопрос первостепенный. Мы видим в нем самую важную задачу настоящего, единственную возможность лучшего будущего. В союзе большинства рабочих в свободную ассоциацию, в организации этого союза для совокупного и могучего действия, в торжестве этой организации и в установлении нового общественного строя на развалинах промышленно-легальных государств и сословий настоящего мы видим единственное средство осуществить это будущее. Возможные орудия этого осуществления в настоящую минуту различны для России и для Европы, а в самой Европе довольно-важные разногласия вооружают по этому поводу друг против друга партии, которых одинаковую искренность в стремлении к одной и той же общей цели мы не имеем никакого основания заподозрить. При этом различии взглядов на способы исполнения программы, самая программа в своих принципах уже определилась. Она высказана в постановлениях нескольких конгрессов, выражавших общие стремления рабочего пролетариата в Европе; она высказана в органах и брошюрах всех оттенков мнений, которые, расходясь во многом, сходятся в борьбе с легально-промышленным строем настоящего в пользу рабочего; она лежит в основе всех стремлений наших русских деятелей в пользу крестьян; к ней может и должен примкнуть каждый, кто серьезно хочет установления лучшего общественного строя; к ней примкнем и мы. Начала этой программы одинаково существенны и для тех, которые думают, что русский сельский работник должен итти к перестройке русского общества путем иной организации, чем фабричный работник Запада, и для тех, которые преимущественно напирают на необходимость сильного центрального учреждения для рабочего сословия в Европе и Америке, на важность участия рабочих в политической борьбе настоящего, и для тех, которые стоят с особой энергией за самостоятельность мелких групп, за резкое отличие политической программы рабочих от всех политических программ современности. Все эти взгляды сходятся в потребности совокупного действия (более

или менее централизованного, более или менее федеративного) для доставления полного господства рабочему в новом общественном строе; все они сходятся на решимости действовать сообща против общего врага, опирающегося на армии, на полицию, на одностороннюю легальность, на громадные силы государственной организации. Каков бы ни был личный взгляд каждого из нас в этих спорных вопросах, мы не можем решиться сделать из него отличительное знамя нашего издания. Наше знамя есть общая цель, а не частные средства. Будем уяснять друг другу те пункты, в которых расходимся, но будем прежде всего сознавать, что у нас *одна* цель и *одни* враги. Будем действовать сообща. В этом наша сила. Будем помнить, что лишь путь организации *совокупного* рабочего движения тем или иным путем ведет к нашей цели. Других средств общей борьбы пока нет, а это средство возможно, сильно и допускает самое широкое развитие в будущем. Одиночная борьба против могучей организации врагов бессмысленна и нецелесообразна. Личность, стремящаяся к лучшему будущему, должна ясно сознавать, какие средства возможны для ее цели.

Вопрос *политический* для нас подчинен вопросу социальному и в особенности экономическому. Государств *так, как они существуют,* враждебны рабочему движению, и все они должны окончательно разложиться, чтобы дать место новому общественному строю, где самая широкая свобода личности не будет препятствовать солидарности между равноправными лицами и обширной кооперации для общей цели. Но это — далекое будущее, общественный идеал, который следует иметь постоянно в виду, не обманывая себя, однако же, надеждою на возможность его осуществления ни сегодня, ни завтра.

Для русского специальная почва, на которой может развиться будущность большинства русского населения в том смысле, который указан общими задачами нашего времени, есть крестьянство с общинным землевладением. Развить нашу общину в смысле общинной обработки земли и общинного пользования ее продуктами, сделать из мирской сходки основной политический элемент русского общественного строя, поглотить в общинной собственности частную, дать крестьянству то образование и то понимание его общественных потребностей, без которого оно никогда не сумеет воспользоваться своими легальными правами, как бы они широки ни были, и никак не выйдет из-под эксплоатации меньшинства, даже в случае самого удачного переворота — вот специально-русские цели, которым должен содействовать всякий русский, желающий прогресса своему отечеству.

Но какими средствами можно осуществить эти цели?

На первое место мы ставим положение, что перестройка русского общества должна быть совершена не только с ц е л ь ю народного блага, не только д л я народа, но и п о с р е д с т в о м народа. Современный русский деятель должен, по нашему мнению, оставить за собою устарелое мнение, что народу могут быть навязаны революционные идеи, выработанные небольшою группою более развитого меньшинства, что социалисты-революционеры, свергнув удачным порывом центральное

правительство, могут стать на его место и ввести законодательным путем новый строй, облагодетельствовав им неподготовленную массу. Мы не хотим новой насильственной власти на смену старой, каков бы ни был источник новой власти. Будущий строй русского общества, осуществлению которого мы решились содействовать, должен воплотить в дело потребности большинства, им самим сознанные и понятые. При малой грамотности и при неподготовленности большинства мы не можем обратиться прямо к нему с нашим словом. Мы обращаемся с ним к той доле цивилизованного русского меньшинства, которая понимает, что будущее принадлежит народу, что эксплоатация его должна кончиться и кончится так или иначе, что им остается лишь стать в ряды народа или отказаться от всякой возможной для них прогрессивной деятельности. На этой доле цивилизованного русского меньшинства лежит обязанность не навязывать народу свои идеи в виду облагодетельствования большинства, но уяснить народу его истинные потребности, наилучшие средства удовлетворения этих петребностей и ту силу, которая лежит в народе, но им не сознана, и потому не может быть им употреблена в дело для подавления его врагов и для доставления себе лучшего положения. Тот, кто желает блага народу, должен стремиться не к тому, чтобы стать властью при пособии удачной революции и вести за собою народ к цели, ясной лишь для предводителей, но к тому, чтобы вызвать в народе сознательную постановку целей, сознательное стремление к этим целям и сделаться не более, как исполнителем этих общественных стремлений, когда настанет минута общественного переворота...

---

5. Наше дело — делать революцию.

(П. Н. Ткачев. Задачи революционной пропаганды в России. — Письмо к редактору журнала „Вперед". Апрель 1874 г., стр. 38 — 41). [1])

Наша революционная практика выработала несколько путей революционной деятельности: путь государственного, политического заговора, путь народной пропаганды (именно то, что ваш журнал называет „развитием в народе сознания его прав и потребностей"), путь непосредственной народной агитации (т.-е. непосредственного подстрекательства народа к бунту). Не время теперь спорить, какая из этих деятельностей полезнее, какой путь целесообразнее.

---

[1]) П. Н. Ткачев (1844 — 1885) впервые упоминается в летописях русского революционного движения в связи со студенческими волнениями 1861 года, в которых он принял участие, будучи студентом 1-го курса университета, за что был заключен в крепость, а затем выслан в родную Псковскую губернию. С этого же времени начинается и литературная публицистическая деятельность Ткачева в различных журналах этого времени. В 1862 году Ткачев возвращается в Петербург и здесь в конце года он снова в крепости, откуда, впрочем, был скоро на этот раз освобожден. Продолжая свою писательскую работу, Ткачев переходит к темам социально-экономическим, на которых и сосредоточивается окончательно его интерес.

Все три пути одинаково целесообразны, все три деятельности одинаково необходимы для скорейшего осуществления народной революции[1].

Пусть каждый выбирает себе тот путь, к которому он чувствует наиболее склонности, ту деятельность, условиям которой он всего легче может удовлетворить; кто чувствует себя в состоянии работать на всех трех поприщах одновременно, — тот пусть и работает. Тем для него лучше. А кто этого не чувствует, — тот должен ограничиться доступною ему сферою революционной деятельности, не насилуя себя, не тратя дорогого времени на предварительное самообразование и перевоспитание.

Теперь не до длинных сборов, не до вечных приготовлений, — пусть каждый наскоро соберет свои пожитки и спешит отправиться в путь. Вопрос что делать? нас не должен больше занимать. Он уже давно решен. Делать революцию. Как, кто может и умеет. При разумной организации ни одна частная попытка, ни одно единичное усилие не пропадут даром. Следовательно, вопрос об организации есть самый существенный вопрос революционной пропаганды по отношению к нашей революционной молодежи. В виду его чрезвычайной важности она не может придавать слишком большого значения тем вопросам, которые, не имея никакого прямого отношения к практической революционной деятельности в настоящем, касаясь исключительно будущего, вносят, тем не менее, раздоры и разъединение в кружки нашей революционной молодежи.

В студенческих волнениях 1869 года, связанных с деятельностью Нечаева, Ткачеву принадлежит видная роль: он привлечен к суду по обвинению в составлении студенческой прокламации „К обществу“ и приговорен к заключению в крепости. Срок наказания его окончился лишь в 1873 году, и снова Ткачев административно выслан в Псковскую губернию. В том же году он бежит за границу, в Женеву, и здесь работает первоначально совместно с П. Л. Лавровым, а затем, принципиально разойдясь с последним, основывает свой журнал „Набат“, положивший начало группе так называемых народников-„якобинцев“, боровшейся с влияниями Лаврова и Бакунина. М. Н. Покровский считает П. Н. Ткачева первым русским марксистом.

[1]) Доказать несомненную истинность этого положения очень не трудно. Ни одна из этих трех революционных деятельностей, — взятая в отдельности, взятая сама по себе, — не может привесть к скорому осуществлению народной революции. Достигнуть этой цели возможно лишь при одновременном применении всех их.

В самом деле, если мы, — следуя вашим, м. г., советам, — ограничимся одним лишь развитием в народе сознания его прав и потребностей, — то революции мы никогда не дождемся. Но если, с другой стороны, мы ограничимся одним лишь непосредственным подстрекательством к бунту, то, хотя мы и будем иметь большую вероятность добиться бунта, но зато не будем иметь никаких гарантий, что этот бунт оставит после себя какие-нибудь прочные результаты, что он не будет очень скоро подавлен, что он разрастется в действительную революцию.

Наконец, если мы ограничимся одним лишь государственным заговором, то, хотя помощью этого средства произвести переворот весьма легко и удобно, но переворот этот будет иметь характер государственный, а не народный, он не проникнет в недра народной жизни, он не подымет и не взволнует низших слоев общества, он взбаламутит лишь одну его поверхность. короче говоря, это совсем не будет народною революциею.

Примечание П. Н. Ткачева.

Я здесь имею в виду вопросы, касающиеся устройства возможно наилучшего порядка вещей в будущем и практических средств применить его в жизни после того, как революция совершит свою разрушительную миссию. Настоящее должно теперь приковывать к себе все наше внимание: нам некогда, нам не до того, чтобы вперять свои взоры в будущее и развлекать себя созерцанием его красот.

Мы знаем только, что каково бы ни было это будущее, оно не может быть хуже настоящего. Когда человека душат, единственная мысль, которая его занимает — это: как бы поскорее освободиться от своего душителя; что он потом станет делать, что он на себя наденет, какую пищу себе потребует и т. п. — обо всем этом ему и на ум не приходит. Мы находимся в таком же точно положении: нас душат, — избавиться от разбойничьей руки, сжавшей нам горло, — вот единственный насущный вопрос, который должен поглощать все наше внимание. Перед этим вопросом вопросы будущего стушевываются, отходят на задний план. Я не хочу этим сказать, чтобы мы должны совсем отказаться от их разрешения. Это было бы нелепо.

Но мы не должны раздувать их важность настолько, чтобы делать из них барьер, разделяющий революционную партию настоящего. Мы не должны никогда забывать, что все, что нас разделяет, все, что вносит в среду нашу рознь и раздор, все это усиливает нашего общего врага, ослабляет и парализует нашу революционную деятельность. Потому на знамени революционной партии — партии действия, а не партии резонерства — могут быть написаны только следующие слова: Борьба с правительством, борьба с установившимся порядком вещей, борьба до последней капли крови, до последнего издыхания.

Только это знамя способно соединить, а не разъединить нашу партию, следовательно, только оно одно и соответствует ее реальным, ее истинным интересам.

---

6. „Что же теперь делать?“

(П. Н. Ткачев, журнал „Набат“, Лондон, 1879, №№ 3, 4 и 5.)

За последние годы наше революционное движение несколько раз меняло свой характер и свое направление. Революционеры начали с конца 60-х годов сплачиваться в более или менее централистическую боевую организацию, стремиться к непосредственному осуществлению революции в ближайшем настоящем: они верили в подготовку народа к перевороту, верили в свои силы и действовали сообразно с этою верою. Потому их деятельность имела направление непосредственно-революционное, а не мирно-подготовительное. Делать революцию и делать ее как можно скорее — таков был их девиз. В начале 70-х годов, по причинам, о которых мы не раз уже говорили в нашем журнале, это непосредственно революционное и централистически-организационное направление деятель-

ности наших революционеров существенно изменило свой первоначальный характер... Девиз прежних революционеров — делать революцию и делать ее как можно скорее — заменился девизом „не делать революции, а итти в народ и развивать его ум, воспитывать его чувство“.

Само собою понятно, что это „хождение в народ“ должно было окончиться полнейшим фиаско. Мы первые указали в свое время на неизбежность этого фиаско, мы первые (в заграничной прессе, разумеется) заклинали молодежь сойти с этого гибельного анти-революционного пути и снова вернуться к традициям непосредственно-революционной деятельности и боевой, централистической революционной организации. И наш голос не был голосом вопиющего в пустыне. Основные принципы нашей программы стали в настоящее время (и в этом торжественно созналась сама правительственная власть) основными принципами деятельности всех честных и искренних революционеров. В чем, в самом деле, состояли эти основные принципы? К чему звали нашу революционную молодежь?

Мы говорили ей (говорили, начиная с самого основания „Набата“), что народ готов к революции, и что ей нечего заботиться о подготовлении его к ней. Чуть только она освободит его от тяготеющего над ним страха перед властями предержащими, и он встанет, как один человек, и сметет одним мощным движением своих ближайших экономических и политических врагов и эксплоататоров. Поэтому непосредственная задача революционной партии должна заключаться в скорейшем ниспровержении существующей правительственной власти. Осуществляя эту задачу, революционеры не подготовляют, а делают революцию. Но для того чтобы осуществить ее,— говорили мы,— революционеры должны, сомкнувшись в боевую, централистическую организацию, направить все свои усилия к подорванию правительственного авторитета, к дезорганизации и терроризации правительственной власти. „Чтобы превратить народ из возможной революционной силы в действительную, из возможного революционера в реального, мы (т.-е. революционное меньшинство) должны первоначально расшатать, ослабить, уничтожить гнетущий его политический строй, консервативное эксплоататорское, самодержавное государство“ („Набат“, № 2, № 3, 1876 года). Иными словами: мы приглашали молодежь сойти с мирно-пропагандистского пути и стать на путь непосредственно-революционной деятельности, т.-е. деятельности, направленной к непосредственной дезорганизации и терроризации правительственной власти.

Таким образом, боевая организация революционных сил, дезорганизация и терроризация правительственной власти — таковы были с самого начала основные требования нашей программы. И в настоящее время требования эти стали, наконец, осуществляться на практике. О мирной пропаганде, о хождении в народ с педагогически-нравственными целями уже и помину нет. Современная деятельность всех или, по крайней мере, огромного большинства наших революционных

кружков, исключительно направлена лишь к подготовлению и совершению таких революционных актов, которые имеют своею ближайшей непосредственною целью дезорганизацию и терроризацию правительственной власти. Каждый из этих революционных актов (здесь нам нет надобности снова и снова перечислять их: они у каждого на виду), взятый сам по себе, представляет уже не подготовление, а начало осуществления революции. Да, революция началась...

Мы выступили в открытую, решительную, революционную борьбу с существующею государственною властью, т.-е. с организованною и строго дисциплинированною армиею солдат, чиновников, сыщиков и жандармов. Чтобы выдержать эту борьбу, чтобы остаться в ней победителями, мы должны собрать все свои силы и противупоставить организаций — организацию, дисциплине — дисциплину. Враждебная нам армия с систематическою последовательностью и с неуклонною настойчивостью стремится дезорганизировать, терроризировать и уничтожить с корнем революционную партию в России. С точно такою же систематическою последовательностью, неуклонною настойчивостью должны и мы стремиться дезорганизировать, терроризировать и уничтожить с корнем существующую государственную власть.

Око за око, зуб за зуб, кровь за кровь! Как ее, так и нас должна воодушевлять только одна идея, как у нее, так и у нас должна быть только одна цель; как она, так и мы должны действовать по одному общему плану, подчиняясь одному общему руководительству, не разбиваясь по сторонам, ни на минуту не упуская из виду нашей основной задачи. Неудачи и многочисленные аресты могут в ближайшем будущем весьма плачевным образом отразиться на душевном настроении нашей революционной молодежи; они могут повлечь за собою преждевременное и совершенно напрасное разочарование и снова вызвать к жизни реакционные элементы революционной партии. Вот почему теперь, более чем когда-нибудь, необходимо всем искренним, преданным делу революционерам сплотиться в тесную организацию, чуждую всякого кружкового характера, — организацию дисциплинированную, иерархическую, подчиняющую личную инициативу общему руководству, вносящую целесообразность и единство в деятельность всех своих членов. Только при такой организации может быть с успехом и с наименьшею затратой сил, достигнута наша ближайшая и в настоящее время наша единственная задача — задача терроризировать и дезорганизировать правительственную власть. Только такая организация может оградить личную безопасность революционных борцов, только она может дать нам возможность отомстить нашим палачам за наших мучеников-героев, за наших дорогих братий и товарищей. Только с ее помощью в состоянии мы будем удержаться на том пути непосредственно революционной деятельности, на который вступила теперь лучшая и наиболее энергическая часть нашей молодежи. Организация, как средство, терроризирование и уничтоже-

ние существующей правительственной власти, как ближайшая, насущнейшая цель — такова должна быть в настоящее время единственная программа деятельности всех революционеров (без различия фракций), таков должен быть их mot d'ordre, девиз их знамени. „И сим знаменем победиша!“.

---

7. Успехи революционной пропаганды в России.

(Записка министра юстиции графа Палена [1]) — „Былое“, 1907 г., XI, стр. 268—276.)

В начале 1874 г. в некоторых из губерний средней и преимущественно восточной полосы России стали обнаруживаться признаки противоправительственной пропаганды: сначала темные и неопределенные, потом все более и более ясные и несомненные, и, наконец, 31 мая того же 1874 года было возбуждено в городе Саратове дознание о распространении в народе книг революционного содержания. Первыми же действиями этого дознания было установлено, что многие молодые люди, из которых некоторые бросили ученье, оделись в крестьянские костюмы, запаслись фальшивыми письменными видами и в качестве простых чернорабочих двинулись, по их выражению, „в народ“, имея задачею проводить в нем, путем печатных сочинений и устной пропаганды, революционные идеи. Развиваясь далее, саратовское дознание обнаружило: во 1), что в Москве уже довольно продолжительное время существует типография, содержимая правительственным стенографом Мышкиным и управляемая чиновником канцелярии московского генерал-губернатора Уткиным, в какой набирались и печатались книги и брошюры преступного содержания, массою захваченные в Саратове и долженствовавшие служить делу распространения в народе вышеозначенной пропаганды; во 2), что пропаганда эта не ограничивалась какой-либо отдельною местностью, а развивалась в большинстве великорусских и малорусских губерний, в 3), что деятели ее вполне между собою солидарны, как по направлению конечной цели, так и по самым приемам, средствам и способам своих действий. Произведенными дознаниями настолько уже выяснились в настоящее время все фазисы развития в России преступной революционной пропаганды, что представляется полная возможность с вероятностью определить как ее общий характер, так и те основания и условия, в силу существования которых в самом

---

[1]) Эта „записка“ — образец политической мудрости нашей бюрократии, — является важным историческим документом. Она была издана еще в 70-х годах за границею. Ред.

обществе она могла принять столь обширные размеры и выразиться в столь прискорбных проявлениях.

Еще в конце шестидесятых годов в городах С.-Петербурге и Москве в среде учащейся молодежи стало проявляться стремление к образованию ассоциаций, кружков с целью взаимного денежного вспомоществования, обмена мыслей и пополнения путем чтений и бесед пробелов школьного учения. Эти кружки „самообразования“, как их называли сами участники, вначале имели лишь приведенную выше задачу и программа их деятельности не переходила за пределы чисто-теоретических, литературных споров и юношеских увлечений. Материальные же средства, собираемые друг с друга, шли исключительно на поддержку бедных товарищей и покупку книг дозволенного содержания. Нет никакого сомнения, что направление, принятое в это время нашею, так называемою, обличительною, литературой, и систематическое преследование некоторыми из повременных изданий, как заграничных, так и местных, революционных тенденций, более или менее замаскированных громкими фразами о нуждах, пользах и бедственном положении низших классов народа, не могло пройти бесследно и не повлиять на впечатлительную и незнакомую с действительными условиями и потребностями государственной и экономической жизни народов молодежь, столь естественно стремящуюся в своих мечтаниях к возможности недосягаемых идеалов всеобщего братства, равенства и свободы. И вот в среде упомянутых выше кружков „самообразования“ стали все чаще и громче подыматься и обсуждаться вопросы о причинах существования и средствах облегчения и устранения того безвыходно-бедственного, будто бы, положения наших рабочих классов, о котором писалось и говорилось на все тоны, и которое проверить и изучить для учащейся молодежи не представлялось возможности. При суждениях об этих предметах указывалось на безграмотность нашей народной массы, как на одну из главнейших причин ее угнетенного положения, и на необходимость поэтому, прежде всего, озаботиться поднятием уровня ее умственного и нравственного развития.

Такими в сущности еще совершенно безвредными кружками были первоначально кружки студентов Петербургского университета и академий: Медико-хирургической и Петровской земледельческой, а позднее и воспитанников гимназий, семинарий и других учебных заведений, как в столице, так и во многих губернских городах: в Саратове, Пензе, Казани и пр.

Между тем, в начале 1872 г. стали появляться в среде учащейся молодежи, и притом в довольно значительных размерах, книги и издания заграничной прессы уже прямо революционного характера и направленные к ниспровержению существующего в России государственного строя. Издания эти, будучи произведением преимущественно русской эмиграции, имеющей в свою очередь близкие сношения с Интернациональным Обществом, провозились в Россию или путем контрабанды, или лично возвращающимися из-за границы русскими путешественниками, которые, пропитавшись там теориями

Бакунина и других ультра-демократов и социалистов, разносили по всем концам и классам России яд преступных учений и демагогических стремлений.

Развиваясь все более и более, поддерживаемая и руководимая во всех своих стремлениях постоянными сношениями с заграничным миром, русская революционная партия, естественно, должна была прежде всего обратить внимание на русскую учащуюся молодежь и, проникнув в нее под именем „друзей народа", стать во главе ее направления в качестве „глашатаев истины и добра". Первою, образовавшеюся с этой целью партией, может быть признана партия так называемых чайковцев, деятельность которых сначала проявилась в С.-Петербурге, а потом раскинулась и далее. Вращаясь преимущественно в среде молодежи и вербуя новых адептов, чайковцы проповедывали по бакунинским рукописям негодность существующего порядка; доказывали, что государство окончательно задавило и развратило русскую общину и что девизом того знамени, к водружению которого следует стремиться всем честным и благомыслящим людям, должно быть: „разрушение всех государств, уничтожение буржуазной цивилизации, вольная организация снизу вверх посредством вольных союзов, — организация разнузданной народной черни всего освобожденного человечества, создание нового общечеловеческого мира". (См. „Государственность и анархия", стр. 38.)... Как ни дико подобное учение, тем не менее сочинения Бакунина и проповеди его последователей имели на молодежь поразительное и страшное влияние. Не встречая нигде опровержения, сочинения эти интересовали молодежь как все запрещенное, увлекали ее как льстящие ее инстинктам и стремлениям, наконец, разделялись и усваивались ею как разрешающие мучительный вопрос: „Что делать?"

С этого времени (1873 г.) кружки „самообразования" теряют свой первоначальный, т.-е. теоретический характер и мало-по-малу переходят в сходки с ясно определенным направлением социального и демагогического свойства. Направление это растет и, наконец, под влиянием появившихся около этого времени первых выпусков издаваемого за границей Лавровым (Миртовым) журнала „Вперед", в начале истекшего 1874 года кружки петербургские и московские приходят к убеждению, что „пора итти в народ, пора начать действовать". Сходясь в воззрениях относительно главных начал и конечных целей своих учений, — уничтожение существующего порядка, — деятели революционной пропаганды могут тем не менее быть разделены на три отдельные группы, отличающиеся друг от друга теми средствами и приемами, которые каждый из них признает за наиболее успешные и действительные. Деятели первой группы утверждают, что никакой научной подготовки не нужно, что достаточно одной грамотности, самых элементарных познаний, и что затем следует немедленно итти в народ под видом простых рабочих, мастеровых, проповедывать в его среде революционные идеи и подготовлять его к открытому восстанию. Деятели второй группы

утверждают, напротив, что для серьезного агитатора в среде простого народа необходимы прочные научные знания и некоторая опытность, при чем, однако, отрицают ученые дипломы и всякие аттестаты, как средства, крайне деморализующие и обращающие свободного человека в буржуа, т.-е. в раба известной обстановки. Наконец, представители третьей группы — и, быть может, самой опасной — не только требуют серьезной научной подготовки и общего образования, при чем не отвергают значения дипломов и аттестатов, но признают, что для действительно успешного и возможно быстрого достижения предположенной цели — разрушения существующего строя — отнюдь нельзя ограничиваться революционною пропагандою исключительно лишь в среде простого народа, а следует каждому революционеру действовать в той среде, где он находится, независимо от того, будет ли это сфера простого рабочего, солдата, мастерового, или же учителя, акушерки, врача, вообще государственной службы.

Таким образом в начале 1874 г. деятели революционной пропаганды начинают одновременно свою преступную деятельность в разных пунктах и сферах нашего общества. Обладая достаточною энергиею и кое-какими материальными средствами, они не останавливаются ни перед чем, не стесняются никакими условиями и препятствиями, организуют постоянные между собою сношения, при чем весьма искусно затемняют их различными паролями, лозунгами, условными знаками и шифрами; весьма быстро проникают в высшие, средние и низшие учебные заведения, семинарии, гимназии и сельские народные школы; совращают молодежь не только путем распространяемых книг и устной пропаганды, но и путем близких отношений с имеющимися в их среде в немалом количестве молодыми женщинами и девушками и к концу 1874 г. успевают покрыть как бы сетью революционных кружков и отдельных агентов большую половину России. Дознаниями раскрыта пропаганда в 37 губерниях.

Всех привлеченных ныне в качестве обвиняемых к дознанию, произведенному в этих губерниях — 770, из них мужчин — 612, женщин — 158; под стражею — 265, на свободе, с принятием против них других мер, — 452; не розысканных — 53. Дознания показали, что многие лица не молодые, отцы и матери семейства, обеспеченные и материальными средствами и более или менее почетным положением в обществе, не только не противодействовали, а, напротив, нередко оказывали им видимое сочувствие, помощь и поддержку, как бы не сознавая в слепом своем фанатизме, что конечным последствием подобного образа действий должна быть гибель всякого общества и их самих. Так, довольно богатый землевладелец и мировой судья Пензенской губ., Ендауров, способствовал укрывательству одного из главных и опасных деятелей — Войнаральского, бывшего прежде того мировым судьей в Городищенском уезде. Так, жена оренбургского губернского жандармского управления полковника Голоушева не только не отклоняла своего сына от участия в деле преступной пропаганды, а, напротив, помогала ему советами и сведениями. Так, профессор Яро-

славского лицея Духовский не только принимал к себе агитатора Ковалика, но познакомил его и, так сказать, ввел во внутреннюю жизнь студентов-лицеистов. Так, весьма многие из уроженцев Вятской губ., привлеченные к дознанию в качестве обвиняемых в государственных преступлениях, оказались стипендиатами вятского земства, а председатель вятской губернской управы, Колотов, в выборе лиц на земские должности советовался со студентом казанского университета Овчинниковым (весьма сильно скомпрометированным по дознанию) и без его рекомендации не давал места. Так, автор нескольких сочинений, земский врач Португалов принимал к себе лиц, заведомо скрывающихся от розысков правительственных властей, и помогал им продолжать свою преступную деятельность. Так, весьма богатая и уже пожилая женщина, помещица Софья Субботина, не только лично и открыто вела революционную пропаганду среди ближайшего крестьянства, но склоняла к тому же свою воспитанницу Шатилову и дочерей, даже несовершеннолетних, посылала доканчивать образование в Цюрихе.

Так, Плетнев-отец (бывший чембарский казначей), прочитав найденную им у сына, гимназиста книгу революционного содержания, прямо заявил, что готовит сына „для народа". Но, к его несчастью, правительство это преждевременно обнаружило. Так, дочери действительных статских советников Наталья Армфельд, Варвара Батюшкова и Софья Перовская, дочь генерал-майора Софья Лешерн-фон-Герцфельд и многие другие шли в народ, занимались полевыми поденными работами, спали вместе с мужчинами, товарищами по работе, и за все эти поступки, повидимому, не только не встречали порицания со стороны некоторых своих родственников и знакомых, а, напротив, сочувствие и одобрение. И таких примеров много. Примеры эти, без сомнения, должны служить подтверждением того убеждения, что успехи пропагандистов зависят сколько от их собственных усилий и деятельности, столько от той легкости, с которой учения их проникают в разные слои общества, и от того сочувствия, которое они встречают. Так, например, трое из самых ярых вожаков крайней революционной партии: отставные артиллерийские поручики Рогачев и Кравчинский и студент Клеменс проживали несколько месяцев в разных семейных домах города Москвы, отнюдь не скрывая, а, напротив, пропагандируя свои учения и направления. И тот же вышеупомянутый Рогачев в Пензенской губ. познакомился с бывшим мировым судьей Войнаральским, который затем и обратился в одного из самых ревностных его последователей, пожертвовав почти всем состоянием до 40.000 р. на дело революционной пропаганды. В виду возможно большего и быстрого ее распространения в городах и селах устраивались школы, мастерские, рабочие артели и т. п. Так в Петербурге и Москве устроились мастерские: сапожная, столярная, слесарная и кузнечная; в Саратове — сапожная; в Одессе — кузнечная; в Екатеринославе — бондарная, в губерниях: Полтавской, Курской, Ковенской на фермах проживали пропагандисты и готовились к пропаганде среди земледельческого класса.

Подготовляя себе среди рабочего класса адептов и помощников и, в свою очередь, пропагандистов, вожаки этого дела распространяли свои мысли и взгляды путем устной пропаганды, а также посредством огромного количества книг и брошюр, написанных в форме общедоступных народных рассказов. Таковы: „Дедушка Егор“, „Митюха“, „Степные очерки“ Левитова, „Очерки фабричной жизни“ Голицинского, „Сила солому ломит“ и т. п. Во всех этих книжках пропагандируется мысль о безвыходном положении рабочего класса, об эксплоатации его капиталом, о гибельных последствиях кулачества, и, наконец, выставляются резкие примеры успешного протеста со стороны задавленного крестьянства и вообще низших классов. К подобным книжкам, но уже с более определенным бунтовским направлением, относятся брошюры „О Стеньке Разине“, в коих восхваляются и воспеваются его действия и казнь, как подвиги великого гражданского мужества на защиту угнетенного народа. Далее следуют книги: „История французского крестьянина“, „Сказка о четырех братьях“, „Сборник новых стихов и песен“, „Хитрая механика“, воззвание, начинающееся словами: „Чтой-то, братцы“. Эти последние сочинения уже ясно революционного, вызывающего к открытому восстанию, направления. Так, „Сказка о четырех братьях“ оканчивается следующими словами: „Гой вы, братцы мои любезные, уж неужто мы станем в Сибири сидеть, на казну работать государеву“!

Действуя таким образом, агитаторы все менее и менее стесняются в выборе средств для своей преступной деятельности. Так, князь Крапоткин еще в 1873 г. объяснял на лекции, в устроенной в С.-Петербурге школе, рабочим о значении Интернационального Общества на Западе и проповедывал революцию; устраивались сходки, библиотеки, кассы; достаточно подготовленные фабричные мастеровые снабжались книгами, деньгами и отправлялись на родину, где должны были подготовлять народ к восстанию, донося об успехах пропаганды своим учителям, организаторам; самое время для открытого восстания уже было ими намечено: предполагалось начать его тотчас по объявлении ожидаемой войны с Германией, при чем успех восстания обеспечивался отвлечением военных сил к границе. Песня играла всюду немаловажную роль; многие песни крайне возмутительного содержания выучивались наизусть и даже, случалось, распевались на улицах. Всюду, где появлялись агитаторы, — тотчас же образовывались или притоны для укрывательства, или оставлялись агенты для сообщения о ходе движения и извещения на случай опасности; у этих же агитаторов хранились адреса единомышленников в других городах и селах, ключи к шифрам, деньги и книги; к ним же обращался всякий вновь прибывший агитатор и получал пособия и указания, как и где действовать. В это же время из типографии Мышкина в Москве рассылались повсюду в огромном количестве книги и брошюры и вместе с тем печаталось сочинение Лассаля, предназначенное для молодежи в видах убеждения ее в необходимости изменения существующего экономического и социального строя и водворения коммунистических начал. На случай опасности пропаган.

дисты нередко запасались револьверами, а в киевском революционном кружке выработан был план вооруженного сопротивления властям при арестовании, и даже подготовлялись яды с тою же оборонительною целью. Вообще агитаторы не отказывались и от общих преступлений, и от близких сношений с общими преступниками, если находили в том свою выгоду. Так, в Саратове предполагалось для обогащения революционной кассы напасть с оружием в руках и ограбить одну богатую даму, приезд которой ожидался с большими деньгами для покупки имения. В письме студента Паевского прямо говорится, что он вполне сочувственно относится к возникающему сообществу, имеющему целью поддержку и распространение фальшивых ассигнаций. В числе адресов, отобранных от Войнаральского, Речицкого, Логинова, оказались адресы известных в околотке конокрадов, воров и мошенников, как личностей, более для их целей пригодных, чем элементы чистые и спокойные. В городе Николаевске Самарской губ., присужденные к лишению всех прав состояния и ссылке в Сибирь на каторжные работы и на поселение арестанты были подговорены к побегу, снабжены подпилками, фальшивыми печатями для паспортов и, наконец, ядовитыми порошками для отравления конвоя, — все это для того, чтоб обратить их во врагов правительства и в так называемых „друзей народа“. На вопрос одного из арестантов, зачем они, арестанты, им, пропагандистам, нужны? было получено в ответ: „нам нужен такой народ, который готов решиться на все, а народу этого легче набрать из арестантов, острожников, — из свободного народа решительных подобрать труднее. Нужны же нам решительные люди для того, чтоб порешить власть царя“. Сын дворянина Андрей Кулябко 15 лет, увлеченный в дело пропаганды Рогачевым и Войнаральским, как можно полагать, по приказанию Рогачева, уговаривал своего брата, 17 лет мальчика, обокрасть дядю, который их обоих содержал и воспитал, и затем бежать с украденными деньгами. В киевском кружке предполагалось ограбить почту, для чего 18-летний отставной юнкер Гиренович должен был поступить на службу в местный почтамт.

Заканчивая краткий обзор добытых дознанием данных, нельзя не вывести из них следующих главных положений: А). В России существуют тайные и противозаконные сообщества, имеющие целью ниспровержение государственного устройства, всего существующего порядка и водворение полнейшей анархии. Б). Сообщества эти состоят из множества мелких, самостоятельно действующих отдельных кружков и даже личностей, но связанных между собою как совершенною солидарностью целей и способов действий, так и постоянными сношениями. В) Сношения между кружками, а равно организация новых, производятся уполномоченными на то агентами. Г). Пропаганда производится как устно, так и прямым распространением книг, брошюр и вообще разного рода печатных и рукописных сочинений. Д) Стремясь к известной, точно определенной цели — к ниспровержению существующего порядка, деятели революции идут

по строго последовательно выполняемому плану. Е). План этот, в главных чертах изложенный программой князя Крапоткина, представляет, между прочим, ту опасность, что, как бы ни были энергичны расследования и преследования виновных, все же, несомненно, останутся нераскрытыми несколько отдельных кружков и личностей, которые и будут неутомимо продолжать свою преступную деятельность. Ж). Быстрые успехи пропаганды должны быть приписаны как тому, что деятельность агитаторов не встречала довольно сильного и громкого порицания со стороны общества, которое, не отдавая себе вполне ясного отчета в значении и цели этих преступных стремлений, до сих пор относилось к ним с апатией, равнодушием, а иногда даже с сочувствием, так, в особенности, и тому, что молодежь, составляющая главный контингент лиц, занимающихся пропагандой, не находит отпора в той среде, где она растет и развивается, ибо те нравственные основы воспитания, которые может дать только семья, повидимому, вовсе не развиты у многих из этих молодых людей, не обладающих при поступлении в школы никакими твердыми началами уважения религии, семейства, чужих прав, личности и собственности.

---

8. „Земля и Воля“.

(Передовая статья „Земля и Воля“, № 1, 25 октября 1878 г.)

Есть между русскими социалистами партия, которая отодвигает на задний план в своей программе элемент активной борьбы. Ее главное оружие — широкая проповедь идей социализма в народе, ближайшая цель — образование интеллигентного социалистического меньшинства среди рабочего люда, основание социалистической партии для активной борьбы лишь в более или менее отдаленном будущем.

Мы нисколько не отрицаем словесной пропаганды per se. Мы думаем только, что никакая живая партия не может обойтись без активной борьбы, без практической агитации.

Вот в чем главная разница между нами и пропагандистами. Как легко видеть, она нисколько не мешает нам желать им возможно полного успеха в их деятельности и помогать им, где возможно.

Есть еще одно течение в русском социализме, заявившее себя в социалистической литературе в заграничном органе „Набат“.

Программа его — захват в свои руки власти путем заговора, или государственного переворота, с целью декретирования нового политического и экономического строя.

Каковы бы ни были наши теоретические несогласия, мы должны признать, что среди нашего общества, страдающего повальной поли-

тической спячкой, среди всеобщего бесправия, партия, стремящаяся подкопать власть современного деспотического правительства, может облегчить немало борьбу социалистов-революционеров.

Деятельность якобинцев, как дезорганизаторов власти, встретит всегда сочувствие с нашей стороны. В этом они убедятся на деле, коль скоро примутся за практическую деятельность заговорщиков-разрушителей.

На счет конституционных вожделений мы пока ничего сказать определенного не можем. Наши отношения к ним определятся, когда конституционалисты выступят как действующая партия.

Но они могут быть уверены в одном, что всякая попытка борьбы за права человека, за расширение свободы мысли нам не менее дорога, чем русским либералам.

Земля и Воля! — вот два магических слова, много раз поднимавшие из глубины России могучие стихийные движения. Дважды чуть не повалили они государственной Руси и до сих пор глубоко волнуют душу серого крестьянства от одного конца России до другого.

Земля и Воля! — вот тот девиз, который написали на своем знамени, верные духу и истории своего народа, наши предшественники, социалисты-народники 60-х годов.

Те же слова пишем на нашем знамени и мы.

Мы убеждены, что только те культурные формы имеют историческое будущее, которые коренятся в умах и стремлениях народных масс; мы не верим в возможность путем предварительной работы создать в народе идеалы, отличные от развитых в нем всей предшествующей его историей. На все попытки подобного рода мы смотрим, как на совершенно нерассчетливую трату сил, потому что опыт всех прошлых движений, во всех землях и у всех народов, начиная с крестьянских восстаний и кончая Парижской Коммуной, показывает нам, что всякое революционное движение, по мере своего расширения, необходимым образом развивает, очищает и совершенствует те революционные элементы, которые послужили первоначальным стимулом движения.

Революции — дело народных масс. Подготовляет их история. Революционеры ничего направить не в силах. Они могут быть только о р у д и я м и истории, выразителями н а р о д н ы х стремлений. Роль их заключается только в том, чтобы, организуя народ во имя его стремлений и требований и поднимая его на борьбу с целью их осуществления, содействовать ускорению того революционного процесса, который, по непреложным законам истории, совершается в данный период. Вне этой роли, они — ничто; в пределах ее они — один из могущественнейших факторов истории.

Поэтому основанием всякой истинно-революционной программы должны быть народные идеалы, как их создала история в данное время и в данной местности.

Во все времена, где бы и в каких бы размерах ни поднимался русский народ, он требовал Земли и Воли!

Земли — как общего достояния тех, кто на ней работает, и Воли — как общего права всех людей самим распоряжаться своими делами.

Отнятие земель у помещиков и бояр, изгнание, а иногда поголовное истребление всего начальства, всех представителей государства и учреждение „казачьих кругов", т.-е. вольных, автономных общин с выборными, ответственными и всегда сменяемыми исполнителями народной воли, — такова была всегда неизменная „программа" народных революционеров-социалистов: Пугачева, Разина и их сподвижников.

Такова же, без сомнения, остается она и теперь для громадного большинства русского народа.

Поэтому ее принимаем и мы, революционеры-народники.

Этой программой мы выдвигаем на первый план вопрос аграрный. Вопрос же фабричный мы оставляем в тени, и не потому, чтобы не считали экспроприацию фабрик необходимою, а потому, что история, поставившая на первый план в Западной Европе вопрос фабричный, у нас его не выдвинула вовсе, заменив его вопросом аграрным. А между тем революционное движение, поднявшееся во имя земли, на другой же день роковым образом само придет к сознанию необходимости экспроприации фабрик и полного уничтожения всякого капиталистического производства, потому, что, сохранив его, оно само вырыло бы себе могилу. Точно так и городское социалистическое движение, если бы оно началось независимо от деревни, неминуемо наткнулось бы с первых же шагов на вопрос о социализме аграрном.

По тем же причинам не станем мы предрешать в нашей программе вопросов, касающихся частных форм будущего социалистического строя. Все это вопросы будущего. Предоставим же будущее будущему. Настоящему предстоит достаточно громадная задача: осуществление народной революции, которая одна в состоянии развить будущий социалистический строй из тех элементарных основ социализма, которые уже созданы в умах народа.

По подлиннику.

---

9. Русскому рабочему остается только надеяться самому на себя.

(Речь П. А. Алексеева [1]) на суде.)

Мы, миллионы людей рабочего населения, чуть только станем ступать на ноги, — бываем брошены отцами и матерями на произвол судьбы, не получая никакого образования, за неимением школ

[1]) П. А. Алексеев, „Рабочий-ткач (1849—1891)". Вместе с рядом других лиц, принадлежавших к народническому кружку, он был предан суду Особого Присутствия Сената по так называемому „процессу 50" или „москвичей", который слушался с 21 февраля по 14 марта 1877 г. Обвинялась вся эта группа в отрицании семьи, собственности, религии и государства, а сущ-

и времени от долгого непосильного труда и скудного за это вознаграждения. Девяти лет — мальчишками — нас стараются проводить с хлеба долой на заработки. Что же нас там ожидает? Понятно, продаемся капиталисту на сдельную работу из-за куска черного хлеба, поступаем под присмотр взрослых, которые розгами и пинками приучают нас к непосильному труду, питаемся кое-как, задыхаемся от пыли и испорченного, зараженного разными нечистотами воздуха, спим где попало на полу, без всякой постели и подушки в головах, завернувшись в какое-нибудь лохмотье и окруженные со всех сторон бесчисленным множеством разных паразитов. В таком положении некоторые навсегда затупляют свою умственную способность, и у них не развиваются нравственные понятия, усвоенные еще в детстве; остается все то, что только может выразить одна грубо воспитанная, всеми забытая, от всякой цивилизации изолированная, мускульным трудом зарабатывающая хлеб рабочая среда. Вот, что нам, рабочим, приходится выстрадать под ярмом капиталиста в этот детский период! И какое мы можем усвоить понятие по отношению к капиталисту, кроме ненависти? Под влиянием таких жизненных условий с малолетства закаляется у нас решимость до поры терпеть, с затаенной ненавистью в сердце, весь давящий нас гнет капиталистов и без возражений переносить все причиняемые нам оскорбления.

Взрослому работнику заработную плату довели до минимума; из этого заработка все капиталисты, без зазрения совести, стараются всевозможными способами отнимать у рабочих последнюю трудовую копейку и считают этот грабеж доходом. Самые лучшие, для рабочих, из московских фабрикантов и те, сверх скудного заработка, эксплоатируют и тиранят рабочих следующим образом. Рабочий отдается хозяину на задельную работу беспрекословно и с точностью исполнять все рабочие дни и работу, для которой поступил, не исключая и бесплатных хозяйских чередов. Рабочие склоняются перед капиталистом, когда им, по праву или не по праву, пишут штраф, боясь лишиться куска хлеба, который достается им 17-часовым дневным трудом. Впрочем, я не берусь описывать подробности всех злоупотреблений фабрикантов, потому что слова мои могут показаться неправдоподобными для тех, которые не хотят знать жизни работников и не видели жизни московских рабочих, живущих у знаменитых русских фабрикантов: Бабкина, Гучкова, Бутикова, Морозова и других.

ность ее деяний сводилась к пропаганде. Процесс привлек к себе общее внимание, главным образом, благодаря речам двух обвиняемых — Софии Бардиной и Петра Алексеева.

Происходил Алексеев из крестьянской семьи; кошмарно-тяжелые условия работы на фабрике не убили в нем стремления к знанию, а встреча с пропагандистами дала понимание действительности и сделала из Алексеева стойкого и убежденного рабочего-революционера. Умер Алексеев в сибирской ссылке от руки случайных грабителей.

Речь П. А. Алексеева, с незначительными сокращениями печатается по изданию 1878 г. Петербургской Вольной типографии.

Председатель, сенатор Петерс. Это все равно. Вы можете этого не говорить.

Петр Алексеев. Да, действительно, все равно, везде одинаково рабочие доведены до самого жалкого состояния 17-часовой дневной труд — и едва можно заработать 40 коп.! Это ужасно! При такой дороговизне съестных припасов приходится выделять из этого скудного заработка на поддержку семейного существования и уплату казенных податей! Нет! При настоящих условиях жизни работников невозможно удовлетворять самым необходимейшим жизненным потребностям человека. Пусть пока они умирают голодной, медленной смертью, а мы, скрепя сердце, будем смотреть на них до тех пор, пока не освободим из-под ярма нашу усталую руку и свободно можем тогда протянуть ее для помощи другим! Отчасти все это странно, все это непонятно, темно и отчасти как-то прискорбно, а в особенности сидеть на скамье подсудимых человеку, который чуть ли не с самой колыбели всю свою жизнь зарабатывал 17-часовым трудом кусок черного хлеба. Я несколько знаком с рабочим вопросом наших собратьев-западников. Они во многом не походят на русских: там не преследуют, как у нас, тех рабочих, которые все свободные минуты и много бессонных ночей проводят за чтением книг; напротив, там этим гордятся, а о нас отзываются, как о народе рабском и полудиком. Да как иначе о нас отзываться? Разве у нас есть свободное время для каких-нибудь занятий? Разве у нас учат с малолетства чему-нибудь бедняка? Разве у нас есть полезные и доступные книги для работника? Где и чему они могут научиться? А загляните в русскую народную литературу! Ничего не может быть разительнее того примера, что у нас издаются для народного чтения такие книги, как „Бова Королевич“, „Еруслан Лазаревич“, „Ванька-Каин“, „Жених в чернилах и невеста во щах“, и т. п. Оттого-то в нашем рабочем народе и сложились такие понятия о чтении: одно — забавное, а другое — божественное. Я думаю, каждому известно, что у нас в России рабочие все еще не избавлены от преследований за чтение книг; а в особенности — если у него увидят книгу, в которой говорится о его положении, тогда уж держись! Ему прямо говорят: „ты, брат, не похож на рабочего, ты читаешь книги“. И страннее всего то, что и иронии незаметно в сказанных словах, что в России походить на рабочего то же, что походить на животное. Господа! Неужели кто полагает, что мы, работники, ко всему настолько глухи, слепы, немы и глупы, что не слышим, как нас ругают дураками, лентяями, пьяницами? Как будто уж и в самом деле работники заслуживают слыть в таких пороках? Неужели мы не видим, как вокруг нас все богатеют и веселятся за нашей спиной? Неужели мы не можем сообразить и понять, почему это мы так дешево ценимся, и куда девается наш невыносимый труд? Отчего другие роскошествуют, не трудясь, и откуда берется ихнее богатство? Неужели мы не чувствуем, как тяжело повисла на нас так называемая всесословная воинская повинность? Неужели мы не знаем, как медленно и нехотя решался вопрос о введении сельских школ для

образования крестьян, и не видим, как сумели его поставить? Неужели нам не грустно и не больно было читать в газетах высказанное мнение о найме работающего класса? Те люди, которые такого мнения о работниках, будто они нечувствительны и ничего не понимают, — глубоко ошибаются. Рабочий же народ, хотя и остается в первобытном положении, и до настоящего времени не получает никакого образования, но он смотрит на это, как на временное зло, как и на самую правительственную власть, временно захваченную силою, и только для одного разнообразия ворочающую все с лица да на изнанку. Да больше и ждать от нее нечего! Мы, рабочие, желали и ждали от правительства, что оно не будет делать подобных тягостных для нас нововведений, не станет поддерживать рутины, обеспечит материально крестьянина, выведет нас из первобытного положения и пойдет скорыми шагами вперед. Но, увы! Если оглянемся назад, то получаем полное разочарование, и если при этом вспомним незабвенный, предполагаемый день для русского народа, — день, в который он с распростертыми руками, полный чувства радости и надежды обеспечить свою будущую судьбу, благодарил царя и правительство, — 19 февраля. И что же? И это было для нас одной мечтой и сном. Эта крестьянская реформа 19 февраля 61-го года, реформа „дарованная", хотя и необходимая, но не вызванная самим народом, не обеспечивает самые необходимые потребности крестьянина. Мы попрежнему остались без куска хлеба с клочками никуда негодной земли и перешли в зависимость к капиталисту. Именно, если свидетель, приказчик фабрики Носовых, говорит, что у него, за исключением праздничного дня, все рабочие под строгим надзором, и неявившийся в назначенный срок на работу не остается безнаказанным, и окружающие ихнюю сотни подобных фабрик, набитых крестьянским народом, живущим при таких же условиях, значит — они все крепостные. Если мы, к сожалению, нередко бываем вынуждены просить повышения пониженной самим капиталистом заработной платы, нас обвиняют в стачке и ссылают в Сибирь, значит — мы крепостные. Если мы со стороны самого капиталиста вынуждены оставить фабрику и требовать расчета, вследствие перемены доброты материала и притеснения от разных штрафов, — нас обвиняют в составлении бунта и прикладом солдатского ружья приневоливают продолжать у него работу, а некоторых, как зачинщиков, ссылают в дальние края, значит — мы крепостные. Если из нас каждый отдельно не может подавать жалобу на капиталиста и первый же встречный квартальный бьет нам в зубы кулаком и пинками гонит вон, значит — мы крепостные!

Из всего мною вышесказанного видно, что русскому рабочему народу остается только надеяться самому на себя и не от кого ожидать помощи, кроме от одной нашей интеллигентной молодежи.

Председатель вскакивает и кричит: „Молчите! Замолчите!"

Петр Алексеев (возвысив голос, продолжает). Она одна братски протянула к нам свою руку. Она одна откликнулась, подала свой голос на все слышанные крестьянские стоны Российской

империи. Она одна до глубины души прочувствовала, что значит и отчего это отовсюду слышны крестьянские стоны. Она одна не может холодно смотреть на этого изнуренного, стонущего под ярмом деспотизма, угнетенного крестьянина. Она одна, как добрый друг, братски протянула к нам свою руку и от искреннего сердца желает вытащить нас из затягивающей пучины на благоприятный для всех стонущих путь. Она одна, не опуская руки, ведет нас, раскрывая все отрасли для выхода всех наших собратьев из этой лукаво подстроенной ловушки, до тех пор, пока не сделает нас самостоятельными проводниками к общему благу народа. И она одна неразлучно пойдет с нами до тех пор, пока (говорит, подняв руку) подымется мускулистая рука миллионов рабочего люда.....

Председатель волнуется и, вскочив, кричит: „Молчать! молчать!“

Петр Алексеев (возвышая голос).... и ярмо деспотизма, огражденное солдатскими штыками, разлетится в прах!.....

---

10. Южно-Русский Рабочий Союз.

а) Устав „Южно-Российского Союза Рабочих“.

(В. Невский, „Очерки по истории РКП (б)“. Лгр. 1924, стр. 571—572.)

I. Сознавая,

что установившийся ныне порядок не соответствует истинным требованиям справедливости относительно рабочих;

что рабочие могут достигнуть признания своих прав только посредством насильственного переворота, который уничтожит всякие привилегии и преимущества и поставит труд основою личного и общественного благосостояния;

что этот переворот может произойти только при полном сознании всеми рабочими своего безвыходного положения и при полном их объединении, мы, рабочие Южно-Российского края, соединяемся в один союз под названием: „Южно-Российского Союза Рабочих“, поставляя себе целью:

во-первых: пропаганда идеи освобождения рабочих из-под гнета капитала и привилегированных классов;

во-вторых: объединение рабочих Южно-Российского края;

в-третьих: для будущей борьбы с установившимся экономическим и политическим порядком.

II. При союзе находится касса, суммы которой в первое время предназначаются для пропаганды идей освобождения рабочих, а впоследствии и для борьбы за эту идею.

III. Членом союза может быть каждый трудящийся человек, ведущий близкие сношения с рабочими, а не с привилегированными классами, и сочувствующий своими поступками основному желанию рабочих — борьбе с привилегированными классами во имя своего освобождения.

IV. Обязанности личности каждого члена к союзу и союза к личности обусловливаются следующим: один за всех и все за одного.

V. Член Союза, проговорившийся постороннему лицу о существовании союза или не исполняющий в точности своих обязанностей к союзу, считается изменником.

VI. Каждый член должен быть готовым на всякую жертву, если эта жертва требуется для спасения союза.

VII. Каждый член должен распространять между своими товарищами основные идеи нашего союза и побуждать их присоединиться к нашему делу освобождения рабочих.

VIII. Каждый член обязан вносить в кассу еженедельно по 25 к. (в продолжение года).

IX. Член, не вносивший в продолжение пяти недель никакого взноса и не представивший никаких уважительных причин, должен быть исключен из союза.

X. Каждый кружок имеет право давать разные льготы своим членам относительно взносов в кассу.

XI. Внесенные деньги делаются принадлежностью целого общества. Ни один член не имеет права взять свои деньги обратно.

XII. Распределение денег и расход их может быть производим с согласия всех членов союза.

XIII. Для хранения денег общество избирает из своей среды кассира, который по требованию общества обязан давать подробный отчет о деньгах.

XIV. Первые шесть месяцев со дня устройства кассы, деньги не должны быть расходуемы.

XV. Союз разделяется на общества, которых теперь два: Одесское и Ростовское; общества—на кружки; каждый кружок имеет своего депутата (представителя), который избирается на один месяц. Обязанности депутата следить за взносами в кассу, заботиться, чтобы все правила союза были в точности исполняемы в его кружке, заботиться о нуждах союза и присутствовать каждое воскресенье при собрании депутатов.

XVI. Устав этот может быть изменяем и дополняем с согласия всех членов союза.

б) „Первая рабочая социалистическая организация в Одессе" (1875 г.).

(М. П. Скв е р и. Одесса, 1921, стр. 37 — 41.)

Пропаганду вели сами рабочие,— у нас не было особых пропагандистов, — и дело у них спорилось; не может быть никакого сравнения с неумелыми попытками интеллигентной молодежи, поступавшей тогда на фабрики для пропаганды. Сыск еще не был так

усовершенствован, как впоследствии; в своей среде рабочие действовали свободно, и пропаганда в короткое время захватила большие круги, в особенности в железнодорожных мастерских, куда перешел Рыбицкий. Он не ограничивался мастерской, — где бы он ни был, с кем бы он ни встречался, везде и во всякое время он был прежде всего агитатором. Особенно по душе, казалось, была ему летучая пропаганда в незнакомой среде, в случайных встречах, без установления прочной связи. Он посещал трактиры, заводил разговоры со случайными соседями и раздавал книжки и листки. Одна из таких случайных встреч и повела к провалу. Большинство же рабочих и не смотрело на дело, как на пропаганду; они просто делились с товарищами по работе своими мыслями о Союзе рабочих, заинтересовывали их, давали книжки и приводили на сходки, которые становились все многолюднее. Таким образом, вокруг Союза толпилась рабочая масса, вбиравшая в себя идеи Союза и считавшая его своим делом. Союз, несомненно, был бы рано или поздно ликвидирован, даже если бы ему и не повредила летучая пропаганда посредством книжек и листков, не вполне соответствовавших его целям, но если предположить возможность его независимого и спокойного развития, то, судя по составу рабочих и по умеренной и осторожной тактике Е. О. Заславского, всегда старавшегося итти в уровень со средой, Союз, вероятно, постепенно пришел бы к целям и задачам профессиональных союзов...

По группам, так как общих собраний вследствие их многочисленности собирать было в последнее время невозможно, обсуждались общие вопросы, а сводка решений производилась на собрании „депутатов". Таких вопросов между прочим помню два: о пропаганде в деревне и о шпионах и предателях. До сих пор ярко помню сценку в душной, маленькой, тускло освещенной комнатке, переполненной рабочим народом. Сидели у стола, на кровати, на внесенных из кухни скамьях; сидели на полу, стояли, опираясь на стены, и толпились у дверей. Из группы у дверей отделился высокий стройный рабочий-украинец, лет тридцати, вышел на середину комнаты с палкой в руке и приподнятым, громким голосом заговорил: „В деревню к народу надо итти по-апостольски... Посох в руки, котомку за плечи и геть в деревню, из села в село... Книжки читать там не будут, не умеют, грамотеев нема... Словом проповедывать надо".

Вышло очень картинно и внушительно, но после долгого шумного обсуждения склонились к другому методу, более соответствовавшему духу и характеру Союза. Предполагалось переселять на постоянное жительство в деревню тех из рабочих, которые сохранили связь с деревней или имеют склонность к крестьянской жизни. На переселение и обзаведение хозяйством средства должен дать Союз. Переселяющийся в деревню прочно оседает там и ведет чисто крестьянскую жизнь. Около него должны постепенно образовываться группы, тесно связанные между собой и Союзом. Первым пионером должен был поехать Лущенко, который вообще рвался в деревню. Этот план был потом одобрен Союзом.

в) Прокламация.

От Южного Рабочего Союза.

Ко всем рабочим!

Всякий ждет себе от нового царя разных льгот, но боится заявить о своих нуждах, чтоб не назвали его бунтовщиком, а потому мы, „Южного Союза“ рабочие, берем на себя почин и выскажем то, что у каждого рабочего на уме. Вот те требования, которые мы послали царю через графа Лорис-Меликова:

1) Свобода сходок, для обсуждения своих нужд.

2) Уничтожение налога на душу; брать подати только с дохода.

3) Годовой доход в пятьсот рублей свободен от налога. С каждой сотни дохода свыше пятисот руб. взимать по 1 руб.

4) Заменить теперешнюю паспортную систему новой: чтоб, раз взявши паспорт, где прописан, можно было переменить его на том месте, где рабочий находится.

5) Издание законов, защищающих рабочих от произвола хозяев мастерских, фабрик и заводов.

а) Поденная плата должна быть не менее 1 р. 50 к.; поштучная, месячная и годовая приноравливаются к поденной.

б) Во время дороговизны поденная плата не менее 2 руб.

в) Число рабочих часов не более 8. Для женщин не более 6.

г) На фабриках воспретить работу детей до 14 лет.

д) На фабриках и в мастерских, где работает не менее 10-ти рабочих, должны быть выбраны из среды рабочих, по каждому ремеслу не менее двух оценщиков (средней способности и знания), которые вместе с мастером или хозяином назначают поштучную плату сообразно с поденной. Из таких оценок составить тариф для обыкновенного времени, и времени дороговизны.

6) В виду безработицы сделать ссуду деньгами на устройство артельных мастерских и артельных магазинов для склада и продажи работ.

7) В артельные магазины принимать работы бедных хозяев одиночек, платить им рыночную цену, взимая с 1 руб. 1 коп. для покрытия расходов по содержанию магазина.

8) Наделить землей рабочих не мастеровых, в состав которых входят: отставные и билетные солдаты, городские мещане-бедняки и сельские крестьяне, наплыв которых увеличивает нищету городских рабочих.

9) Закон о нищих. Годные к работе нищие поступают в артельные мастерские, а не годные в особые приюты на счет казны.

10) Приюты для сирот рабочих и для детей пострадавших рабочих, где могли бы они получить образование ремесленно-научное.

11) Снарядить комиссии для установления квартирной таксы сообразно с заработками.

12) Снарядить комиссии для установления таксы на съестные припасы и контролирования их доброкачественности.

13) Даровое обучение детей рабочего класса ремеслам и наукам, пригодным к жизни.

14) Позволить рабочим фабрик и мастерских устраивать кассы для взаимной поддержки в нужде.

15) Для уменьшения пьянства и разврата устроить бесплатные читальни с газетами и книгами, доступными для рабочих. Позволить воскресные народные чтения тем, кто пожелает их устраивать.

16) Возвратить сосланных без суда рабочих, пострадавших за интересы своих товарищей.

Мы, „Южного Союза" рабочие, взявшие на себя защиту интересов всех рабочих Южного края, объявили войну капиталистам-угнетателям и их защитникам. Пусть нас обвиняют в жестокости; убийство и насилие противны нам так же, как и всем честным людям; нас заставили прибегнуть к насилию: мы не видели никакой поддержки и защиты от царя, никакой пощады от хозяев-капиталистов! Грабеж, произвол, насилие и полное обездоливание — вот спутники жизни рабочего!.. Теперь настал новый царь. Что сделает он для народа, которому клялся быть верным, мы не знаем. Испробуем пока мирный путь. Ответа на свои требования мы будем ждать месяц. Если же мы убедимся, что и от нового царя помощи ждать нечего, тогда мы будем действовать собственными силами, на свой страх! И кровь, пролитая нами, да падет на головы тех, кто мог примирить людей, но не сделал этого!!

Южно-русская вольная типография. 14 марта 1881 года.

---

11. Северный Союз Русских Рабочих.

а) Из программы „Северно-Русского Союза Рабочих".

(В. Невский, „Очерки по истории РКП (б), стр. 573—575.)

Сознавая крайне вредную сторону политического и экономического гнета, обрушивающегося на наши головы со всею силою своего неумолимого каприза, сознавая всю невыносимую тяжесть нашего социального положения, лишающего нас всякой возможности и надежды на сколько-нибудь сносное существование, сознавая, наконец, более невозможным сносить этот порядок вещей, грозящий нам полнейшим материальным лишением и парализациею духовных сил, мы, рабочие Петербурга, на общем собрании от 23 и 30 декабря 1878 г. пришли к мысли об организации обще-русского союза рабочих, который, сплачивая разрозненные силы городского и сельского рабочего населения и выясняя ему его собственные интересы, цели и стремления, служил бы ему достаточным оплотом в борьбе с социальным бесправием, и давал бы ему ту органическую внутреннюю связь, какая необходима для успешного ведения борьбы.

Организация „Северного Союза Русских Рабочих“ должна иметь строго определенный характер и преследовать именно те цели, какие поставлены в ее программе.

В члены этого Союза избираются исключительно только рабочие и через лиц более или менее известных, числом не менее двух.

„Северный Союз Русских Рабочих“, тесно примыкая по своим задачам к социально-демократической партии Запада, ставит своей программою:

1. Ниспровержение существующего политического и экономического строя государства, как строя крайне несправедливого.

2. Учреждение свободной народной федерации общин, основанных на полной политической равноправности и с полным внутренним самоуправлением на началах русского обычного права.

3. Уничтожение поземельной собственности и замену ее общинным землевладением.

4. Правильную ассоциационную организацию труда, предоставляющую в руки рабочих - производителей продукты и орудия производства.

Так как политическая свобода обеспечивает за каждым человеком самостоятельность его убеждений и действий, и так как ею прежде всего обеспечивается решение социального вопроса, то непосредственными требованиями Союза должны быть:

1. Свобода слова, печати, право собраний и сходок.
2. Уничтожение сыскной полиции и дел по политическим преступлениям.
3. Уничтожение сословных прав и преимуществ.
4. Обязательное и бесплатное обучение во всех школах и учебных заведениях.
5. Уменьшение количества постоянных войск или полная замена их народным вооружением.
6. Право сельской общины на решение дел, касающихся ее, как - то размера податей, надела земли и внутреннего самоуправления.
7. Уничтожение паспортной системы и свобода передвижения.
8. Отмена косвенных налогов и установление прямого, сообразно доходу и наследству.
9. Ограничение числа рабочих часов и запрещение детского труда.
10. Учреждение производительных ассоциаций, ссудных касс и дарового кредита рабочим ассоциациям и крестьянским общинам.

Вот в главных чертах та программа, руководиться какою поставило себе задачею общее собрание петербургских рабочих от 23 и 30 декабря.

Путем неутомимой и деятельной пропаганды в среде своих собратьев „Северный Союз“ надеется достичь тех результатов, которые выдвинут и у нас рабочее сословие и заставят его заговорить о себе, о своих правах; посему на обязанности каждого члена этого Союза

лежит священный долг вести посильную агитацию в угнетаемой и отзывчивой на требования справедливости рабочей массе. Услуга его не останется забытою потомством, и славное имя его, как апостола евангельской истины, занесется в летописи истории.

Рабочие! Вас зовем мы теперь, к вашему голосу совести и сознанию обращаемся мы.

Великая социальная борьба уже началась — и нам нечего ждать; наши западные братья уже подняли знамя освобождения миллионов, и нам остается только примкнуть к ним. Рука об руку с ними пойдем мы вперед и в братском единении сольемся в одну грозную боевую силу...

На нас, рабочие, лежит великое дело — дело освобождения себя и своих братьев, на нас лежит обязанность обновления мира, утопающего в роскоши и истощающего наши силы, — и мы должны дать его.

Вспомните, кто первый откликнулся на великие слова Христа, кто первый был носителем его учения о любви и братстве, перевернувшего весь старый мир, — простые поселяне... Мы тоже зовем к проповеди, мы тоже призываемся быть апостолами нового, но в сущности только непонятого и позабытого учения Христа. Нас будут гнать, как гнали первых христиан, нас будут бить и издеваться над нами, но мы будем неустрашимы и не постыдимся их поруганий, так как одно это озлобление против нас уже покажет нам их бессилие в борьбе с нравственным величием идей, в борьбе с тою силою, какую мы представим собою.

„Вы развращаете мир,— скажут нам,— вы разрушаете семью, вы попираете собственность и оскверняете религию“.— „Нет,— будем отвечать им,— не мы развращаем мир, а вы, не мы причина зла, а вы. Напротив, мы идем обновить мир, возродить семью, установить собственность, как она должна быть, и воскресить великое учение Христа о братстве и равенстве...

Рабочие! становитесь смело под наше знамя социального переворота, сомкнитесь в дружную братскую семью и, опоясавшись духовным мечом истины, идите проповедовать свое учение по городам и селам. Ваше будущее лежит в этой спасительной пропаганде, и ваш успех зависит от нравственной силы вашей; с нею мощны вы, с нею вы покорите мир.

Знайте, что в вас заключается вся сила и значение страны, вы — плоть и кровь государства, и без вас не существовало бы других классов, сосущих теперь вашу кровь. Вы смутно сознаете это, но у вас нет организации, нет идеи, которой бы руководились, нет, наконец, нравственной поддержки, столь необходимой для дружного отпора врага. Но мы, рабочие, организаторы „Северного Союза“, даем вам эту руководящую идею, даем вам нравственную поддержку в сплочении интересов и, наконец, даем вам ту организацию, в какой нуждаетесь вы.

Итак, за вами, рабочие, последнее слово, от вас зависит участь великого Союза и успех социальной революции в России.

Петербургская Вольная Типография.
12-го января 1879 г. Печатано по просьбе рабочих.

б) Письмо в редакцию „Земля и Воля“ от рабочих „Северного Союза“.

(„Земля и Воля“, № 5, 8 апреля 1879 г. „Революционная журналистика семидесятых годов“, Париж, 1905, стр. 434—438.)

Поговорим теперь о тех упреках, которые посыпались на наши головы тотчас по выходе „программы рабочих“. Главное обвинение сводилось к тому, что в нашей программе замечается путаница понятий и воззрений на различные оттенки революционной партии Запада и в особенности (что-де очень странно) замечается смешение социалистических требований с конституционными. Мы верим, что наша программа действительно должна была вызвать порицания именно этою стороною, но только мы, со своей стороны, ничего в ней нелогичного не видим. Ведь, собственно говоря, если мы разбираем какое-нибудь суждение, то нам нужно обратить внимание только на то, есть ли в нем логика, а не на то — из чьих мыслей и слов это суждение. Между тем многие, как видно, именно и обращают свое внимание только на последнее, и посему в своих замечаниях доходили до того, что требование политической свободы нами, рабочими, считали просто нелепым и невяжущимся с вопросом об удовлетворении желудка.

Вот здесь-то, признаться, мы и не видим никакой логики, ничего кроме недомыслия. Ведь высказать подобные соображения — значит, прямо отказывать нам даже в малейшем понимании окружающих явлений, значит — прямо глумиться над нашими мозгами и приписывать разрешение социального вопроса одним только желудкам. Боимся, чтобы при таком узком разрешении мы не пожрали друг друга.

Наша логика в данном случае коротка и проста. Нам нечего есть, негде жить, — и мы требуем себе пищи и жилища; нас ничему не учат, кроме ругательств и подпалочного подчинения, — и мы требуем изменения этой первобытной системы воспитания. Но мы знаем, что наши требования так и останутся требованиями, если мы, сложив руки, будем взирать с умилением, как наши „державные“ и другие хозяева распоряжаются нашими животами и пускают деревенских собратьев по-миру. И вот мы сплачиваемся, организуемся, берем близкое нашему сердцу знамя социального переворота и вступаем на путь борьбы. Но мы знаем также, что политическая свобода может гарантировать нас и нашу организацию от произвола властей, дозволит нам правильнее развить свое мировоззрение и успешнее вести дело пропаганды, — и вот мы, ради сбережения своих сил и скорейшего успеха, требуем этой свободы, требуем отмены разных стеснительных „положений“ и „уложений“. Такое требование тем более удобовыполнимо, что оно по вкусу говорунам — этим деятелям будущей всероссийской говорилки — следовательно, на осуществление его рассчитывать не так трудно. Да не подумают, чтобы и в самом деле политическая свобода входила в наши особенные планы и расчеты, и для нее мы отводили столь же почетное место, как и для основного нашего требования. Нет, мы

только говорим, что так было бы лучше, что эта свобода все-таки очень важное условие для скорейшего переворота и более или менее осмысленного решения социального вопроса; а осмысленность в движении, как и сами знаете, есть, в свою очередь, опять весьма важное условие для желанного исхода революции. Этим мы вовсе не хотим сказать, что ради осмысленности социальной революции мы желали бы ее оттянуть на бесконечно-длинное время. Вовсе нет, мы только говорим, что нужно пользоваться всем, что можно достать, нужно обращать внимание на все, что окажет услугу в нашем деле.

Гораздо важнее для нас ваши замечания относительно наших недостатков и пробелов по аграрному вопросу... Для нас столько же дорог мужичок с его родными лесами, как и фабричный, а улучшение быта первого даже важнее, потому что тогда ни один кулак не вызвал бы нас с своих полей служить своему ненасытному брюху. Не место, конечно, толковать здесь, в чем бы мы ни полагали разрешение аграрного вопроса и улучшение быта крестьянина. Мы знаем, что с него дерут все, что можно содрать, отнимают все, что можно отнять в виде податей, повинностей, оброков и поборов, в „пользу“ да „на пользу“. И все это, конечно, взимается, как и следует, по закону. Знаем также, что у нашего крестьянина нет ни порядочных школ, ни училищ, ничего такого, что бы хоть мало-мальски могло развить его духовную сторону. И это также в порядке вещей; потому, если на христолюбивое воинство и на различные затеи царских потешников и скоморохов издерживаются сотни миллионов, то на образование и неоткуда брать более тринадцати. Но самое главное, что гнетет нашего мужика, так это недостаток земли. Дадут ему две десятины, много три-четыре песку, пожелают при сем всех благ и оставят на произвол судьбы. „На, мол, хоть виноград сей; вмешиваться в хозяйство не станем, лишь бы денежки к сроку“. Ну вот и сеет он виноград в поте лица, чтобы потом „для вкуса“ пересыпать его мякиной или древесной корой. И платит за этот подарок крестьянская семья 18 — 25 руб., а на помещичьих землях — так и все 40 руб. И это за какие-нибудь 7 — 10 десятин песку да несколько десятин лесных и луговых угодий. Хорошо, если еще какая скотина есть, а то хоть „взвой да беги“. Посему — увеличение наделов сообразно потребностям семьи, на счет незанятых и помещичьих земель, узаконение только тех повинностей, которые прямо идут на удовлетворение нужд и потребностей крестьянской общины и на устройство школ и сельско-хозяйственных училищ, — вот что в общих чертах можем добавить к своей программе и выставить со своей стороны необходимыми требованиями...

в) Из прокламации.

№ 1. Петербург, 15 февраля 1880 г.

„РАБОЧАЯ ЗАРЯ“.

Слыхали вы, верно, братцы, что недавно здесь в Петербурге были арестованы две тайные типографии. Меж нами правительственные шпионы хотели распустить и распускали слухи, что издатели этих

тайных изданий злодеи, губители, что они нарочно хотят бунтовать народ — были только беспорядки — чтобы самим было легче наживаться при этих беспорядках. Не верьте этому, братцы. Правительство хочет только затуманить нам глаза, хочет скрыть от нас правду: это наши единственные друзья, единственные борцы за нас; они хотели нам показать наше положение, они хотели выяснить нам и всему русскому народу, почему мы так бедствуем, — хотели нас научить, каким путем можем мы добиться лучшего положения, и что мы видели от них худого? Они хотели видно нам говорить правду— хотели нам помочь, и за это правительство их гонит, арестует, вешает, мучит в тюрьмах и на каторге, и каково наше положение, братцы, вышедшие из народа, сотворенные его нищетой, бескровные и безземельные, подавляемые правительством, замучиваемые на фабриках и заводах, презираемые своими хозяевами, что взамен за свой непосильный труд, за свои страдания получаем мы, рабочие. С раннего утра до позднего вечера на фабрике, на ночь в сырых и вонючих подвалах с полуголодной семьей — без надежды на лучшее коротаем мы свой век и тот скудный заработок, на который мы живем, и тот может быть легко отнят расчетом хозяина, или нашей болезнью, и тогда смерть или жизнь с милостыни. И так придется нам жить в вечной работе и в бедности. Если мы сами не постоим, кто за нас заступится, от кого нам ждать помощи: не от правительства ли, которое во всем поддерживает наших хозяев, безнаказанно дозволяет им обирать нас, подавлять всякое наше противодействие, всякое желание хоть немного улучшить свое положение, запрещает нам стачки, запрещает вступление в союзы, и за участие в стачках и союзах и по одному только подозрению заключает нас в тюрьмы и ссылает в каторгу, выдумывает паспорта, чтобы нас еще легче можно было закрепостить хозяину. Вспомните, братцы, забастовку на новой бумагопрядильне прошлого года, за что там сослали сорок лучших людей из наших товарищей, а в апреле того же года, за что выслали больше семисот рабочих. Не надеяться ли нам на фабрикантов, которые на наши трудовые копейки наживаются, нашим потом питаются, нашей кровью напиваются, в интересах которых лежит как можно меньше нам дать и как можно больше с нас содрать. И не хуже ли все становится нам, братцы? Не так давно еще, лет десять пятнадцать тому назад наш брат пошедши на заработок мог иногда и сто и больше заработать в месяц, а в семидесятом году нередко и по 200 рублей зарабатывать, а теперь еле тридцать на заводах и шестнадцать на фабриках, а иногда и того меньше, а подати увеличились и жизнь вздорожала и не всегда теперь работу найдешь. Нет, братцы, ни от правительства, ни от хозяев не ждать нам помощи и для правительства и для хозяев-фабрикантов и для всех, кому вольготно и привольно живется на Руси, для тех, которые отняли у нас и всего русского народа — нашу землю, закабалили нашу волю—важно, чтоб мы были подавлены, чтоб мы всегда оставались вьючной скотиной, на которой можно было бы работать сколько угодно, чтобы мы никогда не могли сознать всей неспра-

ведливости и тяжести нашего положения, чтобы мы никогда не додумались сбросить с себя свое долговечное рабство, заявить свои справедливые права. Не ждать нам от них помощи, мы сами должны себе помочь, мы сами должны себе устроить и обеспечить свое положение: на нашей стороне право, на нашей сила. Сначала не было ни панов, ни хозяев, ни чиновников. Вся земля русская принадлежала мирам вольного русского народа. У нас эту землю отняли, но за нами осталось право владеть ею. На подати, которые мы сами платим, на труд наш содержится все государство, все различные учреждения, школы и университеты, банки и железные дороги, на наши трудовые деньги сооружены фабрики и заводы, из наших рядов. И опять на наши же деньги создана семисот-тысячная армия, мы дали возможность всем, за исключением самих себя жить и пользоваться всеми радостями жизни, мы и только мы выработали себе право на существование; кругом себя мы видим хищность правительства, продажность чиновничества, алчность, роскошь и распутство других классов общества на нашей стороне нравственная сила, наши интересы как обнимающие интересы всего народа должны поглотить все сословия, должны уничтожить все то, что было и есть несправедливого. Мы вместо существующей ныне в человеческих отношениях борьбы всех противу всех провозглашаем братство равенство и свободу для всех. Теперь мы бесправны, но мы должны вместе со всем народом русским получить в общее пользование ту землю, которой владеют теперь паны правительство, мы, сообща работавшие на фабриках и заводах, на которых так нагло и подло воровали и воруют наш труд, мы должны сделаться обладателями этих фабрик и заводов, мы, теперь угнетенные, должны сделаться свободными, мы должны отвоевать себе свои порабощенные права, но против нас все, которым хорошо живется при нашем рабстве, ничтожестве. Против нас все, в которых корыстолюбие заглушило всякие человеческие чувства, все они восстанут отстаивать свои несправедливые права против нас. До тех пор пока мы разобщены, пока мы не соединены все одним общим делом, мы ничего не в состоянии будем сделать, мы не в состоянии, пока идем, даже защищаться, подать голоса жалобы, когда нас будут давить, когда мы будем погибать от чрезмерной работы и нищеты. Но сила наша в нашем единодушии в нашей сплоченности, когда мы будем идти вместе, сообща, за одно — тогда никакая сила не устоит против нас. Посмотрите на наших братьев в Англии, во Франции, Америке, Германии и других государствах: несмотря на все гонения на все препятствия со стороны правительств, их союзы насчитывают миллионы членов; как мы, и они были слабы, пока были разобщены, но теперь они грозная сила; они близки к победе. И так приготовимся к борьбе, братцы, будем соединяться во имя равенства братства и своего освобождения, призовем всех в наши союзы, обсудим сообща свое положение,приищем средства к успешной борьбе, дружно будем защищать свои права. Восстать против всякого насилия нечего нам страшиться: если нескольких из наших товарищей засадят в тюрьму или сошлют на каторгу, этого

требует всякая борьба. Будущее в наших руках, оно нам принадлежит, не упустим же его. Смелее вперед в борьбу с правительством, с хозяевами, с нынешним обществом за свои права, за новую жизнь.

Типография Северного Рабочего Союза.

Печатается по подлиннику.

---

12. Народная Воля.

а) Программа Исполнительного Комитета.

А.

По основным своим убеждениям мы — социалисты и народники. Мы убеждены, что только на социалистических началах человечество может воплотить в своей жизни свободу, равенство, братство, обеспечить общее материальное благосостояние и полное всестороннее развитие личности, а стало быть и прогресс. Мы убеждены, что только народная воля может санкционировать общественные формы, что развитие народа прочно только тогда, когда оно идет самостоятельно и свободно, когда каждая идея, имеющая воплотиться в жизнь, проходит предварительно чрез сознание и волю народа. Народное благо и народная воля — два наши священнейшие и неразрывно связанные принципа.

Б.

1) Вглядываясь в обстановку, среди которой приходится жить и действовать народу, мы видим, что народ находится в состоянии полного рабства, экономического и политического. Как рабочий — он трудится исключительно для прокормления и содержания паразитных слоев; как гражданин — он лишен всяких прав; вся русская действительность не только не соответствует его воле, но он даже не смеет ее высказать и формулировать; он не имеет даже возможности думать о том, что для него хорошо и что дурно, и самая мысль о какой-то воле народа считается преступлением против существующего порядка. Опутанный со всех сторон, народ доводится до физического вырождения, до отупелости, забитости, нищенства — до рабства во всех отношениях.

2) Над закованным в цепи народом мы замечаем облегающие его слои эксплоататоров, создаваемых и защищаемых государством. Мы замечаем, что это государство составляет крупнейшую в стране капиталистическую силу, что оно же составляет единственного политического притеснителя народа, что благодаря ему только могут существовать мелкие хищники. Мы видим, что этот государственно-буржуазный нарост держится исключительно голым насилием: своей военной, полицейской и чиновничьей организацией, совершенно так же, как и держались у нас монголы Чингис-Хана. Мы видим совершенное отсутствие народной санкции этой произвольной и насильственной власти, которая силою вводит и удерживает такие

государственные и экономические принципы и формы, которые не имеют ничего общего с народными желаниями и идеалами.

3) В самом народе мы видим еще живыми, хотя всячески подавляемыми, его старые, традиционные принципы: право народа на землю, общинное и местное самоуправление, зачатки федеративного устройства, свободу совести и слова. Эти принципы получили бы широкое развитие и дали бы совершенно новое направление, в народном духе, всей нашей истории, если бы только народ получил возможность жить и устраиваться так, как хочет, сообразно с своими собственными наклонностями.

В.

1) Поэтому мы полагаем, что, как социалисты и народники, мы должны поставить своей ближайшей задачей — снять с народа подавляющий его гнет современного государства, произвести политический переворот, с целью передачи власти народу. Этим переворотом мы достигнем: во-1-х, что развитие народа отныне будет итти самостоятельно, согласно его собственной воле и наклонностям; во-2-х, того, что в нашей русской жизни будут признаны и поддержаны многие чисто социалистические принципы, общие нам и народу.

2) Мы полагаем, что народная воля была бы достаточно хорошо высказана и проведена Учредительным Собранием, избранным свободно, всеобщей подачей голосов, при инструкциях от избирателей. Это, конечно, далеко не идеальная форма проявления народной воли, но единственно, в настоящее время, возможная на практике, и мы считаем нужным поэтому остановиться на ней.

3) Таким образом, наша цель — отнять власть у существующего правительства и передать ее Учредительному Собранию, составленному как сейчас сказано, которое должно пересмотреть все наши государственные и общественные учреждения и перестроить их согласно инструкциям своих избирателей.

Г.

Подчиняясь вполне народной воле, мы, тем не менее, как партия, сочтем долгом явиться пред народом со своей программой. Ее мы будем пропагандировать до переворота, ее мы будем рекомендовать во время избирательной агитации, ее мы будем защищать в Учредительном Собрании. Эта программа следующая:

1) постоянное народное представительство, составленное как выше сказано и имеющее полную власть во всех общегосударственных вопросах;

2) широкое областное самоуправление, обеспеченное выборностью всех должностей, самостоятельностью мира и экономической независимостью народа;

3) самостоятельность мира — как экономической и административной единицы;

4) принадлежность земли народу;

5) система мер, имеющих передать в руки рабочих все заводы и фабрики;

6) полная свобода совести, слова, печати, сходок, ассоциаций и избирательной агитации;

7) всеобщее избирательное право, без сословных и имущественных ограничений;

8) замена постоянной армии территориальной.

Мы будем проводить эту программу и полагаем, что в ней все пункты невозможны один без другого и только в совокупности обеспечивают политическую и экономическую свободу народа и правильное его развитие.

Д.

В виду изложенных целей деятельность партии располагается в следующих отделах:

1) Деятельность пропагаторская и агитационная.

Пропаганда имеет своей целью популяризировать во всех слоях населения идею демократического политического переворота, как средство социальной реформы, а также популяризацию собственной программы партии. Критика существующего строя, изложение и уяснение способов переворота и общественной реформы составляют сущность пропаганды.

Агитация должна стремиться к тому, чтобы со стороны народа и общества заявлялись, в наивозможно широких размерах, протест против существующего порядка и требование реформ в духе партии, особенно же требование созыва Учредительного Собрания. Формы протеста могут быть: сходки, демонстрации, петиции, тенденциозные адресы, отказ от уплаты податей и пр.

2) Деятельность разрушительная и террористическая.

Террористическая деятельность, состоящая в уничтожении наиболее вредных лиц правительства, в защите партии от шпионства, в наказании наиболее выдающихся случаев насилия и произвола со стороны правительства, администрации и т. п., имеет своей целью подорвать обаяние правительственной силы, давать непрерывное доказательство возможности борьбы против правительства, поднимать, таким образом, революционный дух народа и веру в успех дела, и, наконец, формировать годные к бою силы.

3) Организация тайных обществ и сплочение их вокруг одного центра.

Организация мелких тайных обществ, со всевозможными революционными целями необходима, как для исполнения многочисленных функций партии, так и для политической выработки ее членов. Но эти мелкие организации, для более стройного ведения дела, особенно же при организации переворота, необходимо должны группироваться вокруг одного общего центра, на началах полного слияния или федерального союза.

4) Приобретение влиятельного положения и связей в администрации, войске, обществе и народе.

Для успешного исполнения всех функций партии в высшей степени важно прочное положение в различных слоях населения. По отношению к перевороту особенно важны администрация и войско. Не менее серьезное внимание партия должна обратить на **н а р о д**. Главная задача партии в народе — подготовить его содействие перевороту и возможность успешной борьбы на выборах после переворота, борьбы, имеющей целью проведение чисто-народных депутатов. Партия должна приобрести себе сознательных сторонников в выдающейся части крестьянства, должна подготовить себе активное содействие масс в наиболее важных пунктах и среди наиболее восприимчивого населения. В виду этого, каждый член партии в народе должен стремиться занять такое положение, чтобы иметь возможность защищать крестьянские интересы, помогать их нуждам, приобрести известность честного и благожелательного крестьянству человека и поддерживать в народе репутацию партии, защищать ее идеи и цели.

5) Организация и совершение переворота.

В виду придавленности народа, в виду того, что правительство частными усмирениями может очень долго сдерживать общее революционное движение, партия должна взять на себя почин самого переворота, а не дожидаться того момента, когда народ будет в состоянии обойтись без нее. Что касается способов совершения переворота... (Эта часть 5-го пункта не подлежит опубликованию.)

6) Избирательная агитация при созыве Учредительного Собрания.

Каким бы путем ни произошел переворот — как результат самостоятельной революции или при помощи заговора — обязанность партии способствовать немедленному созыву Учредительного Собрания и передаче ему власти Временного Правительства, созданного революцией или заговором. При избирательной агитации партия должна всячески бороться против кандидатуры различных кулаков и всеми силами проводить чисто мирских людей.

Е.

Руководящие принципы действий Исполнительного Комитета определяются отношением лиц и общественных групп к делу революции. Таким образом:

1) по отношению к правительству, как врагу, цель оправдывает средства, т.-е. всякое средство, идущее к цели, мы считаем дозволительным;

2) все оппозиционные элементы, даже не вошедшие с нами в союз, найдут в нас помощь и защиту;

3) лица и общественные группы, стоящие вне нашей борьбы с правительством, признаются нейтральными; их личность и имущество — неприкосновенны;

4) лица и общественные группы, сознательно и деятельно помогающие правительству в нашей с ним борьбе, как вышедшие из нейтралитета, принимаются за врага.

Печатается по подлиннику.

2-е издание Народной Воли.

б) из программы рабочих членов партии Народной Воли.

(Издание редакции „Народной Воли“.)

А.

Исторический опыт человечества, а также изучение и наблюдение жизни народов убедительно и ясно доказывают, что народы тогда только достигнут наибольшего счастья и силы, что люди тогда только станут братьями, будут свободны и равны, когда устроят свою жизнь согласно социалистическому учению, то-есть следующим образом:

1) Земля и орудия труда должны принадлежать всему народу, и всякий работник вправе ими пользоваться.

2) Работа производится не в одиночку, а сообща (общинами, артелями, ассоциациями).

3) Продукты общего труда должны делиться, по решению, между всеми работниками, по потребностям каждого.

4) Государственное устройство должно быть основано на союзном договоре всех общин.

5) Каждая община в своих внутренних делах вполне независима и свободна.

6) Каждый член общины вполне свободен в своих убеждениях и личной жизни; его свобода ограничивается только в тех случаях, где она переходит в насилие над другим членом своей или чужой общины.

Б.

Мы глубоко убеждены, что такой общественный и государственный порядок обеспечил бы народное благо, но мы знаем также по опыту других народов, что сразу и в самом близком будущем невозможно добиться полной свободы и прочного счастия народа. Нам предстоит долгая и упорная борьба с правителями и расточителями народного богатства — постепенное завоевание гражданских прав.

Мы ставим задачею своей жизни помочь всему русскому народу выйти на новый путь свободы и лучшей жизни. Положение народа так тяжело, жизнь его так безобразна, что обязанность всех, понимающих дело и честных людей поддержать нас и положить конец этому безобразию. Так итти дела далее не могут и не должны. Поглядите: в деревнях крестьянская земля постепенно переходит в руки кулаков и спекуляторов; в городах фабричные и заводские рабочие попадают все в бо́льшую кабалу к фабриканту; капиталисты становятся силой, с которой разъединенным рабочим бороться трудно; государство и правительство стягивают к себе все богатство и силу страны при содействии целой армии чиновников, вполне независимых от народа и вполне покорных воле правительства; весь народ отдан под надзор жадной и невежественной полиции (урядников и других

полицейских чинов). В последнее время правительство нашло, что волостные суды и сходы дают слишком большой простор народному духу, и порешило прибрать их к рукам. Всякому видно, что этими мерами желают в конец обессилить русский народ и заглушить в нем всякое стремление к вольной жизни. Можем ли мы, социалисты-работники, могут ли все понимающие дело рабочие допустить, чтобы русский народ вели по этому опасному пути? Нет! Все мы должны добиваться таких порядков, где бы сам народ стал господином страны, где бы не правительственные чиновники, а он сам решал, какой путь приведет его к благоденствию и свободе. Необходимо сделать первый шаг!

B.

Но этот шаг следует обдумать. Следует прежде всего выяснить себе, кто наши враги, кто наши друзья, и каких изменений в теперешних порядках следует добиваться. Мы должны знать, что:

1) Все, кто живет теперь на счет народа, т.-е. правительство, помещики, фабриканты, заводчики и кулаки, никогда по доброй воле не откажутся от выгод своего положения, потому что им гораздо приятнее взваливать всю работу на спину рабочего, чем самим приняться за нее. Эти господа смекают, что рабочий народ будет служить им лишь до тех пор, пока он темен, задавлен нуждою и разорен, пока он не понимает, что сила его в союзе всех работников. Поэтому бесполезно ждать от этих господ улучшения теперешних порядков. Правда, они устраивают иногда комиссии для улучшения быта рабочих на фабриках и заводах, но все заботы их напоминают заботы хозяина о содержании рабочего скота. Никогда не станут они думать о поднятии народного образования, никогда не дозволят рабочему человеку устроиться так, чтобы он перестал в них нуждаться. Стало быть, рабочий народ должен рассчитывать на свои силы—враги ему не помогут.

Но народ всегда может рассчитывать на верного союзника — социально-революционную партию. Люди этой партии набираются из всех сословий русского царства, но жизнь свою отдают народному делу и думают, что все станут равны и свободны, добьются справедливых порядков только тогда, когда делами страны будет заправлять рабочее сословие, т.-е. крестьянство и городские рабочие, потому что все другие сословия, если и добивались свободы и равенства, то лишь для себя, а не для всего народа. Поэтому социально революционная партия — лучший союзник, и рабочий народ всегда может братски протянуть ей руку.

Кроме нее у народа нет других верных союзников; однако, во многих случаях, он найдет поддержку в отдельных лицах из других сословий, в людях образованных, которым также хотелось бы, чтобы в России жилось свободнее и лучше. Их не очень тревожит то обстоятельство, что русский крестьянин в кабале у хозяина и кулака, потому что этот гнет им незнаком, но они испытали на своей шкуре произвол полицейский и чиновничий и охотно помогли бы народу с ним покончить. На-

род, конечно, выиграл бы от послабления правительственного гнета: всем дышалось бы вольнее, мысль каждого человека работала бы сильнее, знания стали бы доступнее всем, число доброжелателей народа возросло бы, но главное — народ мог бы сговориться и сплотиться. Поэтому рабочий народ не должен отвергать этих людей: выгодно добиться расширения свободы рука об руку с ними. Нужно только, чтобы рабочие не забывали, что их дело на этом не останавливается, что вскоре придется расстаться с этим временным другом и итти далее в союзе с одною социально-революционною партией.

2) Перемены в порядках, которые мы желаем совершить, должны быть понятны народу и согласны с его требованиями, иначе он не станет их вводить и поддерживать, на другие же сословия, как мы сказали, рассчитывать нельзя, потому что они сделают не то, что выгодно для народа, а то, что выгодно им самим.

3) Перемены в порядках должны приближать жизнь к социалистическому строю.

Г.

Принимая все это во внимание, мы признаем, что в ближайшее время мы можем добиваться следующих перемен в государственном строе и народной жизни:

1) Царская власть в России заменяется народоправлением, т.-е. правительство составляется из народных представителей (депутатов); сам народ их назначает и сменяет; выбирая, подробно указывает, чего они должны добиваться, и требует отчета в их деятельности.

2) Русское государство, по характеру и условиям жизни населения, делится на области, самостоятельные во внутренних своих делах, но связанные в один общерусский союз. Внутренние дела области ведаются областным управлением; дела же обще-государственные — союзным правительством.

3) Народы, насильственно присоединенные к русскому царству, вольны отделиться или остаться в обще-русском союзе.

4) Общины (села, деревни, пригороды, заводские артели и пр.) решают свои дела на сходках и приводят их в исполнение чрез своих выборных лиц — старост, сотских, писарей, управляющих, мастеров, конторщиков и пр.

5) Вся земля переходит в руки рабочего народа и считается народною собственностью. Каждая отдельная область отдает землю в пользование общинам или отдельным лицам, но только тем, кто сам занимается обработкой ее. Никто не вправе получить земли больше того количества, которое он сам в силах обработать. По требованию общины устанавливаются переделы земель.

6) Заводы и фабрики считаются народною собственностью и отдаются в пользование заводских и фабричных общин; доходы принадлежат этим общинам.

7) Народные представители издают законы и правила, указывая, как должны быть устроены фабрики и заводы, чтобы не вредить

здоровью и жизни рабочих, определяя количество рабочих часов для мужчин, женщин и детей и пр.

8) Право избирать представителей (депутатов), как в союзное правительство, так и в областное управление принадлежит всякому совершеннолетнему; точно также всякий совершеннолетний может быть избран в союзное правительство и областное управление.

9) Все русские люди вправе держаться и переходить в какое угодно вероучение (религиозная свобода); вправе распространять устно или печатно какие угодно мысли или учения (свобода слова и печати); вправе собираться для обсуждения своих дел (свобода собраний); вправе составлять общества (общины, артели, союзы, ассоциации) для преследования каких угодно целей; в праве предлагать народу свои советы при избрании представителей и при всяком общественном деле (свобода избирательной агитации).

10) Образование народа во всех, низших и высших, школах даровое и доступное всем.

11) Теперешняя армия и вообще все войска заменяются местным народным ополчением. Все обязаны военной службой, обучаются военному делу, не отрываясь от работы и семьи, и созываются только в случае определенной законом надобности.

12) Учреждается государственный русский банк с отделением в разных местах России для поддержки и устройства фабричных, заводских, земледельческих и вообще всяких промышленных и ученых общин, артелей, союзов.

Вот какие, по нашему мнению, перемены в народной жизни могут быть совершены в ближайшее время; мы думаем, что весь народ — городские рабочие и крестьянство — поймет всю их полезность и готов будет их отстаивать. Городским рабочим следует только помнить, что отдельно от крестьянства они всегда будут подавлены правительством, фабрикантами и кулаками, потому что главная народная сила не в них, а в крестьянстве. Если же они будут постоянно ставить себя рядом с крестьянством, склонять его к себе и доказывать, что вести дело следует заодно, общими усилиями, тогда весь рабочий народ станет несокрушимой силой.

Д.

Над этим придется много и усердно поработать, и мы думаем, что работу нужно повести так:

а) Те из рабочих, которые твердо порешили, что теперешние порядки и всю народную жизнь следует изменить, составляют небольшие, но дружные общества (кружки) рабочих, выясняют себе, чего следует добиваться и готовят себя к тому времени, когда общими усилиями нужно будет приступить к выполнению переворота. Кружки должны быть связаны между собою, но в то же время должны быть тайными, недоступными для правительственных ударов.

б) Члены кружков должны выяснять народу, что из теперешнего гибельного порядка один выход — насильственный переворот; что

переворот необходим и возможен. С этою целью члены кружков размещаются по заводам, фабрикам и деревням и заводят новые кружки рабочих и крестьян под разными предлогами, преимущественно вполне законными. (Так, например, кружок заводит свою кассу, библиотеку, чтения, общежития и пр.) Пользуясь уважением и любовью рабочих, члены кружка поддерживают бунтовской дух в рабочей среде, устраивают, где нужно, стачки против фабрикантов и готовятся к борьбе с полицейскими и правительственными властями, всегда стоящими за фабриканта. Те из рабочих кружка, которые выкажут свою умелость и настойчивость в ведении рабочего дела, поступают в главные рабочие кружки, и, таким образом, тайный союз рабочих укрепляется.

E.

Невозможно угадать, при каких именно условиях придется действовать рабочим союзам (рабочей организации). Но каковы бы они ни были, необходимо постоянно иметь в виду общие правила:

1) Для того, чтобы добиться чего бы то ни было, рабочие должны составлять силу, способную напирать на правительство и, при надобности, готовую поддержать свои требования с оружием в руках. Дойдет ли дело до кровавой борьбы или враги народа уступят без бою, — все равно: нужно готовить силу, и, чем больше эта сила готова вступить в бой, тем скорее враги отступят без боя.

2) Напасть на врагов с надеждою на победу может только вся социально-революционная партия, в которую рабочая организация входит как часть. Партия собирает в народе и обществе силы для совершения переворота; устраивает союзы в крестьянстве и в среде городских рабочих, в войске и других общественных слоях. Партия выделяет из себя боевой союз, который нападает на правительство, расстраивает его, приводит в замешательство и этим облегчает всем недовольным — народу, рабочим и всем доброжелательным им людям — подняться и произвести повсеместный переворот.

Раз началось надежное возмущение в городе или в деревнях, партия должна поддержать его своими силами, внести в него свои требования и вызвать подобные же волнения в других местах, где только возможно; должна объединить эти волнения в одно общее восстание и расширить его на всю Россию. Одновременно нужно расстроить правительство, уничтожить крупных чиновников его (чем крупнее, тем лучше), как гражданских, так и военных; нужно перетянуть войско на сторону народа, распустить его и заменить народным ополчением из крестьян, рабочих, бывших солдат и всех честных граждан.

Для успеха крайне важно овладеть крупнейшими городами и удержать их за собою. С этою целью восставший народ немедленно по очищении города от врага, должен избрать свое Временное Правительство из рабочих или лиц, известных своею преданностью народному делу. Временное Правительство, опираясь на ополчение, обороняет город от врагов и всячески помогает восстанию в других местах, объединяет и направляет восставших. Рабочие зорко следят за Временным Правительством и заставляют его действовать в пользу народа.

Когда восстание одержит победу по всей стране, когда земля, фабрики и заводы перейдут в руки народа, и в селах, городах и областях установится выборное народное управление; когда в государстве не будет иной военной силы, кроме ополчения — тогда немедленно народ посылает своих представителей в (союзное правительство) Учредительное Собрание, которое, упразднив Временное Правительство, утверждает народные завоевания и устанавливает порядок общесоюзный. Представители действуют по точной инструкции, какую дадут им избиратели.

Вот общий план деятельности партии во время переворота.

Может быть, однако, и другой случай.

Если бы правительство из боязни общего бунта решилось сделать обществу кое-какие уступки, т.-е. дать конституцию, то деятельность рабочих не должна от этого изменяться. Они должны заявлять себя силой, должны требовать себе крупных уступок, должны вводить своих представителей в парламент (т.-е. законодательное собрание) и, в случае надобности, поддержать их требования массовыми заявлениями и возмущениями.

Напирая таким образом постоянно на правительство, набираясь сил в борьбе с ним, партия Народной Воли выжидает лишь удобного момента, когда старый, негодный порядок окажется неспособным противостоять требованиям народа, и совершает переворот с полной надеждой на успех.

Печатается по подлиннику.

в) В. Фигнер, о государственном перевороте.

(Вера Фигнер. „Запечатленный труд“, I, стр. 138—143.)

В то время, как фракция „Черного Передела“, сохранив в главных чертах программу „Земли и Воли“, лишь подчеркнула в ней непосредственную деятельность в народе и необходимость организации его для экономической борьбы против буржуазии, народовольцы в основание своей программы положили начало совершенно новое. Этим началом было значение и влияние централизованной государственной власти на весь строй народной жизни. Этот элемент играл, по их мнению, громадную роль во все моменты нашей истории. Как во времена давно минувшие эта государственная власть разрушила федеративные начала политического строя древней России; народ, искони обращенный в податное сословие, она сделала сначала крепким земле, а потом отдала в личное рабство; создала дворянство, сначала как служилый, потом как свободный от тягостей государственной службы поместный класс, а когда этот класс обнищал и захудал, а знатнейшие боярские роды к началу XVIII столетия обеднели и вымерли, то, рядом „всемилостивейших“ колоссальных раздач государственных земель и казенных крестьян, положила начало той крупной, знатной и богатой собственности, которую застала эпоха освобождения крестьян, — так, в новейшее время, освободив в 1861 г. крестьян от личного рабства, та же государственная

власть взяла на себя роль главнейшего эксплоататора свободного народного труда: она наделила крестьянство земельным наделом, стоящим далеко ниже крестьянской рабочей силы; обременила этот недостаточный надел такими несоразмерными платежами и налогами, что они поглощали весь валовой доход крестьянина, а во многих местах превышали доходность земли на 205 и более процентов. Эти платежи составляли, таким образом, непомерный налог на труд, доходивший до 40 — 50 рублей на взрослого работника [1]).

Создав таким обременительным способом громадный государственный бюджет, 80 — 90 процентов которого доставляются низшими классами, централизованная государственная власть употребляла его почти всецело на поддержание внешнего могогущества государства, на содержание армии, флота и на уплату государственных долгов, сделанных для тех же целей, бросая лишь жалкие крохи на производительные расходы, удовлетворяющие таким насущным народным потребностям, как народное образование и т. п. Такое положение вещей соответствовало вполне принципу, что народ существует для государства, а не государство для народа. Рядом с подобной эксплоатацией народа государством бледнеет всякая частная эксплоатация. Но, не довольствуясь этим, правительство употребляло все усилия для поддержания этой последней: как прежде оно создало дворянское землевладение, так теперь оно стремилось к созданию буржуазии. Вместо того, чтобы взять сторону народного хозяйства, оно поддерживало частных предпринимателей, крупных промышленников и железнодорожников. По свидетельству всех экономистов, за целое двадцатилетие со времени освобождения крестьян не было предпринято ни одной меры к улучшению экономического быта народа напротив, вся финансовая политика правительства была направлена на создание и поддержку частного капитала; субсидии, гарантии и тарифы, все экономические мероприятия за этот период были обращены в эту сторону и в то время как на Западе правительство служит орудием и выразителем воли имущественных классов, уже достигших господства, у нас оно являлось самостоятельной силой, до известной степени, источником, творцом этих классов. Таким образом, в сфере экономической современное государство представлялось Народной Воле крупнейшим собственником и главнейшим самостоятельным хищником народного труда, поддерживающим других более мелких эксплоататоров. Угнетая народ экономически, правительство оставляло все классы его бесправными в области политической: в лице более чем 10.000.000 сектантов и раскольников народ страдал от отсутствия свободы вероисповедания; фискальные и полицейские меры лишали его свободы передвижения; отсутствие свободы преподавания держало в вынужденном невежестве; народ был лишен всех способов заявлять правительству о своих нуждах и потребностях, так как не существует права петиций, и, наконец,

---

[1]) Головачев, „Наша государственная роспись“ („Русская Мысль“ 1883 г.)

вся жизнь народа была подчинена необузданному произволу администрации.

Не лучше — говорили народовольцы — политическое состояние и других слоев общества: земство превращено в сборщика податей; оно не может входить с представлениями о нуждах населения; умышленно держится в разобщении; его голос остается неуслышанным по самым существенным вопросам народного быта (например, по вопросу о введении подоходного налога); в области народного образования оно подчинено министерству народного просвещения и в непосильной борьбе с ним приходит к грустному решению закрыть земские школы (как это было в тверском земстве); земские выборы и собрания поставлены в зависимость от административной власти. Единственный способ, чрез посредство которого общество могло бы влиять на правительство и через него на жизнь, — литература и пресса, — находятся в состоянии полной подавленности. Там, где нет свободы научного исследования и свободы слова, что может представлять собой печать? Но и в тех узких рамках, которые ей представлены, она остается гласом вопиющего в пустыне, — средством воспитания в известном направлении читателей, но не способом непосредственного проведения идей в жизнь; на что бы она ни указывала, что бы ни предлагала, — все остается втуне. Ее лучшие представители были или находятся в ссылке; те, кто побывал в крепости, состоят под постоянным полицейским надзором (Чернышевский, Михайлов, Герцен, Салтыков, Флеровский, Шелгунов, Писарев, Лавров, Достоевский, Пругавин, Михайловский, Успенский и пр., и пр.). Молодая часть общества, учащаяся молодежь, подвергается мелким стеснениям, лишена корпоративных прав и пользуется усиленным вниманием полиции. Всякая попытка добиться тем или другим способом изменения в существующем порядке разбивается об инерцию или встречает ожесточенное преследование. Когда молодежь обратилась к народу с мирной пропагандой, ее встретили массовые аресты, ссылка, каторга и центральные тюрьмы; когда, возмущенная насилием, она наказала нескольких слуг правительства, оно ответило генерал-губернаторствами и казнями. С половины 1878 по 1879 г. Россия увидела 18 смертных казней над политическими преступниками. Государственная машина является при таких условиях настоящим Молохом, которому приносятся в жертву и экономическое благосостояние народных масс, и все права человека и гражданина.

Этому-то владыке русской жизни — государственной власти, опирающейся на несметное войско и всевластную администрацию, объявила войну революционная фракция „Народной Воли“, назвав правительство, в его современной организации, главнейшим врагом народа во всех сферах его жизни. Этот тезис и его следствия: политическая борьба, перенесение центра тяжести революционной деятельности из деревни в город, подготовление не восстания в народе, а заговора против верховной власти с целью захвата ее в свои руки и передачи народу, строжайшая централизация революционных сил, как необходимое условие успеха в борьбе с цен-

трализованным врагом, — все это вносило настоящий переворот в революционный мир того времени. Эти положения подрывали прежние революционные взгляды, колебали социалистические и федералистические традиции организации и нарушали всецело ту революционную рутину, которая уже успела установиться за истекшее десятилетие. Поэтому немудрено, что для того, чтобы сломить оппозицию и дать новым взглядам окончательное преобладание в революционной среде, потребовалось $1 - 1^{1}/_{2}$ года неутомимой пропаганды и целый ряд ослепительных фактов: общий ропот неудовольствия поднялся при выходе номера „Народной Воли“, который указывая на монархию, провозгласил своё „Delenda est Carthago“, и единодушный взрыв рукоплесканий приветствовал 1 марта 1881 года...

Считая воплощение социалистических идеалов в жизнь делом более или менее отдаленного будущего, новая партия ставила ближайшей целью в области экономической передачу главнейшего орудия производства — земли — в руки крестьянской общины; в области же политической — замену самодержавия одного самодержавием всего народа, — т.-е. водворением такого государственного строя, в котором свободно выраженная народная воля была бы высшим и единственным регулятором всей общественной жизни. Самым пригодным средством для достижения этих целей представлялось устранение современной организации государственной власти, силою которой держится весь настоящий порядок вещей, столь противоположный желательному; это устранение должно было совершиться путем государственного переворота, подготовленного заговором.

---

13. „Черный Передел“.

а) „Письмо к бывшим товарищам“ О. В. Аптекмана.

(„Черный Передел“. Орган социалистов-федералистов, № 1, 15 января 1880 г.— „Черный Передел“. Гос. Изд., 1922, стр. 137—141.)

Для народа политическая свобода есть инстинктивное стремление к свободе вообще, она у него *всегда* и *непременно* ассоциируется с каким-нибудь конкретно-осязаемым представлением — фактом (право равного пользования и владения землею, право каждого человека пользоваться продуктами своего труда, право каждого взрослого рабочего участвовать в обсуждении общественных вопросов и проч.). Следовательно, говорить, что идея политической свободы для народа — вещь непонятная, ненужная, — не резон. Она для него такая же необходимая потребность, как и для интеллигентного человека. Разница в том, что эта потребность у народа срастается с другими, более насущными, основными потребностями экономического свойства. Эти-то последние должна принять в резон каждая социально-революционная партия, если она желает, чтобы политическая свобода

была вполне обеспечена и гарантирована от узурпации и искажений враждебных ей элементов. А это может быть достигнуто лишь организацией в народе боевой партии на почве экономических отношений, как их понимает народ.

Задачи такой партии: подготовлять умы, средства и орудия борьбы — в мирное время; регулировать, направлять движение — в революционное. Чем раньше такая народная партия сорганизуется, тем влиятельнее она будет в момент революции, тем больше она будет иметь шансов утилизировать ее в интересах народа. Для такой деятельности, понятно, требуются люди с известной выработкой характера, способные приспособляться к народной среде, организовать, сплачивать народ, — словом, требуется тип народного организатора-революционера.

Если этот тип пока и редкость в нашей среде, то отчаиваться этим особенно не следует; он вырабатывается практикой, опытом, как это бывает во всякой деятельности. Притом мы вовсе не думаем, чтобы вся тяжесть революционной деятельности в народе лежала бы исключительно на интеллигенции.

Наша роль в народе — по преимуществу инициаторская, все остальное должно делаться самим народом, лучшими его представителями. Народ же давным-давно выработал этот тип. Я говорю о тех протестующих элементах, которые во всякое время можно найти в народе — будь это сектатор, вроде Никиты Семенова, или же ловкий смышленый агитатор, вроде Прядко. Как энергично, ловко ведут свои дела эти народные организаторы, можно видеть, например, из недавно помещенной, кажется, в „Молве", корреспонденции из Вологодской губ. о сектанте-бегуне 20 лет, проповедывавшем свое теологически-анархическое учение в своем родном селе в виду начальства. О другом подобном же типе я собрал недавно самые верные сведения. Это — женщина-шалопутка, несколько лет пропагандировавшая на далеких окраинах России, а в настоящее время она продолжает ту же работу в одной из центральных губерний. Эти типы и созданные ими организации могут служить лучшим ответом тем из наших скептиков, которые слишком мало верят в народную самодеятельность.

Этот скептицизм обыкновенно происходит либо от недостаточного знания народной жизни, либо от преднамеренного игнорирования хороших ее сторон. А между тем нет предрассудка более вредного, более опасного, чем этот. Обыкновенно думают, что „серая" народная масса совершенно однородна, и по двум-трем фактам позволяют себе делать обобщения. Люди, жившие несколько с народом, знают, какое громадное разнообразие в привычках, взглядах, в степени умственного развития и способности к активному протесту представляет этот народ в пределах даже одной волости. Такая разнородность массы составляет, по нашему мнению, самое благоприятное условие для революционной деятельности.

Настоящий момент мы считаем наиболее благоприятным и необходимым для этого. Правительственный гнет, правда, поставил нам

на пути новые препятствия, но они не непреодолимы. Если трудно действовать в известном положении, то можно выбрать многие другие, менее уловимые для правительственного надзора. Напрасно вы думаете с автором „Письма из деревни“, что теперь созданы в деревне такие условия, при которых революционная деятельность крайне непродуктивна, так что приходится „биться об народ, как рыба об лед“. Единственный вывод, который, по нашему мнению, можно сделать из письма вашего автора, это то, что в настоящее время нельзя заниматься культурною деятельностью, так как приходится каждую минуту открыто сталкиваться с такими элементами, для которых эта деятельность помеха. Но я спрошу: разве революционеру необходима такая деятельность, чтобы о ней печаловаться? Пусть об этом плачутся культур-трегеры! Революционер же всегда и при всяком правительстве найдет поле для своей деятельности, это — тайная, подпольная агитация. Разве меттерниховская реакция помешала организации массы тайных обществ в Испании и Италии? Разве у нас военное положение мешает деятельности городского террора?

Нам кажется, товарищи, что вы слишком уж мрачно смотрите на деревенскую деятельность, слишком мало верите в способность народа к революционной организации.

Вы не верите в народ, вы не верите в революцию! Но что значит, спрошу вас, не верить в революцию? Разве можно не верить в то, что есть явление естественное, историческое и необходимое? Даже такие спокойные, объективные историки, как Шлоссер и Циммерман, и то верят в неизбежность революционных движений. Да иначе и быть не может. Пока будут существовать такие ненормальные общественные отношения, при которых большинство будет эксплоатироваться меньшинством, пока существует антагонизм, рознь интересов, до тех пор — говорим мы — разного рода противоречия могут быть разрешены не иначе, как революционным путем. Если внимательно наблюдать общественные явления, то между ними можно всегда открыть такие симптомы, на основании которых можно с некоторою вероятностью диагносцировать приближение революции. Надо только иметь глаза, чтобы видеть, и уши — чтобы слышать.

Так как революция обыкновенно подготовляется исподволь, то можно заметить некоторую постепенность в явлениях. Сначала, пока патологические явления еще слабы, в массе преобладает настроение мирное, желание порешить многие недоразумения соглашением, законным путем. Это — период пассивного протеста (посылка ходоков, прошений и челобитных всякого рода).

Второй период — период активного протеста — начинается тогда, когда вера в законный путь утрачена, когда одновременно с этим патологические процессы обострились. Этот период проявляется увеличением числа преступлений против собственности, разного рода аграрными преступлениями, наконец, более или менее крупными спорадическими бунтами. Этот же период обыкновенно

бывает богат разного рода толками и „превратными слухами“, волнующими и возбуждающими народ.

Наконец, когда все противоречия, экономические, общественные и государственные, доходят до крайней степени своей интенсивности, тогда все мелкие, изолированные движения быстро, почти мгновенно, под влиянием случайной искры, объединяются и сливаются в одно разрушительное революционное движение. Это — третий период, революционный. Для революционной партии, в подготовительном смысле, самый важный период — это второй. В этот период партия должна напрячь все свои усилия, всю свою энергию, чтобы во что бы то ни стало организовать революционную партию в народе. В противном случае она рискует быть застигнутою, как „тать в нощи“, т.-е. не воспользоваться результатами революции. Необходимость этой партии во второй период важна еще в том смысле, что партия может значительно ускорить исход его, бросить ту искру, которая нужна для революционного пожара. Она может, если это найдет нужным, часть сил отрядить в город.

Крупный террористический поступок в городе в известный момент может быть очень кстати. Неожиданный, смелый удар сверху, целый ряд систематических нападений снизу разрушат старый экономический и государственный строй, и на развалинах его воздвигнуто будет новое, созданное самим народом общество. Какова будет форма нового общества, и, как скоро и быстро совершится процесс разрушения старого, мы об этом пока говорить не будем. Но, что мы в настоящий момент переживаем второй критический период, мы в этом глубоко убеждены.

Положение нашего крестьянства, по сознанию даже легальной литературы, поразительно напоминает собою положение французских крестьян в конце XVIII в., накануне революции. Все остальные симптомы, которыми характеризуется второй период, выражены теперь очень ясно.

Ближайшею задачею нашею, следовательно, должна быть организация теперь той народно-боевой партии, о значении которой мы уже говорили.

Если мы этого не сделаем, если мы к этому не подготовим народ, революционное движение, как всякое стихийное движение, может пройти грозою через всю Россию, не принося народу ничего существенного. Революционная партия, которая отказалась бы теперь от народа, стала бы партиею застоя и реакции.

Тяжелое, подавляющее впечатление производит на нас теперешнее положение революционной мысли. Под влиянием исключительных условий минуты люди фактически отказываются от живых, признанных наукою принципов, ради будто „новых“, но в сущности давным-давно отживших и отвергнутых наукою. И люди вздумали расходиться в самый критический момент как партионной, так и народной жизни.

„Наша задача“.

(„Черный Передел“ от 8 декабря 1879 г. Передовая статья Г. В. Плеханова. Гос. Изд., 1922, стр. 188 — 193).

В споре за власть между отживающим абсолютизмом и нарождающейся буржуазией, какую роль будут играть социалисты? Сосредоточат ли они свои силы на политической борьбе, или найдут для себя в народе дело более плодотворное, более достойное партии, написавшей на своем знамени экономическую революцию в интересах трудящихся масс?

Конечно, не нам, отрицающим всякое подчинение человека человеку, оплакивать падение деспотизма в России; не нам, которым борьба с существующим режимом стоила таких страшных усилий и стольких тяжелых потерь, желать его продолжения. Мы знаем цену политической свободы и можем пожалеть лишь о том, что русская конституция отведет ей недостаточно широкое место. Мы приветствуем всякую борьбу за права человека, и чем энергичнее ведется эта борьба, тем более мы ей сочувствуем. „Света, больше света!“. — На этом требовании сойдутся все честные и уважающие себя люди в России. Но кроме выгод, которые, несомненно, принесет с собою политическая свобода, кроме задач ее завоевания, — есть другие выгоды и задачи; и забывать о них невозможно именно в настоящее время, когда общественные отношения так заострились, и когда поэтому нужно быть готовым ко всему.

Кризисы, переживаемые обществом, при замене одного режима другим, всегда сопровождаются некоторым брожением в народе; при благоприятных условиях оно разрешается рядом более или менее сильных волнений. И это понятно. Народу всегда тяжелее всех других классов приходится расплачиваться за ошибки правительства. Отсюда — недовольство, с особенной силой проявляющееся в минуты правительственной дезорганизации. Так было во время Великой Революции во Франции, так было в Германии в 1848 году. Народ, возобновлял свою вековую распрю с господствующими классами, поджигал помещичьи замки, не справляясь о консервативном или либеральном образе мыслей их владельцев. Исходы таких волнений определялись, конечно, всей суммою современных им условий. Но в алгебраической сумме последних весьма значительную отрицательную величину всегда составляло отсутствие в народе сплоченности, единства и организованности действий. В то время иначе и быть не могло. Крестьянские массы только в редких, исключительных случаях способны выдвинуть из своей среды достаточное количество организующих и руководящих элементов. Интеллигенция же того времени почти целиком стояла на стороне буржуазии и на благо народа смотрела сквозь призму интересов 3-го сословия. Это опять-таки было естественно тогда, но совершенно непозволительно для социалистической интеллигенции нашего времени. Было бы очень печально, если бы, увлеченные политической борьбой, мы предоставили народным волнениям совершаться без нашего участия, воздействия и влияния.

Поступая таким образом, мы собственноручно подписали бы себе патент на беспочвенность, который так усердно навязывают нам наши враги. Социалистическая „партия“ без почвы и влияния в народе, без заботы о их приобретении — это nonsens, „штаб без армии“, мнимая величина, не имеющая значения в ходе общественной жизни страны. С такою партией было бы ненужно считаться ее врагам: они могли бы игнорировать ее требования, без всякой серьезной для себя опасности.

Итак, рассуждая даже исключительно с точки зрения нашего влияния на ход политических событий в России, мы должны поставить деятельность в народе превыше всех задач, как источник нашей силы и наших успехов в борьбе с врагами, которых в конституционной России у нас, конечно, будет не менее, чем теперь, и которые всеми силами будут стараться затруднять нашу деятельность, помешать нашей пропаганде, объявить нас вне закона.

Но какую же проповедь понесем мы в эту среду, какие задачи и цели укажем мы ей, как наиболее важные и легче всего достижимые? Экономический вопрос всегда и везде был и будет сильным, жгучим, самым существенным вопросом для трудящихся масс. С точки зрения этого вопроса они определяют свое отношение к существующему порядку вещей, благословляют или проклинают появление нового, отталкивают или поддерживают различные партии. Выступая активно в моменты общественных кризисов, народ преследует именно цель своего экономического освобождения. Вопросы политические имеют для него второстепенное значение, если не игнорируются им совершенно. В этом — несчастие всех буржуазных и дворянских партий и — залог несомненного успеха для социалистов, которые признают коренную важность экономического вопроса и решают его в пользу трудящихся масс. Но здесь же и предостережение для социалистической интеллигенции. Всякое ее уклонение с пути экономической революции будет наказываться ослаблением ее связи с народом, потерей ее значения, падением ее влияния в народной среде.

Вот почему, при всем нашем сочувствии политической борьбе, на которую устремилось уже немало сил, когда-то работавших вместе с нами, мы говорим, что борьба эта имеет лишь второстепенное значение; вот почему мы говорим: современное положение дел в России не только не требует сосредоточения всех наших сил на политической арене, но более чем когда-либо вызывает спрос на них со стороны народа.

Мы не спорим, не мало неудач пришлось нам пережить, но причины их надо искать не в свойствах народной среды и — по крайней мере, частью — не в современных политических условиях, а в собственной нашей неловкости, в нашем собственном неуменьи. Но и это — болезни излечимые. Ряд наших недостатков располагается, во времени, по убывающим, а не по возрастающим степеням. Но довольно об этом. Наша статья переросла уже намеченные для нее размеры, и мы почти до пост-скриптума должны были отложить многие, весьма существенные вопросы. Приемы революционной деятель-

ности в народе должны прежде всего занять остающееся место. Перейдем же к их рассмотрению.

Выше мы старались показать, что социалистическая интеллигенция лишится почвы в народе, если хоть на время откажется от преследования задачи революции экономической. Мы говорили, что в минуты, когда народное внимание будет возбуждено политическими событиями в стране, социалистическая пропаганда — словом и делом — приобретет особенно важное значение и особенно внимательных слушателей; мы утверждали также, что если начнутся в народе волнения, на обязанности нашей интеллигенции лежит их расширение, организация и внесение в них возможно более широкой революционной идеи. Но для этого нужно иметь предварительно связи в народе, нужно упрочить свое положение в его среде. И чем скорее будут исполнены эти приготовительные работы, тем спокойнее мы будем смотреть на приближающиеся события, тем увереннее пойдем мы к своей цели.

Переход орудий и объектов труда в руки трудящихся — такова формула, ее выражающая, таков девиз социалистической революции. И, что бы ни принесли с собою грядущие события, мы никогда не должны терять ее из виду.

Трудная и долгая работа ее достижения не подходит, разумеется, под раз навсегда установленные шаблоны, не укладывается в неизменных рамках, а разнообразится в связи с условиями времени и окружающей среды. Устная и письменная пропаганда должна вносить в сознание народа идею социалистической революции со всеми ее выводами и последствиями. Но при настоящих условиях социалистическая пропаганда должна вестись тайным образом, при запертых дверях и опущенных шторах. Поэтому она поневоле будет затрагивать только отдельных личностей. Чтобы влиять на массу, нужно изыскивать другие способы действий. Посредственно или непосредственно они заключаются в слове „агитация“. В русской социалистической литературе достаточно уже занимались разработкой вопроса о значении агитационных приемов. Поэтому мы излишним считаем приводить новые аргументы в их пользу. Интереснее вопрос о точках опоры для нашей агитации, тех исходных пунктов ее, которые, в главных чертах, всегда могут быть указаны для данной среды и известного времени. Имея дело с массой, всегда можно указать среднюю арифметическую недовольства составляющих ее единиц, найти ту струну народного сердца, которая больнее всего затрагивается окружающей действительностью. Для русского крестьянина такую больную струну составляет, без сомнения, вопрос аграрный. Крестьянин с завистью смотрит на барскую и казенную землю; он недоволен своим наделом, задавлен лежащими на нем платежами; он ждет аграрных перемен, „черного передела“, „слушного часу“, и т. п. Но вместо хлеба правительство и высшие классы подают ему камень. И повременам терпение его истощается, долго накоплявшееся недовольство прорывается пассивным сопротивлением или открытым бунтом. Тогда готова почва для социалистической агитации. Рево-

люционер должен явиться обобщителем частных причин народного недовольства, подвести их к знаменателю экономической революции, поддержать стойкость и энергию в протестующей массе. Насколько удастся ему эта работа в каждом частном случае, предсказать, конечно, невозможно. Масса не всегда одинаково настроена в пользу радикального решения волнующих ее вопросов. Но в этом направлении должны влиять на нее социалисты. Недоконченное в одном случае довершится в другом, пропаганда дополнит влияние революционера на отдельных, выдающихся личностей, организация свяжет их в один революционный союз, образует из них звенья одной цепи, и основания народной социально-революционной партии в данной местности могут считаться заложенными.

ГЛАВА II.

НАРОДНИЧЕСТВО 90-х ГОДОВ.

1. Есть ли необходимость России повторять историю западного промышленного развития?

(В. В., „Судьбы капитализма в России“, стр. 13—14, 20—21 [1]).)

Страны, позже других выступившие на путь исторического развития, имеют то громадное преимущество над своими предшественницами, что могут, на основании опыта последних, составить себе более или менее вероятное представление о следующем своем шаге и потом сознательно стремиться или оберегаться того, чего другие достигали лишь инстинктивно. К числу таких в некотором смысле привилегированных стран принадлежит и Россия; из жизни более развитых соседок она может почерпнуть богатый материал для суждения о своем вероятном будущем, для принятия мер к избежанию их ошибок, к преодолению ожидаемых на пути препятствий.

Однако, путь такого предвидения скользок; здесь возможна масса ошибок, центр тяжести которых лежит в неверной оценке смысла наблюдаемых явлений. Нет ничего легче, как принять явление местное или частное за общечеловеческое, увидеть закон там, где есть лишь одна из форм его проявления. Так, например, в промышленной области мы встречаемся на Западе с рядом грандиознейших фактов и безобразнейших явлений. С одной стороны, беспримерное увеличение производительности труда, как результат организации крупного производства; с другой — извращенное направление этой увеличенной производительности, вызвавшее, в конце концов, обезземеление народа, пауперизм, эмиграцию и вырождение рабочего. Такое извращение произошло потому, что развитие общественной формы труда было произведено капиталистическим путем, и везде, где повторится процесс в той же форме, явятся в более или менее резком

---

[1]) В. В. — псевдоним В. П. Воронцова. Один из видных теоретиков народничества 80-х и 90-х годов. Главные его сочинения: „Судьбы капитализма в России“, „Наши направления“, „Очерки теоретической экономии“.

виде те же и результаты. Спрашивается: есть ли необходимость России повторять всецело историю западного промышленного развития? В чем нужно видеть закон? В развитии ли крупной промышленности, каким бы способом оно ни произошло, или же в обобществлении труда не иначе, как капиталистическим способом, в неизбежности народному производству пройти сквозь тиски капиталистического?

...Все вышеизложенное позволяет нам сделать следующее заключение о судьбах капиталистического производства в молодых странах. Такие страны встречают громадные препятствия на пути развития своего капитализма, и главнейшее из этих препятствий, это — необходимость бороться за внешний рынок с странами, победить которые очень трудно. Вновь возникающий капитализм может добиться лишь устранения иностранных товаров внутреннего рынка и, самое большее, побить внутреннее мелкое производство. Таким образом, если только крупное капиталистическое производство охватит все области внутреннего труда, оно грозит лишить все население самостоятельного хозяйства, но взамен дать ему работу на фабрике не в состоянии: лишь небольшая часть разорившихся крестьян найдет себе там занятие, масса же должна эмигрировать, дабы, в конце концов, устроиться где-нибудь на новом месте, опять-таки в качестве самостоятельных производителей. Это идеал только мыслимый, но вовсе не вероятный. Идеал этот — кучка фабрикантов и землевладельцев, командующих среди необъятного пространства (например, России) там и здесь небольшими сравнительно группами рабочих [1]), и миллионы эмигрирующих — представляет до того нелепую и безобразную картину, что нет возможности смотреть на нее иначе, как на логическое последствие каких-нибудь нелепых посылок. Т.-е. мы должны отвергнуть и основное положение — необходимость для каждой страны достигнуть развития общественной формы труда непременно капиталистическим путем. Следует принять, как наиболее вероятное, что не каждый народ обязан неизбежно пройти капиталистический фазис в развитии своей промышленности, что в молодых странах капиталистическое производство тщетно будет стараться занять то положение, какого оно достигло в странах классического капитализма, а обобществление труда, если оно неизбежно, произойдет иным путем.

---

2. Развитие крупной промышленности в России в представлении народников.

(В. В., „Судьбы капитализма в России“, стр. 31.)

1) Развитие у нас крупной промышленности совершается при сильном ограничении внешнего сбыта и при возможности широко пользоваться всеми техническими усовершенствованиями более развитых стран.

---

[1]) Мы говорим о нелепости с точки зрения самого капитализма, для которого эмиграция населения значит сокращение запроса на его продукты.

2) Вследствие этого она будет развиваться не столько экстенсивно, сколько интенсивно, т.-е. весьма мало изменяя абсолютную цифру своих рабочих (или ее отношение ко всему населению), но увеличивая производительность их труда.

3) Поэтому для ее преуспеяния нет надобности в дальнейшем обезземелении русского народа, а следовательно, и в уничтожении общины, и лишившийся земли крестьянин не найдет работы на фабрике.

4) Напротив, так как крупная наша промышленность должна рассчитывать, главным образом, на внутренний сбыт, то степень ее процветания находится в прямом отношении к зажиточности массы населения; каждый же безземельный крестьянин, в силу того, что он принужден бежать с родины, уменьшает запрос на ее продукты.

---

3. К чему ведут успехи в машиностроении?

(В. В., „Судьбы капитализма в России“, стр. 45.)

Вот и извольте русскому капитализму принимать за образец Запад, извольте ему следовать совету разных благожелателей: завоевывать рынки, изгонять иностранцев и пр. Не ясно ли, что в России не существует элементарнейших условий для развития капиталистического производства, которое требует непременно возможности постоянных перемещений огромных масс продуктов и рабочих с одного конца страны в другой, перемещения скорого и дешевого. А мы не можем достигнуть даже того, чтобы беспрепятственно передвигать по известным уже направлениям главную опору нашего финансового положения — хлеб: дабы он не задерживался на станциях, подвижной состав наших железных дорог должен быть увеличен до таких размеров, что стоимость версты будет уже не 50.000 рублей, как ныне, а 140.000 руб. Интересно знать, что бы запели наши железные дороги, если бы от них серьезно потребовать выполнения их назначения, хотя бы в отношении главного продукта нашей торговли — хлеба; долго ли протянули бы настоящие их хозяева — акционерные общества, и теперь не прекращающие требовать от казны доплат по гарантии. Если же только думать о том, сколько будет стоить постройка в России такого количества шоссейных и железных дорог, которое бы хотя до некоторой степени уравнивало шансы борьбы нашего капитализма с западно-европейским (судя по примерам других стран, количество это должно быть несколько сот тысяч верст железных дорог и миллионы шоссейных), то каждый не предубежденный ум согласится, что дело этой формы производства в России — дело окончательно проигранное.

---

4. Может ли развиваться капитализм в России?

(В. В., „Судьбы капитализма в России“, стр. 73.)

Не имея возможности развиваться так, как требует этого природа капитализма, последний как появился, так и останется гостем, привлеченным почти насильно, чувствующим себя не дома и потому не могущим оказать здесь того громадного влияния на все сферы жизни, какое он имел в стране своего естественного зарождения и процветания. Бок-о-бок с ним будет существовать мелкое производство, будет продолжаться национальный процесс развития общественной формы труда, тихое, естественное течение которого было лишь слегка взволновано таким вмешательством крупного капитала. Процесс этот, насколько он совершается капиталистическим путем, пойдет, как мы видели, крайне медленно, ибо отсутствие внешнего рынка мешает ему развернуть все свои силы. Весь запас опыта и все громадное развитие техники, какие он может даром получить с Запада, — все это отразится на нем очень мало по той же причине. А если капитализация туземного производства пойдет таким черепашьим шагом, то есть надежда повернуть весь процесс развития общественной формы труда на народный путь, на путь артелей, где рабочие трудятся не для возрастания капитала, а для удовлетворения собственных потребностей, где стремлением производства сделается не безграничное его расширение, а сокращение труда работающих.

---

5. Самобытность России.

(В. В., „Судьбы капитализма в России“, стр. 274.)

Во избежание всяких недоразумений прибавим, что такой результат, такое отступление России от исторических форм Запада произошло, по нашему мнению, не в силу каких-либо расовых особенностей русского народа. Оно есть естественное последствие тех условий, в каких теперь находятся друг к другу различные страны: стеснение международной торговли, развивающееся по мере привлечения к прогрессу новых народов, создает для молодых стран все большие и большие затруднения пышному расцвету у них капиталистического производства. Наша особенность состоит в том, что мы после других выступили на путь прогресса, и эту особенность со всеми ее последствиями разделяют с нами и многие другие славянские и неславянские народы. Мы счастливы еще и тем, что до настоящего времени сохранили у себя такие общечеловеческие черты характера и учреждения (артельный дух, община), которые другими народами давно уже утрачены, и которые придется им опять завоевать.

6. Борьба крестьянина с капитализмом в понимании народников.

(В. В., „Судьбы капитализма в России", стр. 289—290.)

Что крестьянин, действительно, сознательно сопротивлялся засеванию капиталистической формы производства, — о том свидетельствуют общераспространенные жалобы помещиков на отсутствие хороших и добросовестных рабочих. Владельцы хорошо понимают причины этого явления и сами объясняют его тем, что мало-мальски исправный хозяин — земледелец всеми силами старается избежать батрацкой работы, а идут на эту должность обыкновенно разорившиеся и нравственно опустившиеся крестьяне. Но почему же помещики не сопротивляются такому стремлению народа к сохранению своей самостоятельности? Ведь они знают, что как бы крестьяне ни избегали наемного труда, им не обойтись для этого без помещичьей земли. Зачем же владельцы отдают им часть своих угодий и таким образом способствуют осуществлению планов, направленных, повидимому, в ущерб их собственным интересам? Дело в том, что крестьяне заставляют землевладельцев поступать таким образом, заставляют не дубьем, разумеется, а рублем; чтобы отбить у них всякое поползновение сделаться руководителями производства хлеба, крестьяне соблазняют их такими арендными ценами, которые содержат в себе не только ренту, но и проценты на капитал, а, может быть, еще часть или всю предпринимательскую прибыль. Такая готовность крестьян жертвовать всем земледельческим доходом, довольствуясь одной заработной платой, лишь бы сохранить свою хозяйственную самостоятельность, делает почти невозможным ведение сельско-хозяйственого предприятия батрацким путем на обыкновенных коммерческих основаниях: владелец имения без всякого риска получит хороший доход отдачей земли в аренду, капиталисту невозможно нанимать землю по крестьянским ценам, как заключающим в себе не только ренту, но и элементы чистого дохода. Часть своей самостоятельности помещики сохраняют, требуя с крестьян уплаты за землю трудом, давая вперед деньги под работу и т. п.; но, во-первых, этим они сохранят только часть возможной по размерам их угодий хозяйственной самостоятельности, во-вторых, труд, добытый таким образом, будет уже кабалой. Это и служит одною из причин почему владельцы забрасывают свои имения.

---

7. К чему привело искусственное насаждение капитализма.

(Николай—он., „Очерки нашего пореформенного общественного хозяйства", стр. 322—323 [1]).)

По мере захватов, производимых капитализмом разных отраслей промыслов, по мере освобождения рабочих сил, не находящих себе приложения, по мере экспроприации непосредственных производителей от средств производства крестьянству не оставалось ничего другого, как извлекать все средства существования из земли. Но и земля, не получая ничего взамен того, что у нее бралось из года в год, истощалась все более и более, и совпадение некоторых неблагоприятных стихийных условий вызвало то, что подготовлялось исподволь целым рядом общественно-хозяйственных условий: земля не произвела ничего. Таким образом, голод есть непосредственное последствие несоответствия формы, которую приняла наша промышленность за последнее тридцатилетие. Вместо того, чтобы твердо держаться наших вековых традиций; вместо того, чтобы развивать принцип тесной связи средств производства с непосредственным производителем, унаследованный нами; вместо того, чтобы воспользоваться приобретениями западно-европейской науки и приложить их для развития формы промышленности, основанной на владении крестьянством орудиями производства; вместо того, чтобы увеличить производительность его труда сосредоточением средств производства в его руках; вместо того, чтобы воспользоваться не формою производства, а самою его организациею, каковою она является в Западной Европе, с его сильно развитым сотрудничеством, разделением и сочетанием труда, машинами и пр. и пр.; вместо того, чтобы развить тот принцип, который лежит в основе крестьянского землевладения, и приложить его в область крестьянского землепользования; вместо того, чтобы для достижения этого открыть крестьянству широкий доступ к овладению научным знанием и его приложением, — вместо всего этого мы стали на путь совершенно противоположный. Мы не только не воспрепятствовали развитию капиталистических форм производства, несмотря на то, что они основаны на экспроприации крестьянства, но, напротив того, всеми силами постарались содействовать коренной ломке всей нашей хозяйственной жизни, ломке, приведшей к голоду 1891 года.

Первые признаки блеска процветания капиталистического производства до такой степени ослепили нам глаза, что мы приняли развитие капитализма за развитие всего народного производства; мы

[1]) Николай—он — псевдоним Н. Ф. Даниельсона; писатель-экономист 80—90-х годов. Виднейший представитель народничества. Из экономических работ у него имеется книга: „Очерки нашего пореформенного общественного хозяйства". Этой книги касается В. И. Ленин в своих статьях и в книге „Развитие капитализма в России", когда он ведет горячую борьбу против народничества.

отождествили то, что по сущности находится между собою в антагонизме; мы проглядели, что развитие одного — той хозяйственной формы, которую мы поощряли — может произойти исключительно на счет другого. Мы не хотели заметить, что переход производства в капиталистическую форму, по неизбежным законам самого капиталистического производства, по необходимости должен сократить тот внутренний рынок, которым он только и держится, что пределы развития капитализма ставятся им же самим. Мы не пожелали воспользоваться уроком, преподанным нам хозяйственным ходом развития Западной Европы. Нас до такой степени поразил блеск развития капитализма в Англии, и так поражает неизмеримо быстрее происходящее развитие капитализма в Американских Штатах, что мы, не соображаясь ни с условиями его возникновения, ни с влиянием, производимым им на большинство населения, не только употребили все зависящие от нас средства для его насаждения, но, действительно, достигли значительных результатов в этом отношении.

---

8. Общинное землевладение—основа будущего общественного хозяйства.

(Николай — он, „Очерки“, стр. 343—344.)

Русскому обществу предстоит решение великой задачи, крайне трудной, но не невозможной — развить производительные силы населения в такой форме, чтобы ими могло пользоваться не незначительное меньшинство, а весь народ. Тридцать лет это — мгновение в народной жизни; но в продолжение этого мгновения произошла и продолжает происходить коренная ломка всех наших промышленных форм, которые так или иначе удовлетворяли народные потребности, и вместо них развивается такая, которая перестала соответствовать самым насущным его нуждам, которая привела все народное хозяйство к банкротству, к голоду, — поэтому нам настолько же настоятельно необходимо выйти из этого положения, насколько была настоятельна перемена условий производства после крымской войны.

Наше историческое прошлое оставило нам в наследство общину, которая под влиянием капитализма и порожденных им условий производства и обращения, отделения обрабатывающей промышленности от земледелия, не в состоянии обеспечить своим членам средств существования. Поэтому при существующих условиях ей грозит неизбежная гибель. Но вместе с тем общинное землевладение есть одно из основных материальных условий производства, на котором может быть построено здание будущего общественного хозяйства. Нам не приходится ждать обезземеления большинства крестьянства, чтобы на его месте развилось капиталистическое землевладение, основанное на приложении науки к земледелию, как на Западе. Такое массовое обезземеление указывало бы на канун нашей хозяйственной смерти. Научное земледелие и современную крупную промышленность нам

приходится „привить к общине и в то же время настолько видоизменить ее, чтобы она была в состоянии сделаться подходящим орудием для организации крупной промышленности и для преобразования ее из капиталистической формы в общественную“. Для общественно-хозяйственной организации иного пути нет: или развитие или вырождение и смерть.

---

9. Русская община препятствует развитию капитализма.

(„Русское Богатство“, № 12, за 1894 год, стр. 208, ст. Южакова). [1]

Если загорелся дом, то естественно ему сгореть, но возможно его и погасить и в таком случае неестественно не гасить его. Именно в таком положении находимся мы в настоящее время лицом к лицу с задачами нашего экономического развития. Допуская капитализацию промыслов, т.-е. разделение земледельческой и обрабатывающей промышленности, Россия, естественно, беднеет, ее земледелие, естественно, приходит в упадок, ее сельские классы, естественно, разоряются, ее промышленность, естественно, последует за ними... Это естественно, но если не допустить капитализации промыслов, тогда и всех этих естественных последствий не должно быть. Однако, неизбежна ли капитализация промыслов? Обобществление промыслов, соединение разрозненных слабых кустарных мастерских в большие мастерские, пользующиеся всеми успехами техники, конечно, необходимо, но необходимо ли при этом отделять земледелие от промыслов, а производителя — от средств производства? Позволительно думать, что это вовсе не есть необходимость, и что состоятельная, просвещенная и самоуправляющаяся сельская община могла бы создать такие крупные мастерские и заводы для зимней работы и без посредства капиталистов. В этом корень вопроса и в этом единственный выход. Другого нет и никогда не будет, но чем дальше, тем будет он труднее. Вменить сельской общине эти задачи посредством административного предписания, конечно, невозможно. Она должна сама выйти на этот путь. Для этого она должна сама иметь средства и знание, — средства, прежде всего. От их приобретения зависит и возможность просвещения. Вот почему друзья народа всегда придавали такое значение вопросам о поземельном

---

[1]) С. Южаков — публицист народнического направления. В своих произведениях касался экономической теории народничества. Был редактором журнала „Русское Богатство“. В №№ 10, 12 за 1893 г. „Русского Богатства“ напечатана его статья: „Вопросы экономического развития России“. Разбора его теории подробно касается В. И. Ленин в своей статье „Перлы народнического прожектерства“ (Собр. соч. т. II).

„Русское Богатство“ — ежемесячный журнал, основанный в начале 90-х годов, впоследствии перешедший к народникам. В редакционной работе в нем принимали участие: Л. Оболенский, Н. Михайловский, Вл. Короленко и др.

устройстве, о платежах, аренде и проч. Все это только первый шаг, но шаг необходимый. Без него не могут быть сделаны и дальнейшие. В чем эти шаги заключаются, довольно ясно из предыдущего изложения. Устранение всяких препятствий, ныне опутывающих сельскую общину; освобождение ее от опеки; переход к общественным запашкам (обобществление земледельческого промысла) и развитие общинной обработки сырья, добытого из земли, — такова программа, которую я подверг обсуждению в статье, появившейся уже десять лет тому назад.

---

10. Марксизм в представлении народников.

(„Русское Богатство", № 1, за 1894 г., стр. 119—121, ст. Михайловского [1]).)

Народились русские марксисты. Они, сколько я понимаю, могут быть разделены на три разряда: марксистов зрителей, марксистов пассивных и марксистов активных. Кроме того, они, как мы видели, делятся еще на настоящих и не настоящих, и так как я никого не желаю лично „оскорблять", то, повторяю, что имею в виду не настоящих. Все они желают итти „вперед, под знаменем науки". Правда, их научных трудов мы еще не видали, по крайней мере, в таком количестве и такой ценности, чтобы могли сказать: да, вот она наука! В ожидании будущего, они, однако, подают надежды и, будучи лишь приват-звонарями храма науки, имеют аллюры настоящих жрецов. Они снисходительно или презрительно смотрят с высоты своей колокольни на нас, профанов, ищущих ответов на вопросы жизни в их плотью и кровью одетой форме, в идеальной постановке их жгучей и сложной реальной действительности: из-за чего, дескать, бьются эти несведущие и не понимающие люди, когда истина давно открыта и находится у нас в кармане? И они с любезною, и хорошо еще если с любезною, улыбкой вытаскивают из кармана Марксову схему, тщательно переписанную из сочинений самого Маркса или Энгельса, а может быть, и из какой-нибудь социал-демократической брошюры. Истина состоит в том, что по имманентным законам исторической необходимости, открытым теорией экономического материализма, Россия разовьет свое капиталистическое производство, со всеми его внутренними противоречиями, с поеданием малых капиталов крупными, а тем временем оторванный от земли мужик обратится в пролетария, объединится, „обобществится", и дело будет в шляпе, которую только и останется надеть на голову осчастливленному

---

[1]) Н. Михайловский (1842—1904)—один из виднейших теоретиков народничества. Примыкал к народовольцам. Был автором известного письма Исполнительного Комитета Народной Воли к Александру III после 1-го марта 1881 г. с требованием амнистии, политических свобод и Учредительного Собрания. Был руководителем „Отечественных Записок", редактировал „Русское Богатство". На страницах этого журнала Н. Михайловский вел до самой своей смерти ожесточенную борьбу с марксизмом.

человечеству. Если, собственно, с крупною промышленностью у нас пока дело не ладится, и она не успевает требовать субсидий, гарантий и покровительственных тарифов, то деревенский кулак явно растет, и это очевидный шаг в том направлении, которого никто и ничто уже остановить не может; так говорит наука, и нам остается только сообразовать свое поведение с ее истинами, совсем независимо от того, нравится ли нам предстоящий ход вещей, или не нравится.

Как же сообразоваться? Оказывается, можно на три манера. Можно, во-первых, обратиться просто в зрителя, что я — могу, кажется, похвалиться — предвидел еще в 1877 году. Представьте себе, что вы сидите в партере или в удобной ложе и смотрите в общих чертах уже знакомую вам пьесу; по крайней мере, вы знаете ее завязку и развязку. Вы знаете, что в последнем акте все недоразумения выяснятся, все трагические моменты растворятся в окончательном торжестве добродетели и наказании порока, и тогда вы смешаетесь с толпой актеров, чтобы вместе с ними весело поужинать. Некоторые моменты, когда, например, театральный злодей убивает театральную невинность или „благородный отец“ терпит позор и унижение, трогают вас, вам жаль невинности и благородного отца, но вы знаете — это не только не помешает вполне благополучному концу, но даже прямо ведет к нему. Поэтому вы, как и следует благовоспитанному посетителю театров, не вмешаетесь в действие неуместным криком сочувствия или негодования, не попытаетесь нелепой и непривычной выходкой оборвать представление, а терпеливо дождетесь благополучного конца... Этот способ приспособления к жизни был бы бесспорно очень комфортабелен, если бы он был вообще возможен. Но театральных билетов даром не дают, за них надо платить и, следовательно, нужно так или иначе участвовать в жизни.

Другой способ можно назвать пассивным марксизмом. Веруя и исповедуя непреложность абстрактной исторической схемы, марксисты этого разряда уверены в повторении на русской почве европейской истории, с концентрацией капиталов и массой пролетариата и с тем дальнейшим течением дел, которое еще не наступило и в Европе, которого вообще мир не видал, но увидит, по предсказанию Маркса. Но они знают, что для этого России придется пережить, в придачу к тем бедам, которые уже лежат в прошлом, отзываясь и на настоящем, еще ряд новых бедствий, хорошо описанных тем же Марксом.

Один профессор высчитал, сколько должно быть обезземелено в России народа для его же собственного впоследствии благополучия, — выходит на первый раз миллионов 20—25, меньше профессор не согласен (С к в о р ц о в, „Экономические причины голодовок в России“). А ведь и это не мало. И если представить себе тот всероссийский вой и стон, который поднимут эти миллионы голодных и невежественных людей, пока они приспособятся к своему батрацкому или фабрично-рабочему положению и „обобществятся“, так и в самых мужественных приват-звонарях храма науки могут содрогнуться сердца. Они содрогаются, по крайней мере, у пассивных марксистов, что им делает честь, конечно. Поэтому они не хотят ни оставаться безучаст-

ными зрителями в комфортабельной ложе, ни принимать активное участие в процессе образования капитализма и пролетариата. Они желают только „облегчить муки родов“, по выражению Маркса, хотят только итти следом за неизбежным процессом, и, не интересуясь народом, на земле сидящим и вообще владеющим средствами производства. С этической, а частью и чисто с практической точки зрения, против такого отношения нельзя было бы ничего возразить, если бы не та, якобы, научная, теоретическая подкладка экономического материализма, которая внушает совершенно неосновательную самоуверенность, и не та скользкость пути, которая легко может свести пассивный марксизм к активиому.

Если читатель припомнит тех марксистов, которые, по словам „оскорбленного мною“ марксиста же, протестовали против помощи голодающим крестьянам, потому что, дескать, это задерживает процесс развития капиталистического производства и пролетариата, то получим образчик, и еще сравнительно умеренный, активного марксизма.

ЧАСТЬ ПЯТАЯ,

МАРКСИЗМ
В БОРЬБЕ С НАРОДНИЧЕСТВОМ.

ГЛАВА I.

ПЛЕХАНОВ В БОРЬБЕ С НАРОДНИЧЕСТВОМ.

1. Г. В. Плеханов о „народовольцах“.

(Г. В. Плеханов, „Социализм и политическая борьба“. Собр. соч., т. I, ГИЗ., 1920 г., стр. 113—115, 141, 142—146.)

Честь сообщения нового размаха нашему движению бесспорно принадлежит Народной Воле. У всех еще на памяти те нападения, которые вызвали против себя тенденции народовольцев. Пишущий эти строки сам принадлежал к числу решительных противников этого направления, и хотя совершенно признает теперь, что борьба за политическую свободу стала злобою для современной России, но до сих пор разделяет далеко не все взгляды, высказывавшиеся в „народовольческих“ изданиях. Это не мешает ему, однако, признать, что в спорах, происходивших в организации Земли и Воли около времени ее распадения, народовольцы были совершенно правы, пока они оставались на почве нашего практического опыта. Этот опыт и тогда уже приводил к поразительным и совершенно неожиданным выводам, хотя мы и не смели сделать их именно вследствие их неожиданности. Попытки практической борьбы „против государства“ в сущности и тогда уже должны были навести на ту мысль, что русский „бунтарь“ непреодолимою силою обстоятельств вынужден направлять свою агитацию не против государства вообще, а только против абсолютного государства, воевать не с государственной, а с бюрократической идеей, не во имя полного экономического освобождения народа, а во имя устранения тех тягостей, которыми обременяет народ самодержавное императорство. Конечно, аграрный вопрос лежал в основании всех или почти всех проявлений народного недовольства. Иначе и быть не могло в среде земледельческого населения, где „власть земли“ сказывается решительно во всем складе и нуждах частной и общественной жизни. Этот аграрный вопрос настойчиво требовал своего разрешения, но он не вызывал политического недовольства. Крестьяне с спокойной уверенностью ожидали решения этого вопроса сверху; они „бунтовались“ не во имя земельного передела, а против притеснений администрации, против непомерных тягостей

податной системы, против азиатского способа взыскания недоимок и т. д. и т. д. Формулой, обобщавшей большую часть случаев активного протеста, являлось „правовое государство", а не Земля и Воля, как нам всем казалось в то время. Но если это было так, и если революционеры считали своею обязанностью принимать участие в разрозненной и неосмысленной борьбе отдельных общин против абсолютной монархии, то не пора ли было им понять смысл своих собственных усилий и направить их с большею целесообразностью? Не пора ли им было призвать к этой борьбе все прогрессивные, живые силы России и, найдя для нее наиболее общее выражение, атаковать абсолютизм в самом центре его организации? Отвечая утвердительно на эти вопросы, „народовольцы" только подводили итог революционному опыту предшествующих лет; поднимая знамя политической борьбы, они только не пугались этих итогов и сознательно продолжали итти по дороге, на которую мы выступили, имея ошибочное понятие об ее направлении. „Терроризм" совершенно логически вырос из нашего „бунтарства".

Но с появлением Народной Воли логическое развитие нашего революционного движения переходило уже в тот фазис, в котором оно не могло более удовлетворяться народническими теориями доброго старого — т.-е. чуждого политических интересов — времени. Примеры перерастания теории практикой очень нередки в истории человеческой мысли вообще и революционной мысли в частности. Внося то или другое изменение в свою тактику, подвергая тем или другим переделкам свою программу, революционеры часто и не подозревают, какому серьезному испытанию подвергают они общепризнанные в их среде учения. Многие из них так и умирают в тюрьмах или на виселицах, вполне уверенные в том, что они действовали в духе именно тех учений, между тем как в сущности они были представителями новых тенденций, возникших на почве старых теорий, но уже переросших их и готовых найти новое теоретическое выражение. Так было и у нас с тех пор, как окрепло „народовольческое" направление. С точки зрения старых народнических теорий, направление это не выдерживало критики. Народничество стояло в резком отрицательном отношении ко всякой государственной идее; народовольцы рассчитывали осуществить свои социально-реформаторские планы с помощью государственной машины. Народничество открещивалось от всякой „политики"; народовольцы видели в „демократическом политическом перевороте" самое надежное „средство социальной реформы". Народничество основывало свою программу на так называемых „идеалах" и требованиях крестьянского населения, народовольцы должны обращаться, главным образом, к городскому и промышленному населению, а следовательно, и отвести интересам этого населения несравненно более широкое место в своей программе. Словом, в действительности, „народовольство" было новым и всесторонним отрицанием народничества, и пока спорящие стороны апеллировали к основным положениям последнего, „новаторы" были совершенно неправы: их практическая деятельность стояла в непри-

миримом противоречии с их теоретическими взглядами. Нужен был полный пересмотр этих взглядов, чтобы придать программе Народной Воли характер цельности и последовательности; практическая революционная деятельность ее сторонников должна была, по крайней мере, сопровождаться теоретической революцией в умах наших социалистов; взрывая Зимний дворец, нужно было, вместе с тем, взорвать и наши старые анархические и народнические традиции. Но „ход идей“ и здесь отстал от „хода вещей“, и пока еще трудно предвидеть, когда он, наконец, его нагонит. Не решаясь разорвать с народничеством, новая фракция необходимо должна была прибегать к фикциям, приносящим с собою хоть кажущееся разрешение присущих ее программе противоречий. Идея русской самобытности получила новую переработку, и если прежде она вела к полному отрицанию политики, то теперь оказывалось, что самобытность русского общественного развития именно в том и заключается, что экономические вопросы решались и должны решаться у нас путем государственного вмешательства. Весьма распространенное у нас в России незнакомство с экономической историей Запада способствовало тому, что подобного рода „теории“ никого не приводили в изумление. Период капиталистического накопления в России противопоставлялся периоду капиталистического производства на Западе, и неизбежное несходство этих двух фазисов развития экономической жизни приводилось как убедительнейшее доказательство, во-первых, нашей самобытности, а во-вторых, обусловленной этой самобытностью целесообразности „народовольческой программы“.

Предпринятая „Народной Волей“ борьба с абсолютизмом, выдвигая наших революционеров на более широкий путь деятельности, заставляя их стремиться к созданию действительной партии, — будет, без всякого сомнения, сильно содействовать устранению односторонности кружков. Но, чтобы прекратить эту постоянную смену программ, чтобы отделаться от этих привычек политических номадов и приобрести, наконец, умственную оседлость, русские революционеры должны довести до конца дело критики, начавшееся с возникновением в их среде сознательных политических тенденций. Они должны стать в критическое отношение к той самой программе, которая сделала необходимой критику всех прежних программ и теорий. Партия Народной Воли есть дитя переходного времени. Ее программа есть последняя программа, родившаяся в тех условиях, которые делали нашу односторонность неизбежным и потому законным явлением. Расширяя политический горизонт русских социалистов, программа эта сама не свободна еще от односторонности. В ней также заметно отсутствие политического глазомера, способности сообразовать ближайшие цели партии с ее действительными или возможными силами. Партия Народной Воли напоминает человека, идущего по настоящей дороге, но еще не имеющего понятия о расстояниях и потому уверенного в том, что он тотчас же может „верст сто тысяч отмахать и нигде не отдыхать“. Практика разрушит, разумеется, его иллюзию, но это разрушение может стоить ему очень

дорого. Лучше ему самому спросить себя, не принадлежат ли семимильные шаги к области фантазии.

К кому обращается, к кому *может* и должна обращаться Народная Воля в своей борьбе с абсолютизмом? „Привлечение в организацию (Народной Воли) *отдельных лиц из среды крестьянства*, — способных к ней примкнуть — читаем мы в „Календаре Народной Воли“ [1]) — конечно, всегда признавалось очень желательным... Но что касается организации в настоящее время *в массе* крестьянства, то она признавалась в эпоху составления программы совершенной фантазией, и, если не ошибаемся, дальнейшая практика не могла изменить в этом отношении мнений наших социалистов“. Быть может, партия Народной Воли рассчитывает опереться на более передовой слой нашего трудящегося населения, т.-е. на городских рабочих? Она, действительно, придает весьма большое значение делу пропаганды и организации в их среде, она считает, что „городское рабочее население должно обратить на себя серьезное внимание партии“. Но уже самая мотивировка необходимости этого дела показывает, что, по ее понятиям, городские рабочие должны быть лишь одним из элементов нашего революционного движения. Они „имеют особенно важное значение *для революции*, как по своему положению, так и по относительно большей развитости, — поясняет нам тот же документ, — успех первого нападения всецело зависит от поведения рабочих и войск“. Значит, предстоящая революция не будет рабочей революцией в полном смысле этого слова, но рабочие должны принять в ней участие, так как они „имеют *для нее* особенно важное значение“. Какие же другие элементы войдут в это движение? Мы видели уже, что войдет, между прочим, „войско“, а в войске „при настоящих условиях пропаганда между солдатами затруднена в такой степени, что на нее едва ли можно возлагать много надежд. Гораздо удобнее воздействие на *офицерство*; более развитое, более свободное, оно более доступно влиянию!“ Это, конечно, совершенно справедливо, но не будем пока останавливаться на этом и пойдем далее. Кроме ребочих и „офицерства“, партия Народной Воли имеет в виду также либералов и „Европу“, по отношению к которой „политика партии должна стремиться к тому, чтобы обеспечить русской революции сочувствие *народов*, вызвать к этой революции симпатии европейского общественного мнения“. Для достижения этой цели „партия должна знакомить Европу со всем пагубным значением русского абсолютизма для самой европейской цивилизации, с истинными целями партии, со значением нашего революционного движения, как выражения всенародного протеста“. Что же касается „либералов“, то в отношении к ним „следует, не скрывая своего радикализма, указывать на то, что, при современной постановке партионных задач, интересы наши и их заставляют совместно действовать против правительства“.

---

[1]) „Подготовительная работа партии“, стр. 129 в примечании.

Мы видим, таким образом, что партия Народной Воли рассчитывает не на один только рабочий и крестьянский классы и даже не главным образом на эти классы. Она имеет в виду также и общество, и офицерство, которое, в сущности, есть „плоть от плоти и кость от костей“ того же общества. Она хочет убедить либеральную часть этого общества, что „при современной постановке партионных задач“ интересы русского либерализма сходятся с интересами русской социально-революционной партии. Что же она делает, чтобы вселить в русских либералах это убеждение? Она издает, во-первых, программу „Исполнительного Комитета“, в которой говорится, что н а р о д н а я в о л я была бы достаточно хорошо высказана и проведена Учредительным Собранием, „избранным свободно, всеобщей подачей голосов, при инструкциях от избирателей“. В известном „Письме к Александру III“ Исполнительный Комитет также требует „созыва представителей от всего русского народа для пересмотра существующих форм государственной и общественной жизни и переделки их сообразно с народными желаниями“. Такая программа, действительно, совпадает с интересами русских либералов, и для ее осуществления они, пожалуй, примирились бы и со всеобщим избирательным правом, которого не может не требовать „Исполнительный Комитет“. Во всем этом программа названного „Комитета“ обнаруживает гораздо большую зрелость, чем все предшествовавшие ей программы. Но, не говоря уже о таком крупном промахе, как требование свободы сходок, слова, печати и избирательных программ лишь „в виде временной меры“ [1]), припомним другие заявления партии Народной Воли. Орган этой партии поспешил предупредить читающую публику, что большинство депутатов Учредительного Собрания будет состоять из сторонников радикального экономического переворота. Мы уже говорили выше, что эта уверенность была не более как фикцией, придуманной для соглашения несогласимых между собою элементов народовольческой программы. Взглянем теперь на печатное выражение такой уверенности с точки зрения тактики. Спрашивается, разве экономический переворот входит в интересы русского либерализма? Разве наше либеральное общество сочувствует аграрной революции, которой, по словам Народной Воли, будут добиваться крестьянские депутаты? Западно-европейская история говорит нам весьма убедительно, что там, где „красный призрак“ принимал хоть сколько-нибудь грозные формы, „либералы“ готовы были искать защиты в объятиях самой бесцеремонной военной диктатуры. Думал ли террористический орган, что наши русские либералы составят исключение из этого общего правила? Если так, то на чем основывал он свое убеждение? Думал ли он также, что современное „общественное мнение Европы“ до такой степени проникнуто социалистическими идеями, что будет сочувствовать созыву социально-революционного Учредительного Собрания? Или он думал, что, трепеща красного призрака у себя дома,

---

[1]) См. „Письмо к Александру III“, „Календарь Народной Воли“, стр. 14.

европейская буржуазия будет аплодировать появлению его в России? Само собою разумеется, что ничего подобного он не думал и ничего подобного не забывал. Но зачем же, в таком случае, было делать это рискованное заявление? Или орган партии Народной Воли был до такой степени убежден в неминуемом осуществлении своего пророчества, что считал нужным побудить членов организации к принятию мер, соответствующих важности ожидаемого события? Но в виду того, что в том же органе деятельность в народе объявлялась бесплодною, мы думаем, что заявление это имело скорее успокоительный, чем побудительный характер: социально-революционное большинство в Учредительном Собрании ожидалось, несмотря на то, что названная деятельность напоминает собою теперь „наполнение бездонных бочек Данаид“.

Само по себе, заявление это могло бы считаться неважным, тем более, что „Народная Воля“ сама, повидимому, рассталась с преувеличенно-радужными надеждами на состав будущей русской Конституанты. Мы думаем так потому, что передовая статья № 8—9 говорит об экономическом перевороте, который, в случае отсутствия социально-революционной инициативы в самом народе, должен быть совершен „временным революционным правительством“ ранее созыва Учредительного Собрания. Автор статьи совершенно справедливо видит лишь в таком перевороте гарантию того, что „на созванный Земский Собор явятся истинные представители народа“. Прежняя иллюзия „Народной Воли“ рассеялась, таким образом, окончательно. Но, к сожалению, она исчезла лишь затем, чтобы уступить место новой, еще более вредной для дела самой партии Народной Воли. Фантастический элемент программы не уничтожился, он принял только новый вид и называется теперь тем самым „захватом власти временным революционным правительством“, который должен доставить партии возможность совершить упомянутый экономический переворот. Само собою понятно, что эта новая „постановка партионных задач“ ни в коем случае не может внушить ни русским либералам, ни буржуазной Европе мысли о солидарности их интересов с интересами русского революционного движения. Как ни забито, как ни задавлено русское общество, но оно вовсе не лишено инстинкта самосохранения и ни в каком случае не пойдет добровольно навстречу „красному призраку“; указывать ему на такую „постановку“ задач партии — значит лишать себя его поддержки и рассчитывать лишь на свои собственные силы. Но настолько ли велики эти силы, чтобы не рискованно было отталкивать от себя такого союзника? Могут ли наши революционеры действительно захватить в свои руки власть и удержать ее хоть на короткое время, или все толки об этом представляют собою не что иное, как выкраивание шкуры зверя, не только еще не убитого, но, по обстоятельствам дела, и не подлежащего убиению? Вот вопрос, который становится в последнее время злобою дня революционной России.

Спешим оговориться. Предыдущие страницы должны были уже убедить читателя, что мы не принадлежим к числу принципиальных

противников такого акта, как захват власти революционной партией. По нашему мнению, он представляет собою последний и притом совершенно неизбежный вывод из той политической борьбы, которую, на известной ступени общественного развития, должен начать всякий класс, стремящийся к своему освобождению. Достигший политического господства революционный класс только тогда и сохранит за собою это господство, только тогда и будет в сравнительной безопасности от ударов реакции, когда он направит против нее могучее орудие государственной власти. „Den Teufel halte, wer ihn hält!“ — говорит Фауст.

Но диктатура класса, как небо от земли, далека от диктатуры группы революционеров-разночинцев. Это в особенности можно сказать о диктатуре рабочего класса, задачей которого является в настоящее время не только разрушение политического господства непроизводительных классов общества, но и устранение существующей ныне анархии производства, сознательная организация всех функций социально-экономической жизни. Одно понимание этой задачи предполагает развитой рабочий класс, обладающий политическим опытом и воспитанием, освободившийся от буржуазных предрассудков и умеющий самостоятельно обсуждать свое положение. Решение же ее предполагает, кроме всего сказанного, еще и распространение социалистических идей в среде пролетариата, сознание им своей силы и уверенность в победе. Но такой пролетариат и не позволит захватить власть даже самым искренним благожелателям. Не позволит по той простой причине, что он проходил школу своего политического воспитания с твердым намерением окончить когда-нибудь эту школу и выступить самостоятельным деятелем на арену исторической жизни, а не переходить вечно от одного опекуна к другому; не позволит потому, что такая опека была бы излишней, так как он сам мог бы тогда решить задачу социалистической революции; не позволит, наконец, потому, что такая опека была бы вредной, так как сознательного участия производителей в деле организации производства не заменит никакая конспираторская сноровка, никакая отвага и самоотвержение заговорщиков. Одна мысль о том, что социальный вопрос может быть на практике решен кем-либо, помимо самих рабочих, указывает на полное непонимание этого вопроса, без всякого отношения к тому, держится ли ее „железный канцлер“ или революционная организация. Понявший условия своего освобождения и созревший для него пролетариат возьмет государственную власть в свои собственные руки, с тем, чтобы, покончивши со своими врагами, устроить общественную жизнь на началах — не анархии, конечно, которая принесла бы ему новые бедствия, — но пан-архии, которая дала бы возможность непосредственного участия в обсуждении и решении общественных дел всем взрослым членам общества. До тех же пор, пока рабочий класс не развился еще до решения своей великой исторической задачи, обязанность его сторонников заключается в ускорении процесса его развития, в устранении препятствий, мешающих росту его силы

и сознания, а не в придумывании социальных экспериментов и вивисекций, исход которых всегда более чем сомнителен.

Так понимаем мы вопрос о захвате власти в социалистической революции. Применяя эту точку зрения к русской действительности, мы должны сознаться, что отнюдь не верим в близкую возможность социалистического правительства в России.

---

2. „Должна“ ли Россия пройти через „школу“ капитализма?

(Г. В. Плеханов, „Наши разногласия“. Сочинения, т. II. Изд. 2-е ГИЗ, стр. 110.)

Итак „должна“ или „не должна“ Россия пройти через „школу“ капитализма?

Решение этого вопроса имеет огромную важность для правильной постановки задач нашей социалистической партии. Неудивительно поэтому, что на него давно уже было обращено внимание русских революционеров. До самого последнего времени огромное большинство их склонно было категорически решать его в отрицательном смысле. Я также отдал дань общему увлечению и в передовой статье 3 № „Земли и Воли“ я старался доказать, что „история вовсе не есть однообразный механический процесс“, что капитализм был необходимым предшественником социализма лишь „на Западе, где поземельная община разрушилась еще в борьбе с средневековым феодализмом“; что у нас — где эта община „составляет самую характерную черту в отношениях нашего крестьянства к земле“ — торжество социализма может быть достигнуто совсем другим путем; коллективное владение землею может послужить исходным пунктом для организации всех сторон экономической жизни народа на социалистических началах. „Поэтому — умозаключал я — главная задача наша заключается в создании боевой народно-революционной организации для осуществления народно-революционного переворота в возможно более близком будущем“.

---

3. М. А. Бакунин о главных чертах русского народного идеала.

(Г. В. Плеханов, „Наши разногласия“. Сочинения, т. II. Изд. 2-ое ГИЗ, стр. 134.)

Автор „Государственности и анархии“ насчитывает шесть „главных черт“ русского народного идеала: три хороших и три дурных. Присмотримся к этой классификации повнимательнее, так как миросозерцание М. А. Бакунина наложило свой отпечаток на взгляды многих из тех наших социалистов, которые никогда не были его последователями или даже выступали в качестве его противников.

„Первая и главная его черта, это—всенародное убеждение, что земля, вся земля принадлежит народу, орошающему ее своим потом

и оплодотворяющему ее своим трудом. Вторая столь же крупная черта, что право на пользование ею принадлежит не лицу, а целой общине, миру, разделяющему ее временно между лицами; третья черта одинаковой важности с двумя предыдущими, это квазиабсолютная автономия, общинное самоуправление и вследствие того решительно враждебное отношение общины к государству."

„Вот три главные черты, которые лежат в основании русского народного идеала. По существу своему, они вполне соответствуют идеалу, вырабатывающемуся за последнее время в сознании пролетариата латинских стран, несравненно ближе ныне стоящих к социальной революции, чем страны германские. Однако, русский народный идеал омрачен тремя другими чертами, которые искажают его характер и чрезвычайно (Nota bene) затрудняют и замедляют осуществление его... Эти три затемняющие черты: 1) патриархальность; 2) поглощение лица миром; 3) вера в царя. Можно было бы прибавить в виде четвертой черты христианскую веру, официально православную или сектаторскую, но... у нас в России этот вопрос далеко не представляет той важности, какую он представляет в Западной Европе"[1]).

Против этих-то отрицательных черт народного идеала и должны бороться „всеми силами" русские революционеры, и такая борьба „тем возможнее", „что она уже существует в самом народе".

Уверенность в том, что сам народ начал уже борьбу против отрицательных „черт" своего идеала, „представляла собою очень характерную черту всей программы русских бакунистов". Она являлась соломинкой, за которую хватались они, чтобы спастись от логических выводов из их собственных посылок и от результатов сделанного М. А. Бакуниным анализа народного идеала. „Ни лицу, ни обществу, ни народу нельзя дать того, чего в нем уже не существует не только в зародыше, но даже в некоторой степени развития", — читаем мы в „примечании А", столько раз уже цитированном нами. Оставаясь последовательным, русский бакунист должен был бы „отказаться от всякой надежды на русскую революцию", если бы народ сам не заметил „затемняющих черт" своего идеала и если бы его недовольство этими чертами не достигло уже „некоторой степени развития". Понятно поэтому, что в эту сторону должна была направиться вся диалектическая сила родоначальника русского „бунтарства".

Вместо того, чтобы исходить из „экономических фактов" в своем анализе социально-политического идеала русского народа, вместо того, чтобы ожидать переработки этого старого „идеала" от влияния новых тенденций в экономической жизни народа, автор „Государственности и анархии" устанавливает совершенно произвольную иерархию „недостатков" народного идеала, стараясь найти такую комбинацию „несчастных" его „черт", при которой одна из них нейтрализируется или даже совершенно уничтожается другою. Это превращает всю его аргументацию в совершенно произвольную игру

---

[1]) „Государственность и анархия", примечание на стр. 10.

совершенно произвольными определениями. Автор, бывший, казалось, так недалеко от истины, вдруг удалился от нее на бесконечное расстояние по той простой причине, что он лишь чувствовал необходимость диалектической оценки народного миросозерцания, но не сумел или не захотел сделать ее. Вместо ожидаемой диалектики явилась на сцену софистика. „Бакунизм" был спасен, но выяснение задач русской революционной интеллигенции не подвинулось ни на один шаг вперед.

Иерархия различных недостатков народного идеала устанавливается таким образом. „Поглощение лица миром и богопочитание царя собственно вытекают, как естественные результаты... из патриархальности". Сама община оказывается не чем иным, как естественным расширением „рода" [1]), а царь — „всеобщим патриархом и родоначальником, отцом всей России". Именно, „поэтому, власть его безгранична". Отсюда понятно, что патриархальность оказывается „главным историческим злом", против которого мы обязаны „бороться всеми силами". Но как бороться „против исторического зла" анархисту, не имеющему „намерения и ни малейшей охоты навязывать нашему или чужому народу какой бы то ни было идеал общественного устройства, вычитанного из книжек или выдуманного им самим"? Не иначе — как опираясь на историческое развитие народного идеала. Но способствует ли развитие русского народного идеала устранению из него затемняющей черты патриархальности? Несомненно, и именно вот каким образом: „война против патриархальности ведется ныне чуть ли не в каждой деревне и в каждом семействе, и община, мир до такой степени обратились теперь в орудие ненавистной народу государственной власти и чиновнического произвола, что бунт против последних становится вместе с тем и бунтом против общинного и мирового деспотизма" [2]). Не смущаясь тем, что борьба против общинного деспотизма не может не пошатнуть самого принципа общинного землевладения, автор считает вопрос окончательно решенным, и уверяет, что „остается богопочитание царя", которое чрезвычайно поприелось и ослабло в самом создании народном за последние десять или двенадцать лет, даже не потому, что пошатнулась „патриархальность", а „благодаря мудрой и народолюбивой политике Александра II благодушного". После многих испытаний русский народ „начал понимать, что у него нет врага пуще царя". Интеллигенции приходится только поддерживать и усиливать это антицарское направление в народной мысли.

В заключение, той же интеллигенции рекомендуется бороться против еще одного „главного недостатка", не упомянутого при выше-

---

[1]) М. А. Бакунин, очевидно, и не подозревал, что община является в истории раньше патриархата и существует у народов, не имеющих и тени патриархальности. Впрочем, эту ошибку он разделял со многими из своих современников, например, с Ротбертусом, а, пожалуй, и с Лассалем, который в своей схеме истории собственности („System der erworbenen Rechte", T. I, SS. 217—223) совсем не упоминает о первобытной общине.

[2]) „Государственность и анархия", примечание А, стр. 19.

цитированном перечислении черт народного идеала. Недостаток этот, парализирующий и делающий до сих пор невозможным всеобщее народное восстание в России, это — замкнутость общин, уединение и „разъединение крестьянских миров“... Если принять во внимание что „разъединение крестьянских миров“ есть результат того обстоятельства, что „каждая община составляет в себе замкнутое целое, вследствие чего ни одна из общин не имеет, да и не чувствует надобности иметь с другими общинами никакой самостоятельной органической связи“, что „соединяются они между собою только посредством батюшки - царя, только в его верховной, отеческой власти“, то приходится сознаться, что на интеллигенцию возлагается нелегкая задача. „Связать лучших крестьян всех деревень, волостей и по возможности областей... между собой, и там, где это возможно, провести такую же живую связь между фабричными работниками и крестьянством“... сделать так, „чтобы лучшие или передовые крестьяне каждой деревни, каждой волости и каждой области знали таких же крестьян всех других деревень, волостей, областей“... „убедить их в том, что в народе живет несокрушимая сила, которая могуча только, когда она собрана и действует одновременно... и что до сих пор она не была собрана“; связать и организовать „села, волости, области по одному общему плану и с единою целью всенародного освобождения“, — словом, прибавить несколько новых, очень хороших „черт“ к народному характеру и идеалу и устранить из них несколько коренных недостатков, это—работа, достойная титанов! И за это - то гигантское предприятие приходится браться в том убеждении, что „нужно быть олухом царя небесного или неизлечимым доктринером для того, чтобы вообразить себе, что можно что-нибудь дать народу, подарить ему какое бы то ни было материальное благо или новое умственное или нравственное содержание, новую истину и произвольно дать его жизни новое направление или, как утверждал... покойный Чаадаев, писать на нем, как на белом листе, что угодно [1])“. Можно ли вообразить более вопиющее противоречие между теоретическими положениями „программы“ и намеченными ею практическими задачами?

Людям, не желавшим окончательно разрывать с логикой, оставалось или отказаться от практической части этой программы, удерживая основные ее положения, или преследовать указанные ею практические задачи, стараясь подыскать для них новое теоретическое обоснование. Так оно и вышло впоследствии.

---

4. Россия и Запад в представлении П. Н. Ткачева.

(Г. В. Плеханов, — „Наши разногласия“. Соч., т. II. Изд 2-ое. ГИЗ., стр. 144.)

„У нас нет городского пролетариата, это, конечно, верно, но зато у нас совсем нет буржуазии. Между страдающим народом и угнетающим его деспотизмом государства у нас нет никакого сред-

---

[1]) „Государственность и анархия“, примечание А на стр. 9.

него сословия; наши рабочие должны будут бороться лишь с политической силой — сила капитала находится у нас еще в зародыше".

„Наш народ невежествен — это также факт. Но зато он в огромном большинстве случаев проникнут принципами общинного владения; он, если можно так выразиться, коммунист по инстинкту, по традиции"...

„Отсюда ясно, что, несмотря на свое невежество, народ наш стоит гораздо ближе к социализму, чем народы Запада, хотя они и образованнее его".

„Народ наш привык к рабству и повиновению — этого также нельзя оспаривать. Но вы не должны заключать отсюда, что он доволен своим положением. Он протестует, непрерывно протестует против него. В какой бы форме ни проявлялись эти протесты, в форме ли религиозных сект, называемых расколом, в отказе ли от уплаты податей, или в форме восстаний и открытого сопротивления власти — во всяком случае, он протестует, и повременам очень энергично".

„Правда, эти протесты узки и разрозненны. Но, несмотря на это, они в достаточной мере доказывают, что народу невыносимо его положение, что он пользуется каждым случаем, чтобы дать волю накопившемуся в его груди чувству озлобления и ненависти. И поэтому русский народ можно назвать инстинктивным революционером, несмотря на его кажущееся отупение, несмотря на отсутствие у него ясного сознания своих прав".

„Для нас, революционеров, не желающих долее сносить несчастий народа, не могущих долее терпеть своего позорного рабского состояния, для нас, не затуманенных метафическими бреднями и глубоко убежденных, что русская революция, как и всякая другая революция, не может обойтись без вешания и расстрела жандармов, прокуроров, министров, купцов, попов, словом, не может обойтись без „насильственного переворота", для нас, материалистов-революционеров, весь вопрос сводится к приобретению силы власти, которая теперь направлена против нас".

„Мы первые указали на неизбежность этого фиаско, мы первые... заклинали молодежь сойти с этого гибельного анти-революционного пути и снова вернуться к традициям непосредственно-революционной деятельности и боевой централистической революционной организации (т.-е. традициям нечаевщины). И наш голос не был голосом вопиющего в пустыне".

---

5. „Должна ли Россия пройти всеми фазами европейского развития?" (выводы).

(Г. В. Плеханов, „Наши разногласия". Соч., т. II. Изд. 2-е ГИЗ, стр. 148).

Ниже мы увидим, какое значение имеют сделанные мною выписки в вопросе о „наших разногласиях". Теперь же взглянем на изло-

женные нами программы с чисто исторической точки зрения и спросим себя — насколько удовлетворительно был ими поставлен и решен вопрос о состоянии русской общины и о способности русского народа к сознательной борьбе за свое экономическое освобождение?

Мы видели, что как М. А. Бакунин, так и П. Н. Ткачев очень много говорили о коммунистических инстинктах русского крестьянства. Ссылки на эти инстинкты составляют исходную точку их социально-политических рассуждений, главное основание их веры в возможность социалистической революции в России. Но ни автор „Государственности и анархии“, ни редактор „Набата“ ни мало не задумывались, повидимому, над вопросом о том, потому ли существует община, что народ наш „проникнут“ этими „принципами“, т.-е. имеет привычку к общине, что живет в условиях коллективного владения землей? Если бы они внимательнее отнеслись к этому вопросу, ответ на который не может быть сомнительным, то им пришлось бы перенести центр тяжести своей аргументации из области рассуждений о народных „инстинктах“ и идеалах в сферу исследований о народном хозяйстве. Тогда им пришлось бы обратить внимание на историю землевладения и вообще права собственности у первобытных народов, на возникновение и постепенный рост индивидуализма в общинах охотничьих, кочевых и земледельческих племен, на социально-политическое влияние этого нового „принципа“, становящегося мало-по-малу господствующим. Применяя результаты такого рода исследований к России, им пришлось бы сделать оценку тех разлагающих общину условий, значение которых в особенности возросло со времени уничтожения крепостного права. Эта оценка логически привела бы их к попытке определить силу и значение индивидуалистического принципа в хозяйстве современной сельской общины в России. Затем, так как значение этого принципа — под влиянием враждебных коллективизму условий — постоянно возрастает, то им нужно было бы узнать величину ускорения, приобретаемого индивидуализмом, в ходе его вторжения в право и хозяйство общинников. Определивши, с возможною в таких случаях точностью, величину этого ускорения, они должны были бы перейти к изучению свойств и развития той силы, с помощью которой они думали не только предупредить торжество индивидуализма и не только восстановить сельскую общину в ее первобытном виде, но и придать ей новую, высшую форму. При этом возник бы очень важный, как мы видели, вопрос о том, явится ли эта сила продуктом внутренней жизни общины или результатом исторического развития высших сословий. Во втором из предположенных случаев интересующая нас сила оказалась бы чисто-внешнею силою по отношению к общине, и тогда им прежде всего нужно было бы спросить себя, достаточно ли одних внешних влияний для переустройства экономической и социально-политической жизни данного класса? Покончивши с этим вопросом, пришлось бы немедленно считаться с другим, а именно — где должно искать точку приложения этой силы, в сфере ли *условий жизни* или в области *привычек*

мысли нашего крестьянства? В заключение им нужно было бы доказать, что **сила сторонников социализма увеличивается с большей быстротой, чем совершается рост индивидуализма в руках экономической жизни**. Только сделавши это обстоятельство, по крайней мере, **вероятным**, они могли бы доказать **вероятность** той социальной революции, которая, по их мнению, не могла встретить в России „никаких“ затруднений.

В каждом из вышеперечисленных случаев им пришлось бы иметь дело не со статикой, а с динамикой наших общественных отношений, „брать“ народ не таким, „каков он есть“, а таким, каким он **становится**, рассматривать не неподвижную **картину**, а совершившийся по известным законам **процесс** русской жизни. Им пришлось бы употребить в дело то самое орудие диалектики, которое уже употреблялось Чернышевским для изучения вопроса об общине в самом абстрактном его виде.

К сожалению, ни Бакунин, ни Ткачев не сумели, как мы видели, подойти с этой, наиболее важной, стороны к вопросу о шансах социальной революции в России. Они довольствовались тем убеждением, что народ наш „коммунист по инстинкту, по традиции“, и если Бакунин обращал должное внимание на слабые стороны народных „традиций“ и народного инстинкта, если Ткачев видел, что устранить такого рода слабые стороны можно лишь путем учреждений, а не логических доводов, то все-таки ни тот, ни другой из названных писателей не доводили дело анализа до конца. Взывая к нашей интеллигенции, они ожидали социальных чудес от ее деятельности и полагали, что ее преданность заменит народную инициативу, ее революционная энергия займет место внутреннего стремления русской общественной жизни к социальной революции. Народное хозяйство, уклад жизни и привычки мысли нашего крестьянства рассматривалось ими именно, как неподвижная картина, как законченное целое, подлежащее лишь незначительным видоизменениям вплоть до самой социальной революции. В представлении тех самых писателей, которые, конечно, не отказались бы признать современные им формы народной жизни результатом исторического развития, — история как бы „остановила свое течение“. От времени выхода в свет „Государственности и анархии“ и „Открытого письма к Фр. Энгельсу“ вплоть до первого или „второго дня после революции“ сельская община должна была, по их мнению, оставаться в своем нынешнем виде, от которого так недалек будто бы переход к социализму. Весь вопрос был в том, чтобы поскорее приняться за дело и итти по надлежащей дороге. „Мы не допускаем никаких отсрочек, никакого промедления... Мы не можем и не хотим ждать... Пусть каждый соберет свои пожитки и спешит отправиться в путь!“ — писал редактор „Набата“. И хотя по вопросу о направлении этого пути между Бакуниным и Ткачевым были коренные разногласия, но, во всяком случае, каждый из них был уверен, что если молодежь пойдет по указанному им пути, то успеет застать общину в со-

стоянии желательной прочности. Хотя „каждый день приносит им новых врагов, создает новые враждебные им общественные формы", но эти новые формы не изменяют взаимного отношения факторов русской общественной жизни. Буржуазия продолжает отсутствовать, государство продолжает „висеть в воздухе". Погромче ударивши „в набат", поэнергичнее взявшись за революционную работу, мы еще успеем спасти „коммунистические инстинкты" русского народа и, опираясь на его привязанность к „принципам общинного землевладения", сумеем совершить социалистическую революцию. Так рассуждал П. Н. Ткачев, так же, или почти так же, рассуждал и автор „Государственности и анархии".

Наша молодежь читала произведения обоих писателей и, поделившись на фракции, действительно спешила взяться за дело. С первого взгляда может показаться странным, каким образом ткачевская или бакунинская программа могла найти адептов в той самой интеллигентной среде, которая воспитывалась на сочинениях Н. Г. Чернышевского и уже по одному тому должна была выработать привычку к более строгому мышлению. Но дело в сущности просто и объясняется отчасти влиянием того же Чернышевского.

Гегель недаром отводил в своей философии такое важное место вопросу о методе, и недаром также те из западно-европейских социалистов, которые с гордостью „ведут свою родословную", между прочим, „от Гегеля и Канта", придают гораздо бо́льшее значение методу исследования общественных явлений, чем данным его результатам [1]. Ошибка в результатах непременно будет замечена и исправлена при дальнейшем применении правильного метода, между тем как ошибочный метод, наоборот, лишь в редких частных случаях может дать результаты, не противоречащие той или другой частной истине. Но серьезное отношение к методологическим вопросам возможно лишь в обществе, получившем серьезное философское образование. Русское же общество никогда не могло похвастаться таким образованием. Недостаток философского развития с особенною силою сказался у нас в шестидесятых годах, когда наши „мыслящие реалисты", создавши культ естественных наук, открыли жестокое гонение на философскую „метафизику". Под влиянием этой антифилософской пропаганды последователи Н. Г. Чернышевского не могли усвоить себе приемы его диалектического мышления, а сосредоточивали свое внимание лишь на результатах его исследований. В результате же этих исследований являлась, как мы знаем, уверенность в возможности непосредственного перехода нашей общины в высшую, коммунистическую форму общежития. Это убеждение страдало односторонностью уже в силу своей абстрактности, и ученики, оставшиеся верными духу, а не букве сочинений

[1] „Мы далеко не так нуждаемся в голых результатах, как в изучении — говорит Фр. Энгельс, — мы знаем уже со времени Гегеля, что без ведущего к ним развития результаты не имеют никакого значения; они хуже чем бесполезны, если на них прекращается исследование, если они не становятся посылками для дальнейшего развития"

Чернышевского, конечно, не замедлили бы перейти, как я выразился выше, от алгебры к арифметике, от общих отвлеченных рассуждений о возможных переходах одних социальных форм в другие к подробному изучению вопроса о современном состоянии и вероятной будущей судьбе русской общины в частности. Так называемый „русский“ социализм был бы поставлен таким образом на совершенно твердую почву. К сожалению, наша революционная молодежь даже и не подозревала, что у ее учителя был какой-то особенный метод мышления. Успокоившись на результатах его исследований, она видела его единомышленников во всех писателях, отстаивавших принцип общинного землевладения, и между тем как сам автор „Критики философских предубеждений“ никогда не мог сойтись, например, со Щаповым [1]), наша молодежь видела в исторических трудах последнего лишь новую иллюстрацию и новые доводы в пользу мнений своего учителя. Тем менее могла она подвергать строгой критике новые революционные учения. П. Н. Ткачев и М. А. Бакунин казались ей людьми совершенно одного направления с Н. Г. Чернышевским. Ученики Гегеля не оставили камня на камне в его системе, строго держась того самого метода, который завещал им великий мыслитель. Они держались духа, а не буквы его системы. Последователи Н. Г. Чернышевского не решались даже подумать о критическом отношении к мнениям своего учителя. Строго держась каждой буквы его писаний, они утратили всякое понятие об их духе. Вследствие этого они не сумели сохранить в чистом виде даже результатов исследований Чернышевского и из смеси их с славянофильскими тенденциями образовали ту своеобразную теоретическую амальгаму, из которой выросло потом наше народничество.

Таким образом, предшествующая социалистическая литература завещала нам несколько (не нашедших подражателей) попыток применения диалектического метода к решению важнейших вопросов русской общественной жизни и несколько социалистических программ, из которых одна рекомендовала социалистическую пропаганду, считая русское крестьянство столь же восприимчивым к ней, как и западноевропейский пролетариат; другая настаивала на организации всенародного бунта, а третья, не считая возможной ни пропаганду, ни организацию, указывала на захват власти революционной партией, как на исходный пункт русской социалистической революции.

Теоретическая постановка революционного вопроса не только не подвинулась вперед со времени Чернышевского, но во многих отношениях отступила назад, к полуславянофильским воззрениям Герцена. Русская революционная интеллигенция начала семидесятых годов не прибавила ни одного серьезного аргумента в пользу отрицательного решения, поставленного еще Герценом вопроса о том, „должна ли Россия пройти всеми фазами европейского развития“?

---

[1]) См. книгу Аристова: „А. П. Щапов, жизнь и сочинения“, С.-Петербург, стр. 89—92.

6. Кустарь и фабрика.

(Г. В. Плеханов, „Наши разногласия“. Соч., т. II. Изд. 2-е ГИЗ, стр. 215.)

Но довольно, мы не пишем исследования о кустарной промышленности в России. Мы хотим лишь указать на бесспорные факты, самым неотразимым образом свидетельствующие о переходном состоянии нашего народного хозяйства. В то время, как люди, сделавшие из защиты народных интересов главную цель своей жизни, закрывают глаза на самые многознаменательные явления, капитализм идет своей дорогой, выбивает самостоятельных производителей из их непрочных позиций и создает в России армию рабочих тем же самым испытанным способом, какой уже практиковался им „на Западе“. „С экспроприацией прежде самостоятельных крестьян и отнятием у них средств производства идет уничтожение сельских побочных промыслов, процесс отделения мануфактуры от земледелия. Однако, собственно мануфактурный период не ведет еще ни к каким радикальным преобразованиям. Нужно помнить, что мануфактура лишь понемногу овладевает национальным производством, и что в ее основании лежат городские ремесла и сельские домашние, побочные промыслы. Если в известных пунктах, в известных отраслях производства, она уничтожает эти последние, то она вызывает их к существованию в другом месте, потому что она нуждается в них для обработки сырого материала... Она создает поэтому новый класс мелких сельских производителей, который занимается земледелием, как побочной отраслью, главным же образом занят промышленным трудом, произведения которого прямо или через посредство купцов продает мануфактурам... Только крупная промышленность с ее машинами дает капиталистическому земледелию прочную основу, окончательно экспроприирует огромное большинство сельского люда и заканчивает отделение земледелия от сельской домашней промышленности [1]). Мы переживаем в настоящее время именно этот процесс постепенного охватывания нашей национальной промышленности мануфактурой. И именно этот процесс „вызывания к существованию“ или, по крайней мере, временного оживления многих отраслей мелкой кустарной промышленности дает г. В. В. et Co-ns возможность с кажущимся успехом доказывать, что у нас не имеет места „капитализация кустарного промысла“ [2]). Ничтожная плата,

---

[1]) „Das Kapital“, 2 Aufl., S. 779—780.

[2]) Каким образом совершается указанный процесс, понятно для всякого, усвоившего сущность домашней системы крупного производства. На всякий случай приводим пояснительные факты. „Ситцевые фабриканты набивают обыкновенно или чужие ткани по заказу посторонних лиц, или свой собственный товар, закупив пряжу и отдавая ее для ткачества по разным местам“. Успешное ведение дел ситцевыми фабрикантами должно вести к усилению раздачи пряжи „по разным местам“, а следовательно, и к развитию мелкой кустарной промышленности. Кустарное хлопковое производство достигло обширного развития при участии многих купцов-капиталистов, которые, закупив бумажную пряжу, либо снуют ее в своих заведениях и потом отпускают ткачам, либо несснованную, передают мастерам, которые, занимаясь одним только снованием и раздачею пряжи по деревням,

за которую кустари продают свой труд, несколько замедляет переход к крупной машинной индустрии. Но как в этом явлении, так и в его несомненных последствиях, нет и не может быть ничего *самобытного*. „Удешевление рабочей силы посредством простого злоупотребления трудом женщин и малолетних, простого хищничества по отношению ко всем нормальным условиям труда и жизни, равно как и основывающееся на этом удешевление товаров и вообще капиталистическая эксплоатация, — наталкивается, наконец, на известные неустранимые более естественные пределы. Как скоро достигнут этот пункт... бьет час введения машин и быстрого превращения изолированной домашней работы (или также мануфактуры) в фабричное производство". Мы видели, что этот час пробил уже для уездов Шуйского бумаготкацкого округа. Скоро пробьет он и в других промышленных местностях. Раздача работы „на дома" выгодна для капиталистов лишь до тех пор, пока промышленный труд является побочным, подспорным занятием кустаря. Доход от земледелия позволяет работнику довольствоваться невероятно низкою платою. Но как только прекращается этот доход, как только хлебопашество окончательно вытесняется промышленным трудом — капиталисту приходится довести заработную плату до уровня знаменитого минимума потребностей трудящегося. Тогда ему становится выгоднее эксплоатировать рабочих на фабрике, где самая коллективность труда усиливает его производительность. Тогда-то и наступает эра крупной машинной промышленности.

Бумагопрядильное и ткацкое производства являются, как известно, самыми передовыми отраслями современной капиталистической индустрии. Вот почему в них оказывается уже почти совершенно законченным процесс, еще только начинающийся, а пожалуй, и совсем еще не начавшийся в некоторых других производствах. В то же время явления, имевшие место в наиболее усовершенствованных отраслях промышленности, могут и должны считаться пророческими по отношению к другим ее сферам. Совершившееся там вчера может совершиться здесь сегодня, завтра или вообще в самом недалеком будущем [1]).

7. Сбыт.

(Г. В. Плеханов, „Наши разногласия". Соч., т. II. Изд. 2-ое ГИЗ, стр. 230.)

Приведенные факты не нуждаются в дальнейших комментариях. Ясно, внятно, убедительно говорят они, что, по крайней мере по отношению к промышленности обрабатывающей, нам пора уже пере-

служат посредниками между капиталистами и ткачами. „Военно-статистический Сборник", вып. IV, стр. 381 и 384—385. Фирма „Саввы Морозова сыновья", занимающая 18.310 постоянных рабочих, имеет их, кроме того, 7.490 „на стороне". Эти „сторонние" рабочие суть не что иное как кустари, обязанные своим существованием крупной промышленности. Такого рода факты, стоящие к капитализму в самом недвусмысленном отношении, умиляют тем не менее народников до забвения простейших истин политической экономии.

[1]) Прим. по 2-му изд.: Впоследствии эти мои мысли были недурно развиты в некоторых исследованиях г. Туган-Барановского.

стать закрывать глаза перед действительностью, пора уже убедиться, что действительность эта имеет очень мало общего с теми наивными иллюзиями, которые характеризовали народнический период нашего движения. Пора иметь мужество сказать себе, что в названной сфере не только ближайшее будущее, но и настоящее принадлежит у нас капитализму. Все условия обмена, все отношения производства все более и более складываются в благоприятном для него смысле.

Что же касается сбыта, то мы уже говорим, что вопрос о нем вовсе не так уже неразрешим, как это думает г. В. В. и его эпигоны. Переход всякой страны от натурального хозяйства к денежному необходимо сопровождается огромным расширением ее внутреннего рынка, и без всякого сомнения этот рынок всецело достанется у нас нашей буржуазии. Но это еще не все. Предусмотрительный капиталист предвидит уже его переполнение и спешит приобрести рынки внешние. Некоторые из русских товаров найдут, конечно, сбыт и на Западе, а другие отправятся на Восток, в сопровождении „белых“ и других генералов, имеющих патриотическую миссию „упрочения нашего влияния в Средней Азии“. На последнем съезде наших заводчиков и фабрикантов недаром обсуждался вопрос о „мерах для развития торговых сношений с Балканским полуостровом и о заключении торговых трактатов с Азией“. В этом направлении были уже сделаны практические попытки, и нет оснований ожидать, что им суждено окончиться неудачей. Сношения с Востоком не новость для русских предпринимателей, и хотя иностранная конкуренция часто тяжело отзывалась на их интересах, но ошибочно было бы думать, что страны, ранее других выступившие на путь капитализма, имеют или могут навсегда сохранить монополию наиболее дешевого провоза, наименее дорогого производства и наилучшего качества товаров. Франция позже Англии выступила на этот путь, а между тем успела же она отвоевать себе почетное место на международном рынке. То же можно сказать, сопоставляя Германию с Францией и т. д. На „Западе“ есть много стран, которым, так же как и России, трудна промышленная борьба с наиболее передовыми государствами, а между тем никому из революционных писателей этих стран и в голову не приходило „самобытничать“ на манер наших народников. Правда, современные производительные силы далеко опережают в своем росте возможность расширения сбыта, международный рынок близится к окончательному переполнению, периодические кризисы стремятся перейти в один сплошной хронический кризис. Но, пока еще не наступило такое время, ничто не мешает появлению на рынке новых конкурентов, опирающихся на какие-нибудь физические особенности своей страны или исторические условия своего общественного развития: дешевизну рабочих рук, сырого материала и т. п. Можно сказать более,—появление таких конкурентов именно и приблизит час падения капитализма в наиболее развитых странах. Конечно, торжество рабочего класса в Англии или во Франции необходимо отразится на развитии всего цивилизованного мира; оно сократит господство капитализма в остальных странах. Но и это все

дело будущего, отделенного от нас более или менее длинным промежутком времени, в течение которого наш капитализм может стать и, как мы видели, становится полновластным хозяином России. Довлеет дневи злоба его, и, что бы ни судила нам в будущем предстоящая Западу социалистическая революция, — злобой нынешнего дня является у нас все-таки националистическое производство [1]).

---

8. Капитализм и общинное землевладение.

Капитализм в земледелии.

(Г. В. Плеханов, „Наши разногласия". Соч., т. II. Изд. 2-е. ГИЗ, стр. 232.)

Но главной, единственной основой нашего общественного хозяйства является земледелие — говорят обыкновенно г. В. В. и К°.

Развитию капиталистического хозяйства в этой области, приложению к земле „частного предпринимательского капитала" мешает община, которая была и остается несокрушимым оплотом против капитализма. Крупное земледельческое хозяйство у нас не только не вытесняет собою мелкого, но, наоборот, все более и более уступает

---

[1]) Примечание ко второму изданию. Отсюда видно, что я никогда не разделял той теории, которая была придумана нашими народниками — а из их сочинений перешла даже в „Британскую Энциклопедию" — и согласно которой в России невозможно развитие капитализма, так как эта страна не имеет рынков. Мой взгляд на этот вопрос изложен был вскоре после выхода „Наших разногласий" в другом месте следующими словами: „По учению теоретика народничества, г. В. В., „появление на всемирном рынке новых конкурентов, в лице новых стран, должно считаться отныне невозможным, так как рынок этот окончательно завоеван более передовыми государствами." Поэтому В. В. сомневается в будущности русского капитализма... Теория В. В. не лишена известной доли остроумия, но, к сожалению, обнаруживает полнейшее незнакомство с историей. Было время, когда на всемирном рынке почти исключительно господствовала Англия, и это господство отсрочивало решительное столкновение английского пролетариата с буржуазией. Монополия Англии была нарушена появлением на всемирном рынке Франции и Германии, а теперь монополия Западной Европы подрывается конкуренцией Америки, Австралии и даже Индии, что, конечно, поведет к заострению взаимных отношений между пролетариатом и буржуазией в Европе. Мы видим отсюда, что теория г. В. В. совсем не подтверждается действительным ходом событий. Г. В. В. думает, что, раз добившись господства на всемирном рынке, более развитые в промышленном отношении страны окончательно закрывают доступ к нему менее развитым странам и тем толкают эти последние на путь социальной реформы, каковая реформа и должна быть предпринята, будто бы, стоящим выше классовых интересов правительством, например, правительством его императорского величества самодержца всероссийского. Факты же показывают совсем обратное. Они говорят нам, что менее развитые страны не стоят на одном месте, а постепенно расчищают себе путь на всемирный рынок и своею конкуренцией толкают более развитые страны на путь социальной революции, которая будет совершена сознавшим свою классовую задачу пролетариатом, опирающимся на свои собственные силы и захватившим политическую власть в свои собственные руки".

ему дорогу. Крупные землевладельцы и арендаторы спекулируют лишь на повышение поземельной ренты, отдавая в руки мужика все земледельческое хозяйство. Крестьянское же хозяйство должно вести к торжеству крестьянских, а не капиталистических форм производства.

Хотя во всей этой аргументации ошибки довольно тесно перепутаны с истиной, но заключающаяся в ней истина ни в каком случае не убедительна. Земледелие почти повсюду является наиболее отсталой отраслью национального производства, отраслью, которой капитализм начинал овладевать лишь после того, как он прочной ногой утверждался в промышленности, собственно так называемой:

„Только крупная промышленность с ее машинами дает капиталистическому земледелию твердую основу".

Не логично поэтому заключать к отсутствию или даже полной невозможности буржуазных отношений производства в данной стране на том основании, что отношения эти еще не успели охватить земледелия. Г. Тихомирову кажется, например, что в период Великой революции французская буржуазия была так сильна, что могла помешать фактическому установлению самодержавия народа [1]. А между тем, вплоть до самой революции приложению „частного предпринимательского капитала" к земле препятствовали многочисленные остатки феодальных отношений, земледелие было в страшном упадке, поземельные собственники предпочитали жить в городах, сдавая свои земли „половникам", или арендаторам из среды буржуазии; эти последние так же, как и наши современные „Разуваевы", вовсе не думали о правильной земледельческой культуре, в свою очередь, передавали арендованные земли крестьянам и заботились лишь о возможно более выгодных условиях такой передачи [2]. Помешало ли это обстоятельство победе буржуазии и торжеству капитализма во Франции? Если нет, то почему у нас оно окажет не только более сильное, но — как думают народники — решающее влияние на все наши отношения производства? Во Франции в то время уже не было общины? Прекрасно. Но как во Франции, так и во всей „Западной Европе" был феодальный режим, были в свое время цехи, которые сильно затрудняли развитие капитализма, „стесняли производство, а не облегчали его". Эти „цепи" не остановили, однако, хода общественно-экономического развития. Наступила пора, когда „их нужно было разбить, и они были разбиты". Чем застрахована от такой же судьбы русская община? Г. Николай-он, гораздо основательнее знакомый с нашим пореформенным хозяйством, чем все русские революционные и консервативные самобытники, вместе взятые, не колеблется признать, что само „Положение" (о крестьянах, вышедших из крепостной зависимости) было у нас „лебединою песнью старого процесса производства", и что последовавшая за ним

---

[1]) „Вестник Народной Воли", статья „Чего нам ждать от революции?", стр. 251.

[2]) Н. Кареев, „Крестьяне и крестьянский вопрос во Франции в последней четверти XVIII века", Москва, 1879, гл. II, стр. 117 и след.

деятельность законодательства, направленная в совершенно противоположную сторону, „по результату оказала более существенное влияние на весь народный хозяйственный быт“, чем крестьянская реформа. По мнению этого писателя, „приложению капитала к земле, исполнению его исторической миссии у нас мешает „Положение“, наделившее производителей орудиями труда. Капиталистическому же хозяйству способствует вся пореформенная государственно-хозяйственная деятельность... Течение капиталистическое, однако, видимо пересиливает. Все данные говорят в пользу того, что все бо́льшая и бо́льшая часть производителей экспроприируется: уменьшение доли производителя в продукте и увеличение доли капиталиста, происходящее на наших глазах, заставляет все бо́льшую и бо́льшую часть первых бросать землю, не „обращать“ ее. При этом и в самой общине происходит весьма любопытное явление: нехозяйственным хозяевам общество начинает отводить худшую землю (все равно не обрабатывают ее), сроки же переделов земли хозяйственных домов все увеличиваются и увеличиваются, так что мы присутствуем при акте превращения общинного пользования — в индивидуальное“. Господин Тихомиров совершенно игнорирует выводы замечательного исследования г. Николая-она и упрямо твердит, что у нас „во владении крестьян до сих пор находится 120.628.246 дес. земли. Он забывает, что сущность дела заключается не в юридических нормах, а в экономических фактах. Факты же эти показывают, что во многих и многих местностях община настолько уже искажена неблагоприятными ей влияниями, что из средства защиты производителей против капиталистической эксплоатации она превращается уже в могучее орудие этой последней. Чтобы не быть голословными, возьмем опять народ, „каков он есть“, взглянем с этой стороны на современную русскую действительность.

Но предварительно — несколько общих замечаний об истории первобытного аграрного коммунизма.

---

9. Идеальная община народников.

Г. В. Плеханов, „Наши разногласия“. Соч., т. II. Идз. 2-е ГИЗ, стр. 251.)

Деревенская община представляет собою не более, как одну из ступеней разложения первобытного коммунизма. Коллективная собственность на землю не могла не возникнуть в тех обществах, которые не знали никаких других видов собственности. („Историк-этнограф — справедливо говорит г. Ковалевский — станет искать древнейших форм общения имуществ не у осевших уже племен, а у бродячих звероловов и рыболовов, и видеть в общинном землевладении первых не более как перенесение на недвижимое имущество тех правовых идей и учреждений, которые под гнетом необходимости возникли у отдельных племен в ту эпоху, когда единственным средством к пропита-

нию было занятие звериным и рыбным промыслами". Таким образом, относящиеся к движимой собственности „правовые идеи и учреждения" оказывали решающее влияние на характер собственности недвижимой. Это влияние не только не ослабело, но еще более возросло в то время, когда движимая собственность приняла индивидуальный характер. Но зато оно приняло теперь противоположное направление. Прежде движимая собственность стремилась придать недвижимой коллективный характер, потому что сама она принадлежала не отдельным лицам, а целому племени. Теперь, наоборот, она подрывает общинную недвижимую собственность, потому что сама она принадлежит не целой общине, а отдельным лицам. И это несомненное влияние движимой собственности на недвижимую с особенною силою сказывается там, где, как в земледелии, самая сущность хозяйственного предприятия требует одновременного употребления в дело объектов как частной, так и коллективной собственности.

Хлебопашцу нужна, во-первых, земля, поступающая в его пользование лишь на известное время, а во-вторых, — удобрение, семена, рабочий скот и орудия труда, составляющие его частную собственность.

В этой-то точке соприкосновения двух родов собственности разлагающее влияние индивидуализма достигает наивысшей степени, и победа тем скорее клонится на его сторону, чем более возрастает в земледельческой культуре значение предметов движимой (частной) собственности, т.-е. чем более труда, удобрения и ухода требует данная категория общинных земель. Вот почему огороды и вообще приусадебные земли, подвергающиеся наиболее старательной обработке, раньше других переходят в подворно-наследственное владение, между тем как дольше других в общинной собственности остаются выгоны и пустоши, требующие разве лишь огораживания, для охраны пасущегося на них скота. Между этими двумя крайностями другие общинные угодья располагаются в порядке возрастающей или убывающей сложности их обработки.

Таким образом, удлинение сроков переделов есть естественное следствие возрастающей тщательности в обработке земельных угодий.

Вот несколько примеров в пояснение сказанного.

В Заозерской сельской общине (Новгородской губ.) „все пахотные поля разделяются на два вида: 1) степенные поля и 2) пашни". Первые переходят от одного домохозяина к другому только во время коренных переделов, происходящих только при ревизии; поля второго рода, пашни, „каждый год под осень делятся между домохозяевами". Это различие обусловливается тем обстоятельством, что „степенные поля удобряются обыкновенно навозом" и „крестьяне довольны большими промежутками времени от передела до передела", потому что, по их собственным словам, „нужно получить свою пользу от земли, а то на кой чорт я буду хорошо работать на своей полосе, если завтра другому отдай".

Более тщательная обработка ведет к большей продолжительности владения, которая, в свою очередь, естественно распространяется и на другие виды общинных угодий, почему-либо имеющие в глазах крестьян большую ценность, хотя и не требующие никаких специальных затрат на свою обработку. В той же Заозерской общине сенокосы, как и поля, подразделяются на несколько разрядов, при чем сенокосы лучшего разряда, „обширные поемные луга“ по реке Хоринке, „поступают только в коренной передел“.

То же самое и еще более рельефно выраженное явление мы встречаем в Торховской общине Тульской губернии. Те из домохозяев этой общины, „которые удобряют свои полосы, крепко за них держатся и только в крайнем случае решаются уступить их другому домохозяину“.

В Михайловском уезде Рязанской губернии „крестьяне не делят навозных полей“.

В Мценском уезде Орловской губернии „при переделах одну полосу земли оставляют неделимою, чтобы ее каждый мог удабривать. Это называется навозниками. Такого навозника, никогда не переделяемого, приходится на крестьянина сажен 5“.

В Курмышском уезде Симбирской губ. „в последние годы (писано в начале семидесятых годов) переделы полей делаются на более долгие сроки, вследствие чего земледелие улучшается, и удобрение полей навозом входит в общее употребление“.

Связь между удлинением сроков переделов и улучшением обработки полей выясняется вышеприведенными примерами до очевидности. Не остается никакого сомнения в том, что домохозяева очень неохотно расстаются с землей, обработка которой потребовала от них каких-нибудь специальных затрат. Это стремление к возможно более продолжительному удержанию в своих руках раз полученной в надел полосы значительно ослабело бы, конечно, если бы все члены общины имели материальную возможность одинаково удобрять свои поля. „Если бы все или, по крайней мере, значительное большинство дворов одинаково исправно могли бы заниматься хлебопашеством, то большой разницы между полосами не могло бы быть, и общие переделы полей были бы ни для кого не обременительны“ — говорили г. Орлову крестьяне Московской губернии. Но такое равенство само по себе очень непрочно в сельской общине, где на мирской земле ведется подворное хозяйство, где каждый самостоятельный общинник на свой собственный страх и риск обрабатывает полученную им в надел землю. Количество скота, качество сельско-хозяйственных орудий, рабочие силы семьи представляют переменные величины, значительно разнообразящие доходы отдельных дворов. Развитие промышленности вокруг или внутри общины открывает новые пути для заработка, но вместе с тем и новые источники неравенства. Один двор совсем не имеет возможности „работать на стороне“; другой получает оттуда значительную часть своего дохода. Один домохозяин, занимаясь кустарной промышленностью, становится „мастерком“, эксплоататором членов своей

собственной общины, другому суждено попасть в более многочисленный разряд эксплоатируемых. Все это, разумеется, отражается на хозяйственной способности различных дворов.

Наконец, не все дворы переносят с одинаковой легкостью гнет государственных налогов. Таким-то образом, община распадается на „красную" и „холодную" стороны, на слой богатых, „хозяйственных мужичков", и слой бедняков, превращающихся мало-по-малу в „пустырников". Тогда переделы становятся в высшей степени невыгодными для исправных хозяев. Последним приходиться „трудиться не на себя, а на своих малосильных и неисправных соседей". Само собою понятно, что зажиточные крестьяне стараются избежать этой печальной для них необходимости; они начинают очень несочувственно относиться к переделам. Мы можем сказать поэтому, что *неравенство, необходимо возникающее в общине, в известный более или менее ранний период ее существования, также необходимо ведет к удлинению сроков переделов.*

Но на этом дело не останавливается. С удлинением сроков переделов неравенство между общинниками не только не исчезает, но, напротив, еще более усиливается. Домохозяева, имеющие возможность лучше обрабатывать свои наделы, не боятся теперь, что земля их „завтра" же перейдет в другие руки. Они возделывают ее с большим старанием, не останавливаются перед затратами на ее улучшение. Эти заботы естественно вознаграждаются лучшими урожаями. Хорошо обработанная полоса исправного домохозяина приносит больший доход, чем еле *вспаханные наделы деревенской* „черноты" [1]). Благодаря этому, в общине повторяется старая, но вечно новая история, рассказанная в притче о талантах: исправные домохозяева становятся еще „исправнее"; бедняки — еще беднее. Зажиточные домохозяева образуют между собою оборонительный и наступательный союз против „черноты", за которой остается еще право голоса при решении мирских дел, и которая может потребовать переверстки. Желая, во что бы ни стало, сохранить за собою лучше обработанные полосы общинной земли и не решаясь или не будучи в состоянии установить подворно-наследственное владение, зажиточные крестьяне прибегают к следующей, весьма остроумной мере. Они выделяют свои земли в особый участок, из которого наделы отводят лишь исправным домохозяевам. „Мирское поле разбивается на две неравные части: одна, состоящая из лучших ярусов, идет в надел исправным хлебопашцам и обрабатывается ими; другая, состоящая из худших ярусов, поступает в надел бесхозяйным дворам и лежит в пустырях" [1]). Бедняки лишаются,

[1]) В Спасской волости, Юрьевского уезда Владимирской губ., при посеве 2 мер ржи на душу нажинают 6 сотен снопов, намолачивают 5 мер с сотни. Таков средний урожай. В частности он неодинаков у крестьян различной степени благосостояния. Самый большой урожай бывает „у зажиточных крестьян — по 10 сотен снопов на душу, умолот 6 *мер с сотни*", самый меньший у „бобылок — 200 — 300 снопов, 3 — 4 меры умолота". *Пругавин*, „Сельская община" и т. д. стр. 15.

[1]) *Орлов*, „Формы крестьянского землевладения", стр. 55.

таким образом, всякой надежды когда-нибудь получить в свое распоряжение хорошо обработанную землю своих счастливых соседей. Община радикально изменяет свой характер: из оплота и опоры беднейших своих членов она становится источником окончательного их разорения. Удлинение сроков переделов, явившееся как результат неравенства между общинниками, ведет лишь к усилению неравенства и окончательному подрыву сельской общины.

Добиваясь осуществления своих требований, наши реформаторы полагают, что они работают для упрочения „вековых устоев, выдержавших“ и проч. и проч., т.-е., переводя с народнического языка на общечеловеческий, — для сохранения общинного землевладения. Но жизнь готовит им немало самых неприятных неожиданностей. Увеличение наделов и уменьшение податей приведет к тому, что крестьяне станут „дорожить“ землею; а там, где ею „дорожат“, — не любят переделов и стремятся удлинить их сроки; а там, где удлиняют сроки переделов, — возрастает неравенство между общинниками, крестьяне исподволь и самою логикою вещей подготовляются к подворно-наследственному владению. Словом, мера, рекомендуемая, как средство сохранения общины, только увеличит ту неустойчивость ее равновесия, которая и теперь уже поражает беспристрастного наблюдателя; эта мера будет настоящим подарком данайцев для общины. Нужно сознаться, что только с помощью очень пылкой фантазии и довольно крупной дозы невежества можно строить какие-нибудь реформаторские планы на шатком основании бытовой формы, находящейся в таком безвыходном и противоречивом положении.

Противоречия, свойственные данной социальной форме, неибежным и роковым образом отражаются на образе мыслей и на поведении ее сторонников. Наши народники-легалисты, столь плодовитые на всякого рода рецепты для поддержания и упрочения „вековых устоев русского народного быта“, не замечают, что фактически они все более и более становятся выразителями интересов той части крестьянства, которая является представительницей индивидуалистического принципа и кулацкой наживы.

Толки о народном кредите и умиление перед так называемыми „мирскими“ арендами помещичьих земель могут служить новыми примерами близорукого отношения к интересам общины. В сущности, как мирская аренда, так и мелкий поземельный кредит нисколько не упрочивают дорогих нашим народникам „устоев“ и даже прямо подрывают общинный принцип. Мы еще вернемся к этому предмету, но прежде считаем нужным покончить с другими, уже затронутыми нами причинами разложения общины.

Мы знаем уже, что крестьяне стоят за удлинение сроков переделов мирской земли в интересах лучшей ее обработки. Они не хотят „хорошо работать“ на той полосе, которая может скоро перейти в чужие руки. Хорошая обработка земли предполагает затрату не только живого труда работника, но и мертвых продуктов

его прошлого труда, тех средств производства, которые в буржуазной экономии носят название капитала.

Эти затраты „капитала“ окупаются в более или менее продолжительный период времени. Одни уже через год или через несколько лет сполна возвращаются собственнику, в виде увеличенного дохода с его земли; другие требуют, напротив, весьма продолжительного времени для своего оборота. Первые называются затратами оборотного, вторые — затратами постоянного капитала. Само собою понятно, что чем более будут возрастать затраты постоянного капитала в крестьянском земледелии, тем более будет усиливаться у богатых и зажиточных домохозяев стремление удержать свои наделы в течение возможно более длинного срока. Унаваживание земли не бог знает какая затрата, а между тем мы видим, что и оно уже вызывает у некоторой части нашего крестьянства враждебное отношение к переделам. „Это дурно, потому: у меня три коровы, а у него один петух“, — отзываются о переверстках земли крестьяне Сенгилеевской волости, Юрьевского уезда [1]). Что же будет со введением более рациональных способов хозяйства, интенсивной культуры, многопольной системы? Общинное землевладение, несомненно, явится серьезном препятствием для их упрочения. Оно и теперь уже ведет к таким ненормальным явлениям, как отказ от удобрения пахотных полей. В Калужской губ. некоторые „крестьяне почти все удобрение вывозят на коноплянники, и поля свои очень мало удобряют из опасения, что при переделе удобренная полоса перейдет к другому хозяину“. В Московской губ. „вывозка навоза на пашню останавливается года за три до передела“. В Кинешемском уезде Костромской губ. „есть примеры, что зажиточные крестьяне продают накопленное удобрение“, не решаясь, по указанным причинам, вывозить в поле. В Тульской губ. „у крестьян, не вышедших еще на выкуп и остающихся до времени на оброчной повинности, поля с каждым годом приходят к истощению по случаю неудобрения, ибо навоз не вывозят на поля уже десятый год и хранят его до раздела земли“. Наконец, в Сызранском уезде Симбирской губ. „из многих сведений о сдаточных ценах явствует, что наемная цена земли при общинном землевладении (при сдаче целыми наделами), в среднем выводе, вдвое ниже наемной цены земли, находящейся в личной собственности, при подворном владении. Это факт, не подлежащий сомнению, удостовериться в этом легко из книг, сделок и договоров в волостных правлениях.

Объясняется он тем, что просто самая обработка земли при тех незначительных делянках, которые приходятся на долю каждого домохозяина, весьма неудобна; факт этот вполне сознается наиболее зажиточной и развитой частью крестьянского населения, и он вызвал, с своей стороны, два явления, которые следует признать самыми характеристичными для определения настоящего положения крестьянского землевладения. Во-первых, в некоторых селениях (Кравкове, Головине, части сел Федрина и Загорина) состоялись приговоры

[1]) Пругавин, „Сельская община“, стр. 40 — 41.

о разделении общинной земли на подворные участки. Во-вторых, в весьма многих селениях отдельные домохозяева вносят выкуп за свои наделы и требуют выдела их из общинной земли. Подобные случаи встречаются в селах: Репьевке, Самойкине, Окуловке, и многих других, они встречались бы гораздо чаще, если бы было поболее порядка в крестьянском управлении, теперь же некоторая неясность закона, усиливаемая еще недостатком крестьянского управления, невольно задерживает случай выкупа" [1]).

Но этим не исчерпываются неудобства общинного землевладения. Связанная с ними обязательность севооборота также не мало затрудняет усовершенствование земледелия.

Возможны ли радикальные улучшения земледелия, например, в Торховской общине, Тульской губ., где „ни огораживать своих полей, ни изменять системы полеводства не дозволяется", или в Погореловской общине, Костромской губ., где „ведется трехпольная, обязательная для всех, система полеводства". Такие общины вовсе не составляют исключения; напротив, существующие в них порядки могут быть признаны общим правилом, основанным на том простом соображении, что, в случае огораживания полей или изменения системы полеводства каким-нибудь членом общины, „пришлось бы для одного всем стесняться в выпуске скота на пар и на жнивье" [2]). По заявлению старшины и крестьян Тихоновской волости Калужского уезда — „ни одна хозяйственная работа не может быть выполнена так, как желательно было отдельному домохозяину: троить пар, когда все только двоят, ему не позволяют, потому что пар служит выгоном для скота, посеять озимую рожь раньше других он по той же причине не может; начать сенокос он должен тоже в одно время с другими, ибо косить нельзя до раздела покосов, а косить после других нельзя, потому что надо перегонять с парового поля скот; и так решительно во всех работах встречаются подобные препятствия". Нечего и говорить о введении новых культурных растений. Это невозможно, если они „высеваются позже наших растений, по снятии которых мирской скот все вытопчет" [3]). Поэтому можно сказать, что совершенно неизбежна борьба между общиной, с одной стороны, и общинниками, видящими выгоду в изменении системы полеводства, имеющими необходимые для того средства. И не трудно предсказать, на чью сторону склонится победа: „богатый бедного всегда засилит" — говорят крестьяне; в данном же случае богатое меньшинство будет „засиливать" бедняков с помощью самого страшного оружия, какое когда-либо создавалось историей, т.-е. с помощью усовершенствованных средств производства.

---

[1]) „Доклад" сельско-хозяйственной комиссии, прилож. 1, отд. 1, гл. 2. „Условия хозяйства крестьян".

[2]) „Сборник материалов для изучения сельской поземельной общины", стр. 161 и 234.

[3]) „Доклад", „Условия хозяйства крестьян".

Много бумаги исписано нашими народниками для доказательства того положения, что община сама по себе, т.-е. по сущности лежащего в ее основе принципа, не враждебна никаким усовершенствованиям в земледелии. Стоит только всем членам данной общины взяться за такие усовершенствования, и еще лучше — ввести коллективную обработку полей — говорили они — и дело не только не затруднится, но, напротив, будет значительно облегчено отсутствием частной собственности на землю. Это, конечно, справедливо, но ведь мало ли возможностей, переход которых в действительность мыслим лишь при известных, невозможных в данное время, условиях?

Ах, кабы на цветы да не морозы,
И зимой бы цветы расцветали!

— справедливо говорит песня. Но возможно ли, чтобы в нашем климате зимой не было морозов? Нет! Ну, так и цветы не расцветут зимою иначе, как в теплицах. Наши крестьяне могли бы есть устрицы и запивать их шампанским, если бы... если бы имели для этого средства. Неотвязный вопрос о средствах всегда был холодной водой, охлаждавшей порывы пылкой маниловской фантазии. Если бы все наши крестьяне имели средства не только для обработки своих полей по усовершенствованным системам, но просто для поддержания традиционного трехпольного хозяйства, то у нас не было бы и того аграрного вопроса, над решением которого так усердно и так безуспешно трудятся г.г. народники. Действительность говорит, что таких средств у огромной части нашего крестьянства нет, а раз их нет, то ни отдельным домохозяевам, ни всему государству нет ни охоты, ни основания откладывать улучшение земледельческой культуры до тех пор, пока „поправится" большинство общинников: ведь наша допотопная соха и без того уже довольно подгадила нам в борьбе за рынок, хотя бы с американцами, не откладывающими употребления паровых плугов до золотого века братства и равенства.

Мы можем сказать, следовательно, что введение усовершенствованных способов земледелия явится новым фактором разложения нашей общины, если только каким-нибудь чудом не исчезнет неравенство, уже существующее в современной, „пореформенной" деревне. Но о чудесах ниже.

Что же такое, однако, это усовершенствованное земледелие? Представляет ли оно собою отрицательное условие общественного развития, продукт окружающих земледельца неблагоприятных влияний — или, напротив, является оно результатом устранения этих неблагоприятных влияний, следствием повышения уровня материального благосостояния крестьян? Нам кажется, что второе предположение вернее первого. Теперь большинство крестьян очень бедно, а круговая порука грозит разорением даже зажиточному их меньшинству. Понятно, что им теперь не до интенсивной культуры. Но поставьте их в лучшие условия, снимите давящий их податной гнет — и сама

круговая порука перестанет быть грозою богатых крестьян: меньше несостоятельных общинников — меньше и ответственности за них. Уверенная в своем будущем, зажиточная часть крестьянства задумается о серьезных улучшениях в земледелии. Но тогда-то и столкнется она с общиной, тогда-то и придется вступить ей с нею в смертельную борьбу. Перед нами опять вырастает, следовательно, тот вывод, что улучшение материального благосостояния крестьян увеличит неустойчивость общинного землевладения, сделает более частым явление, и теперь уже встречающееся, например, в Тамбовской губ., где „богатеющие крестьяне заводят владение участковое, а пока они бедны, держатся владения общинного, с переделом полей“. Плох, плох наш больной! Он истощен теперь до такой степени, что разлагается заживо, и в то же время все питательные вещества, рекомендуемые нашими легальными народниками-гомеопатами, как средство восстановления его сил, — могут только ускорить начавшееся разложение.

Но не пора ли нам кончить с общиной? Не указаны ли уже нами все факторы ее разложения? О, нет! Таких факторов много, очень много. Все принципы современного хозяйства, все пружины современной экономической жизни находятся в непримиримой вражде с общиною. Вследствие этого, надеяться на ее дальнейшее самостоятельное „развитие“ так же странно, как странно надеяться на долговечность и дальнейшее размножение вытащенной на берег рыбы. Дело не в том, на какой крюк посажена рыба, а в том — приспособлены ли ее дыхательные органы к окружающей атмосфере. Атмосфера же современного денежного хозяйства убивает нашу архаическую форму землевладения, подкапывает ее в самом корне. Хотите иллюстраций? Вот они.

Мы видели уже, как разрушительно влияет денежное хозяйство на семейную общину. Поищем теперь примера влияния его на сельскую общину, собственно так называемую.

---

10. Мелкое землевладение.

(Г. В. Плеханов, „Наши разногласия“. Сочинения, т. II. Издание 2-ое ГИЗ, стр. 269.)

Мы видели, что в области обрабатывающей промышленности крупное капиталистическое производство развивается теперь „безостановочно“; что, вооруженное силою капитала и могуществом современной техники, оно все более и более сбивает с позиции, побеждает и покоряет мелких производителей. Мы сказали затем, что к услугам крупного производства всецело готов внутренний рынок, да и на международном — для него закрыты далеко не все пути и выходы. Мы заключили отсюда, что в этой сфере не только ближайшее будущее, но и настоящее принадлежит капитализму. Но мы вспомнили, что народники видят в общине несокрушимый оплот против капитализма в нашей стране, где главная доля народного труда обращена до сих пор на земледелие. Тогда мы обратились

к общине и постарались изучить ее современное положение. Это изучение привело нас к тому выводу, что община разрушается под гнетом налогов, разлагается под влиянием денежного хозяйства и обнаружившегося в ней неравенства, что во многих местностях России, далекая от своего прежнего назначения охранять и защищать интересы всех своих членов без исключения, она превращается в общину кулаков, разрушение которой принесло бы лишь выгоду закабаленной ими деревенской голи. Не довольствуясь этим результатом, мы постарались определить, какое значение имели бы те реформы, на которые возлагается так много надежд нашими народолюбцами. Мы убедились, что эти реформы только увеличили бы уже начавшееся в общине разложение, и что она ни в коем случае не может служить оплотом против тех условий производства, которые и теперь уже нанесли ей столько неизлечимых ран. Нам остается теперь сказать два слова о мелком крестьянском земледелии, чтобы иметь право сделать свой окончательный вывод по вопросу о капитализме.

Большою ошибкою было бы думать, что так называемая „ликвидация крупного земледелия“ спасет нас от капитализма. Во-первых, „ликвидация“ эта может оказаться лишь временным, переходным явлением, а, во-вторых, само мелкое земледелие стремится принять буржуазный характер. Та же самая американская конкуренция, перед которой пасуют наши крупные землевладельцы, наложит свою печать и на крестьянина. Превращая наше хлебопашество в производство хлебного товара, она подчинит все отношения земледельцев неумолимым законам товарного производства. А эти неумолимые законы ведут к тому, что на известной стадии своего развития товарное производство ведет к эксплоатации производителя, создает капиталиста-предпринимателя и пролетария-работника. Таким образом, вопрос о мелком или крупном земледелии сводится для России лишь к вопросу о торжестве крупной или мелкой буржуазии. Старинные основы крестьянского хозяйства не только не упрочатся „ликвидацией крупного земледелия“, но, наоборот, еще более пострадают, благодаря полному перенесению в крестьянскую среду всех противоречий товарного производства. Крестьянское сословие тем скорее разложится на два враждебных лагеря: эксплоатирующего меньшинства и трудящегося большинства.

---

11. Общий вывод.

(Г. В. Плеханов, „Наши разногласия“. Сочинения, т. II. Издание 2-ое ГИЗ, стр. 270.)

Если после всего сказанного мы еще раз спросим себя — пройдет ли Россия через школу капитализма, то, не колеблясь, можем ответить новым вопросом — почему же бы ей и не окончить той школы, в которую она *уже поступила*?

Все наиболее новые, а потому и наиболее влиятельные течения нашей общественной жизни, все наиболее знаменательные факты

в области производства и обмена имеют один несомненный и бесспорный смысл: они не только расчищают дорогу капитализму, но и сами являются необходимыми и в высшей степени важными моментами его развития. За капитализм вся динамика нашей общественной жизни, все те силы, которые развиваются при движении социального механизма и, в свою очередь, определяют направление и скорость его движения. Против капитализма лишь более или менее сомнительные интересы некоторой части крестьянства, да та сила инерции, которая повременам так больно дает себя чувствовать развитым людям всякой отсталой, земледельческой страны. Но крестьяне недостаточно сильны, чтобы защищать свои действительные интересы; с другой стороны, они часто недостаточно заинтересованы, чтобы энергично отстаивать старые принципы своего общежития. Главный поток русского капитализма пока еще не велик, еще немного таких мест в России, где отношения нанимателя к работнику совершенно соответствовали бы общераспространенному представлению об отношениях труда к капиталу в капиталистическом обществе; но в этот поток со всех сторон направляется такое множество мелких и крупных ручейков, ручьев и речек, что общая масса направляющейся к нему воды огромна, и быстрый, сильный рост потока не подлежит сомнению. Его уже нельзя остановить, еще менее его можно высушить; остается лишь регулировать его течение, если мы не хотим, чтобы он принес нам один только вред, если мы не отказываемся от надежды хотя отчасти подчинить стихийную силу природы разумной деятельности человека.

Но что же делать в таком случае, нам, русским социалистам, привыкшим думать, что наше отечество обладает какой-то хартией самобытности, выданной ему историей за никому, впрочем, неизвестные заслуги?

Не трудно ответить на этот вопрос.

Непонятные законы общественного развития действуют с неотразимою силой и слепою жестокостью законов природы. Но узнать тот или другой закон природы или общественного развития значит уже, во-первых, уметь избегать столкновения с ним, а следовательно, и напрасной траты сил, а во-вторых, — быть в состоянии регулировать его приложение так, чтобы извлекать из него пользу. Эта общая мысль всецело применяется к интересующему нас частному случаю. Нам нужно воспользоваться, в интересах революции и трудящегося населения, совершающимся в России социально-экономическим переворотом. Для нас не должно быть потерянным то в высшей степени важное обстоятельство, что социалистическое движение началось у нас уже в то время, когда капитализм был еще в зародыше. Эта особенность русского исторического развития не придумана славянофилами и славянофильствующими революционерами. Она составляет бесспорный, всем известный факт, который принесет огромную пользу делу нашего рабочего класса, если только русские социалисты не растратят своей умственной и нравственной энергии на постройку воздушных замков в стиле удельно-вечевой эпохи.

ГЛАВА II.

ЛЕНИН В БОРЬБЕ С НАРОДНИЧЕСТВОМ.

1. Обобществление труда капиталистическим производством.

(Н. Ленин, „Что такое друзья народа, и как они воюют с социал-демократами". Собр. соч., т. I, стр. 102.)

Обобществление труда капиталистическим производством состоит совсем не в том, что люди работают в одном помещении (это только частичка процесса), а в том, что концентрация капиталов сопровождается специализацией общественного труда, уменьшением числа капиталистов в каждой данной отрасли промышленности и увеличением числа особых отраслей промышленности; в том, что многие раздробленные процессы производства сливаются в один общественный процесс производства. Если, например, в эпоху кустарного ткачества мелкие производители сами пряли пряжу и выделывали из нее ткани, то мы имели немного отраслей промышленности (прядение и ткачество сливались вместе). Если же производство обобществляется капитализмом, то число особых отраслей промышленности увеличивается: отдельно производится бумагопрядение, отдельно ткачество; самое это обособление и концентрация производства вызывают новые отрасли — производство машин, добывание каменного угля и т. д. В каждой отрасли промышленности, сделавшейся теперь более специализированной, число капиталистов становится все меньше. Это значит, что общественная связь между производителями все более и более укрепляется, производители сплачиваются в одно целое. Разрозненные мелкие производители производили каждый по несколько операций зараз и потому были сравнительно независимы от других: если, например, кустарь сам сеял лен, сам прял и ткал — он был почти независим от других. На таком-то режиме мелких, раздробленных товаропроизводителей (и только на нем) оправдывалась поговорка: „каждый за себя, а за всех бог", т. е. анархия рыночных колебаний. Совсем иначе обстоит дело при достигнутом, благодаря капитализму, обобществлении труда. Фабрикант, производящий ткани, зависит от бумагопрядильного фабриканта; этот последний — от капиталиста-плантатора, посеявшего хлопок, от владельца машиностроительного завода, каменноугольной копи и т. д. и т. д. В результате получается то, что ни один капи-

талист не может обойтись без других. Ясное дело, что поговорка „каждый за себя“ — к такому режиму совсем уже неприложима: здесь уже каждый работает на всех и все на каждого (и богу не остается места — ни в качестве заоблачной фантазии, ни в качестве земного „златого тельца“). Характер режима совершенно меняется. Если во время режима существования мелких раздробленных предприятий в каком-нибудь из них останавливалась работа, — это отражалось лишь на небольшом числе членов общества, не производило общего замешательства и потому не вызывало общего внимания, не побуждало к общественному вмешательству в дело. Но если такая остановка произошла в крупном предприятии, посвященном очень уж сильно специализированной отрасли промышленности и потому работающем чуть ли не на все общество и в, свою очередь, зависящем от всего общества (я беру для простоты случай, когда обобществление достигло своей кульминационной точки), — тогда уже должно остановиться дело во всех остальных предприятиях общества, потому что они могут получить необходимые продукты только из этого предприятия, могут реализовать все свои товары только при наличности его товаров. Все производства сливаются таким образом в один общественный производительный процесс, а между тем каждое производство ведется отдельным капиталистом, завися от его произвола, отдавая общественные продукты в его частную собственность. Неужели же неясно, что форма производства становится в непримиримое противоречие с формой присвоения? Неужели не очевидно, что последняя не может не приспособиться к первой, не может не сделаться тоже общественной, т.-е. социалистической? А остроумный филистер из „Отечественных Записок“ сводит все к работе в одном помещении. Вот уж по-истине попал пальцем в небо! (Я описал один только материальный процесс, одно изменение производственных отношений, не коснувшись социальной стороны процесса, объединения, сплачивания и организации рабочих, — так как это производное, второстепенное явление.)

Если российским „демократам“ приходится разъяснять такие азбучные вещи, — то причина этого лежит в том, что они до такой степени погрязли по уши в мещанских идеях, что решительно не в состоянии представить себе иных порядков, кроме мещанских.

---

2. Товарное хозяйство — капиталистическое хозяйство.

(Н. Ленин, „Что такое друзья народа“. Собр. соч., т. 1, стр. 134.)

...Чтобы проследить, применим ли к этому промыслу тот закон, что товарное хозяйство есть капиталистическое хозяйство, т.-е. неизбежно перерождается в него на известной ступени развития, мы должны сравнить заведения по величине их: вопрос состоит именно в взаимоотношении мелких и крупных заведений по роли в производстве, по эксплоатации наемного труда. Взяв за основание число

рабочих, делим заведения кустарей на три группы: 1) заведения, имеющие от 1—5 рабочих (и семейных и наемных вместе); 2) имеющие от 6—10 рабочих и 3) имеющие свыше 10 рабочих.

Прослеживая величину заведений, состав рабочих и сумму производства в каждой группе, получаем такие данные:

Группа кустарей по числу рабочих.	Среднее число рабочих на 1 завод.	Проц.		Годов. произв. 1 раб.	Процентное распределение.			Абсолютные цифры.		
		Зав. с наемн. рабочим.	Наемн. раб.		Заведений.	Рабочих.	Суммы произв. (руб.).	Число заведений [1]).	Число рабочих.	Суммы производства (руб.).
I. Имеет 1—5 рабочих	2,8	25	19	251	72	34	34	167/43	467/92	119.500
II. 6—10 раб. . .	7,3	90	58	249	18	23	22	43/39	317/186	79.000
III. Более 10 раб. .	26,4	100	91	260	10	43	44	23/23	609/557	158.500
Итого . .	6,)	45	59	254	100	100	100	233/105	1.402/835	357.000

Всмотритесь в эту табличку, и вы увидите буржуазную, или, что то же, капиталистическую организацию промысла: по мере того, как заведение становится крупнее, повышается производительность труда [2]) (средняя группа представляет исключение), усиливается эксплоатация наемного труда [3]), увеличивается концентрация производства [4]).

Третья группа, которая почти всецело основывает свое хозяйство на наемном труде, держит в своих руках — при 10% всего числа заведений — 44% общей суммы производства.

Эта концентрация средств производства в руках меньшинства, связанная с экспроприацией большинства (наемные рабочие), и объясняет нам как зависимость мелких производителей от скупщиков (крупные промышленники и являются скупщиками), так и угнетение труда в этом промысле. Мы видим, следовательно, что причина экспроприации трудящегося и эксплоатации его лежит в самих производственных отношениях.

Русские социалисты-народники, как известно, держались противного мнения, усматривая причину угнетения труда в кустарных про-

---

[1]) Знаменатель означает число заведений с наемными рабочими и число наемных рабочих.

[2]) Один рабочий производит в год в 1-ой группе на 251 р., а во 2-ой — на 249 р.; в 3-ей — на 260 р.

[3]) Процент заведений с наемниками в 1-ой группе — 25%; во второй — 90% и в 3-ей — 100%; процент наемных рабочих — 19% — 58% — 91%.

[4]) В 1-й группе на 72% заведений — 34% производства; во 2-й на 18% — 22%; в 3-й на 10% — 44%.

мыслах не в производственных отношениях (которые объявлялись построенными на таком начале, которое исключает эксплоатацию), а вне их — в политике, именно в политике аграрной, платежной и т. д. Спрашивается, на чем держалось и держится это мнение, которое приобрело теперь почти уже прочность предрассудка? Не на том ли, что господствовало иное представление о производственных отношениях в кустарных промыслах? Совсем нет. Оно держится только благодаря отсутствию какой бы то ни было попытки точно и определенно охарактеризовать данные, действительные формы экономической организации; оно держится лишь благодаря тому, что не выделяют особо производственные отношения и не подвергают их самостоятельному анализу. Одним словом, оно держится лишь по непониманию единственно научного метода общественной науки, именно — материалистического метода. Понятен теперь и ход рассуждений старых наших социалистов.

По отношению к кустарным промыслам они относят причину эксплоатации к явлениям, лежащим вне производственных отношений; по отношению к капитализму крупному, фабрично-заводскому они не могли не видеть, что там — причина эксплоатации лежит именно в производственных отношениях. Получалась непримиримая противоположность, несоответствие оказывалось непонятным, откуда мог вырасти этот крупный капитализм, когда в производственных отношениях (которые и не рассматривались!) кустарных промыслов нет ничего капиталистического. Вывод естественный: не понимая связи кустарной и капиталистической промышленности, противополагают первую последней, как „народную" — „искусственной". Появляется идея о противоречии капитализма нашему „народному строю", — идея, имеющая такое широкое распространение и недавно еще в подновленном и улучшенном издании преподнесенная русской публике г. Николаем-оном. Держится такая идея лишь на рутине, — несмотря на всю ее феноменальную нелогичность: о фабрично-заводском капитализме составляют представление по тому, что он действительно есть, а о кустарной промышленности по тому, чем она „может быть", о первом — по анализу производственных отношений, о второй — и не пытаясь рассмотреть отдельно производственные отношения и прямо перенося дело в область политики. Стоит обратиться к анализу этих производственных отношений, и мы увидим, что „народный строй" представляет из себя те же капиталистические производственные отношения, хотя бы и в неразвитом, зародыщевом состоянии, что если отказаться от наивного предрассудка считать всех кустарей равными друг другу и выразить точно различия в среде их, то разница между „капиталистом" фабрики и завода и „кустарем" окажется подчас меньше разницы между одним и другим „кустарем", что капитализм представляет из себя не противоречие „народному строю", а прямое, ближайшее и непосредственное продолжение и развитие его.

---

3. В каком случае капитализм является прогрессивным?

(Н. Ленин, „Что такое друзья народа“. Собр. сочин., т. I, стр. 153.)

Необходимо еще объяснить „народнические“ идеи, показать их материальное основание в современных наших общественно-экономических отношениях. Картинки и примеры экономики наших крестьян и кустарей показывают, что такое этот „крестьянин“, идеологами которого хотят быть „друзья народа“. Они доказывают буржуазность экономики нашей деревни и тем подтверждают правильность отнесения „друзей народа“ к идеологам мещанства. Мало того: они показывают, что между идеями и программами наших радикалов и интересами мелкой буржуазии существует самая тесная связь. Эта связь, которая будет еще яснее после разбора программы их в деталях, и объясняет нам такое широкое распространение в нашем „обществе“ этих радикальных идей; она же прекрасно объясняет и политическое лакейство „друзей народа“ и их готовность итти на компромиссы.

Было, наконец, еще одно основание останавливаться так подробно на экономике именно тех сторон нашей общественной жизни, где капитализм наименее развит, и откуда обыкновенно черпали народники материал для своих теорий. Изучением и изображением этой экономики легче всего было ответить по существу на одно из распространеннейших возражений против социал-демократии, циркулирующих в нашей публике. Исходя из обычной идеи о противоречии капитализма „народному строю“ и видя, что социал-демократы считают крупный капитализм прогрессивным явлением, что они хотят именно на него опираться для борьбы против современного грабительского режима, — наши радикалы, без дальних рассуждений, обвиняют социал-демократов в игнорировании интересов массы крестьянского населения, в желании „выварить каждого мужика в фабричном котле“ и т. д.

Основываются все эти рассуждения на том именно поразительно-нелогичном и странном приеме, что о капитализме судят по тому, что он в действительности есть, а о деревне — по тому, чем она „может быть“. Понятно, что нельзя лучше ответить на это, как показавши им действительную деревню, действительную ее экономику.

Всякий, кто беспристрастно, научно взглянет на эту экономику, должен будет признать, что деревенская Россия представляет из себя систему мелких, раздробленных рынков (или маленьких отделений центрального рынка), направляющих общественно-экономическою жизнью отдельных небольших районов. И в каждом таком районе мы видим те же явления, которые свойственны вообще общественно-экономической организации, регулятором которой является рынок: мы видим разложение некогда равных, патриархальных непосредственных производителей на богатеев и бедноту, мы видим возникновение капитала, особенно торгового, который плетет свои сети над

трудящимся, высасывая из него все соки. Когда вы сравниваете описания экономики крестьянства у наших радикалов с точными данными первоисточников о хозяйственной жизни деревни, вас поражает отсутствие в критикуемой системе воззрений места для той массы мелких торгашей, которые кишмя кишат на каждом таком рынке, всех этих шибаев, иванцей и как там еще прозвали их местные крестьяне, всей той массы мелких эксплоататоров, которые хозяйничают на рынках и беспощадно гнетут трудящегося. Их обыкновенно просто отодвигают — „это де, уже не крестьяне, а торгаши“. — Да, вы совершенно правы: это — „уже не крестьяне“. Но попробуйте выделить в особую группу всех этих „торгашей“, т.-е., говоря точным политико-экономическим языком, тех, кто ведет коммерческое хозяйство и кто хотя бы отчасти присваивает себе чужой труд; попробуйте выразить в точных данных экономическую силу этой группы и ее роль во всем хозяйстве района; попробуйте затем выделить в противоположную группу всех тех, кто тоже „уже не крестьянин“, потому что несет на рынок свою рабочую силу, потому что работает не на себя, а на другого, — попробуйте выполнить эти элементарные требования беспристрастного и серьезного исследования, и вы увидите такую яркую картину буржуазного разложения, что от мифа о „народном строе“ останется одно воспоминание. Эта масса мелких деревенских эксплоататоров представляет страшную силу, страшную особенно тем, что они давят на трудящегося враздробь, поодиночке, что они приковывают его к себе и отнимают всякую надежду на избавление, страшную тем, что эта эксплоатация при дикости деревни, порождаемой свойственными описываемой системе низкою производительностью труда и отсутствием сношений представляет из себя не один грабеж труда, а еще и азиатское надругательство над личностью, которое постоянно встречается в деревне. Вот если вы станете сравнивать эту действительную деревню с нашим капитализмом, — вы поймете тогда, почему социал-демократы считают прогрессивной работу нашего капитализма, когда он стягивает эти мелкие раздробленные рынки в один всероссийский рынок, когда он создает на место бездны мелких благонамеренных живоглотов кучку крупных „столпов отечества“, когда он обобществляет труд и повышает его производительность, когда он разрывает это подчинение трудящегося местным кровопийцам и создает подчинение крупному капиталу. Это подчинение является прогрессивным по сравнению с тем — несмотря на все ужасы угнетения труда, вымирания, одичания, калечения женских и детских организмов и т. д., — потому, что оно будит мысль рабочего, превращает глухое и неясное недовольство в сознательный протест, превращает раздробленный, мелкий, бессмысленный бунт в организованную классовую борьбу за освобождение всего трудящегося люда, борьбу, которая черпает свою силу из самых условий существования этого крупного капитализма и потому может безусловно рассчитывать на верный успех.

---

4. Теория народничества и ее классовая сущность.

(Н. Ленин, „Что такое друзья народа". Собр. сочин., т. I, стр. 188 — 190.)

В самом деле, если мы возьмем содержание программы „Русского Богатства", все эти регулирования переселений и аренды, все эти дешевые кредиты, музеи, склады, улучшения техники, артели и общественные запашки, то увидим, что она действительно пользуется громадным распространением во всей „серьезной и порядочной печати", т.-е. во всей либеральной печати, не принадлежащей к крепостническим органам или к рептилиям. Идея о необходимости, полезности, настоятельности, „безвредности" всех этих мероприятий пустила глубокие корни во всей интеллигенции и получила чрезвычайно широкое распространение: вы встретите ее и в провинциальных листках и газетах, и во всех земских исследованиях, сборниках, описаниях и т. д. и т. д. Несомненно, что, ежели бы это принять за народничество, успех громадный и неоспоримый.

Но только ведь это совсем не народничество (в старом, привычном значении слова), и успех этот и это громадное распространение вширь достигнуты ценой опошления народничества, ценой превращения социально-революционного народничества, резко оппозиционного нашему либерализму, в культурнический оппортунизм, сливающийся с этим либерализмом, выражающий только интересы мелкой буржуазии.

Чтобы убедиться в последнем, стоит обратиться к вышеприведенным картинкам разложения крестьян и кустарей, — а картинки эти вовсе не рисуют каких-нибудь единичных или новых фактов, а просто представляют попытку выразить политико-экономически ту „школу" „живоглотов" и „батраков", существование которой в нашей деревне не отрицается и противниками. Понятно, что „народнические" мероприятия в состоянии только усилить мелкую буржуазию; или же (артели и общественные запашки) должны представить из себя мизерные паллиативы, остаться жалкими экспериментами, которые с такой нежностью культивирует либеральная буржуазия везде в Европе по той простой причине, что самой „школы" они нисколько не затрагивают. По этой же причине против таких прогрессов не могут ничего иметь даже г.г. Ермоловы и Витте. Совсем напротив. Сделайте ваше одолжение, господа! Они вам даже денег дадут на „опыты" — лишь бы отвлечь „интеллигенцию" от революционной работы (подчеркивание антагонизма, выяснение его пролетариату, попытки вывести этот антагонизм на дорогу прямой политической борьбы) на подобное заштопывание антагонизма, примирение и объединение. Сделайте одолжение!

Остановимся несколько на том процессе, который вел к такому перерождению народничества. При самом своем возникновении, в своем первоначальном виде, теория эта обладала достаточной стройностью, — исходя из представления об особом укладе народной жизни, она верила в коммунистические инстинкты „общинного" крестьянина и потому видела в крестьянстве прямого борца за социализм, — но ей недоставало теоретической разработки, подтверждения на фактах

русской жизни, с одной стороны, и опыта в применении такой политической программы, которая бы основывалась на этих предполагаемых качествах крестьянина, — с другой.

Развитие теории и пошло в этих двух направлениях — в теоретическом и практическом. Теоретическая работа была направлена, главным образом, на изучение той формы землевладения, в которой хотели видеть задатки коммунизма; и эта работа дала разностороннейший и богатейший фактический материал. Но этот материал, касающийся преимущественно формы землевладения, совершенно загромоздил от исследователей экономику деревни. Произошло это тем естественнее, что, во-первых, у исследователей не было твердой теории о методе в общественной науке, теории, выясняющей необходимость выделения и особого изучения производственных отношений; а во-вторых, — собранный фактический материал давал прямые и непосредственные указания на ближайшие нужды крестьянства, на ближайшие бедствия, угнетающим образом действующие на крестьянское хозяйство. И все внимание исследователей сосредоточилось на изучении этих бедствий, малоземелья, высоких платежей, бесправия, забитости и загнанности крестьян. Все это было описано, изучено и разъяснено с таким богатством материала, с такими мельчайшими деталями, что, конечно, если бы наше государство было не классовым государством, если бы политика его направлялась не интересами правящих классов, а беспристрастным обсуждением „народных нужд", — оно тысячу раз должно бы убедиться в необходимости устранения этих бедствий. Наивные исследователи, верившие в возможность „переубедить" общество и государство, совершенно потонули в деталях собранных ими фактов и упустили из виду одно — политико-экономическую структуру деревни, упустили из виду основной фон того хозяйства, которое действительно угнеталось этими непосредственными ближайшими бедствиями. Результат получился, естественно, тот, что защита интересов хозяйства, угнетенного малоземельем и т. д., оказалось защитой интересов того класса, который держал в руках это хозяйство, который один только и мог держаться и развиваться при данных общественно-экономических отношениях внутри общины, при данной системе хозяйства страны.

Теоретическая работа, направленная на изучение того института, который должен бы послужить основанием и оплотом для устранения эксплоатации, привела к выработке такой программы, которая выражает собой интересы мелкой буржуазии, т.-е. того именно класса, на котором и покоятся эти эксплоататорские порядки!

В то же время практическая революционная работа развивалась тоже совсем в неожиданном направлении. Вера в коммунистические инстинкты мужика, естественно, требовала от социалистов, чтобы они отодвинули политику и „шли в народ". За осуществление этой программы взялась масса энергичнейших и талантливых работников, которым на практике пришлось убедиться в наивности представления о коммунистических инстинктах мужика. Решено было, впрочем, что дело не в мужике, а в правительстве, — и вся работа была направлена

на борьбу с правительством, борьбу, которую вели одни уже только интеллигенты и примыкавшие иногда к ним рабочие. Сначала эта борьба велась во имя социализма, опираясь на теорию, что народ готов для социализма, и что простым захватом власти можно будет совершить не политическую только, а и социальную революцию. В последнее время эта теория, видимо, утрачивает уже всякий кредит, и борьба с правительством народовольцев становится борьбой радикалов за политическую свободу.

И, с другой стороны, следовательно, работа привела к результатам, прямо противоположным ее исходному пункту; и, с другой стороны, получилась программа, выражающая только интересы радикальной буржуазной демократии. Собственно говоря, процесс этот еще не завершился, но он определился, кажется, уже вполне. Такое развитие народничества было совершенно естественно и неизбежно, так как в основе доктрины лежало чисто мифическое представление об особом укладе (общинном) крестьянского хозяйства: от прикосновения с действительностью миф рассеялся, и из крестьянского социализма получилось радикально-демократическое представительство мелко-буржуазного крестьянства.

---

5. Отношение рабочего класса к мелкой буржуазии и ее программам.

(Н. Ленин, „Что такое друзья народа“. Собр. соч., т. I, стр. 196.)

В эпоху „60-х годов“ сила крепостников была надломлена: они потерпели, правда, не окончательное, но все же такое решительное поражение, что должны были стушеваться со сцены. Либералы, напротив, подняли голову. Полились либеральные фразы о прогрессе, науке, добре, борьбе с неправдой, о народных интересах, народной совести, народных силах и т. д., и т. д. — те самые фразы, которыми и теперь, в минуты особого уныния, тошнит наших радикальных нытиков в их салонах, наших либеральных фразеров на их юбилейных обедах, на страницах их журналов и газет. Либералы оказались настолько сильны, что переделали „новые порядки“ по-своему, — далеко не совсем, конечно, но в изрядной мере. Хотя и тогда не было на Руси „ясного света открытой классовой борьбы“, но все-таки было посветлее теперешнего, так что даже те идеологи трудящегося класса, которые понятия не имели об этой классовой борьбе, которые предпочитали мечтать о лучшем будущем, чем **объяснять** мерзкое настоящее, даже они не могли не видеть, что за либерализмом прячется плутократия, что эти новые порядки — порядки буржуазные. Именно устранение со сцены крепостников, не отвлекавших внимание на еще более вопиющие злобы дня, не мешавших рассматривать новые порядки в чистом (сравнительно) виде, и позволяло рассмотреть это. Но тогдашние наши демократы, умея осуждать плутократический либерализм, не умели, однако, понять и научно

объяснить его, не умели понять его необходимости при капиталистической организации нашего общественного хозяйства, не умели понять прогрессивности этого нового уклада жизни сравнительно со старым крепостническим, не умели понять революционной роли порождаемого ими пролетариата, ограничивались „фырканьем“ на эти порядки „свободы“ и „гуманности“, считали буржуазность какой-то случайностью, ждали, что должны еще в „народном строе“ открыться другие какие-то общественные отношения.

И вот история показала им эти другие общественные отношения. Крепостники, не совсем добитые реформой, так безобразно изуродованной их интересами, ожили (на час) и показали наглядно, каковы эти другие наши общественные отношения, помимо буржуазных, показали в форме такой разнузданной, невероятно бессмысленной и зверской реакции, что наши демократы струсили, присели, вместо того, чтобы итти вперед, перерабатывая свой наивный демократизм, умевший чувствовать буржуазность, но не умевший понять ее, в социал-демократизм, — пошли назад, к либералам, и гордятся теперь тем, что их нытье... т.-е. я хотел сказать их теории и программы разделяет „вся серьезная и порядочная печать“. Казалось бы, урок был очень внушительный: становилась слишком очевидной иллюзия старых социалистов об особом укладе народной жизни, о социалистических инстинктах народа, о случайности капитализма и буржуазии, казалось бы, можно уже прямо взглянуть на действительность и открыто признать, что никаких других общественно-экономических отношений, кроме буржуазных и отживающих крепостнических, в России не было и нет, что поэтому не может быть и иного пути к социализму, как через рабочее движение. Но эти демократы ничему не научились, и наивные иллюзии мещанского социализма уступили место практичной трезвенности мещанских прогрессов.

Теперь теории этих идеологов мещанства, когда они выступают в качестве представителей интересов трудящихся, прямо реакционны. Они замазывают антагонизм современных русских общественно-экономических отношений, рассуждая так, как будто бы делу можно помочь общими, на всех рассчитанными мероприятиями по „подъему“, „улучшению“ и т. д., как будто бы можно было примирить и объединить. Они — реакционны, изображая наше государство чем-то над классами стоящим и потому годным и способным оказать какую-нибудь серьезную и честную помощь эксплоатируемому населению.

Они реакционны потому, наконец, что абсолютно не понимают необходимости борьбы, и борьбы отчаянной самих трудящихся для их освобождения. У „друзей народа“, например, так выходит, что они и сами все, пожалуй, устроить могут. Рабочие могут быть спокойны. Вон в редакцию „Русского Богатства“ уж и техник пришел, и они чуть было совсем не разработали одну из „комбинаций“ по „введению капитализма в народную жизнь“. Социалисты должны *решительно и окончательно* разорвать со всеми мещанскими идеями и теориями — *вот главный полезный урок*, который должен быть извлечен из этого похода.

Прошу заметить, что я говорю о разрыве с мещанскими идеями, а не с „друзьями народа“ и не с их идеями — потому что не может быть разрыва с тем, с чем не было никогда связи. „Друзья народа“ — только одни из представителей одного из направлений этого сорта мещанско-социалистических идей. И если я по поводу данного случая делаю вывод о необходимости разрыва с мещанско-социалистическими идеями, с идеями старого русского крестьянского социализма вообще, то это потому, что настоящий поход против марксистов представителей старых идей, напуганных ростом марксизма, побудил их особенно полно и рельефно обрисовать мещанские идеи. Сопоставляя эти идеи с современным социализмом, с современными данными о русской действительности, мы с поразительной наглядностью видим, до какой степени выдохлись эти идеи, как потеряли они всякую цельную теоретическую основу, опустившись до жалкого эклектизма, до самой дюжинной культурническо-оппортунистской программы. Могут сказать, что это — вина не старых идей социализма вообще, а только данных господ, которых никто ведь и не причисляет к социалистам; но подобное возражение кажется мне совершенно несостоятельным. Я везде старался показать необходимость такого вырождения старых теорий, везде старался уделять возможно меньше места критике этих господ, в частности, и возможно больше — общим и основным положениям старого русского социализма. И если социалисты нашли бы, что эти положения изложены мною неверно или неточно, или недоговорены, то я могу ответить только покорнейшей просьбой: пожалуйста, господа, изложите их сами, договорите их как следует!

Право, никто более социал-демократов не был бы рад вести полемику с социалистами.

Неужели вы думаете, что нам приятно отвечать на „полемику“ подобных господ, и что мы взялись бы за это, не будь с их стороны прямого, настоятельного и резкого вызова?

Неужели вы думаете, что нам не приходится делать над собой усилий, чтобы читать, перечитывать и вчитываться в это отвратительное соединение казенно-либеральных фраз с мещанской моралью.

Но ведь не мы же виноваты в том, что за обоснование и изложение таких идей берутся теперь лишь подобные господа. Прошу заметить также, что я говорю о необходимости разрыва с мещанскими идеями *социализма*. Разобранные мелко-буржуазные теории являются *безусловно* реакционными, *поскольку* они выступают в качестве социалистических теорий.

Но если мы поймем, что на самом деле ровно ничего социалистического тут нет, т.-е. все эти теории безусловно не объясняют эксплоатации трудящегося и потому абсолютно неспособны послужить для его освобождения, что на самом деле все эти теории отражают и проводят интересы мелкой буржуазии, — тогда мы должны будем иначе отнестись к ним, должны будем поставить вопрос: как *следует отнестись рабочему классу к мелкой буржуазии и ее программам?* И на этот вопрос нельзя ответить,

не приняв во внимание двойственный характер этого класса (у нас в России эта двойственность особенно сильна вследствие меньшей развитости антагонизма мелкой и крупной буржуазии). Он является прогрессивным, поскольку выставляет обще-демократические требования, т.-е. борется против каких бы то ни было остатков средневековой эпохи и крепостничества; он является реакционным, поскольку борется за сохранение своего положения, как мелкой буржуазии, стараясь задержать, повернуть назад общее развитие страны в буржуазном направлении. Подобные реакционные требования, вроде, например, пресловутой неотчуждаемости наделов, как и многие другие прожекты опеки над крестьянством, прячутся обыкновенно под благовидный предлог защиты трудящихся; но на деле они, разумеется, только ухудшают их положение, затрудняя в то же время борьбу их за свое освобождение. Эти две стороны мелкой буржуазной программы следует строго различать и, отрицая какой бы то ни было социалистический характер этих теорий, борясь против их реакционных сторон, не следует забывать об их демократической части. Поясню на примере, каким образом полное отрицание мещанских теорий марксистами не только не исключает демократизма в их программе, а, напротив, требует еще более настоятельного настаивания на нем. Выше указаны были три основные положения, на которых выезжали всегда представители мещанского социализма в своих теориях, — малоземелье, высокие платежи, гнет администрации.

Социалистического ровно ничего нет в требовании устранения этих зол, ибо они ни мало не объясняют экспроприации и эксплоатации, и устранение их ни мало не затронет гнета капитала над трудом. Но устранение их очистит этот гнет от усиливающих его средневековых ветошек, облегчит рабочему прямую борьбу против капитала и потому, в качестве демократического требования, встретит самую энергическую поддержку рабочих. Платежи и налоги — это, говоря вообще, такой вопрос, которому в состоянии придавать особую важность только мелкие буржуа, но у нас платежи с крестьян представляют из себя во многих отношениях простое переживание крепостничества: таковы, например, выкупные платежи, которые должны быть немедленно и безусловно отменены; таковы те налоги, которые падают только на крестьян и мещан, и от которых свободны „благородные". Социал-демократы всегда поддержат требование устранения этих остатков средневековых отношений, обусловливающих экономический и политический застой. То же самое следует сказать о малоземельи. Я уже много останавливался выше на доказательстве буржуазного характера воплей о нем. Несомненно, однако, что, например, крестьянская реформа отрезками земель прямо ограбила крестьян в пользу помещиков, сослужив службу этой громадной реакционной силе и непосредственно (отхватыванием крестьянской земли) и косвенно (искусным отмежеванием наделов). И социал-демократы будут самым энергичным образом настаивать на немедленном возвращении крестьянам отнятой от них земли, на полной экспроприации помещичьего землевладения — этого оплота крепостнических учре-

ждений и традиций. Этот последний пункт, совпадающий с национализацией земли, не заключает в себе ничего социалистического, потому что складывающиеся уже у нас фермерские отношения только быстрее и пышнее расцвели бы при этом, но он крайне важен в демократическом смысле, как единственная мера, которая могла бы окончательно сломить благородных помещиков. Наконец, говорить о бесправии крестьян, как причине экспроприации и эксплоатации крестьян, могут, конечно, только г.г. Южаковы и В. В., но гнет администрации над крестьянством не только несомненен, а представляет из себя не простой гнет, а прямое третирование крестьян, как „подлой черни", которой свойственно быть в подчинении у благородных помещиков, для которой пользование общими гражданскими правами дается только в виде особой милости (переселения[1]), например), которой всякий помпадур может распоряжаться как людьми, запертыми в рабочий дом. И социал-демократы безусловно примыкают к требованию полного восстановления крестьянства в гражданских правах, полной отмены всяких привилегий дворянства, уничтожения бюрократической опеки над крестьянством и предоставления ему самоуправления.

Вообще, русским коммунистам, последователям марксизма, более, чем каким-нибудь другим, следует именовать себя социал-демократами и никогда не забывать в своей деятельности громадной важности демократизма[2]).

В России остатки средневековых, полукрепостнических учреждений так бесконечно еще сильны (сравнительно с Западной Европой), они таким гнетущим ярмом лежат на пролетариате и на народе вообще, задерживая рост политической мысли во всех сословиях и классах, что нельзя не настаивать на громадной важности для рабочих борьбы против всех крепостнических учреждений, против абсолютизма, сословности, бюрократии. Рабочим необходимо со всей подробностью показать, какую страшную реакционную силу представляют из себя эти учреждения, как усиливают они гнет капитала над трудом, как унижающе давят на трудящихся, как задерживают капитал в его средневековых формах, не уступающих новейшим, индустриальным, по эксплоатации труда, но прибавляющим к этой эксплоатации страшные трудности борьбы за освобождение. Рабочие должны знать, что без ниспровержения этих столпов реакции[3]) им не будет никакой возможности вести успешную борьбу с буржуазией, так как при существовании их русскому сельскому пролетариату, поддержка которого — необходимое условие для победы рабочего класса, никогда не выйти из положения забитого, загнанного люда, способного только на тупое отчаяние, а не на разумный и стойкий протест и борьбу. И потому борьба рядом с радикальной демократией против абсолютизма и реакционных сословий и учреждений —

---

[1]) Стр. 201, т. I.
[2]) Стр. 201, т. I.
[3]) Стр. 203, т. I.

прямая обязанность рабочего класса, которую и должны внушать ему социал-демократы, не опуская ни на минуту в то же время внушать ему, что борьба против всех этих учреждений необходима лишь как средство для облегчения борьбы против буржуазии, что осуществление обще-демократических требований необходимо рабочему лишь как расчистка дороги, ведущей к победе над главным врагом трудящихся, чисто демократическим по своей природе учреждением,— капиталом, который у нас в России особенно склонен жертвовать своим демократизмом, вступать в союз с реакционерами для того, чтобы придавить рабочих, чтобы сильнее затормозить появление рабочего движения.

Изложенное достаточно определяет, кажется, отношение социал-демократов к абсолютизму и политической свободе, а также отношение их к особенно усиливающемуся в последнее время течению, направленному к „объединению“ и „союзу“ всех фракций революционеров для завоевания политической свободы.

Это — довольно оригинальное и характерное течение.

Оригинально оно тем, что предложения „союза“ исходят не от определенной группы или определенных групп с определенными программами, сходящимися в том-то и том-то. Будь это так, вопрос о союзе был бы вопросом каждого отдельного случая, вопросом конкретным, решаемым представителями объединенных групп. Тогда не могло бы и быть особого „объединительного“ течения. Но таковое имеется и исходит просто от людей, которые от старого отстали, а к новому ни к чему не пристали: та теория, на которую опирались до сих пор борцы с абсолютизмом, видимо, рушится, разрушая и те условия солидарности и организованности, которые необходимы для борьбы. И вот господа „объединители“ и „союзники“ думают, должно быть, что такую теорию легче всего создать, сведя всю ее к протесту против абсолютизма и требованию политической свободы, обходя все остальные социалистические и несоциалистические вопросы. Понятно, что это наивное заблуждение неминуемо опровергнет себя при первых же попытках подобного объединения.

Но характерно это „объединительное“ течение потому, что выражает собой одну из последних стадий того процесса превращения боевого, революционного народничества в политически-радикальный демократизм, который (процесс) я старался наметить выше. Прочное объединение всех не-социал-демократических революционных групп под указанным знаменем возможно будет только тогда, когда выработается прочная программа **демократических** требований, покончившая с предрассудками старого русского самобытничества. Создание подобной демократической партии социал-демократы считают, конечно, полезным шагом вперед, и их работа, направленная против народничества, должна содействовать этому, содействовать искоренению всяких предрассудков и мифов, группировке социалистов под знамя марксизма и образованию остальными группами демократической партии.

И с этой партией, конечно, не могло бы быть „объединения" у социал-демократов, считающих необходимой самостоятельную организацию рабочих в особую рабочую партию, — но рабочие оказали бы самую энергическую поддержку всякой борьбе демократов против реакционных учреждений.

Вырождение народничества в самую дюжинную теорию мелкобуржуазного радикализма — о котором (вырождении) с такой наглядностью свидетельствуют „друзья народа" — показывает нам, какую громадную ошибку делают те, кто несет рабочим идею борьбы с абсолютизмом, не выясняя им в то же время антагонистического характера наших общественных отношений, в силу которого за политическую свободу стоят и идеологи буржуазии, не выясняя им исторической роли русского рабочего, как борца за освобождение всего трудящегося населения.

Социал-демократов любят упрекать в том, что они хотят будто бы взять в свое исключительное пользование теорию Маркса, тогда как, дескать, экономическая теория его принимается всеми социалистами. Но, спрашивается, какой же смысл разъяснять рабочим форму стоимости, сущность буржуазных порядков и революционную роль пролетариата, если у нас в России эксплоатация трудящегося объясняется вообще и повсюду совсем не буржуазной организацией общественного хозяйства, а хотя бы малоземельем, платежами, гнетом администрации?

Какой смысл разъяснять рабочим теорию классовой борьбы, если эта теория не может объяснить даже его отношения к фабриканту (наш капитализм искусственно насажден правительством), не говоря уже о массе „народа", не принадлежащего к сложившемуся классу фабричных рабочих?

Каким образом можно принять экономическую теорию Маркса с ее выводом — о революционной роли пролетариата, как организатора коммунизма при посредстве капитализма, когда у нас хотят искать путей к коммунизму помимо капитализма и создаваемого им пролетариата?

Очевидно, что при подобных условиях призыв рабочего к борьбе за политическую свободу будет равносилен призыву его таскать из огня каштаны для передовой буржуазии, потому что нельзя отрицать (характерно, что даже народники и народовольцы не отрицали этого), что политическая свобода послужит прежде всего интересам буржуазии, давая рабочим не облегчение их положения, а только... только облегчение условий борьбы... *с этой самой буржуазией*. Я говорю это против тех социалистов, которые, не принимая теорию социал-демократов, обращают, однако, свою агитацию на рабочую среду, убедившись эмпирически, что только в ней можно найти революционные элементы. Эти социалисты ставят свою теорию в противоречие с практикой и делают крайне серьезную ошибку, отвлекая рабочих от их прямой задачи — *организации социалистической рабочей партии*[1]).

[1]) Стр. 204, т. I.

Ошибка эта, естественно, возникла тогда, когда классовые антагонизмы буржуазного общества были совершенно еще не развиты, подавленные крепостничеством, когда это последнее порождало солидарный протест и борьбу всей интеллигенции, создавая иллюзию об отсутствии глубокой розни между идеями либералов и социалистов. Теперь, когда экономическое развитие настолько ушло вперед, что даже люди, отрицавшие прежде почву для капитализма в России, признают, что мы вступили именно на капиталистический путь развития, — теперь никакие иллюзии на этот счет уже невозможны. Состав „интеллигенции“ обрисовывается так же ясно, как и состав общества, занятого производством материальных ценностей: если в последнем царит и правит капиталист, то в первой задает тон все быстрее и быстрее растущая орава карьеристов и наемников буржуазии — „интеллигенция“, довольная и спокойная, чуждая каких бы то ни было бредней и хорошо знающая, чего она хочет. Наши радикалы и либералы не только не отрицают этого факта, а, напротив, усиленно подчеркивают его, надсаживаясь над доказательствами безнравственности этого, над осуждением, над усилиями разгромить, пристыдить... и уничтожить. Эти наивные претензии устыдить буржуазную интеллигенцию за ее буржуазность так же смешны, как стремления мещанских экономистов напугать нашу буржуазию (ссылаясь на опыт „старших братьев“) тем, что она идет к разорению народа, к нищете, безработице и голоданию масс; этот суд над буржуазией и ее идеологами напоминает тот суд над щукой, который порешил бросить ее в реку. За этими пределами начинается либеральная и радикальная „интеллигенция“, которая изливает бесчисленное количество фраз о прогрессе, науке, правде, народе и т. п., любит плакать о 60-х годах, когда не было раздоров, упадка, уныния и апатии, и все сердца горели демократизмом.

Со свойственной им наивностью эти господа никак не хотят понять, что тогдашняя солидарность вызывалась тогдашними материальными условиями, которые не могут вернуться: крепостное право стесняло одинаково всех — и крепостного бурмистра, накопившего деньжонок и желавшего пожить в свое удовольствие, и хозяйственного мужика, ненавидевшего барина за поборы, вмешательство и отрывание от хозяйства, и пролетария — дворового и обедневшего мужика, которого продавали в кабалу купцу; от него страдали и купец-фабрикант, и рабочий, и кустарь, и мастерок. Между всеми этими людьми только та связь и была, что все они были враждебны крепостничеству; за пределами этой солидарности начинался самый резкий хозяйственный антагонизм. До какой же степени надо убаюкивать себя сладкими мечтами, чтобы и по сю пору не видеть этого антагонизма, который получил такое громадное развитие; чтобы плакаться о возвращении времен солидарности, когда действительность требует борьбы, требует, чтобы всякий, кто не хочет быть вольным или невольным приспешником буржуазии, становился на сторону пролетариата.

Если вы не поверите на слово пышным фразам о „народных интересах“ и попробуете копнуть поглубже, то увидите, что имеете

перед собой чистейших идеологов мелкой буржуазии, мечтающей об улучшении, поддержке и восстановлении своего („народного“ на их языке) хозяйства посредством разных невинных прогрессов и не способной абсолютно понять того, что на почве данных производственных отношений все эти прогрессы только глубже и глубже будут пролетаризировать массы. „Друзьям народа“ нельзя не быть благодарными за то, что они много посодействовали уяснению классового характера нашей интеллигенции и тем подкрепили теорию марксистов о мелко-буржуазности наших мелких производителей; они неизбежно должны ускорить вымирание старых иллюзий и мифов, так долго смущавших русских социалистов. „Друзья народа“ так захватали, истаскали и испачкали эти теории, что русским социалистам, державшимся этих теорий, неминуемо предстоит дилемма — либо пересмотреть заново эти теории, либо откинуть их совершенно, предоставив их в исключительное пользование господ, которые с самодовольным торжеством оповещают urbi et orbi [1]) о покупке улучшенных орудий крестьянскими богатеями, которые с серьезным видом уверяют вас, что необходимо приветствовать людей, которым надоело сидеть за зелеными столами. И в подобном смысле толкуют они о „народном строе“ и „интеллигенции“ не только серьезно, а и с претенциозными колоссальными фразами о широких идеалах, об идеальной постановке вопросов жизни!

Социалистическая интеллигенция только тогда может рассчитывать на плодотворную работу, когда покончит с иллюзиями и станет искать опоры в действительном, а не желательном развитии России, в действительных, а не возможных общественно-экономических отношениях. Теоретическая работа ее должна будет при этом направиться на конкретное изучение всех форм экономического антагонизма в России, изучение их связи и последовательного развития; она должна вскрыть этот антагонизм везде, где он прикрыт политической историей, особенностями правовых порядков, установившимися предрассудками. Она должна дать цельную картину нашей действительности, как определенной системы производственных отношений, показать необходимость эксплоатации и экспроприации трудящихся при этой системе, показать тот выход из этих порядков, на которые указывает экономическое развитие.

Эта теория, основанная на детальном и подробном изучении русской истории и действительности, должна дать ответ на запросы пролетариата, и если она будет удовлетворять научным требованиям, то всякое пробуждение протестующей мысли пролетариата неизбежно будет проводить эту мысль в русло социал-демократизма. Чем дальше будет подвигаться вперед выработка этой теории, тем быстрее будет расти социал-демократизм, так как самые хитроумные оберегатели современных порядков не в силах помешать пробуждению мысли пролетариата, не в силах потому, что самые эти порядки необходимо и неизбежно влекут за собой все сильнейшую

---

[1]) Стр. 206, т. I.

экспроприацию производителей, все больший рост пролетариата и резервной его армии — и это наряду с прогрессом общественного богатства, с громадным ростом производительных сил и обобществлением труда капитализмом. Как ни много осталось еще сделать для выработки такой теории, но порукой за то, что социалисты исполнят эту работу, служит распространение среди них материализма, единственно научного метода, требующего, чтобы всякая программа была точной формулировкой действительного процесса, порукой служит успех социал-демократии, принимающей эти идеи, — успех, до того взбудораживший наших либералов и демократов, что их толстые журналы, по замечанию одного марксиста, перестали быть скучными.

Этим подчеркиванием необходимости, важности и громадности теоретической работы социал-демократов я вовсе не хочу сказать, чтобы эта работа ставилась на первое место перед практической [1]), — тем менее, чтобы вторая откладывалась до окончания первой. Так могли бы заключить только поклонники „субъективного метода в социологии" или последователи утопического социализма. Конечно, если задача социалистов полагается в том, чтобы искать „иных (помимо действительных) путей развития" страны, тогда естественно, что практическая работа страны становится возможной лишь тогда, когда гениальные философы откроют и покажут эти „иные пути"; и, наоборот, открыты и показаны эти пути — кончается теоретическая работа, и начинается работа тех, кто должен направить „отечество" по „вновь открытому" „иному пути". Совсем иначе обстоит дело, когда задача социалистов сводится к тому, чтобы быть идейными руководителями пролетариата в его действительной борьбе против действительных, настоящих врагов, стоящих на действительном пути данного общественно-экономического развития. При этом условии теоретическая и практическая работа сливаются вместе, в одну работу, которую так метко охарактеризовал ветеран германской социал-демократии Либкнехт [2]) словами: „studieren, propagandieren, organisieren" [3]).

Нельзя быть идейным руководителем без вышеуказанной теоретической работы, как нельзя им быть без того, чтобы направлять эту работу по запросам дела, без того, чтобы пропагандировать результаты этой теории среди рабочих и помогать их организации.

Эта постановка задачи гарантирует социал-демократию от тех недостатков, от которых так часто страдают группы социалистов, — от догматизма и сектаторства.

Не может быть догматизма там, где верховным и единственным критерием доктрины ставится соответствие ее с действительным процессом общественно-экономического развития; не может быть сектаторства, когда задача сводится к содействию организации про-

---

[1]) Стр. 207, т. I.
[2]) Стр. 208, т. I.
[3]) Изучать, пропагандировать, организовывать. Ред.

летариата, когда, следовательно, роль „интеллигенции“ сводится к тому, чтобы сделать ненужными особых, интеллигентных руководителей.

Поэтому, несмотря на наличность разногласий среди марксистов по разным теоретическим вопросам, приемы их политической деятельности оставались с самого возникновения группы и остаются до сих пор прежними.

Политическая деятельность социал-демократов состоит в том, чтобы содействовать развитию и организации рабочего движения в России, преобразованию его из теперешнего состояния разрозненных, лишенных руководящей идеи попыток протеста, „бунтов“ и стачек в организованную борьбу всего русского рабочего класса, направленную против буржуазного режима и стремящуюся к экспроприации экспроприаторов, к уничтожению тех общественных порядков, которые основаны на угнетении трудящегося. Основой этой деятельности служит общее убеждение марксистов в том, что русский рабочий — единственный и естественный представитель всего трудящегося и эксплоатируемого населения России [1]).

Естественный — потому, что эксплоатация трудящегося в России повсюду является по сущности своей капиталистической, если опустить вымирающие остатки крепостнического хозяйства; но только эксплоатация массы производителей мелка, раздроблена, не развита, тогда как эксплоатация фабрично-заводского пролетариата крупна, обобществлена и концентрирована. В первом случае — эксплоатация эта еще опутана средневековыми формами, разными политическими, юридическими и бытовыми привесками, уловками и ухищрениями, которые мешают трудящемуся и его идеологу видеть сущность тех порядков, которые давят на трудящегося, видеть, где и как возможен выход из них. Напротив, в последнем случае эксплоатация уже совершенно развита и выступает в своем чистом виде без всяких запутывающих дело частностей. Рабочий не может не видеть уже, что гнетет его капитал, что вести борьбу приходится с классом буржуазии. И эта борьба его, направленная на достижение ближайших экономических нужд, на улучшение своего материального положения, неизбежно требует от рабочих организации, неизбежно становится войной не против личности, а против класса, того самого класса, который не на одних фабриках и заводах, а везде и повсюду гнетет и давит трудящегося. Вот почему фабрично-заводской рабочий является не более как передовым представителем всего эксплоатируемого населения, и для того, чтобы он осуществил свое представительство в организованной, выдержанной борьбе, требуется совсем не увлечение его какими-нибудь „перспективами“; для этого требуется только простое выяснение ему его положения, выяснение политико-экономического строя той системы, которая гнетет его, выяснение необходимости и неизбежности классового антагонизма при этой системе. Это положение

---

[1]) Стр. 209, т. I.

фабрично-заводского рабочего в общей системе капиталистических отношений делает его единственным борцом за освобождение рабочего класса, потому что только высшая стадия развития капитализма, крупная машинная индустрия, создает материальные условия и социальные силы, необходимые для этой борьбы. Во всех остальных местах, при низких формах развития капитализма, нет этих материальных условий: производство раздроблено на тысячи мельчайших хозяйств (не перестающих быть раздробленными хозяйствами при самых уравнительных формах общинного землевладения), эксплоатируемый большею частью владеет еще крошечным хозяйством и таким образом привязывается к той самой буржуазной системе, против которой должен вести эту борьбу: это задерживает и затрудняет развитие тех социальных сил, которые способны ниспровергнуть капитализм. Раздробленная, единичная, мелкая эксплоатация привязывает трудящихся к месту, разобщает их, не дает им возможности объединиться, поняв, что причины угнетения — не та или другая личность, — а вся хозяйственная система. Напротив, крупный капитализм неизбежно разрывает всякую связь рабочего со старым обществом, с определенным местом и определенным эксплоататором, объединяет его, заставляет мыслить и ставит в условия, дающие возможность начать организованную борьбу. На класс рабочих и обращают социал-демократы все свое внимание и всю свою деятельность. Когда передовые представители его усвоят идеи научного социализма, идею об исторической роли русского рабочего, когда эти идеи получат широкое распространение, и среди рабочих создадутся прочные организации, преобразующие теперешнюю разрозненную экономическую войну рабочих в сознательную классовую борьбу, — тогда русский **рабочий**, поднявшись во главе всех демократических элементов, свалит абсолютизм и поведет **русский пролетариат** (рядом с пролетариатом **всех стран**) **прямой дорогой открытой политической борьбы к победоносной коммунистической революции**...

---

6. Община или капитализм?

(Н. **Ленин**, „Развитие капитализма в России". Собр. соч., т. III, стр. 258—259.)

„Общинное начало препятствует захвату капиталом земледельческого производства" — так выражает г. Н.-он (стр. 72) другую распространенную народническую теорию, построенную точно так же абстрактно, как и предыдущая. Мы привели целый ряд фактов, показывающих неверность этой ходячей посылки. Теперь же добавим следующее. Вообще ошибочно думать, что для самого возникновения земледельческого капитализма требуется известная особая форма землевладения. „Та форма, в которой находит поземельную собственность зарождающийся капиталистический способ производства, не соответствует этому способу. Соответствующая ему форма впервые

создается им самим посредством подчинения земледелия капиталу; таким образом и феодальная поземельная собственность с поземельной общиной (Markgemeinschaft) превращаются в экономическую форму, соответствующую этому способу производства, как бы ни были различны их юридические формы" („Das Kapital", III, 2, 156). Таким образом никакие особенности землевладения не могут, по самой сущности дела, составить непреодолимого препятствия для капитализма, который принимает различные формы, смотря по различным сельско-хозяйственным, юридическим и бытовым условиям. Отсюда можно видеть, как неправильна была самая постановка вопроса у наших народников, которые создали целую литературу на тему: „община или капитализм?" Назначит ли, бывало, какой-нибудь сиятельный англоман премию за лучшее сочинение о введении в России фермерства, выступит ли какое-нибудь ученое общество с проектом расселить крестьян хуторами, сочинит ли какой-нибудь досужий чиновник проект 60-десятинных участков — народник спешит поднять перчатку и броситься в бой против этих „буржуазных проектов" „ввести капитализм" и разрушить палладиум „народного производства", общину. Доброму народнику и в голову не приходило, что покуда сочинялись и опровергались всяческие проекты, капитализм шел своим путем, и общинная деревня превращалась и превратилась в деревню мелких аграриев.

Вот почему мы относимся очень равнодушно к вопросу собственно о форме крестьянского землевладения. Какова бы эта форма землевладения ни была, от этого отношение крестьянской буржуазии к сельскому пролетариату в сущности своей нисколько не изменится. Действительно важный вопрос относится вовсе не к форме землевладения, а к тем остаткам чисто средневековой старины, которые продолжают тяготеть над крестьянством: сословная замкнутость крестьянских обществ, круговая порука, непомерно высокое податное обложение крестьянской земли, не идущее ни в какое сравнение с обложением земель частного владения, отсутствие полной свободы мобилизации крестьянских земель, передвижения и переселения крестьянства. Все эти устарелые учреждения, нисколько не гарантируя крестьянства от разложения, ведут только к умножению различных форм отработков и кабалы, к громадной задержке всего общественного развития.

---

7. Чьи интересы защищают проекты народников?

(Н. Ленин, „Что такое друзья народа". Собр. соч., т. I, стр. 163.)

У „друзей народа", однако, и следа незаметно пожеланий какого бы то ни было коренного изменения современных порядков. Они вполне удовлетворяются либеральными мероприятиями на данной почве, и г. Кривенко проявляет на поприще изобретения таких мероприятий настоящие административные способности отечественного помпадура.

„Вообще этот вопрос — рассуждает он о необходимости „подробного изучения и коренного преобразования“ „нашей народной промышленности“ — требует специального рассмотрения и разделения производств на группы производств, применимых к народной жизни (sic!!) и таких, применение которых встречает какие-нибудь серьезные затруднения“.

Образец одного такого деления на группы дает нам тот же г. Кривенко, разделяющий промыслы на такие, которые не капитализуются, такие, где произошла уже капитализация, и такие, которые могут „спорить с крупной промышленностью за существование“.

„В первом случае — решает администратор — мелкое производство может свободно существовать“ и быть свободным от рынка, колебания которого разлагают мелких производителей на буржуазию и пролетариат. И быть свободным от расширения местных рынков и стягивания их в крупный рынок? быть свободным от прогресса техники? Или, может быть, этот прогресс техники — при товарном хозяйстве — может и не быть капиталистическим? В последнем случае автор требует „организации производства также в крупной форме“. „Ясное дело, — говорит он, — что тут нужна уже организация производства также в крупной форме, нужен основной и оборотный капитал, машины и т. д. или уравновешение этих условий чем-нибудь другим: дешевым кредитом, устранением излишнего посредничества артельною формою хозяйства и возможностью обходиться без предпринимательской выгоды, обеспеченностью сбыта, изобретением более дешевых двигателей и других технических улучшений или, наконец, некоторым понижением заработной платы, если оно будет возмещаться другими выгодами“.

Прехарактерное рассуждение для характеристики „друзей народа“ с их широкими идеалами на словах, с их шаблонным либерализмом на деле. Начинает наш философ, как видите, ни больше, ни меньше как с возможности обходиться без предпринимательской выгоды и с организации крупного хозяйства. Прекрасно, это именно то, чего хотят и социал-демократы. Но как же хотят достигнуть этого „друзья народа“? Ведь для организации крупного производства без предпринимателей нужно, во-первых, уничтожение товарной организации общественного хозяйства и замена ее организацией общинной, коммунистической, когда бы регулятором производства был не рынок, как теперь, а сами производители, само общество рабочих, когда бы средства производства принадлежали не частным лицам, а всему обществу. Такая замена частной ф о р м ы п р и с в о е н и я общинною требует, очевидно, п р е д в а р и т е л ь н о г о преобразования ф о р м ы п р о и з в о д с т в а, требует слияния разрозненных, мелких, обособленных процессов производства, мелких производителей в о д и н о б щ е с т в е н н ы й п р о и з в о д и т е л ь н ы й п р о ц е с с, требует, одним словом, тех именно материальных условий, которые и создаются капитализмом. Но ведь „друзья народа“ вовсе не намерены опираться на капитализм. Как же они намерены действовать? Неизвестно. Они даже и не упоминают об уничтожении товарного хозяйства: оче-

видно, их широкие идеалы не могут никак выйти из рамок этой системы общественного производства. Затем, ведь для уничтожения предпринимательской выгоды придется экспроприировать предпринимателей, „выгоды“ которых проистекают именно из того, что они монополизировали средства производства. Для этой экспроприации столпов нашего отечества нужно ведь народное революционное движение против буржуазного режима, движение, на которое способен только рабочий пролетариат, ничем не связанный с этим режимом. Но „друзья народа“ и в мыслях не имеют никакой борьбы и не подозревают о возможности и необходимости каких-нибудь других общественных деятелей, помимо административных органов самих этих предпринимателей. Ясное дело, что они нисколько не намерены серьезно выступать против „предпринимательской выгоды“ — г. Кривенко просто сболтнул. И он немедленно поправляется: можно ведь и „уравновесить“ такую вещь, как „возможность обходиться без предпринимательской прибыли“, „чем-нибудь другим“, именно кредитом, организацией сбыта, улучшениями техники. Все устроилось, значит, вполне благополучно: вместо такой обидной для г.г. предпринимателей вещи, как уничтожение их священных прав на „выгоду“, — появились такие кроткие либеральные мероприятия, которые только дадут в руки капитализму лучшие орудия для борьбы, которые только усилят, укрепят и разовьют нашу мелкую „народную“ буржуазию. А чтобы не оставить никакого сомнения в том, что „друзья народа“ интересы только этой мелкой буржуазии и отстаивают, г. Кривенко дает еще следующее замечательное разъяснение. Оказывается, что уничтожение предпринимательской выгоды можно „уравновесить“... „понижением заработной платы“!!! С первого взгляда может показаться, что это просто сапоги всмятку. Но нет. Это последовательное проведение идей мещанства. Автор наблюдает такой факт, как борьбу крупного капитала с мелким, и в качестве истинного „друга народа“ становится, конечно, на сторону мелкого... капитала. Он слыхал при этом, что одним из могущественнейших средств борьбы для мелких капиталистов является понижение заработной платы — факт, совершенно верно подмеченный, констатированный в массе производства и в России, наряду с удлинением рабочего дня. И вот он, желая во что бы то ни стало спасти мелких... капиталистов, предлагает „некоторое понижение заработной платы, если оно будет возмещаться другими выгодами“. Господа предприниматели, о „выгоде“ которых говорились сначала как будто бы странные вещи, могут быть совершенно спокойны. Они, я думаю, охотно бы даже посадили в министры финансов этого гениального администратора, проектирующего против предпринимателей понижение заработной платы.

8. Опошление народниками идей 60-х годов.

(Н. Ленин, „Что такое друзья народа". Собр. соч., т. I.)

В самом деле, в чем состояли идеалы у первых русских социалистов, социалистов той эпохи, которую так метко охарактеризовал Каутский словами:

„Когда каждый социалист был поэтом, и каждый поэт — социалистом".

Вера в особый уклад, в общинный строй русской жизни; отсюда, вера в возможность крестьянской социалистическвй революции — вот что одушевляло их, поднимало десятки и сотни людей на геройскую борьбу с правительством. И вы не сможете упрекнуть социал-демократов в том, что они не умели ценить громадной исторической заслуги этих лучших людей своего времени, не умели глубоко уважать их памяти. Но я спрашиваю вас: где же она теперь, эта вера? — Ее нет; до такой степени нет, что когда г. В. В. в прошлом году попробовал было толковать о том, что община воспитывает народ к солидарной деятельности, служит очагом альтруистических чувств и т. п., — то даже г. Михайловский усовестился и стыдливо стал выговаривать г. В. В., что нет такого исследования, которое бы доказывало связь нашей общины с „альтруизмом".

И, действительно, такого исследования нет. А вот подите же: было время — и без всякого исследования люди верили и верили беззаветно.

Как? почему? на каком основании?..

„Каждый социалист был поэтом, и каждый поэт — социалистом".

„И потом — добавляет тот же г. Михайловский — все добросовестные исследователи согласны в том, что деревня раскалывается, выделяя, с одной стороны, массу пролетариев, с другой — кучку „кулаков", держащих под своей пятой остальное население". И опять-таки он прав: деревня действительно раскалывается. Мало того, деревня давно уже совершенно раскололась. Вместе с ней раскололся и старый русский крестьянский социализм, уступив место, с одной стороны, рабочему социализму; с другой — выродившись в пошлый мещанский радикализм. Иначе как вырождением нельзя назвать этого превращения. Из доктрины об особом укладе крестьянской жизни, о совершенно самобытных путях нашего развития вырос какой-то жиденький эклектизм, который не может уже отрицать, что товарное хозяйство стало основой экономического развития, что оно переросло в капитализм, и который не хочет только видеть буржуазного характера всех производственных отношений, не хочет видеть необходимости классовой борьбы при этом строе. Из политической программы, рассчитанной на то, чтобы поднять крестьянство на социалистическую революцию против основ современного общества — выросла программа, рассчитанная на то, чтобы

заштопать, „улучшить“ положение крестьянства при сохранении основ современного общества...

Это вообще одно из наиболее характерных и знаменательных явлений нашей общественной жизни в последнее время — вырождение народничества в мещанский оппортунизм.

В самом деле, если мы возьмем содержание программы „Русского Богатства“ — все эти регулирования переселений и аренды, все эти дешевые кредиты, музеи, склады, улучшения техники, артели и общественные запашки, — то увидим, что она действительно пользуется громадным распространением во всей „серьезной и порядочной печати“, т.-е. во всей либеральной печати, не принадлежащей к крепостническим органам или рептилиям. Идея о необходимости, полезности, настоятельности, „безвредности“ всех этих мероприятий пустила глубокие корни во всей интеллигенции и получила чрезвычайно широкое распространение: вы встретите ее и в провинциальных листках и газетах, и во всех земских исследованиях, сборниках, описаниях и т. д. Несомненно, что, ежели бы это принять за народничество, — успех громадный и неоспоримый.

Но только ведь это совсем не народничество (в старом, привычном значении слова), — и успех этот и это громадное распространение вширь достигнуты ценой опошления народничества, ценой превращения социально-революционного народничества, резко оппозиционного нашему либерализму, в культурнический оппортунизм, сливающийся с этим либерализмом, выражающий только интересы мелкой буржуазии.

---

9. Как перерождалось народничество.

(Н. Ленин, „Что такое друзья народа“. Собр. соч., т. I.)

Остановимся несколько на том процессе, который вел к такому перерождению народничество. При самом своем возникновении, в своем первоначальном виде теория эта обладала достаточной стройностью, исходя из представления об особом укладе народной жизни, она верила в коммунистические инстинкты „общинного крестьянина“ и потому видела в крестьянстве прямого борца за социализм, — но ей недоставало теоретической разработки, подтверждения на фактах русской жизни, с одной стороны, и опыта в применении такой политической программы, которая бы основывалась на этих предполагаемых качествах крестьянина, — с другой.

Развитие теории и пошло в этих двух направлениях, — в теоретическом и практическом. Теоретическая работа была направлена, главным образом, на изучение той формы землевладения, в которой хотели видеть задатки коммунизма; и эта работа дала разностороннейший и богатейший фактический материал. Но этот материал, касающийся преимущественно формы землевладения, совершенно загромоздил от исследователей экономику деревни. Произошло это тем

естественнее, что, во-первых, у исследователей не было твердой теории о методе в общественной науке, теории, выясняющей необходимость выделения и особого изучения производственных отношений; а во-вторых, — собранный фактический материал давал прямые и непосредственные указания на ближайшие нужды крестьянства, на ближайшие бедствия, угнетающим образом действующие на крестьянское хозяйство. И все внимание исследователей сосредоточилось на изучении этих бедствий: малоземелья, высоких платежей, бесправия, забитости и загнанности крестьян. Все это было описано, изучено и разъяснено с таким богатством материала, с такими мельчайшими деталями, что, конечно, если бы наше государство было не классовым государством, если бы политика его направлялась не интересами правящих классов, а беспристрастным обсуждением „народных нужд", — оно тысячу раз должно бы убедиться в необходимости устранения этих бедствий. Главные исследователи, верившие в возможность „переубедить" общество и государство, совершенно утонули в деталях собранных ими фактов и упустили из виду одно — политико-экономическую структуру деревни, упустили из виду основной фон того хозяйства, которое действительно угнеталось этими непосредственными ближайшими бедствиями. Результат получился, естественно, тот, что защита интересов хозяйства, угнетенного малоземельем, и т. д., оказалась защитой интересов того класса, который держал в руках это хозяйство, который один только и мог держаться и развиваться при данных общественно-экономических отношениях внутри общины, при данной системе хозяйства страны.

Теоретическая работа, направленная на изучение того института, который должен был послужить основанием и оплотом для устранения эксплоатации, привела к выработке такой программы, которая выражает собой интересы мелкой буржуазии, т.-е. того именно класса, на котором и покоятся эти эксплоататорские порядки.

В то же время практическая революционная работа развивалась тоже совсем в неожиданном направлении. Вера в коммунистические инстинкты мужика, естественно, требовала от социалистов, чтобы они отодвинули политику и „шли в народ". За осуществление этой программы взялась масса энергичнейших и талантливых работников, которым на практике пришлось убедиться в наивности представления о коммунистических инстинктах мужика. Решено было, впрочем, что дело не в мужике, а в правительстве, — и вся работа была направлена на борьбу с правительством, борьбу, которую вели одни уже только интеллигенты и примыкавшие иногда к ним рабочие. Сначала эта борьба велась во имя социализма, опираясь на теорию, что народ готов для социализма, и что простым захватом власти можно будет совершить не политическую только, а и социальную революцию. В последнее время эта теория, видимо, утрачивает уже всякий кредит, и борьба с правительством народовольцев становится борьбой радикалов за политическую свободу.

И, с другой стороны, следовательно, работа привела к результатам, прямо противоположным ее исходному пункту; и, с другой

стороны, получилась программа, выражающая только интересы радикальной буржуазной демократии. Собственно говоря, процесс этот еще не завершился, но он определился, кажется, уже вполне. Такое развитие народничества было совершенно естественно и неизбежно, так как в основе доктрины лежало чисто мифическое представление об особом общинном укладе крестьянского хозяйства: от прикосновения с действительностью миф рассеялся, и из крестьянского социализма получилось радикально-демократическое представительство мелкобуржуазного крестьянства.

---

10. Народники и либералы.

(Н. Ленин, „Что такое друзья народа". Собр. соч., т. I.)

В течение всех трех периодов пореформенной истории наш идеолог крестьянства всегда стоял рядом с „обществом" и вместе с ним, не понимая, что буржуазность этого „общества" отнимает всякую силу у его протеста против буржуазности и неизбежно осуждает его либо на мечтания, либо на жалкие мелкобуржуазные компромиссы.

Эта близость нашего народничества („в принципе" враждебного либерализму) к либеральному обществу умиляла многих и даже по сю пору продолжает умилять г. В. В. Из этого выводят слабость или даже отсутствие у нас буржуазной интеллигенции, что и ставится в связь с беспочвенностью русского капитализма. На самом же деле, как раз наоборот: эта близость является сильнейшим доводом против народничества, прямым подтверждением его мелкобуржуазности. Как в жизни мелкий производитель сливается с буржуазией наличностью обособленного производства товаров на рынок, своими шансами выбиться на дорогу, пробиться в крупные хозяева, — так идеолог мелкого производителя сливается с либералом, обсуждая совместно вопросы о разных кредитах, артелях etc.; как мелкий производитель неспособен бороться с буржуазией и уповает на такие меры помощи, как уменьшение податей, увеличение землицы и т. п., так народник доверяет либеральному „обществу" и его подернутой „нескончаемой фальшью и лицемерием" болтовне о „народе". Если он иногда и обругает „общество", то тут же прибавит, что это только „за последние годы" оно испортилось, а вообще и само по себе недурно.

---

11. Надежды народников на государство.

(Н. Ленин, „Что такое друзья народа". Собр. соч., т. I.)

Они орудие реформ видят в органе, выросшем на почве этого современного общества и охраняющем интересы господствующих в нем классов — в государстве. Они прямо считают его всемогущим и стоящим над всякими классами, ожидая от него не только

„поддержки“ трудящегося, но и создания настоящих, правильных порядков (как мы слышали от г. Кривенко). Понятно, впрочем, что от них, как чистейших идеологов мещанства, и ждать нельзя ничего иного. Это ведь одна из основных и характерных черт мещанства, которая, между прочим, и делает его классом реакционным, — что мелкий производитель, разобщенный и изолированный самими условиями производства, привязанный к определенному месту и к определенному эксплоататору, не в состоянии понять классового характера той эксплоатации и того угнетения, от которых он страдает иногда не меньше пролетария, не в состоянии понять, что и государство в буржуазном обществе не может не быть классовым государством. Почему же это, однако, почтеннейшие г.г. „друзья народа“, до сих пор — а со времени самой этой освободительной реформы с особенной энергией — правительство наше „поддерживало, охраняло и создавало“ только буржуазию и капитализм? Почему этакая нехорошая деятельность этого абсолютного, якобы над классами стоящего, правительства, совпала именно с историческим периодом, характеризующимся во внутренней жизни развитием товарного хозяйства, торговли и промышленности? Почему думаете вы, что эти последние изменения во внутренней жизни являются последующим, а политика правительства — предыдущим, несмотря на то, что первые изменения происходили так глубоко, что правительство даже не замечало их и ставило им бездну препятствий, несмотря на то, что то же „абсолютное“ правительство при других условиях внутренней жизни, „поддерживало“, „охраняло“ и „создавало другой класс“?

О, подобными вопросами „друзья народа“ никогда не задаются! Это ведь все материализм и диалектика, „гегелевщина“, „мистика и метафизика“. Они просто думают, что если попросить хорошенько да поласковее у этого правительства, то оно может все хорошо устроить. И уж по части ласковости надо отдать справедливость „Русскому Богатству“ [1]) — право, даже среди русской либеральной печати оно выдается неуменьем держать связи с мало-мальской независимостью. Судите сами: „Отмена соляного налога, отмена подушной подати и понижение выкупных платежей“ именуются г. Южаковым „серьезным облегчением народного хозяйства“. Ну, конечно! — А не сопровождалась ли отмена соляного налога учреждением кучи новых косвенных налогов и повышением старых? Не сопровождалась ли отмена подушной подати увеличением платежей бывших государственных крестьян под видами перевода их на выкуп? Не осталось ли и теперь, после пресловутого понижения выкупных платежей (которым государство не отдало крестьянам даже и того барыша, который оно нажило на выкупной операции), — несоответствия платежей с доходностью земли, т.-е. прямое переживание крепостнических оброков? — Ничего! Важен тут ведь только „первый шаг“, „принцип“, а там... там еще попросить можно будет...

———

[1]) Журнал народнического направления.

12. О теории кризисов.

(Н. Ленин, „К характеристике экономического романтизма“. Собр. соч., т. II, стр. 194—195)

Мы вполне понимаем, почему наши российские романтики употребляют все усилия, чтобы стереть различие между двумя указанными теориями кризисов. Это потому, что с указанными теориями самым непосредственным, самым тесным образом связаны принципиально различные отношения к капитализму. В самом деле, если мы объясняем кризисы невозможностью реализовать продукты, противоречием между производством и потреблением, то мы тем самым приходим к отрицанию действительности, пригодности того пути, по которому идет капитализм, объявляем его путем „ложным“ и обращаемся к поискам „иных путей“. Выводя кризисы из этого противоречия, мы должны думать, что, чем дальше развивается оно, тем труднее выход из противоречия. И мы видели, как Сисмонди с величайшей наивностью высказал именно это мнение, говоря, что если капитал накопляется медленно, то это еще можно снести, но если быстро, то это становится невыносимо. — Наоборот, если мы объясняем кризисы противоречием между общественным характером производства и индивидуальным характером присвоения, мы тем самым признаем действительность и прогрессивность капиталистического пути и отвергаем поиски „иных путей“, как вздорный романтизм. Мы тем самым признаем, что чем дальше развивается это противоречие, тем легче выход из него, и что выход заключается именно в развитии данного строя.

Как видит читатель, и тут мы встречаем различие „точек зрения“...

Вполне естественно, что наши романтики ищут теоретических подтверждений своим воззрениям. Вполне естественно, что эти поиски приводят их к старому хламу, давным-давно выброшенному Западной Европой. Вполне естественно, что они, чувствуя это, пытаются реставрировать этот хлам, то прямо прикрашивая романтиков Западной Европы, то провозя романтизм под флагом неуместных и извращенных цитат. Но они жестоко заблуждаются, если думают, что подобная контрабанда будет оставаться нераскрытой.

---

13. О капиталистическом перенаселении.

(Н. Ленин, „К характеристике экономического романтизма“. Собр. соч., т. II, стр. 200.)

Развитие капиталистической машинной индустрии с конца прошлого века повело за собой образование излишнего населения, и пред политической экономией встала задача объяснить это явление. Мальтус пытался, как известно, объяснить его естественно-историческими причинами, совершенно отрицая происхождение его из известного, исторически-определенного строя общественного хозяйства и совершенно закрывая глаза на вскрываемые этим фактом противоречия. Сисмонди указал на эти противоречия и на вытеснение населения машинами. В этом указании его неоспоримая заслуга,

ибо в ту эпоху, когда он писал, такое указание было новостью. Но посмотрим, как он отнесся к этому факту.

В 7-й книге („О населении") VII глава специально говорит „о населении, сделавшемся излишним вследствие изобретения машин". Сисмонди констатирует, что „машины вытесняют людей" (стр. 315, 11, V), и сейчас же ставит вопрос, есть ли изобретение машин выгода для нации или ее несчастье? Понятно, что „решение" этого вопроса для всех стран и времен вообще, а не для капиталистической страны состоит в бессодержательнейшей банальности: выгода — тогда, когда „спрос на потребление превышает средства производства в руках населения" (les moyens de produire de la population) (II, 317), и бедствие — „когда производство вполне достаточно для потребления". Другими словами: констатирование противоречия служит у Сисмонди лишь поводом для рассуждений о каком-то абстрактном обществе, в котором уже нет никаких противоречий, и к которому применима мораль рассчетливого крестьянина. Сисмонди и не пытается анализировать это противоречие, разобрать, как оно складывается, к чему ведет и т. д. в данном капиталистическом обществе. Нет, он пользуется этим противоречием лишь как материалом для своего нравственного негодования против такого противоречия. Все дальнейшее содержание главы не дает абсолютно ничего по данному теоретическому вопросу, исчерпываясь сетованиями, жалобами и невинными пожеланиями. Вытесняемые рабочие были потребителями... сокращается внутренний рынок... что касается внешнего, то мир уже достаточно снабжен... умеренное довольство крестьян лучше гарантировало бы сбыт... нет более поразительного, ужасающего примера как Англия, которой следуют государства континента — вот какие сентенции дает Сисмонди, вместо анализа явления. Его отношение к предмету точь-в-точь таково, как и отношение наших народников. Народники тоже ограничиваются одним констатированием факта избыточности населения и утилизируют этот факт лишь для сетований и жалоб на капитализм (ср. Н.—он, В. В. и т. п.). Как Сисмонди не пытается даже анализировать, в каком отношении к требованиям капиталистического производства находится это излишнее население, — так и народники никогда и не ставили себе подобного вопроса.

Полная неправильность подобного приема была выяснена научным анализом этого противоречия. Этот анализ установил, что избыточное население, представляя из себя, несомненно, противоречие (рядом с избыточным производством и избыточным потреблением) и будучи необходимым результатом капиталистического накопления, является в то же время **необходимой составной частью** капиталистического механизма. Чем дальше развивается крупная индустрия, тем большим колебаниям подвергается спрос на рабочих, в зависимости от кризисов или периодов процветания во всем национальном производстве или в каждой отдельной отрасли его. Эти колебания — закон капиталистического производства, которое не **могло бы существовать**, если бы не было избыточного населения

(т.-е. превышающее средний спрос капитализма на рабочих), готового в каждый данный момент доставить рабочие руки для любой отрасли промышленности или для любого предприятия. Анализ показал, что избыточное население образуется во всех отраслях промышленности, куда только проникает капитализм — и в земледелии точно так же, как в промышленности, — и что избыточное население существует в разных формах. Главных форм три: 1) Перенаселение текучее. К нему принадлежат незанятые рабочие в промышленности. С развитием промышленности необходимо растет и число их. 2) Перенаселение скрытое. К нему принадлежит сельское население, теряющее свое хозяйство с развитием капитализма и не находящее земледельческих занятий. Это население всегда готово доставить рабочие руки для любых предприятий. 3) Перенаселение застойное. Оно занято „в высшей степени неправильно" при условиях, стоящих ниже обычного уровня. Сюда относятся, главным образом, работающие дома на фабрикантов и на магазины, как сельские жители, так и городские. Совокупность всех этих слоев населения и составляет относительно избыточное население, или резервную армию. Последний термин отчетливо показывает, о каком населении идет речь. Это — рабочие, которые необходимы капитализму для возможного расширения предприятий, но которые никогда не могут быть заняты постоянно.

Таким образом и по данному вопросу теория пришла к выводу, который диаметрально противоположен выводу романтиков. Для последних избыточное население означает невозможность капитализма или „ошибочность" его. На самом же деле — как раз наоборот: избыточное население, являясь необходимым дополнением избыточного производства, составляет необходимую принадлежность капиталистического хозяйства, без которой оно не могло бы ни существовать, ни развиваться. Эфруси и тут совершенно неправильно представил дело, умолчав об этом положении новейшей теории.

Простого сопоставления двух указанных точек зрения достаточно для суждения о том, к какой из них примыкают наши народники. Вышеизложенная глава из Сисмонди могла бы с полнейшим правом фигурировать в „Очерках нашего пореформенного общественного хозяйства" г. Н.—она.

Констатируя образование избыточности населения в пореформенной России, народники никогда не ставили вопроса о потребностях капитализма в резервной армии рабочих. Могли ли быть построены железные дороги, если бы не образовывалось постоянно избыточное население? Известно, ведь, что спрос на такого рода труд сильно колеблется по годам. Могла ли развиться промышленность без этого условия? (В периоды горячки она требует массы строительных рабочих для вновь воздвигаемых фабрик, зданий, складов и т. п. и всякого рода вспомогательной поденной работы, занимающей большую часть так называемых отхожих неземледельческих промыслов.) Могло ли без этих условий создаться капиталистическое земледелие

наших окраин, требующее сотен тысяч и миллионов поденщиков, при чем колебания спроса на этот труд, как известно, непомерно велики? Могло ли бы иметь место без образования избыточного населения феноменально быстрое сведение лесов предпринимателями-лесопромышленниками на нужды фабрик? (Лесные работы принадлежат тоже к числу наихудше оплачиваемых и наихудше обставленных, как и другие формы труда сельских жителей на предпринимателей.) Могла ли без этого условия развиться система раздачи работы на дома в городах и деревнях купцами, фабрикантами, магазинами, составляющая столь распространенное явление в так называемых кустарных промыслах? Во всех этих отраслях труда (развившихся, главным образом, после реформы) колебания спроса на наемный труд крайне велики. А ведь размер колебаний такого спроса определяет размер избыточного населения, требуемого капитализмом. Экономисты-народники нигде не показали, чтобы им был известен этот закон. Мы не намерены, конечно, входить здесь в разбор этих вопросов по существу [1]).

Это не входит в нашу задачу. Предмет нашей статьи — западноевропейский романтизм и его отношение к русскому народничеству. И в данном случае отношение это оказывается таким же, как во всех предыдущих: по вопросу об избыточном населении народники стоят целиком на точке зрения романтизма, которая диаметрально противоположна точке зрения новейшей теории [2]).

Капитализм не занимает освобождаемых рабочих, — говорят они. Значит, он невозможен, „ошибочен“ и т. п. Вовсе еще это не „значит“. Противоречие не есть невозможность (Widerspruch не то, что Widersinn). Капиталистическое накопление, это настоящее производство ради производства, есть тоже противоречие. Но это не мешает ему существовать и быть законом определенной системы хозяйства. То же самое надо сказать и о всех других противоречиях капитализма. Приведенное народническое рассуждение „значит“ только, что в российскую интеллигенцию глубоко въелся порок отговариваться от всех этих противоречий фразами.

Итак, Сисмонди не дал абсолютно ничего для теоретического анализа перенаселения. Но как же он смотрел на него? Его взгляд складывается из оригинального сочетания мелко-буржуазных симпатий и мальтузианства. „Великий порок“ современной социальной организации — говорит Сисмонди — тот, что бедный не может никогда знать, на какой спрос труда он может рассчитывать“ (II, 261), и Сисмонди вздыхает о тех временах, когда „деревенский сапожник“ и мелкий крестьянин точно знали свои доходы. „Чем более бедняк лишен всякой собственности, тем более подвергается он опасности ошибиться насчет своего дохода и содействовать созданию такого населения (contribuer à accroitre une population...), которое, не будучи

[1]) Поэтому мы не касаемся здесь того весьма оригинального обстоятельства, что основанием не считать всех этих очень многочисленных рабочих служит для народников-экономистов отсутствие регистрации их.

[2]) Т.-е. марксизму. Ред.

в соответствии со спросом на труд, не найдет средств к жизни" (I, 263 — 264). Видите: этому идеологу мелкой буржуазии мало того, что он желал бы задержать все общественное развитие, ради сохранения патриархальных отношений полудикого населения. Он готов предписывать какое угодно калечение человеческой природы, лишь бы оно служило сохранению мелкой буржуазии. Вот еще несколько выписок, которые не оставляют сомнения насчет этого последнего пункта.

Еженедельная расплата на фабрике с полунищими рабочими приучила его не смотреть на будущее дальше следующей субботы: „в нем притупили таким образом нравственные качества и чувство симпатии" (II, 266), состоящие, как мы сейчас увидим, в „супружеском благоразумии"... — „его семья будет становиться тем многочисленнее, чем более она в тягость обществу; и нация будет страдать (gémira) под гнетом населения, не приведенного в соответствие (disproportionnée) с средствами его содержания" (II, 267). Сохранение мелкой собственности во что бы то ни стало — вот лозунг Сисмонди, хотя бы даже ценой понижения жизненного уровня и извращения человеческой природы! И Сисмонди, поговоривши с видом государственного человека о том, когда „желателен" рост населения, посвящает особую главу нападкам на религию за то, что она не осуждала „неблагоразумных" браков. Раз только затронут его идол — мелкий буржуа, Сисмонди является более мальтузианцем, чем сам Мальтус. „Дети, рождающиеся лишь для нищеты, — поучает Сисмонди религию, — рождаются также только для порока... Невежество в вопросах социального строя заставило их (представителей религии) вычеркнуть целомудрие из числа добродетелей, свойственных браку, и было одной из тех постоянно действующих причин, которые разрушают соответствие, естественно устанавливающееся между населением и его средствами существования" (II, 294). „Религиозная мораль должна учить людей, что, возобновив семью, они не менее обязаны жить целомудренно со своими женами, чем холостяки с женщинами, им не принадлежащими" (II, 298). И Сисмонди, претендующий вообще не только на звание теоретика-экономиста, но и на звание мудрого администратора, тут же подсчитывает, что для „возобновления семьи" требуется „в общем и среднем три рождения", и дает совет правительству „не обманывать людей надеждою на независимое положение, позволяющее заводить семью, когда это обманчивое учреждение (cet établissement illusoire) оставит их на произвол страданий, нищеты и смертности" (II, 299). „Когда социальная организация не отделяла класса трудящегося от класса, владеющего какой-нибудь собственностью, одного общественного мнения было достаточно для предотвращения бича (le fléau) нищенства. Для земледельца — продажа наследия его отцов, для ремесленника — растрата его маленького капитала всегда заключает в себе нечто постыдное... Но в современном строе Европы... люди, осужденные не иметь никогда никакой собственности, не могут чувствовать никакого стыда перед обращением к нищенству" (II, 306—307). Трудно рельефнее выразить тупость и черствость мелкого собственника! Из теоретика

Сисмонди превращается здесь в практического советчика, проповедующего ту мораль, которой, как известно, с таким успехом следует французский крестьянин. Это не только Мальтус, но вдобавок Мальтус, выкроенный нарочито по мерке мелкого буржуа. Читая эти главы Сисмонди, невольно вспоминаешь страстно-гневные выходки Прудона, доказывавшего, что мальтузианство есть проповедь супружеской практики... некоторого противоестественного порока [1]).

---

14. Об „индивидуализме“ народников.

(Н. Ленин, „К характеристике экономического романтизма“. Собр. соч., т. II, стр. 229.)

Критика денежного хозяйства романтиками и народниками сводится к констатированию порождаемого им индивидуализма и антагонизма (конкуренция), а также необеспеченности производителя и неустойчивости общественного хозяйства.

Сначала об „индивидуализме“. Обыкновенно противополагают союз крестьян данной общины или ремесленников (или кустарей) данного ремесла — капитализму, разрушающему эти связи, заменяющему их конкуренцией. Это рассуждение повторяет типичную ошибку романтизма; именно: заключение от противоречий капитализма к отрицанию в нем *высшей формы общественности*. Разве капитализм, разрушающий средневековые, общинные, цеховые, артельные и т. п. связи, не ставит на их место других? Разве товарное хозяйство не есть уже *связь* между производителями, связь, устанавливаемая *рынком*? Антагонистический, полный колебаний и противоречий характер *этой связи* не дает права отрицать *ее существования*. И мы знаем, что именно развитие противоречий все сильнее и сильнее обнаруживает силу этой связи, *вынуждает* все отдельные элементы и классы общества стремиться к соединению и притом соединению уже не в узких пределах одной общины или одного округа, а к соединению всех представителей данного класса *во всей нации* и даже в различных государствах. Только романтик с своей реакционной точки зрения может отрицать существование этих связей и их более глубокое значение, основанное на общности ролей в народном хозяйстве, а не на территориальных, профессиональных, религиозных и тому подобных интересах. И если подобное рассуждение заслужило наименование романтика для Сисмонди, писавшего в такую эпоху, когда существование этих новых, порождаемых капитализмом, связей было еще в зародыше, то наши народники и подавно подлежат такой оценке, ибо *теперь* громадное значение таких связей могут отрицать лишь совсем слепые люди.

Что касается до необеспеченности и неустойчивости и т. п., то это — все та же старая песенка, о которой мы говорили по поводу

---

[1]) См. приложение к русскому переводу „Опыты народонаселения“ *Мальтуса*. (Пер. Бибикова, Спб., 1866). Отрывок из сочинения *Прудона* „О справедливости“.

внешнего рынка. В подобных нападках и сказывается романтик, осуждающий с боязливостью именно то, что выше всего ценит в капитализме научная теория: присущее ему стремление к развитию, неудержимое стремление вперед, невозможность остановиться или воспроизводить хозяйственные процессы в прежних неизменных размерах. Только утопист, сочиняющий фантастические планы расширения средневековых союзов (вроде общины) на все общество, может игнорировать тот факт, что именно „неустойчивость" капитализма и есть громадный прогрессивный фактор, ускоряющий общественное развитие, втягивающий все бо́льшие и бо́льшие массы населения в водоворот общественной жизни, заставляющий их задумываться над ее строем, заставляющий их самих „ковать свое счастье".

Фразы г. Н. — она о „неустойчивости" капиталистического хозяйства, о непропорциональном развитии обмена, о нарушении равновесия между промышленностью и земледелием, между производством и потреблением, о ненормальности кризисов и т. п. свидетельствуют самым неоспоримым образом о том, что он стоит еще целиком на точке зрения романтизма. Поэтому критика европейского романтизма относится и к его теории от слова до слова.

„Производство... лишилось народного характера и приняло характер индивидуальный, капиталистический" (г. Н. — он, „Очерки", стр. 321 — 322).

Видите, как рассуждает этот костюмированный романтик: „народное производство стало индивидуальным". А так как под „народным производством" автор хочет разуметь общину, то он указывает, следовательно, на упадок общественного характера производства, на сужение общественной формы производства.

Так ли это? „Община" давала (если давала; впрочем, мы готовы сделать какие угодно уступки автору) организацию производству только в одной отдельной общине, разъединенной от каждой другой общины. Общественный характер производства обнимал только членов одной общины [1].

Капитализм же создает общественный характер производства в целом государстве. „Индивидуализм" состоит в разрушении общественных связей, но их разрушает рынок, ставя на их место связи между массами индивидов, не связанных ни общиной, ни сословием, ни профессией, ни узким районом промысла и т. п. Так как связь, создаваемая капитализмом, проявляется в форме противоречий и антагонизма, поэтому наш романтик не хочет видеть этой связи (хотя и община, как организация производства, никогда не существовала без других форм противоречий и антагонизма, свойственных старым способам производства). Утопическая точка зрения превращает и его критику капитализма в критику сентиментальную.

---

[1]) По данным земской статистики („Сводный Сборник" Благовещенского) средний размер общины, по 123 уездам, в 22 губерниях, равняется 53 дворам с 323 душами обоего пола.

15. Мелко-буржуазный характер романтизма.

(Н. Ленин, „К характеристике экономического романтизма“ Собр. соч., т. II, стр. 235.)

Идеализация мелкого производства показывает нам другую характерную черту романтической и народнической критики: ее мелкобуржуазность. Мы видели, как французский и русский романтик одинаково превращают мелкое производство в „социальную организацию“, в „форму производства“, противополагая ее капитализму. Мы видели также, что подобное противоположение не заключает в себе ничего, кроме крайней поверхностности понимания, что это есть искусственное и неправильное выделение одной формы товарного хозяйства (крупный промышленный капитал) и осуждение ее, при утопической идеализации другой формы того же товарного хозяйства (мелкое производство). В том-то и беда как европейских романтиков начала XIX века, так и русских романтиков конца XIX, что они сочиняют себе какое-то абстрактное, вне общественных отношений производства стоящее мелкое хозяйство, и просматривают то маленькое обстоятельство, что это мелкое хозяйство в действительности стоит в обстановке товарного производства, — как мелкое хозяйство европейского континента 1820 годов, так и русское крестьянское хозяйство 1890 годов. В действительности мелкий производитель, возводимый в апофеоз романтиками и народниками, есть поэтому мелкий буржуа, стоящий в таких же противоречивых отношениях, как и всякий другой член капиталистического общества, отстаивающий себя точно также борьбой, которая, с одной стороны, постоянно выделяет небольшое меньшинство крупных буржуа, с другой стороны—выталкивает большинство в ряды пролетариата. В действительности, как это всякий видит и знает, нет таких мелких производителей, которые бы не стояли между этими двумя противоположными классами, и это срединное положение обусловливает необходимо специфический характер мелкой буржуазии, ее двойственность, двуличность, ее тяготение к меньшинству, счастливо выходящему из борьбы, ее враждебное отношение к „неудачникам“, т.-е. большинству. Чем дальше развивается товарное хозяйство, тем сильнее и резче выступают эти качества, тем явственнее становится, что идеализация мелкого производства выражает лишь реакционную, мелко-буржуазную точку зрения.

Не надо заблуждаться насчет значения этих терминов, которые автор „Критики некоторых положений политической экономии“ [1]) и прилагал именно к Сисмонди. Эти термины вовсе не говорят, что Сисмонди защищает отсталых мелких буржуа. Сисмонди нигде их не защищает: он хочет стоять на точке зрения трудящихся классов вообще, он выражает свое сочувствие всем представителям этих классов, он радуется, например, фабричному законодательству, он нападает на капитализм и показывает его противо-

[1]) Т.-е. К. Маркс. Ред.

речия. Одним словом, его точка зрения совершенно та же, что и точка зрения современных народников.

Спрашивается, на чем же основана характеристика его, как мелкого буржуа? Именно на том, что он не понимает связи между мелким производством (которое идеализирует) и крупным капиталом (на который нападает). Именно на том, что он не видит, как излюбленный им мелкий производитель, крестьянин, становится, в действительности, мелким буржуа. Не надо никогда забывать следующего разъяснения по поводу сведения теорий различных писателей к интересам и точке зрения различных классов:

„Было бы ограниченностью думать, что мелкая буржуазия сознательно стремится отстоять эгоистический классовый интерес. Наоборот, она полагает, что частные условия ее освобождения представляют собой общие условия, при которых только и может быть достигнуто спасение современного общества, и устранена борьба классов. Точно также не следует думать, будто все представители мелкой буржуазии — лавочники или поклонники лавочников. По своему образованию и личному положению они могут быть, как небо от земли, далеки от лавочников. Представителями мелкой буржуазии их делает то обстоятельство, что их мысль не выходит за пределы житейской обстановки мелкой буржуазии, и что поэтому они приходят к тем же задачам и решениям в теории, к которым мелкий буржуа приходит, благодаря своим материальным интересам и своему общественному положению, на практике. Таково вообще отношение между политическими и литературными представителями данного класса, с одной стороны, и самым этим классом—с другой". („К вопросу о развитии монистического взгляда на историю". Спб. 1895, стр. 181) [1]).

Поэтому весьма комичны те народники, которые думают, что указания на мелко-буржуазность делаются лишь с целью сказать что-либо особенно ядовитое, что это — простой полемический прием. Таким отношением они показывают непонимание общих воззрений их противников, а главное — непонимание самых основ той критики капитализма, с которой они все „согласны", и ее отличия от сантиментальной и мелко-буржуазной критики. Одно уже усиленное стремление обойти самый вопрос об этих последних видах критики, о существовании их в Западной Европе, об отношении их к критике научной показывает наглядно, почему народники не хотят понять этого отличия [2]).

---

[1]) Стр. 151 издания „Моск. Рабочего" 1922 г. Цитата взята Плехановым из „18 Брюмера Луи Бонапарта" К. Маркса. Ред

[2]) Например, Эфруси написал две статьи о том, „как смотрел на рост капитализма „Сисмонди" („Русское Богатство", № 7, стр. 139) и все-таки абсолютно не понял именно того, как смотрел Сисмонди. Сотрудник „Русского Богатства" не заметил мелко-буржуазной точки зрения Сисмонди. А так как Эфруси, несомненно, знаком с Сисмонди, так как он (как увидим ниже) знаком именно с тем представителем новейшей теории, который так охарактеризовал Сисмонди, так как он хочет тоже быть „согласным" с этим представителем новой теории, — то его непонимание приобретает совершенно определенное значение. Народник и не мог заметить в романтике того, чего он не замечает в себе.

Поясним сказанное примером. В библиографическом отделе „Русской Мысли“ за 1896 г., № 5 (стр. 229 и сл.) идет речь о том, что „в последнее время выступила и с поразительной быстротой растет группа“ среди интеллигенции, относящаяся с принципиальной и безусловной враждебностью к народничеству. Г-н рецензент указывает в самых кратких чертах на причины и характер этой враждебности, и нельзя не отметить с признательностью, что он излагает при этом вполне точно *суть* враждебной народничеству точки зрения [1]).

Г-н рецензент не разделяет этой точки зрения. Он не понимает, чтобы идеи о классовых интересах и т. д. обязывали нас отрицать „народные идеалы“ („просто *народные*, а не народнические“; ibid, стр. 229), состоящие-де в благосостоянии, свободе и сознательности крестьянства, т.-е. большинства населения.

„Нам возразят, конечно, — говорит г. рецензент, — как возражали и другим, что идеалы автора-крестьянина (речь шла о высказанных одним крестьянином пожеланиях) мелко-буржуазные, и что потому наша литература и являлась до сих пор представительницей и защитницей интересов мелкой буржуазии. Но ведь это же просто жупел, и кого, кроме лиц, обладающих мировоззрением и навыками умственными замоскворецкой купчихи, этим жупелом испугать можно?..“

Сильно сказано! Но послушаем дальше:

„...Основной критерий, как условий человеческого общежития, так и сознательных общественных мероприятий, состоит ведь не в экономических категориях, да притом еще заимствованных из чуждых стран, при иных обстоятельствах сложившихся, условий, а в счастьи и благосостоянии, как в материальном, так и в духовном большинства населения. И если известный уклад жизни и известные мероприятия для поддержания и развития такого уклада ведут к этому счастью, то называйте их мелко-буржуазными или как-нибудь иначе — дело от этого не изменится: они — этот уклад жизни и эти мероприятия — будут все-таки существенно прогрессивным и по тому самому и будут представлять „*высший идеал, доступный для общества при данных условиях и в данном его состоянии*“ (ib. 229—230 стр., курсив автора).

Неужели г. рецензент не видит, что он, в пылу полемического задора, перепрыгнул через вопрос?

Назвавши с превеликой суровостью обвинение народничества в мелко-буржуазности „просто жупелом“, он ничего не приводит в доказательство такого утверждения, кроме следующего, невероятно изумительного положения: „Критерий... состоит не в экономических категориях, а в счастьи большинства“. Ведь это все равно, что ска-

---

[1]) Конечно, это звучит очень странно: хвалить человека за то, что он точно передает чужие мысли!! Но что прикажете делать? Среди обычных полемистов „Русского Богатства“ и старого „Нового Слова“, г.г Кривенко и Воронцова, *такая* полемика действительно является необычайным исключением.

зать: критерий погоды состоит не в метеорологических наблюдениях, а в самочувствии большинства! Да что же такое, спрашивается, эти „экономические категории“, как не научная формулировка условий хозяйства и жизни населения и притом не „населения“ вообще, а определенных групп населения, занимающих определенное место в данном строе общественного хозяйства? Противополагая „экономическим категориям“ абстрактнейшее положение о счастьи большинства“, г. рецензент просто вычеркивает все развитие общественной науки с конца прошлого века и возвращается к наивной рационалистической спекуляции, игнорирующей определенные общественные отношения и их развитие. Одним почерком пера он вычеркивает все, чего добилась ценой столетних поисков человеческая мысль, стремившаяся понять общественные явления! И, освободивши себя, таким образом, от всякого научного багажа, г. рецензент считает уже вопрос решенным. В самом деле, он прямо заключает: „Если известный уклад... ведет к этому счастью, то, как его ни называйте, дело от этого не изменится“. Вот тебе раз! Да ведь вопрос в том именно и состоял, каков этот уклад. Ведь автор сам же сейчас указал, что против людей, видящих в крестьянском хозяйстве особый уклад („народное производство“ или как там хотите), выступили другие, утверждающие, что это вовсе не особый уклад, а самый обыкновенный мелко-буржуазный уклад, такой же, каков уклад и всякого другого мелкого производства в стране товарного хозяйства и капитализма. Ведь, если из первого воззрения само собой следует, что „этот уклад“ („народное производство“) „ведет к счастью“, то из второго воззрения тоже само собою следует, что „этот уклад“ (мелко-буржуазный уклад) „ведет“ к капитализму и ни к чему иному, ведет к выталкиванию „большинства населения“ в ряды пролетариата и превращению меньшинства в сельскую (или промышленную) буржуазию. Не очевидно ли, что г. рецензент выстрелил в воздух и, под шум выстрела, принял за доказанное именно то, в отрицании чего состоит второе воззрение, столь немилостиво объявленное „просто жупелом“?

Если бы он хотел серьезно разобрать второе воззрение, то должен бы был, очевидно, доказать одно из двух: или что „мелкая буржуазия“ есть неправильная научная категория, что можно себе представить капитализм и товарное хозяйство без мелкой буржуазии (как и представляют г.г. народники, возвращаясь этим вполне к точке зрения Сисмонди); или же, что эта категория не приложима к России, т.-е. что у нас нет ни капитализма, ни господства товарного хозяйства, что мелкие производители не превращаются в товаропроизводителей, что в их среде не происходит указанного процесса выталкивания большинства и укрепления „самостоятельности“ меньшинства. Теперь же, видя, как он принимает указание на мелко-буржуазность народничества за пустое желание „обидеть“ г.г. народников, и читая вслед затем вышеприведенную фразу о „жупеле“, мы невольно вспоминаем известное изречение: „Помилуйте, Кит Китыч! кто вас обидит? — Вы сами всякого обидите!“

16. Реакционный характер романтизма, а экономическое учение народников есть лишь русская разновидность обще-европейского романтизма.

(Н. Ленин, „К характеристике экономического романтизма“. Собр. соч., т. II, стр. 261.)

...Мы проводили везде параллель между точкой зрения и теорией Сисмонди и точкой зрения и теорией г-на Н.—она. Аналогия оказалась полнейшая: и теоретические воззрения, и точка зрения на капитализм, и характер практических выводов и пожеланий оказались у обоих писателей однородными. А так как воззрения г-на Н. — она могут быть названы последним словом народничества [1]), то мы вправе сделать тот вывод, что экономическое учение народников есть лишь русская разновидность обще-европейского романтизма.

Понятно само собой, что исторические и экономические особенности России, с одной стороны, и ее несравненно бо́льшая отсталость, с другой стороны, вызывают особенно крупные отличия народничества. Но эти отличия не выходят, однако, за пределы отличий видовых и потому не изменяют однородности народничества и мелко-буржуазного романтизма.

Может быть, самым выдающимся и наиболее обращающим на себя внимание отличием является стремление экономистов-народников прикрыть свой романтизм заявлением „согласия“ с новейшей теорией и возможно более частыми ссылками на нее, хотя эта теория резко отрицательно относится к романтизму и выросла в жестокой борьбе со всеми равновидностями мелко-буржуазных учений.

Разбор теории Сисмонди представляет особенный интерес именно потому, что дает возможность разобрать общие приемы такого переодевания.

Мы видели, что *и* романтизм, *и* новейшая теория указывают на одни и те же противоречия современного общественного хозяйства. Этим и пользуются народники, ссылающиеся на то, что новейшая теория признает противоречия, проявляющиеся в кризисах, в поисках внешнего рынка, в росте производства при понижении потребления, в таможенном покровительстве, во вредном действии машинной индустрии, и т. д., и т. д. И народники совершенно правы: новейшая теория действительно признает все эти противоречия, которые признавал и романтизм. Но, спрашивается, поставил ли хоть один народник когда-либо вопрос о том, чем отличается научной анализ этих противоречий, сводящий их к различным интересам, вырастающим на почве данного строя хозяйства, от утилизации этих указаний на противоречия лишь для добрых пожеланий? — Нет, ни у одного народника мы не найдем разбора этого

---

[1]) Другой народнический экономист, г. В. В., совершенно солидарен с г. Н. — оном по указанным выше важнейшим вопросам, и отличается лишь еще более примитивной точкой зрения.

вопроса, характеризующего именно отличие новейшей теории от романтизма. Народники утилизируют свои указания на противоречия точно также лишь для добрых пожеланий.

Спрашивается далее, поставил ли хоть один народник когда-либо вопрос о том, чем отличается сентиментальная критика капитализма от научной, диалектической его критики? — Ни один не поставил этого вопроса, характеризующего второе важнейшее отличие новейшей теории от романтизма. Ни один не считал нужным ставить критерием своих теорий именно данное развитие общественно-хозяйственных отношений (а в применении этого критерия и состоит основное отличие научной критики).

Спрашивается, наконец, поставил ли хоть один народник когда-либо вопрос о том, чем отличается точка зрения романтизма, идеализирующая мелкое производство и оплакивающая „ломку" его устоев „капитализмом", — от точки зрения новейшей теории, которая считает исходным пунктом своих построений крупное капиталистическое производство посредством машин и объявляет прогрессивным явлением эту „ломку устоев"? (Мы употребляем это общепринятое народническое выражение, рельефно характеризующее тот процесс преобразования общественных отношений под влиянием крупной машинной индустрии, который **везде**, а не в России только, происходил в поражавшей общественную мысль крупной и резкой форме.) — Опять-таки нет. Ни один народник не задавался этим вопросом, ни один не пытался приложить к русской „ломке" тех мерок, которые заставили признать западно-европейскую „ломку" прогрессивной, и все они плачут об устоях и рекомендуют прекратить ломку, уверяя сквозь слезы, что это-то и есть „новейшая теория"...

Сличение их „теории", которую они выставляли новым и самостоятельным решением вопроса о капитализме, на основании последних слов западно-европейской науки и жизни, с теорией Сисмонди показывает наглядно, к какому примитивному периоду развития капитализма и развития общественной мысли относится возникновение такой теории. Но суть дела не в том, что эта теория стара. Мало ли есть очень старых европейских теорий, которые были бы весьма новы для России! Суть дела в том, что и **тогда, когда эта теория появилась, она была теорией мелко-буржуазной и реакционной**.

---

17. Основные черты народнического миросозерцания.

(Н. Ленин, „От какого наследства мы отказываемся". Собр. сочин., т. II, стр. 331.)

Первая черта — признание капитализма в России упадком, регрессом. Как только вопрос о капитализме в России был поставлен, очень скоро выяснилось, что наше экономическое развитие есть

капиталистическое, и народники объявили это развитие регрессом, ошибкой, уклонением с пути, предписываемого, якобы, всей исторической жизнью нации, от пути, освященного, якобы, вековыми устоями и т. п. и т. д. Вместо горячей веры просветителей в данное общественное развитие явилось недоверие к нему, вместо исторического оптимизма и бодрости духа — пессимизм и уныние, основанные на том, что чем дальше пойдут дела так, как они идут, тем хуже, тем труднее будет решить задачи, выдвигаемые новым развитием; являются приглашения „задержать" и „остановить" это развитие, является теория, что отсталость есть счастье России и т. д. С „наследством" все эти черты народнического миросозерцания не только не имеют ничего общего, но прямо противоречат ему. Признание русского капитализма „уклонением с пути", упадком и т. п. ведет к извращению всей экономической эволюции России, к извращению той „смены", которая происходит перед нашими глазами. Увлеченный желанием задержать и прекратить ломку вековых устоев капитализмом, народник впадает в поразительную историческую бестактность, забывает о том, что *позади* этого капитализма нет ничего, кроме такой же эксплоатации в соединении с бесконечными формами кабалы и личной зависимости, отягчавшей положение трудящегося, ничего кроме рутины и застоя в общественном производстве, а следовательно, и во всех сферах социальной жизни. Сражаясь с своей романтической, мелко-буржуазной точки зрения против капитализма, народник выбрасывает за борт всякий исторический реализм, сопоставляя всегда *действительность* капитализма с *вымыслом* докапиталистических порядков. „Наследство" 60-х годов с их горячей верой в прогрессивность данного общественного развития, с их беспощадной враждой, всецело и исключительно направленной против остатков старины, с их убеждением, что стоит только дочиста вымести эти остатки, и дела пойдут как нельзя лучше, — это „наследство" не только не при чем в указанных воззрениях народничества, но прямо противоречит им.

Вторая черта народничества — вера в самобытность России, идеализация крестьянина, общины и т. п. Учение о самобытности России заставило народников хвататься за устарелые западно-европейские теории, побуждало их относиться с поразительным легкомыслием к многим приобретениям западно-европейской культуры: народники успокаивали себя тем, что если мы не имеем тех или других черт цивилизованного человечества, то зато „нам суждено" показать миру новые способы хозяйничанья и т. п. Тот анализ капитализма и всех его проявлений, который дала передовая западно-европейская мысль, не только не принимался по отношению к святой Руси, а, напротив, все усилия были направлены на то, чтобы придумать отговорки, позволяющие о русском капитализме не делать тех же выводов, какие сделаны относительно европейского. Народники расшаркивались перед авторами этого анализа и... и продолжали себе спокойно оставаться такими же романтиками, против которых всю жизнь боролись эти авторы. Это общее всем народникам учение о самобытности России

опять-таки не только не имеет ничего общего с „наследством“, но даже прямо противоречит ему. „60-е годы“, напротив, стремились европеизировать Россию, верили в приобщение ее к общеевропейской культуре, заботились о перенесении учреждений этой культуры и на нашу, вовсе не самобытную, почву. Всякое учение о самобытности России находится в полном несоответствии с духом 60-х годов и их традицией. Еще более не соответствует этой традиции народническая идеализация, подкрашивание деревни. Эта фальшивая идеализация, желавшая во что бы то ни стало видеть в нашей деревне нечто особенное, вовсе непохожее на строй всякой другой деревни во всякой другой стране в период докапиталистических отношений, — находится в самом вопиющем противоречии с традициями трезвого и реалистического наследства. Чем дальше и глубже развивался капитализм, чем сильнее проявлялись в деревне те противоречия, которые общи всякому товарно-капиталистическому обществу, тем резче и резче выступала противоположность между сладенькими россказнями народников об „общинности“, „артельности“ крестьянина и т. п., с одной стороны, и фактическим расколом крестьянства на деревенскую буржуазию и сельский пролетариат — с другой; тем быстрее превращались народники, продолжавшие смотреть на вещи глазами крестьянина, из сантиментальных романтиков в идеологов мелкой буржуазии, ибо мелкий производитель в современном обществе превращается в товаропроизводителя. Фальшивая идеализация деревни и романтические мечтания насчет „общинности“ вели к тому, что народники с крайним легкомыслием относились к действительным нуждам крестьянства, вытекающим из данного экономического развития. В теории можно было, сколько угодно, говорить о силе устоев, но на практике каждый народник прекрасно чувствовал, что устранение остатков старины, остатков дореформенного строя, опутывающих и по сию пору с ног до головы наше крестьянство, откроет дорогу именно капиталистическому, а не какому другому развитию. Лучше застой, чем капиталистический прогресс, — такова, в сущности, точка зрения каждого народника на деревню, хотя, разумеется, далеко не всякий народник с наивной прямолинейностью г. В. В. решится открыто и прямо высказать это. „Крестьяне, прикованные к наделам и обществам, лишенные возможности употреблять свой труд там, где он оказывается производительнее и для них выгоднее, как бы застыли в той скученной, стадообразной, непроизводительной форме быта, в которой они вышли из рук крепостного права“. Так смотрел один из представителей „наследства“ с своей характерной точки зрения „просветителя“. — „Пускай лучше крестьяне продолжают застывать в своей рутинной, патриархальной форме быта, чем расчищать дорогу для капитализма в деревне“ — так смотрит, в сущности, каждый народник. В самом деле, не найдется, вероятно, ни одного народника, который бы решился отрицать, что сословная замкнутость крестьянской общины с ее круговой порукой и с запрещением продажи земли и отказа от надела стоит в самом резком противоречии с современной экономической

действительностью, с современными товарно-капиталистическими отношениями и их развитием. Отрицать это противоречие невозможно, но вся суть в том, что народники, как огня, боятся такой постановки вопроса, такого сопоставления юридической обстановки крестьянства с экономической действительностью, с данным экономическим развитием. Народник упорно хочет верить в несуществующее и романтически сфантазированное им развитие без капитализма, и поэтому... поэтому он готов задерживать данное развитие, идущее путем капиталистическим. К вопросам о сословной замкнутости крестьянской общины, о круговой поруке, о праве крестьян продавать землю и отказываться от надела народник относится не только с величайшей осторожностью и боязливостью за судьбу „устоев" (устоев рутины и застоя); мало того, народник падает даже до такой степени низко, что приветствует полицейское запрещение крестьянам продавать землю. „Мужик глуп, — можно сказать такому народнику словами Энгельгардта, — сам собою устроиться не может. Если никто о нем не позаботится, — он все леса сожжет, всех птиц перебьет, всю рыбу выловит, землю попортит и сам весь перемрет". Народник здесь уже прямо „отказывается от наследства", становясь реакционным. И заметьте притом, что это разрушение сословной замкнутости крестьянской общины по мере экономического развития становится все более и более настоятельной необходимостью для сельского пролетариата, тогда как для крестьянской буржуазии неудобства, проистекающие отсюда, вовсе не так значительны. „Хозяйственный мужичок" легко может арендовать землю на стороне, открыть заведение в другой деревне, съездить куда угодно на любое время по торговым делам. Но для „крестьянина", живущего, главным образом, продажей своей рабочей силы, прикрепление к наделу и к обществу означает громадное стеснение его хозяйственной деятельности, означает невозможность найти более выгодного нанимателя, означает необходимость продавать свою рабочую силу именно местным покупателям ее, дающим всегда дешевле и изыскивающим всякие способы кабалы. — Поддавшись раз во власть романтическим мечтаниям, задавшись целью поддерживать и охранить устои вопреки экономическому развитию, народник незаметно для самого себя скатился по этой наклонной плоскости до того, что очутился рядом с аграрием, который от всей души жаждет сохранения и укрепления „связи крестьянина с землей". Стоит вспомнить хотя бы о том, как это сословная замкнутость крестьянской общины породила особые способы наемки рабочих: рассылку хозяевами заводов и экономий своих приказчиков по деревням, особенно недоимочным, для наиболее выгодного найма рабочих. К счастью, развитие земледельческого капитализма, разрушая „оседлость" пролетария (таково действие так называемых отхожих земледельческих промыслов), постепенно вытесняет эту кабалу вольным наймом.

Другое, пожалуй, не менее рельефное подтверждение нашего положения о вреде современных народнических теорий дает тот факт, что среди народников обычное явление — идеализация отра-

ботков. Мы выше привели пример того, как Энгельгардт, совершивши свое народническое грехопадение, дописался до того, что „хорошо было бы“ развивать в деревне отработки. То же самое находили мы в знаменитом проекте г. Южакова о земледельческих гимназиях („Русское Богатство“, 1895, № 5). Такой же идеализации предавался в серьезных экономических статьях сотрудник Энгельгардта по журналу, г. В. В., который утверждал, что крестьянин одержал победу над помещиком, желавшим будто бы ввести капитализм; но беда состояла в том, что крестьянин брался обработать земли помещиков, получая за это от него землю „в аренду“, — т.-е. восстановлял совершенно тот же самый способ хозяйства, который был и при крепостном праве. Это — самые резкие примеры реакционного отношения народников к вопросам нашего земледелия. В менее резкой форме вы встретите эту идею у каждого народника. Каждый народник говорит о вреде и опасности капитализма в нашем земледелии, ибо капитализм, изволите видеть, заменяет самостоятельного крестьянина батраком. Действительность капитализма („батрак“) противопоставляется вымыслу о „самостоятельном“ крестьянине: основывается этот вымысел на том, что крестьянин докапиталистической эпохи владеет средствами производства, при чем скромно умалчивается о том, что за эти средства производства надо платить вдвое против их стоимости; что эти средства производства служат для отработков, что жизненный уровень этого „самостоятельного“ крестьянина так низок, что в любой капиталистической стране его отнесли бы к пауперам; что к беспросветной нищете и умственной инертности этого „самостоятельного“ крестьянина прибавляется еще личная зависимость, неизбежно сопровождающая докапиталистические формы хозяйства.

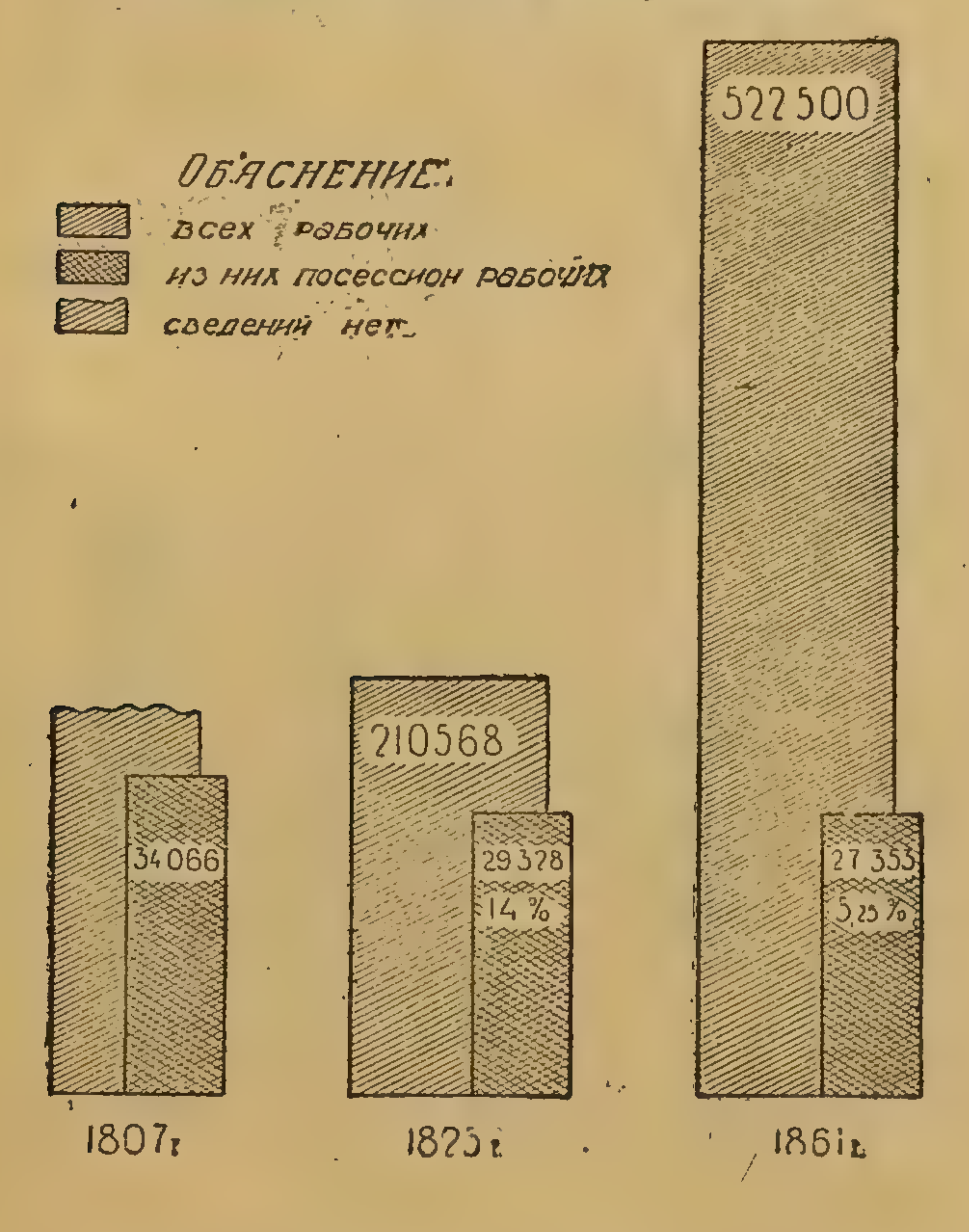
Третья характерная черта народничества — игнорирование связи „интеллигенции“ и юридико-политических учреждений страны с материальными интересами определенных классов — находится в самой неразрывной связи с предыдущими: только это отсутствие реализма в вопросах социологических и могло породить учение об „ошибочности“ русского капитализма и о возможности „свернуть с пути“. Это воззрение народничества опять-таки не стоит ни в какой связи с „наследством“ и традициями 60-х годов, а, напротив, прямо противоречит этим традициям. Из этого воззрения естественно вытекает такое отношение народников к многочисленным остаткам дореформенной регламентации в русской жизни, которое ни в каком случае не могли бы разделить представители „наследства“.

Итак, хотя народничество сделало крупный шаг вперед против „наследства“ просветителей, поставив вопрос о капитализме в России, но данное им решение этого вопроса оказалось настолько неудовлетворительным, вследствие мелко-буржуазной точки зрения и сентиментальной критики капитализма, что народничество по целому ряду важнейших вопросов общественной жизни оказалось позади по сравнению с „просветителями“ Присоединение народничества

к наследству и традициям наших просветителей оказалось, в конце концов, **минусом**: тех новых вопросов, которые поставило перед русской общественной мыслью пореформенное экономическое развитие России, народничество не решило, ограничившись по поводу их сентиментальными и реакционными ламентациями, а те старые вопросы, которые были поставлены еще просветителями, народничество загромоздило своей романтикой и задержало их полное разрешение.

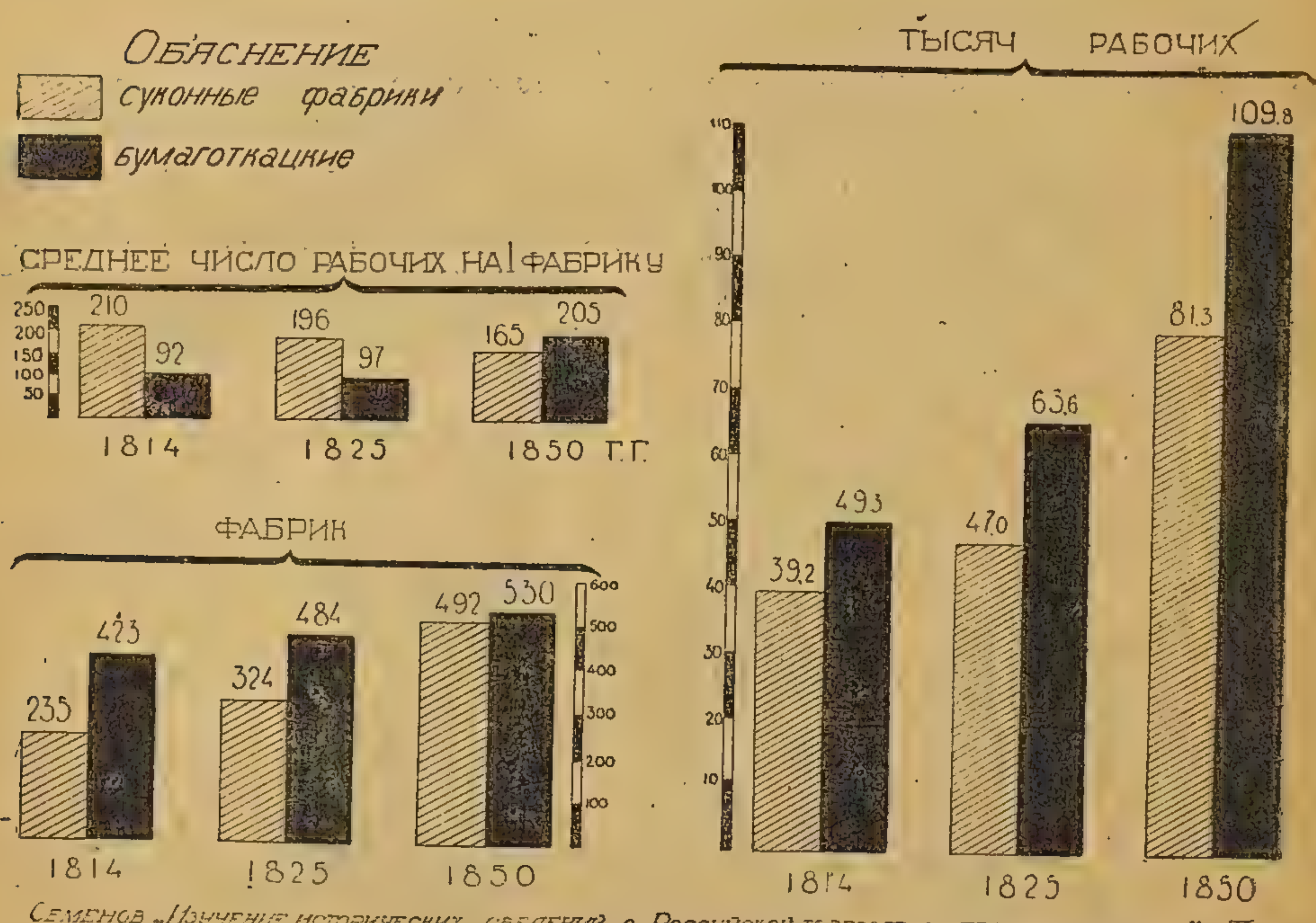
ПРИЛОЖЕНИЯ.

Сокращение
числа посессионных рабочих
в первой половине 19 века

Анисимов В. П. Капитализм в России стр. 95

Число
суконных и бумаготкацких фабрик
и рабочих в России в первой половине XIX века

Семенов, „Изучение исторических сведений о Российской торговле и промышленности" т. III

ФАБРИЧНО-ЗАВОДСКИЕ ПРЕДПРИЯТИЯ

В ПОМЕЩИЧЬИХ ИМЕНИЯХ В 1861 ГОДУ

Архив истории труда в России кн. 3 стр. 148.

Число фабрик в губерниях.

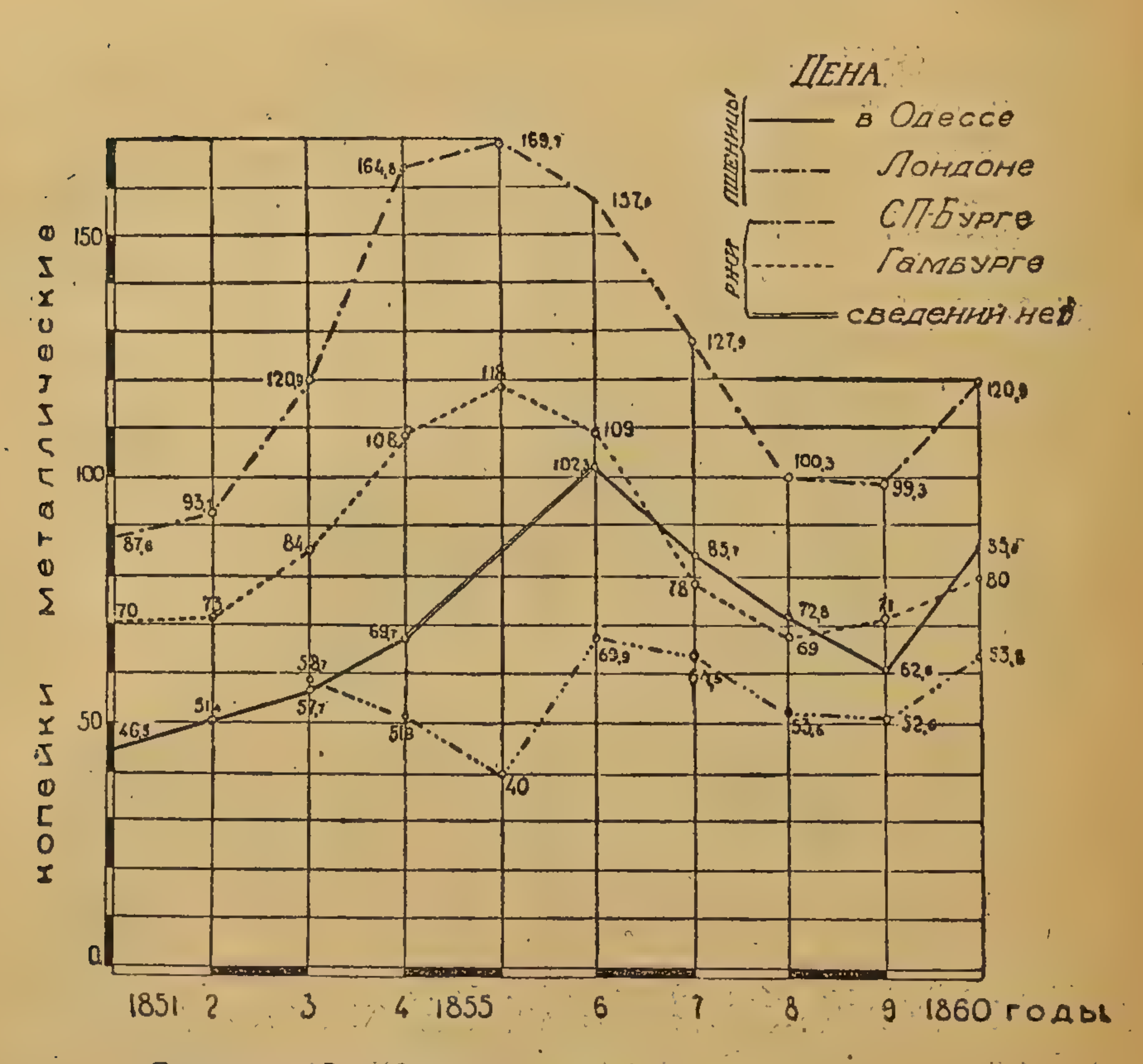
от 1 до 5

от 6 до 10.

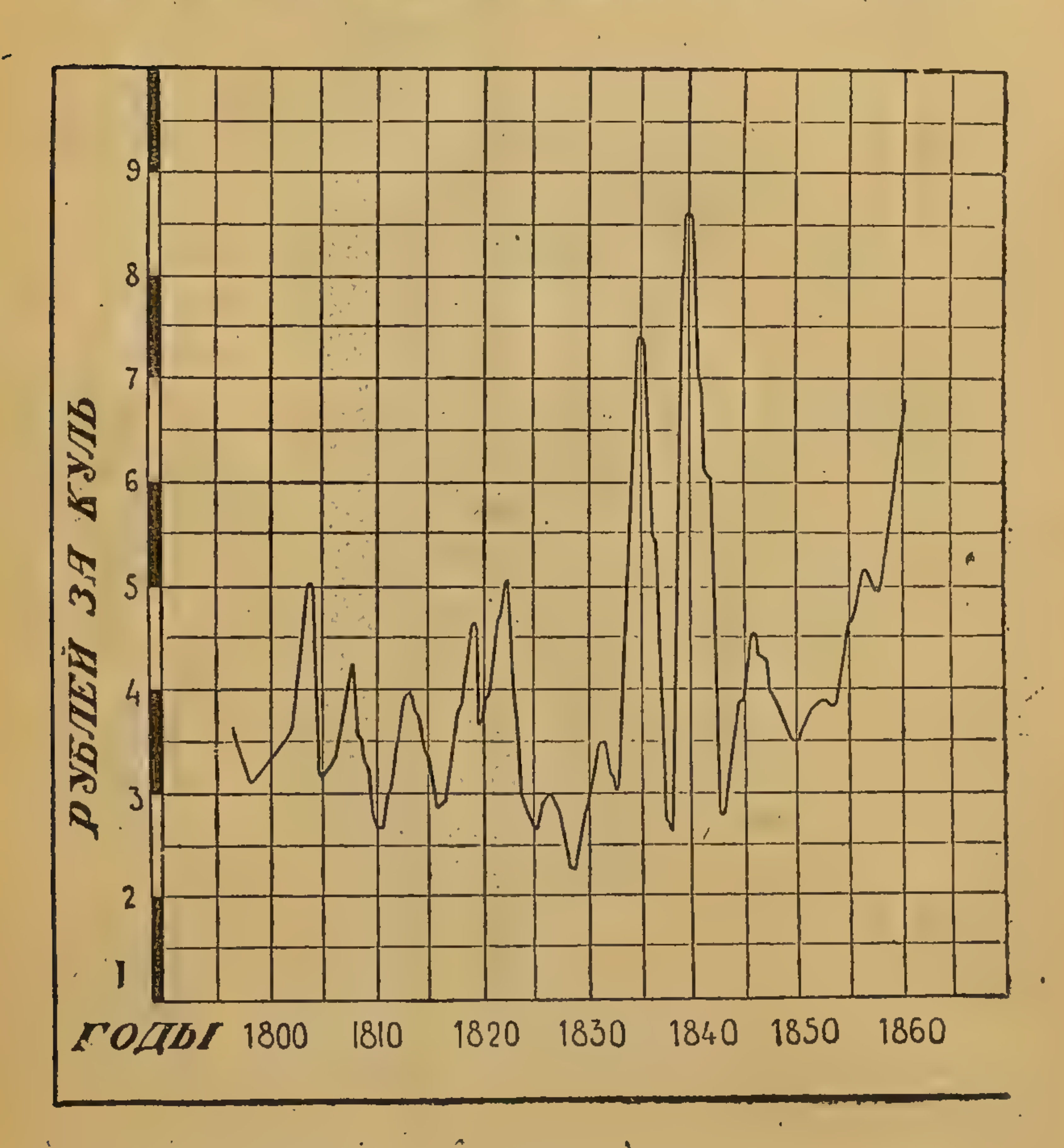
от 11 до 35

Хлебные цены
на русском и иностранных рынках
за 1851-1860 гг

Покровский В.И. Сборник сведений по истории и статистике внешн. торговли России т. I стр. 33

Цена одного куля ржаной муки в Москве с 1797 по 1860 год.

[П. Струве. Крепостное хозяйство. 115.]

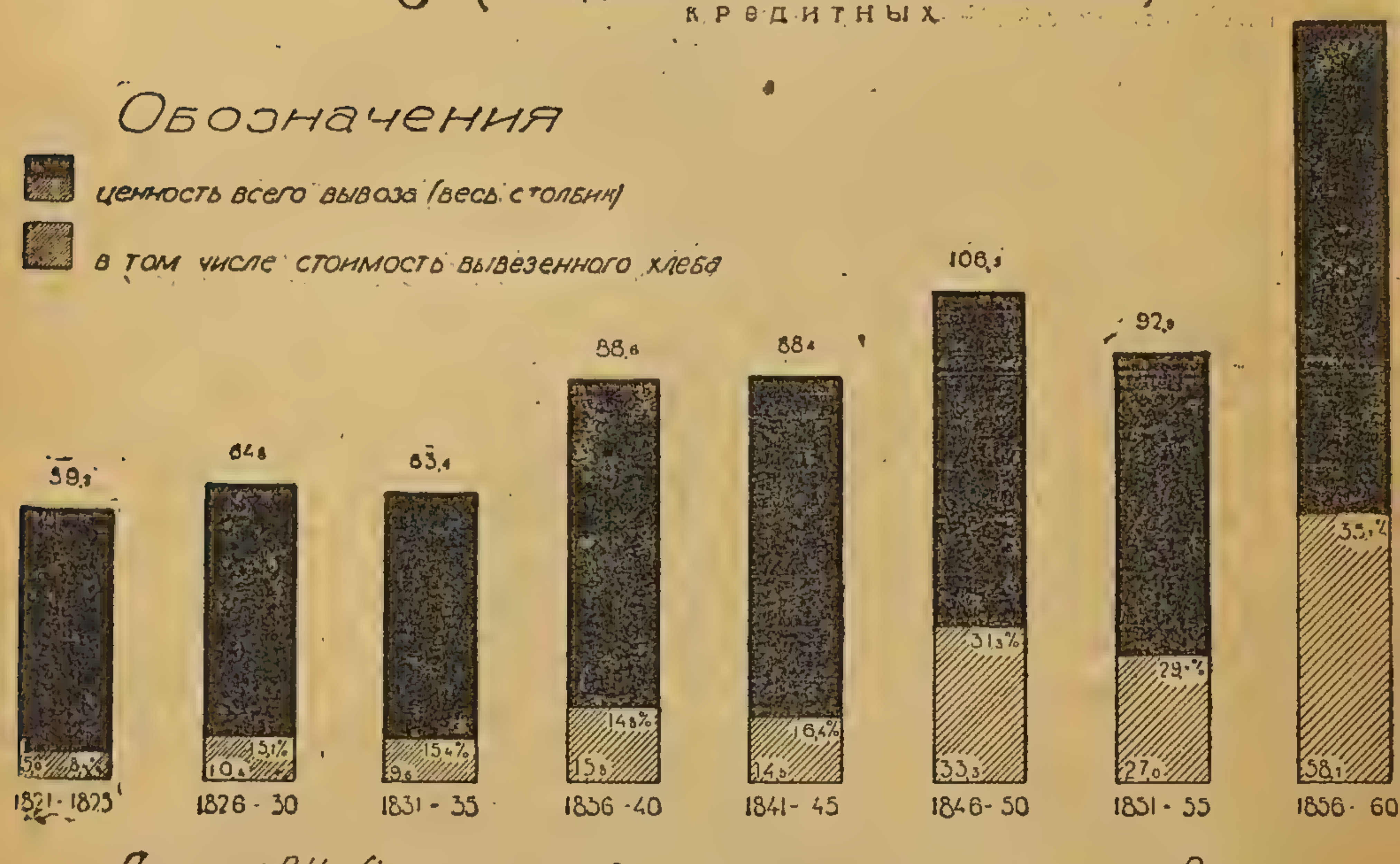
Цены на пряжу в России и на бумажную ткань в Манчестере за время 1822 по 1845 год

Туган-Барановский М., Рус. фабрика в прошлом и настоящем. изд. „Моск. Раб.“ М. 22 г. стр. 54-55.

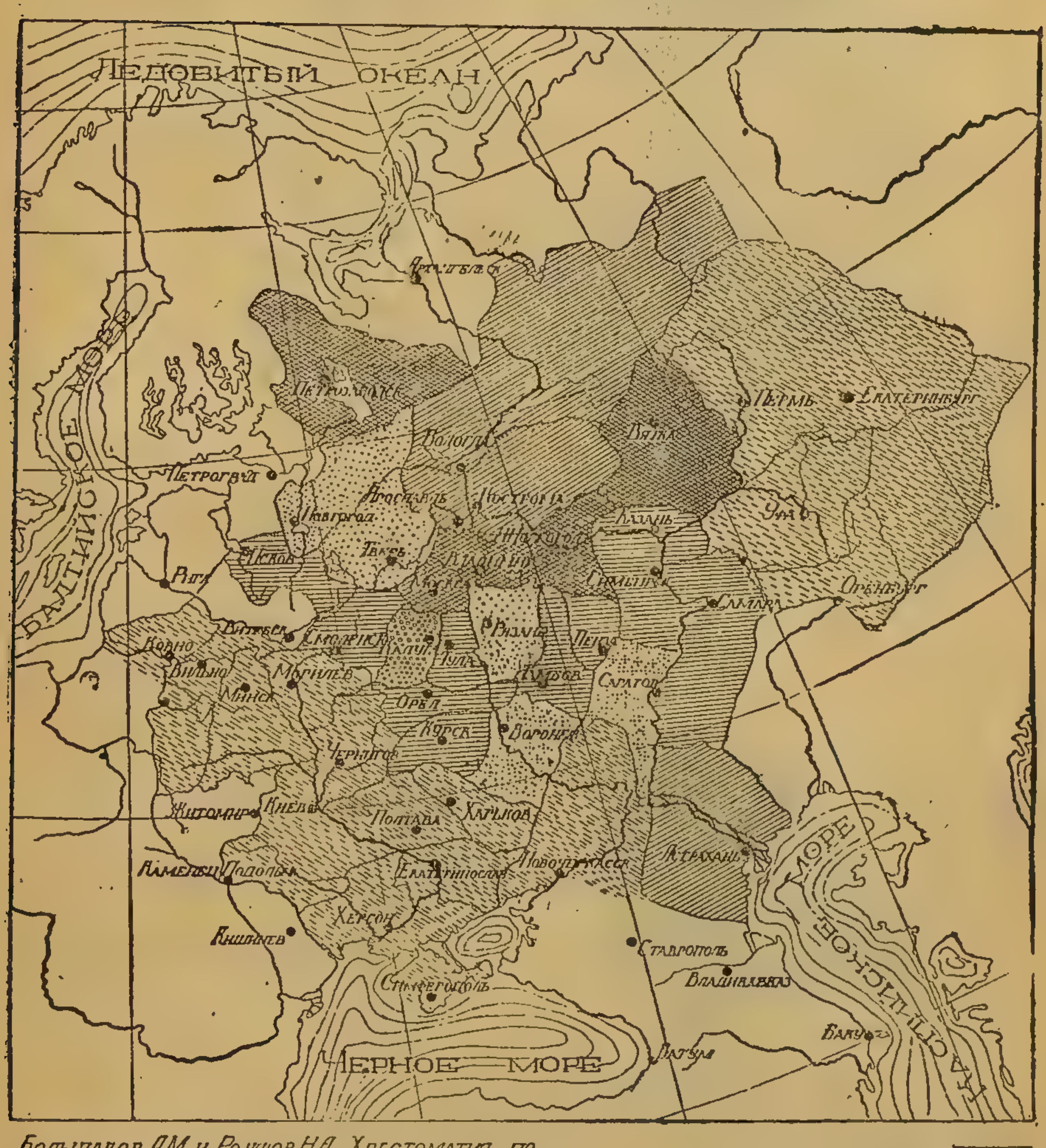
Отношение ценности всего вывоза за границу к хлебному отпуску (за время 1821-1860 г.)

(в среднем ежегодно в миллионах руб. кредитных)

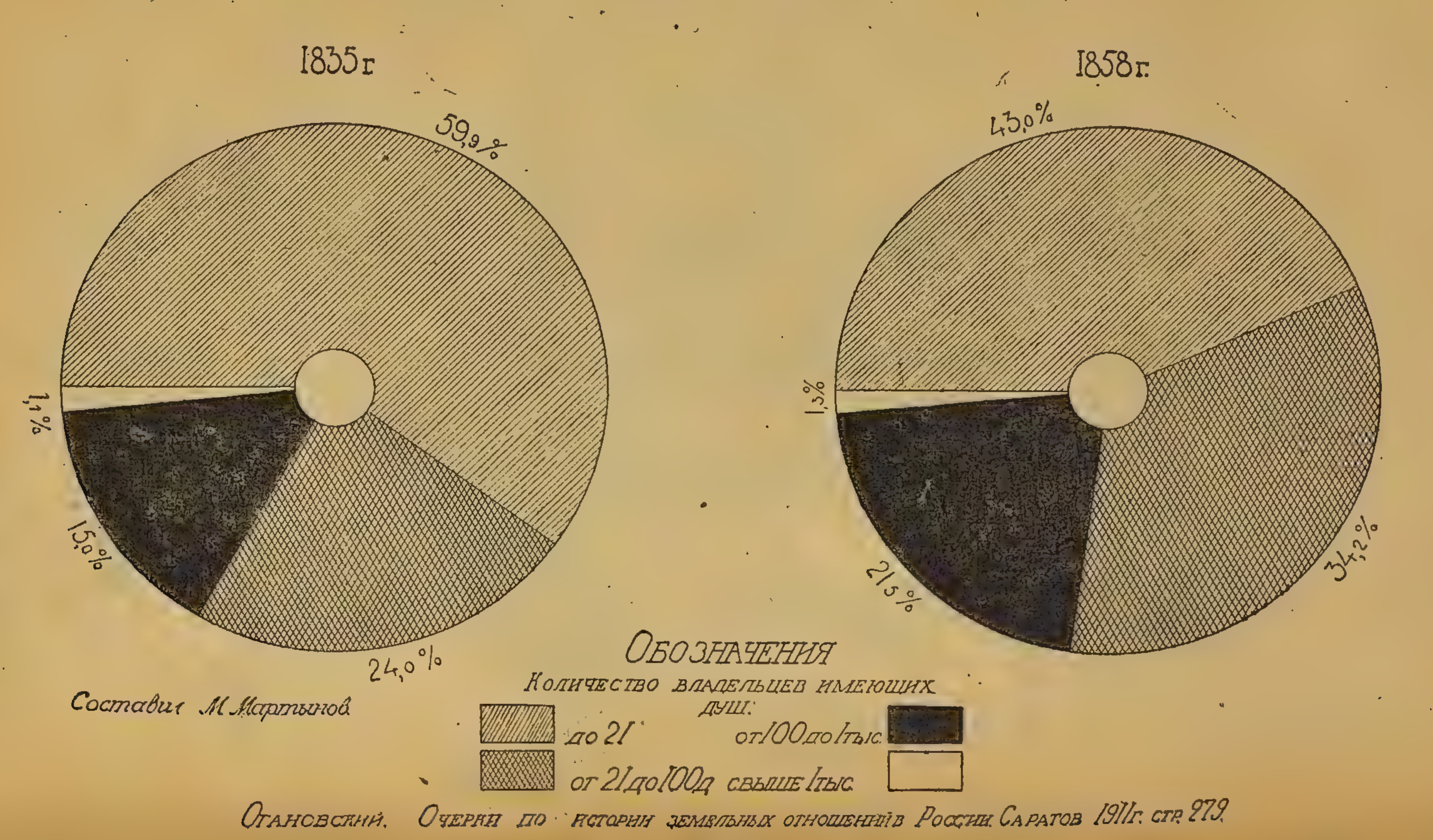
Покровский В.И. Сборник сведений по истории и статистике внеш. торг. России. т. I. стр. 3

РАСПРЕДЕЛЕНИЕ
БАРЩИННЫХ И ОБРОЧНЫХ КРЕСТЬЯН
ПЕРЕД ОСВОБОЖДЕНИЕМ
по данным 10-й ревизии 1858 года.

Большаков А.М. и Рожков Н.А. Хрестоматия по истории хозяйства в России. в.II. приложение №3

барщина	свыше 90% (91-100)	
	» 70% (71-80)	
	» 50 (54-67)	
оброк	свыше 50% (55)	
	» 60% (64-72)	
	» 80% (84-87.4)	

Приложение IX.
МОБИЛИЗАЦИЯ ДВОРЯНСКОГО ЗЕМЛЕВЛАДЕНИЯ
НАКАНУНЕ РЕФОРМЫ 1861 ГОДА
1835 г
1858 г.
59,9 %
1,1 %
15,0 %
24,0 %
43,0 %
1,3 %
21,5 %
34,2 %
Обозначения
Количество владельцев имеющих душ:
до 21
от 21 до 100 д
от 100 до 1 тыс.
свыше 1 тыс.
Составил М. Мартынов
Стандевский. Очерки по истории земельных отношений в России. Саратов 1911 г. стр. 279.

СРЕДНИЕ ДУШЕВЫЕ НАДЕЛЫ

БЫВ. ПОМЕЩИЧЬИХ КРЕСТЬЯН ПОСЛЕ 1861-го ГОДА

Великая Реформа под ред. Дживелегова и др. т. VI стр. 96.

СРЕДНИЙ (по губ.) НАДЕЛ НА РЕВИЗСКУЮ ДУШУ

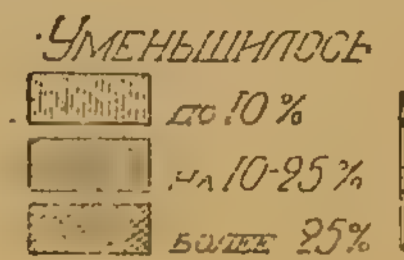
более 5-ти десят.	от 2½ до 3 дес.
от 3 до 5 "	менее 2½ "

ПРИМЕЧАНИЕ. Ревизская душа — лицо мужского пола, занесенное в ревизию (перепись) для уплаты подушной подати.

ЗЕМЛЕПОЛЬЗОВАНИЕ

БЫВ. ПОМЕЩИЧЬИХ КРЕСТЬЯН ПОСЛЕ 1861го ГОДА.

"Великая Реформа" под ред. Джнвелегова. т. VI стр. 96.

Увеличилось
до 10%
более 10%

ОГЛАВЛЕНИЕ.

ЧАСТЬ II.

Крестьянская реформа 1861 г.

ЧАСТЬ III.

Пореформенное хозяйство.

Стран.

ЧАСТЬ IV.

Народничество.

Глава I. Старое народничество.

ЧАСТЬ V.

Марксизм в борьбе с народничеством.

ПРИЛОЖЕНИЯ.

